

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Том 13, № 6, 2020

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная, отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Санир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (HESS), Центр исследований индустриализации (СЕМІ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Шрёдер Антониус (Центр социальных исследований технического университета Дортмунда, Дортмунд, Германия)

Штопка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Коньки, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калайчикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Сычев М.Ф., к. э. н. (Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода журнала – 6 раз в год

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 08.00.00 – экономические науки; 22.00.00 – социологические науки.

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала направляются в Библиотеку Конгресса США и в Германскую национальную экономическую библиотеку.

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.volinc.ru>

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 13, no. 6, 2020

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)

Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)

Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

Antonius Schröder (Social Research Centre, Dortmund University of Technologies, Dortmund, Germany)

Piotr Sztopka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)

A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

E.S. Gubanov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

M.F. Sychev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda, Russia)

O.V. Tretyakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Cherepovets State University, Cherepovets, Russia)

S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

S.V. Kuznetsov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

The journal was founded in 2008

Publication frequency: six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties: 08.00.00 – economic sciences; 22.00.00 – sociological sciences.

The journal is included in the following abstract and full text databases: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal's issues are sent to the U.S. Library of Congress and to the German National Library of Economics.

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

© VoIRC RAS, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

К 30-ЛЕТИЮ ВОЛОГОДСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

Научный обзор

- Ускова Т.В. Проблемы устойчивого развития и стратегического планирования
в исследованиях ВолНЦ РАН 9

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

От главного редактора

- Ильин В.А., Морев М.В. Российская государственность в условиях
угрозы «истления элит» 24

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

- Лаврикова Ю.Г., Андреева Е.Л., Ратнер А.В. Влияние внешнеэкономической
деятельности на региональное развитие: компаративный анализ
российского и зарубежного опыта 54

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

- Кожевников С.А. Интеграция экономического пространства северного региона:
особенности и проблемы обеспечения 68

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

- Исаев А.Г. Анализ эффектов распределения федеральных бюджетных трансфертов
для регионов Дальнего Востока..... 84

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

- Лукин Е.В., Аносова Т.С., Мельников А.Е., Сидоров М.А.
Опыт агент-ориентированного моделирования межрегиональных
цепочек создания стоимости 101
- Кетова К.В., Вавилова Д.Д. Оценка тенденций изменения человеческого капитала
социально-экономической системы на основе применения алгоритма
нейросетевого прогнозирования 117

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА

Усков В.С. Проблемы формирования государственной промышленной политики в условиях цифровизации экономики	134
--	-----

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Наумов И.В. Роль финансовых ресурсов банковского сектора экономики в социально-экономическом развитии регионов России	152
Румянцев Н.М., Леонидова Е.Г. Проблемы асимметрии структурных сдвигов в региональной экономике	169

ЭКОНОМИКА ТРУДА

Блинова Т.В., Русановский В.А., Марков В.А. Оценка реакции циклической безработицы на экономический спад и восстановительный рост в России	184
Эскиндаров М.А., Грузина Ю.М., Фирсова И.А., Мельничук М.В. Компетенции человеческого капитала в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики	199

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Зубок Ю.А., Чупров В.И. Жизнедеятельность молодежи в изменяющейся реальности: противоречия саморегуляции	215
Ромашкина Г.Ф., Худякова М.В. Социологический анализ факторов и ресурсов человеческого капитала	232

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Каро-Гонсалес А., Анабо А.Ф. За пределами преподавания и исследований: взгляд на меняющиеся роли высшего образования изнутри	252
--	-----

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	267
Список статей, опубликованных в 2020 году	278
Правила приёма статей	282
Информация о подписке	288

CONTENT

TO THE 30TH ANNIVERSARY OF THE VOLOGDA RESEARCH CENTER OF RAS

Review

- Uskova T.V. The Problems of Sustainable Development and Strategic Planning
in the Studies of the Vologda Research Center of RAS 9

PUBLIC ADMINISTRATION EFFICIENCY

Editorial

- Ilyin V.A., Morev M.V. Russian Statehood in the Face of the “Corruption of the Elites”
Threat 24

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

- Lavrikova Yu.G., Andreeva E.L., Ratner A.V. The Impact of Foreign Economic
Activity on Regional Development: Comparative Analysis of Russian
and Foreign Experience 54

SPATIAL ASPECTS OF TERRITORIAL DEVELOPMENT

- Kozhevnikov S.A. Integration of Economic Space of the Northern Region: Features
and Problems of Ensuring 68

PUBLIC FINANCE

- Isaev A.G. Analyzing Distribution Effects of the Federal Budget Transfers for the Far East 84

MODELING AND FORECAST OF SOCIO-ECONOMIC PROCESSES

- Lukin E.V., Anosova T.S., Mel’nikov A.E., Sidorov M.A. Experience
in Agent-Based Modeling of Interregional Value Chains 101
- Ketova K.V., Vavilova D.D. Neural Network Forecasting Algorithm as a Tool
for Assessing Human Capital Trends of the Socio-Economic System 117

INDUSTRIAL POLICY

Uskov V.S. Problems of the State Formation within Economic Digitalization Industrial Policy	134
--	-----

REGIONAL ECONOMY

Naumov I.V. Role of Financial Resources of the Economy's Banking Sector in Russian Regions' Socio-Economic Development	152
Rumyantsev N.M., Leonidova E.G. Asymmetry Problems of Structural Shifts in Regional Economy	169

LABOR ECONOMICS

Blinova T.V., Rusanovskii V.A., Markov V.A. Assessment of the Reaction of Cyclical Unemployment to the Economic Decline and Recovery Growth in Russia	184
Eskindarov M.A., Gruzina Yu.M., Firsova I.A., Melnichuk M.V. Human Capital Competencies in High-Tech and Knowledge-Intensive Sectors of the Economy	199

SOCIAL DEVELOPMENT

Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Youth's Activity in Changing Reality: Self-Regulation Contradictions	215
Romashkina G.F., Khudyakova M.V. Sociological Analysis of Human Capital Factors and Resources	232

FOREIGN EXPERIENCE

Caro-González A., Anabo I.F. Beyond Teaching and Research: Stakeholder Perspectives on the Evolving Roles of Higher Education	252
--	-----

PUBLIC OPINION MONITORING

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	267
Index of Articles Published in 2020	278
Manuscript Submission Guidelines	282
Subscription Information.....	288

К 30-ЛЕТИЮ ВОЛОГОДСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

Научный обзор

DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.1

УДК 330:001.89, ББК 65.054

© Ускова Т.В.

Проблемы устойчивого развития и стратегического планирования в исследованиях ВолНЦ РАН*

**Тамара Витальевна
УСКОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: tvu@vscc.ac.ru
ORCID: 0000-0001-9416-1136; ResearcherID: O-2232-2017

Аннотация. Статья знакомит читателей с исследованиями, выполненными сотрудниками Вологодского научного центра Российской академии наук, который в этом году отметил тридцатилетие со дня основания. Тематика научных исследований центра формировалась в довольно сложный для страны период. В начале 1990-х годов Российская Федерация вступила на путь рыночных преобразований. Принятая на вооружение либеральная концепция перехода страны к рынку провозглашала несовместимость плана и рынка. Повсеместно произошел отказ от плановых методов управления. Взятая на вооружение парадигма управления основывалась исключительно на рыночных механизмах регулирования социально-экономических процессов на всех уровнях власти. Результатом этого явилось не просто нарастание негативных тенденций в экономике и социальной сфере, а скатывание России в пропасть. Складывающаяся ситуация требовала поиска путей выхода из кризиса и перехода страны на модель устойчивого развития. Научно-методическое обеспечение решения этой задачи на региональном уровне стало стержневым при определении тематики научных изысканий Вологодского научного центра. Целью работы выступает подготовка обзора исследований, выполненных сотрудниками ВолНЦ РАН, по проблемам устойчивого развития и стратегического планирования как одного из наиболее адекватных инструментов решения этой задачи.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, устойчивое развитие, факторы устойчивого развития, методы управления, стратегическое планирование, методический инструментарий.

* Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся мировых геополитических и геоэкономических условиях».

Для цитирования: Ускова Т.В. Проблемы устойчивого развития и стратегического планирования в исследованиях ВолНЦ РАН // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 6. С. 9–23. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.1

For citation: Uskova T.V. The problems of sustainable development and strategic planning in the studies of the Vologda Research Center of RAS. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 6, pp. 9–23. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.1

Введение

Развитие мировой экономики, стран, отдельных территорий в значительной степени определяется закономерностями общемировых, глобализационных процессов. Оно подвержено воздействию множества факторов, которые являются весьма динамичными и зачастую непредсказуемыми, влекут за собой рост неопределенности. Способность органов власти своевременно реагировать на возникающие вызовы и угрозы, используя адекватные формы, методы и инструменты управления социально-экономическими процессами — залог устойчивого развития. Этот тезис подтверждается результатами социально-экономического развития Российской Федерации, ступившей на путь рыночных преобразований в начале 1990-х годов.

Переход Российской Федерации к рыночным отношениям и интеграция национальной экономики в мировое хозяйство привели к существенным изменениям всех параметров социально-экономического развития страны и образующих ее регионов. Выбранный либералами курс на проведение радикальных реформ, взятая ими на вооружение концепция несовместимости плана и рынка, непродуманность проведения преобразований привели страну на грань распада как государства. Социально-экономические показатели приобрели устойчивую негативную тенденцию. Страна медленно, но верно скатывалась в пропасть [1]. Позже, оценивая эффективность проводимых реформ, академик РАН С.Ю. Глазьев и др. напишут: «...за годы реформы страна по уровню социально-экономического развития оказалась отброшенной на десятилетия назад, а по некоторым показателям — в дореволюционный период. Никогда за обозримый период, даже после разрушений от гитлеровского нашествия, не наблюдалось столь продолжительного и глубокого снижения уровня производства почти во всех отраслях отечественной экономики» [2].

К концу 1995 года стало ясно, что практическая реализация выбранной модели развития российской экономики не оправдала себя. Требовалась новая парадигма осуществления преобразований, способная вывести страну на траекторию устойчивого социально-экономического развития. В это время конструктивная часть российского общества, в том числе отечественные ученые, с воодушевлением подхватили идею разработки и осуществления

новой парадигмы мирового, регионального и национального развития как устойчивого развития, получившую широкую известность после Конференции ООН по окружающей среде и развитию, прошедшей в 1992 году в г. Рио-де-Жанейро. Привлекательность этой концепции для Российской Федерации обусловлена прежде всего заложенными в ее основу принципами, а также перечнем решаемых задач, созвучных с задачами, стоящими перед российским обществом [3].

Не остался в стороне от решения задачи, связанной с поиском путей перехода на траекторию устойчивого социально-экономического развития страны, ее территорий, и Вологодский научный центр РАН, который в текущем году отмечает тридцатилетие со дня основания. Устойчивое развитие территорий и муниципальных образований в условиях трансформации социально-экономического пространства — одно из приоритетных направлений его научных исследований.

Статья подготавливалась с целью познакомить ученых, интересующихся проблемой устойчивого развития, широкий круг читателей с обзором исследований по данной проблематике, проводимых в Вологодском научном центре РАН.

Формирование методологии управления устойчивым социально-экономическим развитием региона

Проблема устойчивого развития волнует научное сообщество уже не один десяток лет. Ее теоретические основы были заложены отечественным ученым В.И. Вернадским. Система его научных взглядов о развитии биосферы [4] предвосхитила осознание широкой общественностью глобальных проблем. С конца 1980-х годов теория и практика устойчивого развития находятся в центре внимания ученых и политиков как в России, так и за рубежом.

Вологодские ученые стали заниматься поиском путей вывода региональной экономики на траекторию устойчивого развития практически с момента создания научной организации в г. Вологде. Теоретико-методологическую базу этих исследований составили труды Х. Боссея [5], В.И. Данилова-Данильяна [6], О.К. Дрейера¹,

¹ Дрейер О.К., Лось В.А. Экология и устойчивое развитие: учеб. пособие. М.: УРАО, 1997. 224 с.

Д. Медоуза², Н.Н. Моисеева [7], В.В. Новожилова [8] и др. по проблемам устойчивого развития мировой системы; работы С.Н. Бобылева, В.М. Захарова [9], Н.П. Ващекина, В.А. Лося, А.Д. Урсула [10], В.А. Коптюга, В.К. Левашова, В.М. Матросова [11], Е.А. Куклиной [12], В.В. Попкова [13] и др. по устойчивости национальных социально-экономических систем. Неоценимую роль сыграли исследования, касающиеся различных аспектов региональных социально-экономических систем и перевода их на модель устойчивого развития, представленные у М.Г. Ганопольского [14], О.П. Пчелинцева [15], А.И. Татаркина [16], а также исследования проблемы устойчивости социально-экономических систем микроуровня и отдельных подсистем, отраженные в трудах Т.М. Конопляник³, Е.В. Макаровой⁴ и др.

Самые первые работы, выполненные в Вологодском научном центре РАН под руководством В.А. Ильина, содержали перечень научно обоснованных мер, направленных на решение этой задачи. В них региональные органы власти нацеливались прежде всего на стабилизацию деятельности в ведущих отраслях и комплексах региональной экономики, определение долгосрочных целей экономического и социального развития. Обосновывалось, что, несмотря на острейшие проблемы, сосредоточение внимания только на текущих задачах является бесперспективным.

Если до конца 1990-х гг. вологодские ученые изучали отдельные факторы устойчивого развития, то с начала 2000-х гг. начались исследования вопросов устойчивого развития Вологодской области и отдельных муниципальных образований, получивших в условиях трансформации существенную самостоятельность в решении вопросов территории.

Принципиально важно подчеркнуть, что изучение проблемы устойчивого развития было начато с исследования устойчивости важнейших для региона отраслевых комплексов —

² Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й. За пределами роста: учеб. пособие: пер. с англ. / ред. Г.А. Ягодин. М.: Прогресс; Пангея, 1994. 304 с.

³ Конопляник Т.М. Управление устойчивостью хозяйственных систем: теория и методология: автореф. дис. ... д.э.н.: 08.00.05. СПб., 2007. 37 с.

⁴ Макарова Е.В. Устойчивость экономической системы в условиях глобализации мировой экономики: автореф. дис. ... к.э.н.: 08.00.05. Улан-Удэ, 2006. 23 с.

агропромышленного, лесопромышленного и машиностроительного — ввиду их значимости для экономики всех муниципальных районов и Вологодской области в целом. Именно их поступательное развитие обеспечивало устойчивый рост экономики и на этой основе повышение устойчивости развития региона.

Отметим, что значение сельского хозяйства для Вологодской области трудно переоценить. Однако в первые годы рыночных трансформаций именно этот сектор региональной экономики демонстрировал самое глубокое падение. Ряд вологодских ученых (В.А. Ильин, М.Ф. Сычев, А.А. Пашко)⁵ с самого начала функционирования научного центра организовал мониторинг ситуации в агропромышленном комплексе. Его результаты свидетельствовали о нарастании негативных тенденций, дестабилизации обстановки в региональном АПК. С целью вывода агропромышленного комплекса и его отдельных субъектов хозяйствования из кризисного состояния, ускорения его поступательного развития, реализации имеющего потенциала сельскохозяйственного производства и стабилизации ситуации в сельской экономике научными сотрудниками центра был предложен и обоснован комплекс мер региональной политики, среди которых развитие многоукладности в АПК, интегрирование экономики и управления путем создания организационно экономических структур, способных сконцентрировать в одних руках управление движением продукции по технологической цепи, минимизировать транзакционные издержки, увеличить размер получаемой прибыли, стать инициатором привлечения внешних инвестиций, выступить гарантом доходности и сохранности вложенных средств, быть распорядителем капитальных вложений [17].

С целью реструктуризации предприятий лесопромышленного комплекса, стимулирования их деятельности по повышению эффективности производства и конкурентоспособности выпускаемой продукции, повышению производительности труда, снижению издержек производства была организована исследовательская лаборатория: С.А. Шулев (рук.),

⁵ Пашко А.А., Ильин В.А., Сычев М.Ф. Агропромышленный комплекс района: реформа и развитие. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 1997. 97 с.

З.С. Миронова, Т.Н. Статеева и др.⁶ Уже в 1997 году ее сотрудники при активном участии департамента лесного комплекса разработали «Концепцию стабилизации работы и развития лесопромышленного комплекса Вологодской области на период 1998–2005 годы» [18]. Для своевременного принятия мер регулирующего воздействия с целью снизить напряженность обоснована необходимость организовать регулярный мониторинг и прогнозирование развития ЛПК [19]. Несколькими годами позже научные сотрудники (Т.В. Ускова, Т.Н. Трунова, З.С. Миронова, К.А. Задумкин, А.В. Миронов, Р.Ю. Селименков) разработали критерии устойчивости лесопромышленного комплекса региона и методику ее оценки, предложили меры по повышению устойчивости регионального ЛПК в долгосрочной перспективе⁷, обосновали важность лесной сертификации для устойчивого развития лесного комплекса⁸.

Ряд работ ученых научного центра (В.В. Митенев, М.Ф. Сычев, О.С. Москвина, О.Б. Кирик и др.)⁹ был посвящен проблемам функционирования промышленности Вологодской области и прежде всего машиностроительной отрасли – сфере деятельности, обладающей значительным инновационным потенциалом и способной стать драйвером экономического роста. Особую роль машиностроительный комплекс играл для г. Вологды, где размещались 11 из 14 важнейших машиностроительных заводов области, на которых производилось 98% продук-

ции крупных и средних предприятий отрасли. В выпуске промышленной продукции города доля машиностроения и металлообработки составляла 33%, в основных промышленных фондах – почти 50%. Здесь работали около половины занятых в промышленности Вологды. Следовательно, от поступательного развития машиностроения в определяющей степени зависела устойчивость крупного города. Однако выполненный анализ позволил выявить глубокие негативные изменения, происшедшие в отрасли за период 1991–2001 гг., и тенденции, возникшие в ходе проведения рыночных преобразований [20]. Научные сотрудники обосновали стратегию и тактику областной промышленной политики, направленной на смягчение кризисных проявлений в отрасли, определили приоритеты наращивания вклада машиностроительных производств в социально-экономическое развитие города и региона на основе стимулирования инновационных процессов [21]. Позднее были обоснованы пути стабилизации и ускорения развития машиностроительного комплекса города Вологды и разработана комплексная программа промышленной деятельности и формирования кластерных систем¹⁰.

Не останавливаясь на других факторах роста экономики, обеспечивающих устойчивое развитие региона, отмечу только основные научные труды¹¹, в которых представлены результаты этих исследований [22; 23; 24 и др.].

Комплексное изучение проблем управления устойчивым развитием региональных социально-экономических систем выполнено в начале 2000-х гг. (Т.В. Ускова)¹². В ходе проведенного исследования были развиты теоретико-методологические основы устойчивого развития,

⁶ Лесопромышленный комплекс: проблемы и решения / В.В. Грачев, В.А. Ильин, М.Ф. Сычев, А.С. Шулев. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 1997. 52 с.; Миронова З.С., Статеева Т.Н., Шулев А.С. Индикативное прогнозирование развития регионального лесопромышленного комплекса: препринт / под ред. М.М. Полякова. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2000. 59 с.

⁷ Ускова Т.В. Устойчивость лесопромышленного комплекса Вологодской области в условиях рыночной стратегии его развития: заключительный отчет о НИР / исполн. Т.В. Ускова, Т.Н. Трунова, З.С. Миронова, К.А. Задумкин. Вологда, 2005. 82 с.

⁸ Лесная сертификация как фактор устойчивого развития лесного комплекса региона: отчет о НИР / исполн. Т.В. Ускова, Р.Ю. Селименков, А.В. Миронов. Вологда, 2011. 87 с.

⁹ Митенев В.В. Машиностроение Вологодской области: проблемы и тенденции. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2002. 111 с.; Митенев В.В., Сычев М.Ф. Инновационные процессы в машиностроении Вологодской области / под ред. М.М. Полякова. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004. 47 с.

¹⁰ Разработка комплексной программы промышленной деятельности и формирования кластерных систем в Вологодской области на период до 2010 года: отчет о НИР / исполн. В.В. Митенев, Т.В. Ускова, К.А. Задумкин. Вологда, 2006. 124 с.

¹¹ Сфера услуг в городе: проблемы и перспективы / В.А. Ильин, С.А. Селякова, О.С. Москвина, Т.В. Ускова. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2005. 108 с.; Москвина О.С. Промышленная политика – ядро модернизации экономики. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2003. 135 с.; Анчукова Н.В., Москвина О.С. Туризм в экономике региона. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2002. 72 с.

¹² Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. 355 с.; Ускова Т.В. Устойчивость развития территорий и современные методы управления // Проблемы развития территории. 2020. № 2 (106). С. 7–18. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.1

определены подходы к сущности этого понятия, дана классификация видов устойчивости, обоснованы внутренние факторы, воздействуя на которые возможно повышать устойчивость социально-экономического развития регионов. Подчеркивалось, что современное толкование устойчивого развития существенно расширяет его сущность и спектр решаемых задач [11; 13; 25 и др.]. В общем виде устойчивое развитие следует понимать как развитие, основанное на гармонизации социальной, экономической и экологической подсистем, направленное на поиск путей удовлетворения потребностей настоящего и будущих поколений. Перечень задач включает в себя ускорение экономического роста и изменение его качества; удовлетворение основных потребностей населения; устойчивый рост численности населения; сохранение и укрепление ресурсной базы территорий и др. [26; 27].

В результате критического анализа работ ведущих отечественных и зарубежных ученых [5; 28; 29; 30; 31] обоснован перечень индикаторов, характеризующих экономическое, социальное и экологическое развитие, разработан методический инструментарий оценки развития регионов с помощью расчета интегрального показателя оценки устойчивости. Доказано, что у региональных органов государственной власти имеется широкий спектр методов и инструментов, использование которых в практике регионального управления может значительно повысить устойчивость региональных социально-экономических систем. Среди них приоритетное место должны занимать стратегическое планирование социально-экономического развития регионов, частно-государственное партнерство, развитие гражданского общества, в том числе путем усиления роли местного самоуправления [26].

Исследования факторов устойчивости региональных систем

В последующий период вологодские ученые сконцентрировали внимание на более глубоком изучении факторов и методов повышения устойчивости региональных социально-экономических систем и отдельных подсистем.

С учетом того что устойчивое развитие требует прежде всего устойчивого роста экономики, эта проблема стала одной из приоритетных в исследованиях сотрудников ВолНЦ РАН:

*Т.В. Ускова (рук.), Е.В. Лукин, Е.Г. Леонидова, В.С. Орлова, Л.В. Дубиничева, А.С. Барабанов, О.И. Попова, Т.Г. Смирнова, Т.В. Воронцова, А.Е. Мельников и др.*¹³ Были раскрыты сущность экономического роста, его теории, типы и факторы; выполнен анализ социально-экономического развития России и отдельных регионов; выявлены основные проблемы, решение которых положительно скажется на темпах экономического роста; проведена оценка факторов экономического роста; определены основные направления его интенсификации; предложены пути ускорения роста экономики [32; 33; 34].

С целью повышения конкурентоспособности и устойчивости экономики обосновывалась необходимость решения задач, в корне отличающихся от тех, которые решались на этапе либерализации, приватизации и сырьевого роста. В самом укрупненном представлении эти задачи охватывали:

- стимулирование производства, создание и осуществление новой экономической политики, направленной на рост конкурентоспособности и взаимовыгодное сотрудничество власти и бизнеса;
- более активное применение методов косвенного воздействия, связанных с совершенствованием структуры, увеличением объемов выпуска продукции и повышением эффективности функционирования промышленности;
- изменение вектора экономического развития в сторону резкого роста производительности труда и усиления инновационных процессов в производственной сфере, использование всех возможностей для «проталкивания» инноваций в практику;
- внедрение новых форм и механизмов реализации экономической политики государства, среди них — определение целевых приоритетов деятельности, создание вертикальных корпоративных структур, кластеров, промышленно-финансовых групп и т. д.;
- разработка институциональной базы, обеспечивающей интеграцию производства,

¹³ Ускова Т.В., Лукин Е.В. Экономический рост: сущность, факторы, пути ускорения: учеб. пособие. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. 140 с.; Проблемы экономического роста территории: монография / Т.В. Ускова, Е.В. Лукин, Т.В. Воронцова, Т.Г. Смирнова. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 170 с.; Ускова Т.В., Дубиничева Л.В., Орлова В.С. Социально-экономический ресурс туризма: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. 182 с.

укрупнение рыночной инфраструктуры, усиление профессиональной подготовки руководителей предприятий, активное распространение знаний и практического опыта [26].

В последующих трудах¹⁴ досконально изучались факторы роста экономики, прежде всего межрегиональное взаимодействие, отдельные отрасли региональной экономики, их потенциал. Так, в работе «Межрегиональное взаимодействие как фактор роста экономики» раскрыты теоретико-методологические аспекты развития межрегионального экономического взаимодействия, доказано его влияние на рост экономики региона. Дана характеристика состояния, проблем и перспектив развития межрегиональных связей Вологодской области. Оценена степень влияния различных форм межрегионального взаимодействия на экономический рост в регионе. Обоснованы стратегические направления интенсификации межрегионального экономического сотрудничества [35; 36].

Учитывая роль АПК и ЛПК в ускорении роста региональной экономики, вологодские ученые (Т.В. Ускова, Р.Ю. Селименков, А.Н. Чекавинский, А.Н. Анищенко)¹⁵ акцентировали внимание на проблемах в ведущих региональных отраслевых комплексах, предпосылках и ресурсных возможностях, дали научное обоснование целевым ориентирам и приоритетам их развития на долгосрочную перспективу, в перечне которых модернизация производств; формирование институциональных условий ускорения освоения достижений НТП; совершенствование механизмов управления инновационной и инвестиционной деятельностью, обеспечение на этой основе повышения уровня и качества жизни, прежде всего в сельской местности [37; 38].

Большой пласт составляют исследования потенциала муниципальных образований и

роли местного самоуправления в обеспечении устойчивого развития региона (Т.В. Ускова, Е.А. Гутникова, Э.О. Орлова, А.Н. Чекавинский, С.А. Кожевников, Н.В. Ворошилов)¹⁶. Помимо того, что местное самоуправление играет значимую роль в повышении благосостояния населения и оказании общественных услуг, на него возлагается задача создания институтов, способствующих увеличению темпов экономического роста, обеспечению их устойчивости, повышению конкурентоспособности территорий и страны в целом [26]. Следовательно, от эффективности местного самоуправления, без преувеличения, зависит настоящее и будущее государства, так как именно в недрах местного самоуправления кроется потенциал, способный обеспечить устранение многих кризисных явлений, присущих нашему обществу, а также создать дополнительные стимулы для развития российского государства [39; 40].

Доказывалось, что укрепление института местного самоуправления позволит решить ряд стратегических задач аграрного сектора и сформировать условия для поступательного развития аграрного сектора экономики региона. Среди приоритетных задач назывались:

- восстановление и модернизация производственного потенциала агропромышленного комплекса региона;
- создание условий для эффективного и устойчивого развития предприятий всех форм собственности;
- повышение конкурентоспособности аграрного комплекса региона путем роста продуктивности и эффективности сельскохозяйственного производства на основе его технического переоснащения, внедрения инновационных технологий, снижения издержек, организации производства продукции по международным стандартам качества;
- устойчивое развитие сельских территорий, повышение уровня жизни сельского населения и сокращение его отставания от городского [26].

¹⁴ Ускова Т.В., Лукин Е.В. Межрегиональное взаимодействие как фактор роста экономики: препринт. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 76 с.; Лукин Е.В., Ускова Т.В. Межрегиональное экономическое сотрудничество: состояние, проблемы, перспективы. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 148 с.

¹⁵ Ускова Т.В., Селименков Р.Ю., Чекавинский А.Н. Агропромышленный комплекс региона: состояние, тенденции, перспективы. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 136 с.; Селименков Р.Ю., Советов П.М. Лесной комплекс: управление инновационным развитием. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 215 с.

¹⁶ Местное самоуправление в сельском районе: тенденции, проблемы, перспективы / В.А. Ильин [и др.]. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2005. 196 с.; Местное самоуправление на пути к реформированию / В.А. Ильин, Т.В. Ускова, Д.Е. Амелин, А.А. Кольев. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004. 28 с.

С этой целью сотрудниками научного центра организован мониторинг функционирования института местного самоуправления (с 2006 года), который позволяет оценивать состояние и проблемы этого института власти. Результаты мониторинга становятся хорошей базой для поиска путей решения задач, связанных с переходом территорий на рельсы устойчивого развития, а также способов повышения эффективности местного самоуправления¹⁷ [41; 42].

Весьма важным фактором устойчивого развития выступает пространственный фактор — однородность, связанность пространства. Вместе с тем экономическое пространство современной России разрежено. Этот вывод позволяют сделать исследования, выполненные научными сотрудниками ВолНЦ РАН (Т.В. Ускова (рук.), С.А. Кожевников, Н.В. Ворошилов, И.А. Секушина, С.С. Патракова)¹⁸, показавшие, что в Российской Федерации, как и в целом в мире, экономическое развитие все больше концентрируется в агломерациях — мегаполисах, крупнейших и крупных городах, т. е. территориях, которые одновременно являются центрами производства знаний и инноваций, финансовыми, управленческими и логистическими центрами, транспортными узлами и крупными потребительскими рынками. Здесь же все в большей мере концентрируется производство товаров и услуг, стягивающее финансовые и трудовые ресурсы остальных территорий. Эти процессы становятся все более устойчивыми. В результате социально-экономические проблемы территорий, не входящих в агломерации, усугубляются [43].

Весьма обстоятельно проблема внутрирегиональной дифференциации раскрыта в монографии [44]. В ней рассмотрены теоретико-

методологические аспекты исследования внутрирегиональной дифференциации, структурированы факторы, обуславливающие социально-экономические различия муниципалитетов, предложен методический подход к комплексной оценке изучаемого процесса. На материалах Вологодской области исследованы тенденции и факторы дифференциации муниципальных районов и городских округов за 1991—2015 гг., дана типология муниципалитетов по уровню развития, оценена эффективность региональной политики по развитию муниципальных образований. Разработан научно-методический подход к регулированию внутрирегиональной дифференциации, направленный на создание условий для снижения ее масштабов и преодоления негативных последствий.

Вологодские ученые неоднократно подчеркивали, что причины высокого уровня дифференциации территорий кроются не только в объективных факторах, он выступает следствием реализуемой социально-экономической политики. В работах исследователей доказано, что обеспечить сбалансированное развитие всех территорий возможно путем корректировки реализуемой социально-экономической политики. Главная ее цель должна заключаться в создании максимально благоприятных условий для развития экономики и социальной сферы муниципальных образований за счет привлечения частных инвестиций и повышения качества и доступности бюджетных и муниципальных услуг. Для этого необходимы такие меры, как:

- стимулирование экономического развития путем создания новых точек роста в регионах на основе конкурентных преимуществ;
- координация инфраструктурных инвестиций государства и инвестиционных стратегий бизнеса с учетом приоритетов пространственного развития и ресурсных ограничений;
- сокращение дифференциации в уровне и качестве жизни населения на территории каждого из муниципальных образований с помощью эффективных механизмов социальной и бюджетной политики, обеспечивающих рост человеческого потенциала [45].

Вопрос о несовершенстве бюджетной и налоговой политики стоит очень остро уже более двух десятков лет. В научно-исследовательских работах по проблемам бюджетной политики и межбюджетных отношений, выполненных

¹⁷ Социально-экономические проблемы локальных территорий: монография / Т.В. Ускова, Н.В. Ворошилов, Е.А. Гутникова, С.А. Кожевников. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 196 с.; Чекавинский А.Н., Кожевников С.А., Ворошилов Н.В. Институты развития на местном уровне. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2017. 200 с.

¹⁸ Ускова Т.В. О потенциале развития российских территорий // Проблемы развития территории. 2018. № 5 (97). С. 7–17. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.1; Ворошилов Н.В., Губанова Е.С. Внутрирегиональная социально-экономическая дифференциация: монография. Вологда: ВолНЦ РАН, 2019. 187 с.; Ускова Т.В., Ворошилов Н.В. Региональная политика территориального развития: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 156 с.

сотрудниками научного центра (М.А. Печенская-Полищук, А.И. Поварова, А.В. Галухин, К.А. Микляева)¹⁹, аргументированно доказано, что проводимая государством бюджетно-налоговая политика нацелена не на фактическое, а лишь на формальное достижение цели поддержки экономического роста. Квинтэссенцией бюджетной политики стала ее стабилизация, повлекшая жесткую бюджетную экономию в ущерб экономическим интересам территорий, что создает риск длительной стагнации отечественной экономики. Причины сложившейся ситуации следует искать в неэффективности государственной политики. После всех реформационных изменений так и не удалось выработать научно обоснованную и практически действенную бюджетную политику [46]. А высокий уровень дифференциации территорий, дефицит бюджетов, низкий потенциал муниципальных образований, особенно поселенческого уровня, — результат такой политики. Подавляющее большинство муниципалитетов не имеет средств для развития. Межбюджетная реформа не решила задачу снижения зависимости местных бюджетов от финансовой помощи из бюджетов вышестоящих уровней. Доходная база муниципальных образований сузилась. Вместе с тем органы местного самоуправления крайне ограничены в возможностях влиять на ее расширение. Механизм формирования доходов местных бюджетов не работает в полной мере на расширение объема и повышение качества муниципальных услуг населению. Следовательно, сложившаяся ситуация не способствует экономическому развитию большинства муниципалитетов, росту качества жизни населения, преодолению иждивенческих настроений [47; 48].

¹⁹ Печенская-Полищук М.А., Поварова А.И. Региональные бюджеты: тенденции, состояние, перспективы: монография / под ред. В.А. Ильина. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 110 с.; Поварова А.И. Методы повышения бюджетной обеспеченности региона: препринт. Вологда, 2011. 40 с.; Печенская-Полищук М.А. Бюджетный потенциал муниципальных образований: оценка и направления развития (на примере Вологодской области) // Проблемы прогнозирования. 2019. № 4. С. 120–131; Печенская М.А., Ускова Т.В. Актуальные вопросы совершенствования межбюджетных отношений в системе местного самоуправления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 1. С. 136–146.

Изменить ситуацию возможно путем проведения постепенной децентрализации доходных источников, основанной на совместных решениях и согласованных действиях всех уровней власти. К этому можно прийти лишь путем укрепления экономического роста и хозяйственного потенциала территорий, что позволит достичь нового уровня их самостоятельности. А передача налогов на местный уровень будет стимулировать муниципалитеты для развития собственной налоговой базы и расширения зон опережающего развития [49].

Весьма значимыми для решения проблем территорий, перехода их на модель устойчивого развития являются стимулирование межмуниципального сотрудничества, укрепление финансово-экономических, социально-культурных, организационно-управленческих и других связей малых, средних городов и сельских населенных пунктов, развитие социальной и инженерной инфраструктуры [43].

Следовательно, создание условий для саморазвития территорий путем внесения корректив в региональную социально-экономическую политику, укрепление финансово-экономических основ и совершенствование нормативно-правовой базы местного самоуправления, повышение эффективности взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления, расширение перечня инструментов содействия развитию потенциала территорий — важнейшие задачи органов государственной власти [27], так как устойчивое развитие территорий является залогом устойчивости региона в целом.

В условиях недостатка бюджетных ресурсов для развития муниципалитетов и региона принципиально важное значение имеет привлечение на эти цели ресурсов хозяйствующих субъектов, в связи с чем изучение форм взаимодействия власти и бизнеса стало весьма актуальным в трансформационный период.

Как уже подчеркивалось, повысить устойчивость региональных социально-экономических систем способно развитие частно-государственного (частно-муниципального) партнерства. Эти инструменты государственного и муниципального управления также не остаются без внимания вологодских ученых на протяжении многих лет. Первые научно-исследовательские работы по указанной тематике были выполнены еще в начале 2000-х гг.

В работе *В.А. Ильина (рук.), Т.В. Усковой, Д.Е. Амелина, Д.П. Жаравина* [50] представлено описание содержания и форм взаимодействия общественного и частного секторов экономики на муниципальном уровне²⁰. На примере города Вологды рассмотрены методологические подходы и методический инструментарий организации сотрудничества органов местного самоуправления и бизнеса. В дальнейшем исследования были углублены, раскрыты механизмы взаимодействия органов местного самоуправления города и хозяйствующих субъектов²¹.

В более поздних работах ученых ВолНЦ РАН (*С.А. Кожевников*)²² рассмотрены сущность, особенности, институциональные и экономические аспекты государственно-частного партнерства в такой инфраструктурной сфере, как жилищно-коммунальное хозяйство. Обобщен зарубежный и отечественный опыт государственно-частного партнерства в этой сфере. Определены экономические предпосылки и институционально-правовые особенности реализации партнерства власти и бизнеса. Обоснована необходимость разработки и принятия концепции развития государственно-частного партнерства, которая официально закрепляла бы основные формы и принципы реализации совместных проектов, определяла направления государственной политики по развитию партнерства, предусматривала внедрение нового механизма управления объектами ЖКХ и разработку новой модели финансирования ГЧП-проектов [51].

В условиях слабых финансово-экономических возможностей органов власти для устойчивого развития территорий требуется консо-

²⁰ Местное самоуправление: взаимодействие власти и бизнеса: учеб. пособие / В.А. Ильин, Т.В. Ускова, Д.Е. Амелин, Д.П. Жаравин. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2006. 92 с.

²¹ Развитие механизмов взаимодействия органов местного самоуправления города и хозяйствующих субъектов: заключительный отчет о НИР / исполн. В.А. Ильин, Т.В. Ускова, Э.О. Орлова, М.А. Дубинин. Вологда, 2007. 77 с.; Специфика взаимоотношений муниципальных органов власти и частного бизнеса в районе: информ.-аналит. записка о НИР / исполн. Т.В. Ускова, Э.О. Орлова, М.А. Дубинин. Вологда, 2007. 51 с.

²² Кожевников С.А., Ускова Т.В. Государственно-частное партнерство в жилищно-коммунальном хозяйстве региона: проблемы и перспективы развития: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 148 с.

лидация ресурсов власти и бизнеса на принципах социальной ответственности. Эта проблематика также нашла отражение в трудах ученых ВолНЦ РАН (*В.А. Ильин, А.И. Поварова, М.Ф. Сычев, Т.В. Ускова, Е.Д. Копытова*)²³. Ресурсы бизнес-структур могут вкладываться в развитие общественной инфраструктуры, решение конкретных социально-экономических задач, расширение спектра и повышение качества услуг, формирование новых точек роста, способствующих повышению устойчивости социально-экономического развития региона [52].

Большая роль в развитии территорий принадлежит крупным бизнес-структурам. Однако результаты анализа производственно-финансовой деятельности крупнейших предприятий черной металлургии позволили исследователям сделать вывод о том, что существенные денежные потоки идут мимо бюджета. Это не соответствует интересам государства и общества. Во многом такая ситуация стала результатом того, что органы государственной власти России до сих пор не создали эффективных механизмов противодействия господству олигархов в экономике. В итоге вопросы конфликта их интересов и интересов общества остаются законодательно не отрегулированными, хотя он болезненно отражается на уровне доходности бюджета, решении проблем национального и регионального развития, становится источником напряженности в обществе и не позволяет двигаться к социально справедливому госу-

²³ Копытова Е.Д. Социальная ответственность бизнеса: методы оценки и региональное измерение // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 1. С. 254–271. DOI: 10.15838/esc/2017.1.49.14; Ильин В.А., Поварова А.И., Сычев М.Ф. Влияние интересов собственников металлургических корпораций на социально-экономическое развитие: препринт. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 104 с.; Ильин В.А., Поварова А.И. Крупнейшие металлургические корпорации и их роль в формировании бюджетных доходов. Вологда: ВолНЦ РАН, 2019. 204 с.; Ускова Т.В., Копытова Е.Д. Социальная ответственность бизнеса: состояние и инструменты развития // Проблемы развития территории. 2016. № 6. С. 7–19; Копытова Е.Д. Социальная ответственность бизнеса: проблемы и перспективы развития: монография. Вологда: ВолНЦ РАН, 2017. 174 с.; Копытова Е.Д. К вопросу о взаимодействии власти, бизнеса и общества в решении задач развития территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 5. С. 197–215. DOI: 10.15838/esc/2017.5.53.14

дарству. Разрешение конфликта авторы видят прежде всего в радикальной смене парадигмы социально-экономической политики и ее переориентации на нужды большинства населения, развитии социальной ответственности бизнеса [53; 54].

В работах сотрудников центра подчеркивалось, что формирование идеологии социальной ответственности бизнеса предполагает популяризацию и продвижение социальной ответственности бизнеса, а также оказание методической поддержки социально ответственным организациям. Авторы предложили комплекс мероприятий, направленных на развитие социальной ответственности бизнес-структур, в их числе: организация просветительских мероприятий, выставок-ярмарок социальных проектов, информационная поддержка в местных СМИ, проведение конкурса на лучшую социально ответственную организацию, присвоение новым социальным объектам имени социального партнера, разработка специального свидетельства с правом размещать его на своей продукции и т. п. [55; 56]. При этом отмечалось, что активизация данного процесса невозможна без повышения роли государства в установлении партнерского взаимодействия между властными, предпринимательскими структурами и населением и обеспечении баланса их интересов. Именно такое взаимодействие имеет значительный потенциал, использование которого даст синергетический эффект для социально-экономического развития российских территорий [57].

Стратегическое планирование – главный инструмент управления устойчивым развитием региона

Среди всех инструментов управления устойчивым социально-экономическим развитием региона ведущие российские и зарубежные ученые приоритетное место отводят стратегическому планированию, призванному определить стратегические (перспективные) и текущие цели развития, разработать систему плановых документов, обеспечивающих реализацию этих целей. Тезис о приоритетности стратегии над тактикой в полной мере подтверждается мировой практикой. От того, насколько правильно поставлены и структурированы стратегические задачи, насколько рационально используются ресурсы для их решения и насколько последо-

вательны планируемые мероприятия, зависит устойчивость региональной социально-экономической системы и, как следствие, благополучие населения [26].

Необходимость применения этого инструмента управления социально-экономическими процессами в региональной практике научные сотрудники ВолНЦ РАН обосновывали с первых дней функционирования учреждения. Об этом свидетельствует одна из первых научно-исследовательских работ, выполненная под руководством д.э.н. В.А. Ильина²⁴. В этот период также были разработаны концепции социально-экономического развития ряда муниципалитетов области²⁵. Однако научные основы стратегического планирования создавались позже с учетом трудов И.Я. Блехцина²⁶, А.Л. Гапоненко [58], Б.М. Гринчеля, Н.Е. Костылевой [59], К.В. Коломийченко, В.Е. Рохчина [60] и др. Они были изложены в работе [61], выполненной под руководством В.А. Ильина²⁷. Опираясь на нее, в начале 2000-х гг. коллектив вологодских ученых разработал стратегию развития области²⁸. В ходе выполнения НИР выявлен

²⁴ Перспективы социально-экономического развития Вологодской области в условиях перехода к рыночной экономике: промежуточный отчет о НИР / исполн. В.А. Ильин, А.А. Пашко, П.М. Советов, М.Ф. Сычев. Вологда, 1992. 150 с.

²⁵ Концепция социально-экономического развития регионального центра – города Вологды в период перехода к рыночным отношениям. Этап 2: отчет о НИР / исполн. В.А. Ильин, И.Л. Браузе, Д.Н. Быстров, А.А. Пашко. Вологда, 1996. 175 с.; Концепция социально-экономического развития Череповецкого района до 2002 года: инф.-аналит. записка о НИР / исполн. П.М. Советов, М.Ф. Сычев, А.А. Пашко, В.А. Ильин, А.С. Шулев. Вологда, 1999. 30 с.; Основные направления социально-экономического развития Вытегорского района на период до 2002 года: информ.-аналит. записка о НИР / исполн. А.С. Шулев, В.А. Ильин, М.М. Поляков, Н.А. Смирнова. Вологда, 1999. 38 с.; Основные направления концепции социально-экономического развития г. Вологды: промежуточный отчет о НИР / исполн. А.Н. Зуев, Т.В. Ускова. Вологда, 2000. 75 с.

²⁶ Блехцин, И.Я. Стратегия устойчивого развития региональных систем: препринт. СПб.: ИРЭ РАН, 2001. 13 с.

²⁷ Ускова Т.В. Индикативное планирование: монографическое исследование на материалах г. Вологды / под науч. рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2003. 159 с.

²⁸ Стратегия развития региона / колл. авт. под рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004. 228 с.: ил.

потенциал, позволяющий региону перейти к динамичному и устойчивому социально-экономическому развитию. Авторы обосновали стратегическую цель, комплекс задач и приоритетные направления, в перечне которых оптимизация структуры промышленности в пользу социально ориентированных производств и опережающий рост отраслей с высокой добавленной стоимостью, переход сельского хозяйства на рельсы интенсификации, развитие производственной инфраструктуры, активизация инвестиционной и инновационной деятельности, развитие науки и внедрение достижений научно-технического прогресса в производство.

Исследователи подчеркивали, что стратегия развития области необходима для увязки друг с другом (по ресурсам, срокам выполнения, другим параметрам) целевых программ, принятых органами исполнительной и представительной власти по отдельным проблемам регионального развития. Более того, подобный стратегический документ нужен прежде всего власти, в связи с тем что наличие стратегии поможет уточнить проводимую социально-экономическую политику, осуществлять стратегическое и пространственное планирование, развивать инфраструктуру, формировать стимулы для бизнеса и мотивации к труду. Второй адресат – бизнес. Четко определенные цели и ориентиры развития позволят предпринимательским структурам увидеть перспективы экономики в целом, отраслей и в соответствии с ними строить свои планы. Отметим, что территориальное планирование в условиях рынка не ограничивает экономической свободы субъектов хозяйствования, так как параметры планов не являются директивными, а носят индикативный, рекомендательный характер. Вместе с тем планы социально-экономического развития регионов, предприятий, фирм должны формироваться в контуре концепции развития Российской Федерации, что обеспечивает единство экономического пространства. И, наконец, еще одним адресатом в стратегии выступает население, которое получит конкретное представление, что ожидает его с точки зрения условий жизни через несколько лет. Социальная направленность документа поможет сформировать конструктивную мировоззренческую позицию граждан, будет способствовать их консолидации и укреплению политической стабильности [62].

Позже научные сотрудники предложили существенно обновленную региональную стратегию экономического роста²⁹. Авторы подчеркивали, что в современных условиях «... прорыв в повышении эффективности производства достигается новым качеством экономического роста. Сущность этого процесса заключается в ускорении темпов научно-технического прогресса, активизации инновационной деятельности, расширении сферы использования экономики знаний, совершенствовании социальной организации и управления обществом». В новой версии стратегии существенно расширены временные и содержательные горизонты. Значительное внимание уделено теоретическим аспектам экономического роста на основе инноваций. Дана комплексная оценка научно-технического потенциала региона, представлены стратегические аспекты интенсификации инвестиционного процесса, повышения эффективности функционирования лесопромышленного, машиностроительного и агропромышленного комплексов; предложен комплекс мер для решения социальных проблем, оценена потребность в финансовых ресурсах для реализации стратегических задач, обоснованы механизмы и методы эффективного управления региональным развитием. Отмечалось, что при реализации стратегических задач роста экономики приоритет должен отдаваться увеличению производительности труда, повышению качества трудового капитала. Именно человек с его знаниями, опытом, воплощенными в новые технологии, способен обеспечить новое качество экономического роста. Подчеркивалась важность создания рациональной системы управления реализацией стратегических задач, основу которой должны составлять механизмы взаимодействия органов власти, бизнеса и населения. Указывалось на необходимость внедрять в практику регионального управления технологии, базирующиеся на широком использовании информационно-коммуникационных технологий. Особое внимание обращалось на увязку направления развития региона с базовыми положениями общегосударственных документов стратегического

²⁹ Региональная стратегия экономического роста – 2015 / отв. ред. В.А. Ильин; ВНКЦ ЦЭМИ РАН. М.: Наука, 2007. 244 с.

характера – посланий Президента РФ Федеральному Собранию, программных постановлений Правительства РФ, решений региональных органов государственной власти [63].

Методология стратегического планирования была сформирована позднее [26]. Большое внимание уделено необходимости соблюдать ряд принципов, важнейшими из которых являются научность, целенаправленность, социальная ориентация, комплексность, адаптивность. Предложены алгоритм разработки и реализации стратегии, методический инструментарий выбора стратегических целей и обоснования приоритетов развития, раскрыт механизм их реализации. Приоритетное место в нем отдано системе непрерывного планирования и проектному управлению.

Созданная методология стратегического планирования социально-экономического развития региона стала фундаментом при разработке подготовленных вологодскими учеными стратегий развития муниципальных образований и отдельных отраслей региональной и муниципальной экономики. Они сыграли немаловажную роль в повышении устойчивости территорий.

Вместо заключения. Перспективы исследования проблемы устойчивого развития региона

Современное понимание устойчивого развития существенно шире его первоначального толкования. Российская Федерация, да и мировое сообщество в целом, находятся на самом первом этапе перехода к устойчивому развитию. Как справедливо замечают ведущие отечественные эксперты в этой сфере [64; 65], сохраняются непреходящее значение и роль концепции устой-

чивого развития для мирового развития. Однако ввиду появления новых вызовов и усиления влияния факторов, ставших следствием, прежде всего, научно-технического прогресса, перед исследователями встает задача дальнейшего развития методологии устойчивого развития, поиска путей ее достижения на региональном, национальном и мировом уровнях.

В связи с этим, учитывая многогранность проблемы устойчивого развития, ее актуальность для Российской Федерации, регионов, следует ставить задачу по углублению научных исследований, значительному расширению спектра вопросов, требующих организации научного поиска. Важны дальнейшее развитие теоретико-методологических основ устойчивого развития, более детальное исследование не только экономических, но и социальных, экологических, управленческих, организационных факторов устойчивости с учетом российской специфики, повышения эффективности их использования. «Выбирая путь в будущее, Россия должна учитывать как мировые тенденции, так и особенности своего опыта и геополитического положения, ресурсные и экологические резервы, традиции и духовный мир населения» [11]. Не менее значимыми являются исследование вопросов государственного управления устойчивым развитием, повышения его эффективности, так как цели устойчивого развития, представленные в Повестке дня³⁰, находят отражение в программно-плановых документах, принимаемых на федеральном уровне. Полагаем, что вологодские ученые смогут внести вклад в решение этих задач.

Литература

1. Россия у критической черты: возрождение или катастрофа / Г.В. Осипов, В.К. Левашов, В.В. Локосов и др.; под ред. Г.В. Осипова. М.: Республика, 1997. 303 с.
2. Глазьев С.Ю., Кара-Мурза С.Г., Батчиков С.А. Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001 гг. М.: Эксмо: Алгоритм, 2003. 366 с.
3. Наше общее будущее: доклад Междунар. комиссии по окружающей среде и развитию. М.: Прогресс, 1989. 376 с.
4. Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление. М.: Наука, 1991. 270 с.
5. Боссель Х. Показатели устойчивого развития: теория, метод, практическое использование: отчет, представленный на рассмотрение Балатонской группы: пер. с англ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. 123 с.

³⁰ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. ООН. 2015. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/post2015/> (дата обращения 18.12.2020).

6. Данилов-Данильян В.И. Устойчивое развитие (теоретико-методологический анализ) // Экономика и математические методы. 2003. № 2. С. 123–135.
7. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М.: Языки русской культуры, 2000. 223 с.
8. Новожилов В.В. У истоков подлинной экономической науки. М.: Наука, 1995. 234 с.
9. Бобылев С.Н., Захаров В.М. Модернизация экономики и устойчивое развитие. М.: Экономика, 2011. 295 с.
10. Ващекин Н.П., Лось В.А., Урсул А.Д. Цивилизация и Россия на пути к устойчивому развитию: проблемы и перспективы. М.: Изд-во МГУК, 1999. 356 с.
11. Новая парадигма развития России (Комплексные исследования проблем устойчивого развития) / под ред. В.А. Коптюга, В.М. Матросова, В.К. Левашова. 2-е изд. М.: Academia, 2000. 460 с.
12. Куклина Е.А. Устойчивость экономической системы: методологические подходы к определению понятия, виды устойчивости, типы устойчивого развития // Образование. Экономика. Общество. 2007. № 3. С. 42–47.
13. Попков В.В. Устойчивое экономическое развитие в условиях глобализации и экономики знаний: концептуальные основы теории и практики управления. М.: Экономика, 2007. 295 с.
14. Ганопольский М.Г. Устойчивое развитие региона. Вопросы методологии и социокультурный контекст. Тюмень: Изд. ИПОС СО РАН, 2010. 64 с.
15. Пчелинцев О.С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. М.: Наука, 2004. 258 с.
16. Моделирование устойчивого развития как условие повышения экономической безопасности территории / А.И. Татаркин, Д.С. Львов, А.А. Куклин [и др.]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 276 с.
17. Пашко А.А., Ильин В.А., Сычев М.Ф. Агропромышленный комплекс района: реформа и развитие. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 1997. 97 с.
18. Лесопромышленный комплекс: проблемы и решения / В.В. Грачев, В.А. Ильин, М.Ф. Сычев, А.С. Шулев. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 1997. 52 с.
19. Миронова З.С., Статеева Т.Н., Шулев А.С. Индикативное прогнозирование развития регионального лесопромышленного комплекса: препринт / под ред. М.М. Полякова. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2000. 59 с.
20. Митенев В.В. Машиностроение Вологодской области: проблемы и тенденции. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2002. 111 с.
21. Митенев В.В., Сычев М.Ф. Инновационные процессы в машиностроении Вологодской области / под ред. М.М. Полякова. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004. 47 с.
22. Сфера услуг в городе: проблемы и перспективы / В.А. Ильин, С.А. Селякова, О.С. Москвина, Т.В. Ускова. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2005. 108 с.
23. Москвина О.С. Промышленная политика – ядро модернизации экономики. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2003. 135 с.
24. Анчукова Н.В., Москвина О.С. Туризм в экономике региона. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2002. 72 с.
25. Устойчивость и экономическая безопасность в регионах: тенденции, критерии, механизмы регулирования / Г.П. Лузин [и др.]. Апатиты, 1999. 174 с.
26. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. 355 с.
27. Ускова Т.В. Устойчивость развития территорий и современные методы управления // Проблемы развития территории. 2020. № 2 (106). С. 7–18. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.1
28. Гаркавая В.Г. Интегрированная оценка устойчивости развития регионов. URL: http://www.rusnauka.com/CCN/Economics/13_garkavaja.doc.htm
29. Индикаторы устойчивого развития Томской области. Вып. 2. Томск: Печатная мануфактура, 2004. 46 с.
30. Кретинин, В.А. Бордяшов Е.С. Теоретические аспекты устойчивого развития региона и критерии его оценки // Экономика региона. 2007. № 18 (декабрь) (часть 2). URL: <http://journal.vlsu.ru/index.php?id=16>
31. Кушнарева О.С., Мигунов Ю.Г. Методы оценки устойчивости развития региона // Проблемы современной экономики. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=22686>

32. Ускова Т.В., Лукин Е.В. Экономический рост: сущность, факторы, пути ускорения: учеб. пособие. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. 140 с.
33. Проблемы экономического роста территории: монография / Т.В. Ускова, Е.В. Лукин, Т.В. Воронцова, Т.Г. Смирнова. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 170 с.
34. Ускова Т.В., Дубиничева Л.В., Орлова В.С. Социально-экономический ресурс туризма: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. 182 с.
35. Ускова Т.В., Лукин Е.В. Межрегиональное взаимодействие как фактор роста экономики: препринт. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 76 с.
36. Лукин Е.В., Ускова Т.В. Межрегиональное экономическое сотрудничество: состояние, проблемы, перспективы. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 148 с.
37. Ускова Т.В., Селименков Р.Ю., Чекавинский А.Н. Агропромышленный комплекс региона: состояние, тенденции, перспективы. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 136 с.
38. Селименков Р.Ю., Советов П.М. Лесной комплекс: управление инновационным развитием. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 215 с.
39. Местное самоуправление в сельском районе: тенденции, проблемы, перспективы / В.А. Ильин [и др.]. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2005. 196 с.
40. Местное самоуправление на пути к реформированию / В.А. Ильин, Т.В. Ускова, Д.Е. Амелин, А.А. Кольев. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004. 28 с.
41. Социально-экономические проблемы локальных территорий: монография / Т.В. Ускова, Н.В. Ворошилов, Е.А. Гутникова, С.А. Кожевников. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 196 с.
42. Чекавинский А.Н., Кожевников С.А., Ворошилов Н.В. Институты развития на местном уровне. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2017. 200 с.
43. Ускова Т.В. О потенциале развития российских территорий // Проблемы развития территории. 2018. № 5 (97). С. 7–17. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.1
44. Ворошилов Н.В., Губанова Е.С. Внутрирегиональная социально-экономическая дифференциация: монография. Вологда: ВолНЦ РАН, 2019. 187 с.
45. Ускова Т.В., Ворошилов Н.В. Региональная политика территориального развития: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 156 с.
46. Печенская-Полищук М.А., Поварова А.И. Региональные бюджеты: тенденции, состояние, перспективы: монография / под ред. В.А. Ильина. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 110 с.
47. Поварова А.И. Методы повышения бюджетной обеспеченности региона: препринт. Вологда, 2011. 40 с.
48. Печенская-Полищук М.А. Бюджетный потенциал муниципальных образований: оценка и направления развития (на примере Вологодской области) // Проблемы прогнозирования. 2019. № 4. С. 120–131.
49. Печенская М.А., Ускова Т.В. Актуальные вопросы совершенствования межбюджетных отношений в системе местного самоуправления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 1. С. 136–146.
50. Местное самоуправление: взаимодействие власти и бизнеса: учеб. пособие / В.А. Ильин, Т.В. Ускова, Д.Е. Амелин, Д.П. Жаравин. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2006. 92 с.
51. Кожевников С.А., Ускова Т.В. Государственно-частное партнерство в жилищно-коммунальном хозяйстве региона: проблемы и перспективы развития: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 148 с.
52. Копытова Е.Д. Социальная ответственность бизнеса: методы оценки и региональное измерение // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 1. С. 254–271. DOI: 10.15838/esc/2017.1.49.14
53. Ильин В.А., Поварова А.И., Сычев М.Ф. Влияние интересов собственников металлургических корпораций на социально-экономическое развитие: препринт. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 104 с.
54. Ильин В.А., Поварова А.И. Крупнейшие металлургические корпорации и их роль в формировании бюджетных доходов. Вологда: ВолНЦ РАН, 2019. 204 с.
55. Ускова Т.В., Копытова Е.Д. Социальная ответственность бизнеса: состояние и инструменты развития // Проблемы развития территории. 2016. № 6. С. 7–19.
56. Копытова Е.Д. Социальная ответственность бизнеса: проблемы и перспективы развития: монография. Вологда: ВолНЦ РАН, 2017. 174 с.

57. Копытова Е.Д. К вопросу о взаимодействии власти, бизнеса и общества в решении задач развития территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 5. С. 197–215. DOI: 10.15838/esc/2017.5.53.14
58. Гапоненко А.Л. Стратегическое планирование социально-экономического развития региона // Пространственная экономика. 2005. № 4. С. 40–53.
59. Гринчель Б.М., Костылева Н.Е. Методология и практика городского стратегического планирования. СПб.: ИРЭ РАН, 2000. 88 с.
60. Коломийченко О.В., Рохчин В.Е. Стратегическое планирование развития регионов России: методология и организация. СПб.: Наука, 2003. 235 с.
61. Ускова Т.В. Индикативное планирование: монографическое исследование на материалах г. Вологды / под науч. рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2003. 159 с.
62. Стратегия развития региона / колл. авт. под рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004. 228 с.: ил.
63. Региональная стратегия экономического роста – 2015 / отв. ред. В.А. Ильин; ВНКЦ ЦЭМИ РАН. М.: Наука, 2007. 244 с.
64. Барлыбаев Х.А. Солидарология. Философия солидарности. Уфа: Китап, 2016. 360с.
65. Урсул А.Д., Урсул Т.А. Векторы достижения устойчивого будущего // Философские науки. 2017. № 7. С. 139–149.

Сведения об авторе

Тамара Витальевна Ускова – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

Uskova T.V.

The Problems of Sustainable Development and Strategic Planning in the Studies of the Vologda Research Center of RAS

Abstract. The article introduces the readers to the most important studies of the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, which celebrated its thirtieth anniversary this year. The subject of the Center's scientific research was formed during a rather difficult period of the country's development. In the early 1990s, the Russian Federation embarked on a path of market transformation. The adopted liberal concept of the country's transition to the market proclaimed the incompatibility of the plan and the market. Planned management methods were rejected everywhere. The management paradigm adopted was based exclusively on market mechanisms for regulating socio-economic processes at all levels of government. This resulted not only in the increase of negative trends in the economy and social sphere, but in Russia's descent into the abyss. The situation required finding ways out of the crisis and the country's transition to a model of sustainable development. Scientific and methodological support for solving this problem at the regional level has become the core in determining the subject of the scientific studies of the Vologda Research Center of RAS. The purpose of the work is to make a review of the research carried out by the Vologda Research Center of RAS on the problems of sustainable development and strategic planning as one of the most appropriate tools for solving this issue.

Key words: socio-economic development, sustainable development, factors of sustainable development, management methods, strategic planning, methodological tools.

Information about the Author

Tamara V. Uskova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Deputy Director, Head of Department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

Статья поступила 01.12.2020.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

От главного редактора

DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.2

УДК 323.2; ББК 60.527

© Ильин В.А., Морев М.В.

Российская государственность в условиях угрозы «истления элит»

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ilin@vscc.ac.ru
ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: 379post@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. Статья представляет собой заключительную часть цикла публикаций «От главного редактора», вышедших в 2020 году на страницах журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз». Ее центральной проблемой является неудовлетворительное качество властвующих элит в России, что на протяжении практически всего постсоветского периода выступает главной проблемой пробуксовывания реформ и достижения целей национального развития. Авторы анализируют причины данного явления; приводят экспертные оценки и статистические сведения, позволяющие оценить сегодняшнее состояние властвующих элит в стране. Исследуются тенденции общественных настроений как показатель негативных последствий неэффективности государственного управления и нереализованности социальных

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. Российская государственность в условиях угрозы «истления элит» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 6. С. 24–53. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.2

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. Russian statehood in the face of the “corruption of the elites” threat. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 6, pp. 24–53. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.2

ожиданий от власти и лично от главы государства. Значительное внимание в статье уделено содержанию и результатам антикоррупционной кампании, активизированной Президентом РФ в середине 2010-х гг. С этой целью анализируются данные ежемесячных отчетов Министерства внутренних дел РФ о состоянии преступности в Российской Федерации за период с 2003 по октябрь 2020 г., статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о состоянии судимости в России за период с 2012 по 1 полугодие 2020 г., материалы средств массовой информации, мнения экспертов. По результатам исследования авторы приходят к выводу о необходимости перехода от эпизодических, «показательных» уголовных дел, мотивом которых чаще всего выступают внутренние политические процессы, к системной профилактической работе по национализации властвующих элит, целью которой является не поддержание баланса интересов внутри элитарных групп, а решение ключевых задач национального развития: достижение социальной справедливости, снижение неравенства, динамичный рост уровня доходов и качества жизни широких слоев населения. Именно такой подход в наибольшей степени соответствует новой социально ориентированной Конституции 2020 г. и, в конечном итоге, позволяет рассчитывать на преодоление накопившихся в системе государственного управления проблем, а также развитие российской государственности в цивилизационно-историческом контексте.

Ключевые слова: властвующие элиты, олигархический капитализм, коррупция, эффективность государственного управления, цели национального развития, Президент РФ, общество.

Представленная статья завершает цикл публикаций рубрики «От главного редактора», начатый в феврале 2020 года¹. Его отличительная особенность обусловлена двумя факторами.

Во-первых, спецификой времени, в которое мы сегодня живем. Речь идет не только о глобальной пандемии, форсировавшей многие наболевшие проблемы мировой цивилизации и продолжающей оказывать существенное влияние на практически все аспекты индивидуальной и общественной жизни, но и **об особенностях электорального цикла в России, которая (напомним) впервые за последние 20 лет столкнулась с ситуацией окончания президентских сроков В.В. Путина**. С учетом исключительной роли его личности в новейшей истории, оценках общественного мнения и действующей системе государственного управления это не могло не привести к определенным последствиям, выразившимся, прежде всего, в том, что система государственного управления «пришла в движение» и Президент, всегда занимающий в ней место главного арбитра и баланса интересов, стал утрачивать контроль как над патриотическим, так и над либеральным блоком².

Второй аспект, объединяющий публикации «От главного редактора» 2020 года в отдельный цикл, заключается в повышенном внимании авторов **к общественной и политической жизни в условиях изменений Конституции РФ, вступивших в силу после общероссийского голосования 1 июля 2020 г.** Содержательная суть поправок, их обсуждение в экспертном сообществе, реакция широких слоев населения и, наконец, конечные результаты народного волеизъявления, о которых стало известно в начале июля, выступали предметом нашего анализа с того момента, как Президент инициировал изменения к Основному Закону 15 января 2020 г. в ходе своего ежегодного обращения к Федеральному Собранию.

Кратко напомним алгоритм изложения общей идеи всего цикла.

Первая статья «Ещё один шаг к “долгому государству” В. Путина» (Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 9–33) была посвящена анализу инициатив Президента, озвученных им в ходе очередного Послания Федеральному Собранию РФ (15 января 2020 г.), после чего в

¹ Ильин В.А., Морев М.В. Ещё один шаг к «долгому государству» В. Путина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 9–33.

² Проханов А. Я вижу проблемы Путина, его драму // Завтра. 13.10.2020. URL: https://zavtra.ru/blogs/ya_vizhu_problemi_putina_ego_dramu

российском правительстве произошли значимые кадровые изменения (в частности смена Председателя кабинета министров), а в обществе началась широкомасштабная подготовка к внесению изменений в Основной Закон страны — Конституцию РФ.

Содержание второй статьи «Эффективность “ручного” управления государством. Проверка на прочность — 2020» (*Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 9–24*) во многом продиктовано «первой волной» эпидемиологического кризиса, с которой столкнулись Россия и большинство стран мира в феврале — марте 2020 г. При этом под «проверкой на прочность» мы подразумеваем испытания, выходящие далеко за пределы вопросов здравоохранения и сохранения народонаселения. Акцент был сделан именно на том, что настоящая «проверка на прочность» начнется после преодоления острой фазы эпидемиологического кризиса, поскольку глобальная пандемия, объявленная Всемирной организацией здравоохранения 11 марта 2020 г., внесла системные изменения в образ жизни каждого конкретного человека, стратегию ведения государственной политики большинства стран, принципы устройства всей мировой цивилизации.

Третья статья «Кредит доверия Президенту подтвержден. Достижение целей социально-экономического развития до 2024–2030 гг. в тумане» (*Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 9–37*) посвящалась анализу результатов общероссийского голосования по поправкам к Конституции, которое состоялось 1 июля 2020 г. Нами были приведены фактологические данные и экспертные оценки, доказывающие, что, несмотря на поддержку большинством россиян предлагаемых изменений, общественного консенсуса вокруг новой Конституции главе государства достичь так и не удалось.

В четвертой статье «В России буксует “решительный прорыв”, объявленный В. Путиным в

2018 году» (*Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 22–54*) мы рассмотрели изменение Конституции с цивилизационно-исторической точки зрения, как один из этапов многолетнего процесса выстраивания новой, постсоветской государственности, который был начат Президентом еще в 1999 году и с тех пор продолжает реализовываться через его непосредственные инициативы («мюнхенская речь» 2007 г., «валдайская речь» 2011 г., вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации (2014 г.), «идея прорывного развития» (2018 г.), изменения в Конституции (2020 г.)).

Основываясь на экспертных оценках, данных статистики и многолетних социологических измерений общественного мнения, мы пришли к выводу о том, что **этот исторический, последовательный процесс начал пробуксовывать после того, как российское общество перестало ощущать реальные изменения в динамике уровня и качества жизни, обещанные Президентом в 2012 году (они должны были произойти до 2018 г.³, однако позже были перенесены на период 2018–2024 гг.⁴, а затем отложены до 2030 г.⁵).**

Как следствие, мотиватором социальной консолидации и духовного порыва (каким выступили, например, события «крымской весны») не стала и инициатива В.В. Путина по изменению Конституции РФ, хотя, безусловно, она целиком и полностью соответствовала ожиданиям граждан на укрепление основ социального государства.

Пятую, заключительную часть цикла, которую мы назвали «Российская государственность в условиях угрозы “истления элит”», мы решили посвятить поиску ответа на вопрос, в чем причина многолетнего пробуксовывания реализации целей национального развития и основных инициатив главы государства?

При этом, используя выражение «истление элит», мы обращаемся к цитате одного из наиболее известных российских политологов и специалистов по отечественной истории

³ О мероприятиях по реализации государственной социальной политики: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 597 // Официальный сайт Президента. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35261>

⁴ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>

⁵ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726>

С.Е. Кургиняна, понимавшего под «истлением» ситуацию, когда в кризисный для страны момент элита фактически «отворачивается» от главы государства, а вместе с ним — от национально ориентированных и патриотических ценностей.

«В 1991 году оказалось, что из 10-миллионной КПСС нет и 500 тысяч, готовых бороться за СССР. Да что там 500 тысяч! **Вся элита, истлев, разбегается по банкам и фирмам – и на этом все кончается.** Точно так же произошло и в феврале 1917 года. Вдруг оказалось, что царя могут поддерживать два человека из элиты – граф Келлер и Хан Нахичеванский. А все остальные расползаются, как тараканы, кто куда. **Именно это называется “истлением”**»⁶.

В формулировку «истление элит» мы вкладываем несколько более широкий смысл и объединяем ею ряд других проблемных моментов, которыми С.Е. Кургинян характеризует современные российские элиты на протяжении, как минимум, последних 12 лет. Речь, в частности, идет не только о поведении элиты в условиях кризиса, но и о том, что на протяжении всего постсоветского периода «представители отечественных элитных кругов продолжают оставаться сторонниками компрадорской

идеи, воспринимая страну, в которой они живут, исключительно в качестве источника заработка»⁷, а также о том, что «сегодняшняя элита колеблется между западничеством и государственностью, пытается сочетать все более несочетаемое»⁸.

Таким образом, в центре внимания заключительной части цикла находятся властвующие элиты страны, их моральные качества и приоритеты, являющиеся (как мы отметили в предыдущей статье) основной причиной пробуксовывания целей национального развития и, в частности, задач, для реализации которых создавались нацпроекты: обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации, повышение ожидаемой продолжительности жизни, обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также уровня пенсионного обеспечения, снижение уровня бедности, улучшение жилищных условий⁹ и многих других.

Следует отметить, что, анализируя властвующие элиты¹⁰, мы говорим о людях, обладающих богатством, властью и самое главное — прямо или косвенно участвующих во властных процессах. При этом речь идет преимущественно о трех типах властвующих элит¹¹:

✓ политическая элита, представляющая федеральный уровень системы государственного управления;

⁶ Кургинян С.Е. Политические элиты в современной России: актуальные вызовы. Выступление на круглом столе «Элиты в современной России» (Центр консервативных исследований при социологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, 24 октября 2008 года). URL: <http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=art&auth=10&theme=&id=2161>

⁷ Кургинян: элита сбежит в кризис // Информационное агентство «Дельта». 12.11.2020. URL: <https://deita.ru/article/485669>

⁸ Кургинян о неизбежном политическом расколе элиты России // Суть времени. 10.06.2013. URL: <https://eot.su/RedSenses/section/elita>

⁹ Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

¹⁰ Властвующая элита «представляет более или менее компактное социальное и психологическое целое; люди, принадлежащие к элите, осознают себя членами определенного класса общества». Она включает в себя различные группы, непосредственно или опосредованно участвующие во властных процессах: экономическую, культурную, идеологическую, научную, военную и политическую элиты (Источник: Миллс Р. Властвующая элита / пер. с англ. Е.И. Розенталь, Л.Г. Рошаль, В.Л. Кон. М.: Иностранная литература, 1959. 542 с.).

¹¹ **Политическая элита** занимается руководством политической деятельностью государства: в нее входят политические лидеры, главы наиболее авторитетных в стране партий и движений. **Экономическая элита** представлена крупными собственниками, банкирами, главами крупнейших организаций, активными участниками капитализации страны. Она призвана управлять экономикой страны. **Военная элита** — группа людей в высших военных должностях, организующих оборонную политику страны. **Бюрократическая элита** — система чиновников, осуществляющих принятие политических решений внутри государства. Ярким ее примером служит современная верхушка Государственной Думы России, подавляющее большинство членов которой состоит в партии «Единая Россия», также являющейся политической элитой государства. **Культурно-информационная элита** представлена самыми авторитетными деятелями науки, культуры, религии. Это очень важный тип элиты, так как она имеет колоссальное влияние на формирование общественного мнения и идеологии страны (Источник: Амуров М.А. Типология современных политических элит // Управленческое консультирование. 2020. № 5. С. 24).

✓ бюрократическая (или административная) элита, представляющая региональный и муниципальный уровни управления, которые вместе с федеральным уровнем образуют единую систему «публичной власти»¹²;

✓ экономическая элита, состоящая преимущественно из владельцев крупного капитала, банков, корпораций и т. д. (как отмечают эксперты, «в настоящее время очень трудно провести границу между политической и экономической элитой, ведь большинство современных политиков, так или иначе, обладают крупным финансовым капиталом и участвуют в экономической жизни страны»¹³).

Несоответствие интересов перечисленных выше групп целям национального развития — проблема, которая, в принципе, носит общемировой характер. Говоря о качестве современных элит, эксперты отмечают: «Правительства в подавляющем большинстве случаев состоят

«Возможности элитарности имеют явные тенденции к уменьшению как в количественном, так и в качественном аспектах: остаются богатство, деньги и основанная на них власть над другими людьми. **Такого рода элита с выхолащенным содержанием – псевдоэлита, или квазиэлита. Она не обладает качествами подлинного лидерства и поэтому не в состоянии возглавить общество в его движении по пути усовершенствования. Она успешна лишь в деле манипулирования обществом, для чего разрабатываются все более ухищренные технологии. Результатом ее работы общество не может быть удовлетворено, потому что квазиэлита не дает людям представления о будущем.**

Благосостояние и успех; комфорт и богатство – это только предпосылки будущего, которого, кстати, в условиях жесточайшей конкуренции и уже ощутимой ограниченности материальных благ может не быть. Мы все больше живем в страхе перед таким будущим»¹⁴.

из людей, не всегда способных понять и тем более принять глубокие мысли, идеи, многие из которых касаются чаще перспективы, а не сиюминутных обстоятельств. Политики не справятся с задачей оздоровления общества и людей, прежде всего в силу их неукротимой жажды власти, которая чаще всего принимает иррациональный характер. К тому же, приобретая воделенную власть, они деформируются и становятся опасными»¹⁵.

Исключительный характер «тормозящей» национальное развитие роли властвующих элит в XXI веке носит во многом инструментальный характер. Речь идет о небывалом росте инфор-

С. Белковский: **«Залоговые аукционы – это никакая не ошибка, потому что это было сделано сознательно. Это была бесплатная раздача государственной собственности в руки определенных лиц...»**

Ю. Болдырев: **«Это, безусловно, преступление, а сознательное, целенаправленное преступление хуже любых ошибок. Ошибки можно исправить. Преступления исправить сложнее, тем более спустя четверть века... К власти пришла команда, поставившая перед собой цель: личное обогащение, создание клана, который удержит дальше власть любым путем...»**

В. Иноземцев: **«Экономически мы создали ту структуру, которая фактически исключила возможность дополнительной конкуренции. Сейчас много пишут о том, сколько предприятий погибло в 90-е годы. В 2000-е годы... Мы поэтому фактически не видели того промышленного развития, которое происходило и в Восточной, Центральной Европе после коммунистического периода, не говоря уже про Китай, экономику Восточной Азии. То есть, по сути, мы полностью поставили перед собой шлагбаум для выхода за пределы производственной активности советского периода и даже гораздо ниже во многих отраслях сегодня, и не будет больше»¹⁶.**

¹² Конституция РФ с поправками 2020 г. Статья 132 // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/>

¹³ Амуров М.А. Типология современных политических элит // Управленческое консультирование. 2020. № 5. С. 24.

¹⁴ Зиннурова Л.И. Проблема элиты в современном обществе // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». 2010. Т. 23 (62). № 1. С. 147–148.

¹⁵ Там же. С. 145.

¹⁶ Дискуссия «Залоговые аукционы: как исправить ошибки 90-х?» // Эхо Москвы 26.11.2020. URL: <https://echo.msk.ru/programs/exit/2747648-echo/>

мационных технологий и возможностей удаленной коммуникации, благодаря которым представители глобального капитала (как и в целом адепты глобализма) не просто получают повышенные возможности для продвижения своих идей и реализации финансовых целей, а становятся доминирующей силой, субъектом, определяющим вектор мирового развития, способным прямо или косвенно влиять на политику почти любого государства. Противостоять этой силе, то есть фактически отстаивать национальные, а не глобальные интересы (особенно в условиях, когда глобальная сеть Интернет есть в каждом доме) можно только в условиях жесткой национально ориентированной политики, некоторой «закрытости» и жестких политических решений (как, например, в Китае).

В современной России это фактически невозможно, поскольку значительная часть действующей системы государственного управления формировалась еще в 90-е гг., когда развал Советского Союза спровоцировал появление в отечественной системе государственного управления «фантомных»¹⁷ личностей и «фантомной» идеологии.

Именно тогда, в 90-е гг., в России сформировалась система «олигархического капитализма»¹⁸, о которой мы писали в одной из наших предыдущих статей¹⁹ и которая стала уникальной для нашей страны. Прямая наслед-

«Ни одна из стран, в которых произошла социалистическая революция, не вернулась в дореволюционное прошлое и не провозгласила своей целью строительство капитализма. Кроме Китая, это Вьетнам, Лаос, Куба. Они развиваются по китайской модели, строят многоукладную экономику, кто успешнее, а кто и не очень, но не отрицают социализм, а дают ему новое прочтение...»

И лишь Россия, так много заплатившая в борьбе за социализм, вернулась к капитализму первоначального накопления, отягощенному многочисленными пороками. То есть те страны пошли вперед, а мы вернулись назад.

Если верно утверждение, что именно базис формирует надстройку, то трудно ожидать, что элита такой страны способна выработать оптимальную модель общественного развития. Поэтому бессмысленно ставить вопрос, что мы строим и куда идем. Мы плывем по течению. При этом больше смотрим в прошлое, чем в будущее»²⁰.

ница Советского Союза, Россия, взяв курс на строительство капитализма, фактически развернулась на 180 градусов в политике, экономике, социокультурном контексте, образе жизни и мысли большинства россиян. Даже несмотря

¹⁷ Термин «фантомы» используется в трактовке Ж.Т. Тощенко, как «явления, которые олицетворяют специфические, порой аномальные, экстравагантные формы общественной (публичной) активности, оказывающие серьезное влияние на политические, экономические и социальные процессы. Носители этих форм активности обладают гипертрофированными социальными характеристиками (непомерная жажда власти, неограниченное желание обладать богатством, болезненное стремление к славе). В сочетании с личностными социально-психологическими характеристиками они представляют весьма специфический ряд политических и общественных деятелей, представителей финансово-олигархических кругов, появление которых стало возможным в современную переломную эпоху жизни России, в условиях коренных политических и экономических преобразований...»

Фантомность в идеологии нового российского государства также довольно четко прослеживается... Противоречия между реальными жизнью и самыми «лучшими» концепциями порождают фантомы идеологического характера» (Источник: Тощенко Ж.Т. Фантомы современного российского общества // Гуманитарий Юга России. 2016. № 1. С. 12).

¹⁸ 31 августа 1995 г. Б. Ельцин издал Указ № 889 «О порядке передачи в 1995 г. в залог акций, находящихся в федеральной собственности». Так было осуществлено правовое «прикрытие» сделки по залоговым аукционам, в результате которых «при расходах, стремящихся к нулю, олигархи приобрели собственность стоимостью не менее 40 млрд долларов США». Эксперты назвали это «аферой, не имеющей прецедентов в нашей истории...» (Источник: Добренков В.И., Исправникова Н.Р. Российская версия «капитализма для своих»: есть ли выход из тупика? // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 3. С. 30).

¹⁹ Ильин В.А. Развитие гражданского общества в России в условиях «капитализма для избранных» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 4. С. 9–40.

²⁰ Кива А. Вывихнутые реформы. Страна должна жить будущим, а не прошлым // Независимая газета. 16.09.2020.

на формально сохранившуюся в Конституции РФ 1993 г. запись о «социальном государстве», проведенное уже в наше время (в 2017 г.) исследование доходного неравенства Пикетти показало, что за 25 лет существования России как постсоветского государства в ней «ликвидировались все позитивные достижения социалистической революции 1917 года»²¹.

Это подтверждается сегодняшними исследованиями социологов, фиксирующих, что потребность в социальной справедливости для современного российского общества стоит в одном ряду с первичными по пирамиде Маслоу потребностями в еде и здоровье²². Многие эксперты видят позитивный момент в том, что современное российское общество консолидируется на основе национальных интересов и ценностей социального государства (что, кстати, легло и в основу новой Конституции РФ 2020 г.). С этим сложно не согласиться, однако нужно понимать, что консолидация общества основана не на самой социальной справедливости, которая должна бы являться основополагающим принципом судебной системы, распределения национального дохода и других аспектов государственного управления, а на потребности в ней, то есть на «дефиците» социальной справедливости в реальной жизни и существовании ее лишь в декларативной форме.

«...попытки пересмотра итогов приватизации натолкнутся на многие ограничения, связанные с доминирующей ролью в экономике России “капитализма для своих”. Институт нелегитимной собственности в таких условиях обеспечивает воспроизводство коррупционных властных отношений ограниченной группы лиц, а не устойчивое в долгосрочном периоде социально-экономическое развитие, экономический рост и модернизацию экономики...

“Капитализм для своих” в современной России выработал определенную систему базовых ценностей. Эту систему с известной степенью точности можно назвать антинациональной»²³.

«Современный капитализм делят на “правильный”, способный обеспечить честную конкуренцию, и на “неправильный” с нечестной конкуренцией, при котором экономика имеет государственный “двигатель”. Его еще называют “крони” (crony), кумовским капитализмом. Эта модель капитализма в наибольшей степени распространена в развивающихся странах и дискредитирует свободную рыночную экономику...

Кумовской капитализм – это когда принятие государственными структурами решений подразумевает получение льготных кредитов и лицензий друзьями, знакомыми властью и близкими к ним компаниями. А также ограничение возможностей других компаний способствует установлению монополий в определенных отраслях экономики. Выработанные в рамках этих действий решения формально не нарушают закон и не считаются коррупцией, но по сути своей являются узаконенным воровством.

Термин кумовской капитализм (crony capitalism) впервые появился во время азиатского экономического кризиса 1997–1998 годов. Исследователь Э. Макинтайр (Andrew MacIntyre) из Калифорнийского университета на примере Таиланда и Индонезии объясняет, что кумовской капитализм стал основной причиной кризиса. Огромное количество горячих денег (hot money) положило начало кризису, захватившему большую часть стран Юго-Восточной Азии. Стремление за кратчайший срок заработать прибыль на разнице процентных ставок взвинтило цены на рынке капитала, и образовавшийся экономический пузырь погрузил азиатские государства в глубокий кризис. Руководства этих стран занимались инвестиционной деятельностью, перемещали огромные денежные средства, привлекая к участию в этом своих родственников и друзей (cronies)»²⁴.

²¹ Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From soviets to oligarchs: inequality and property in Russia, 1905–2016. *National Bureau of Economic Research*. Cambridge, MA. August, 2017.

²² О чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013. 400 с.

²³ Добренков В.И., Исправникова Н.Р. Российская версия «капитализма для своих»: есть ли выход из тупика? // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 3. С. 26–55.

²⁴ Бизнес с государственным “двигателем”: state-powered business. URL: <https://jargaldefacto.com/article/biznes-s-gosudarstvenniim-dwigatelem>

Таким образом, характер властвующих элит, пришедших на смену, а точнее выросших из недостатков советского периода, и доминирующая (в том числе благодаря техническим возможностям) роль глобального капитала – вот те исключительные исторические условия, в которых действует В.В. Путин и которые обуславливают «олигархический капитализм» как неременный атрибут системы государственного управления на протяжении всего постсоветского периода.

Тот факт, что он был, есть и продолжает укреплять свои позиции, наглядно демонстри-

руют разные источники: и отечественная статистика, и зарубежные исследования. Так, если в 90-х гг. «олигархический капитализм» в России только формировался, то в 2014 г. Россия заняла второе место по объему «кумовского капитала», а в 2016 г. – поднялась на первое²⁵ (табл. 1).

В 2020 году вышел первый доклад по результатам исследования качества элит, проведенного Университетом Санкт-Галлена (Швейцария), Московской школой управления «Сколково» и компанией dxFeed Solutions. В рамках данного исследования 32 страны мира были ранжированы по сравнительному индексу качества элит

Таблица 1. Индекс «кумовского капитализма» (crony-capitalism index)

Страна	Рейтинговое место в 2014 г.*	Рейтинговое место в 2016 г.	2016 г. к 2014 г. (+/-)
Россия	2	1	+1
Малайзия	3	2	+1
Филиппины	6	3	+3
Сингапур	5	4	+1
Украина	4	5	-1
Мексика	7	6	+1
Индонезия	10	7	-3
Турция	14	8	-6
Индия	9	9	0
Тайвань	8	10	-2
Китай	19	11	+8
Тайланд	16	12	+4
Южная Африка	12	13	-1
Великобритания	15	14	+1
Бразилия	13	15	-2
США	17	16	+1
Аргентина	11	17	-6
Франция	20	18	+2
Япония	21	19	+2
Южная Корея	22	20	+2
Польша	18	21	-3
Германия	23	22	+1

* В 2014 году рейтинг стран по уровню «кумовского капитала» возглавил Гонконг, который в 2016 г. в исследовании не участвовал.

²⁵ Рейтинг стран мира по «Индексу капитализма Крони» (Crony-capitalism Index) в 2014, 2016 гг. составлял журнал «The Economist». Сначала рейтинг оценивает отрасли, склонные к монополизации, требующие разрешительных документов (лицензий), зависимые от участия государства. Список состоит из более 10 отраслей, таких как игровой бизнес, оборонный сектор, угольная и лесозаготовительная промышленность, сберегательные банки, инфраструктура, аэропорты, недвижимость и строительство, металлургия, добывающий сектор, водоснабжение, услуги в области связи и коммуникаций. Далее авторы рейтинга на основании данных журнала «Форбс» оценивают общее богатство миллиардеров и сравнивают его со страновым ВВП. Чем больше эта разница, тем сильнее экономика страдает от кумовского капитализма.

(Elite Quality Index, или индекс качества элит²⁶). И хотя подобные рейтинги, на наш взгляд, весьма условны (поскольку не учитывают многие территориальные, климатические, демографические и иные условия отдельных государств), нельзя не отметить, что Россия в этом списке оказалась на 23 месте (48,9 балла). Как отмечают эксперты, она «катастрофически отстаёт» по таким показателям, как «способность выстраивать работающие институты, ориентация на долгосрочное развитие, своеобразный альтруизм... Во многом это — наследие переломной эпохи 90-х, когда значение государства, общенародного хозяйства, совместного будущего резко обесценилось... Государственные институты были приватизированы и работали в частных интересах, силовые структуры — деморализованы, суверенная внешняя политика — парализована. **Немалая часть той элиты, что пришла для реализации исключительно частных амбиций в политике и бизнесе, до сих пор остается у руля страны, значительной ротации и зачистки не произошло до сих пор**»²⁷.

Таким образом, международные исследования и оценки российских экспертов позволяют говорить о том, что, несмотря на серьезные прорывы, которых России удалось достичь по многим показателям (таким как геополитический статус, состояние ВПК и т. д.) в течение постсоветского периода, качество элит не соответствует государству, способному претендовать на роль одного из центров многополярного мира, и делает архисложным реалистичность перспектив достижения целей «прорывного развития», о которых говорил В.В. Путин во время «предвыборного» Послания Федеральному Собранию в 2018 году.

По большому счету о том же самом свидетельствуют и данные российской официальной статистики, что мы можем заключить по итогам проведенного анализа динамики преступлений «против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» (или, как чаще называют, «должностных преступлений»²⁸).

²⁶ Индекс качества элит (ИКЭ) показывает, как действия элит и их подходы к формированию благосостояния ускоряют или замедляют развитие стран. ИКЭ отражает степень совокупного влияния национальных элит на общество через измерение:

- показателей благосостояния, то есть деятельности по созданию и перераспределению ценности от одной группы людей к другой,
- показателей власти, или потенциала изъятия ценности, а также способности элит настаивать на своих предпочтениях и бизнес-моделях через институциональные механизмы стран.

Рассматриваемые в исследовании страны изучены во всей их политико-экономической сложности на основе обширного набора данных из 72 уникальных совокупных показателей, сравнивающих, в каких сферах ценности создаются или изымаются... Элиты, обладающие позитивной силой развития, имеют наивысшее качество, а элиты низкого качества заметно тормозят развитие государств.

Для определения качества элиты в той или иной стране в ИКЭ учитываются четыре базовых параметра:

- экономическая власть, • экономическая ценность, • политическая власть, • политическая ценность.

(Источник: Индекс качества элит: как они влияют на экономическое и политическое развитие: пресс-релиз Сколково. URL: <https://www.skolkovo.ru/news/indeks-kachestva-elit-kak-oni-vliyayut-na-ekonomicheskoe-i-politicheskoe-razvitiye/>).

²⁷ Гринкевич В. Справедливость превыше всего // Завтра. 25.11.2020. URL: https://zavtra.ru/blogs/spravedlivost_previshe_vsego

²⁸ Объектом должностных преступлений является предусмотренная соответствующими правовыми актами деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, Вооруженных сил Российской Федерации и воинских формирований РФ.

Объективная сторона рассматриваемых преступлений связана с использованием должностным лицом предоставленных ему полномочий вопреки интересам службы.

Субъектом преступлений, предусмотренных гл. 30 УК РФ, могут быть: а) должностные лица, а в предусмотренных законом случаях — иные государственные служащие; б) должностные лица, в предусмотренных законом случаях — иные служащие органов местного самоуправления; в) лица, не входящие в этот перечень, если соответствующий состав предусматривает их ответственность наряду с ответственностью государственных или муниципальных должностных лиц.

Конкретные виды преступлений «против государственной власти» включают в себя такие правонарушения, как: нецелевое расходование бюджетных средств; нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов; внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений; превышение должностных полномочий; незаконное участие в предпринимательской деятельности; получение взятки; дача взятки; посредничество во взяточничестве; мелкое взяточничество; служебный подлог; халатность и др. (Источник: https://be5.biz/pravo/u007/16_.html)

Таблица 2. Изменение уровня отдельных видов преступлений экономической направленности в Российской Федерации в 2003–2020 гг. (на 100 тыс. чел. нас.)

Вид преступлений	Изменение (+/-)			
	Изменение среднегодовых данных		2019 г. к 2018 г.	янв. – окт. 2020 г. к янв. – окт. 2019 г.
	2008–2012 к 2003–2007 гг.	2013–2017 к 2008–2012 гг.		
ВСЕГО преступлений экономической направленности, из них:	-87,06	-134,95	-3,04	-0,66
<i>тяжкие и особо тяжкие</i>	-11,98	-48,35	-0,95	+0,08
<i>коррупционной направленности*</i>	н.д.	-13,48	+0,14	+0,24
против государственной власти, интересов госслужбы и службы в органах местного самоуправления	+3,43	-12,78	+0,47	+0,46
<i>из них: связанные со взяточничеством</i>	+1,38	-0,87	+0,93	+0,41
<i>Для справки: численность населения РФ (тыс. чел.)**</i>	+128458,5	+2478,08	-100	-32

* Данные доступны с 2012 г.
** По данным на 1 января каждого года (Источник: Демографический ежегодник России; оперативная информация Федеральной службы государственной статистики <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>). Представлена только динамика изменений. Полная информация (абсолютные (число случаев) и относительные (на 100 тыс. чел. нас.) данные) – во вкладке 1.

Результаты анализа статистики за период с 2003 по 2020 год позволяют сделать следующие выводы:

1. **Рост уровня должностных преступлений в стране приходится на период президентского срока Д. Медведева и мирового финансового кризиса 2008 года.** В 2008–2012 гг. по сравнению с предыдущей «пятилеткой» (2003–2007 гг.) уровень преступлений «против государственной власти» возрос с 22,7 до 26,13 на 100 тыс. чел. населения; случаев взяточничества – с 6,79 до 8,17 на 100 тыс. чел. (табл. 2, вкладка 1).

2. **В период с 2013 по 2017 год (то есть во время III президентского срока В.В. Путина) уровень должностных преступлений снизился почти в два раза (с 26 до 13 на 100 тыс. чел. населения);** случаев коррупции – с 96 до 47; взяточничества – с 7 до 5 на 100 тыс. чел. (см. табл. 2, вкладку 1). По-видимому, это стало следствием активизации антикоррупционной кампании.

3. **Однако в последнее время (2018–2019 гг.; январе – октябре 2020 г. по сравнению с соответствующим периодом 2019 г.) существенных изменений в динамике уровня должностных преступлений фактически не наблюдается** (см. табл. 2, вкладку 1). Общее число преступлений «против государственной власти» составляет 9 на 100 тыс. чел. населения; коррупционных – 16, случаев взяточничества – 6.

4. В последние три года (2017–2019 гг.) в стране стабильно **увеличивается число случаев преступлений, связанных со взяточничеством:** в 2017 г. – 1,55 на 100 тыс. чел. населения; 2018 – 1,78; 2019 – 2,16 (см. табл. 2, вкладку 1).

5. Также обращает на себя внимание динамика экономических преступлений, характеризующихся ущербом в крупном и особо крупном размере (табл. 3; вкладка 2). Их общий уровень постепенно снижается: в среднем за период 2009–2012 гг. он составлял 35,50 на 100 тыс. чел. населения; в 2019 г. – 20,70, в январе – октябре 2019 г. – 19,26; в январе – октябре 2020 г. – 18,73.

Однако на этом фоне увеличивается число именно должностных преступлений, связанных с крупным и особо крупным ущербом: в 2009–2012 гг. он составлял 0,92 случая на 100 тыс. чел. населения, в 2019 – уже 1,56, в январе – октябре 2019 г. – 1,40, в январе – октябре 2020 г. – 1,62.

Таблица 3. Изменение уровня преступлений экономической направленности в Российской Федерации, совершенных в крупном или особо крупном размере либо причинивших крупный ущерб (на 100 тыс. чел. нас.)*

Вид преступлений	Изменение (+/-)		
	2013–2017 к 2009–2012 гг.	2019 г. к 2018 г.	янв. – окт. 2020 г. к янв. – окт. 2019 г.
ВСЕГО преступлений экономической направленности, из них:	-16,04	+0,20	-0,53
<i>тяжкие и особо тяжкие</i>	-8,72	-3,00	-0,11
<i>коррупционной направленности</i>	-1,36	-10,66	+0,29
против государственной власти, интересов госслужбы и службы в органах местного самоуправления	+0,02	+0,23	+0,22
<i>из них: связанные со взяточничеством</i>	+0,43	+0,23	+0,23
Для справки: численность населения РФ (тыс. чел.)**	+2453	-100	-32

* Данные доступны с января 2009 г. ** По данным на 1 января каждого года (Источник: Демографический ежегодник России; оперативная информация Федеральной службы государственной статистики <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>). Представлена только динамика изменений. Полная информация (абсолютные (число случаев) и относительные (на 100 тыс. чел. нас.) данные) – во вкладке 1.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за период с 2012 по 2019 год уменьшилось общее число осужденных за преступления по всем статьям Уголовного кодекса РФ (с 516 до 407 на 100 тыс. чел. населения), но при этом число лиц, осужденных по преступлениям «против государственной власти...», незначительно увеличилось (в 2012 г. – 4,65 на 100 тыс. чел. населения; в 2019 г. – 4,71; табл. 4).

Рост в два раза демонстрирует и динамика числа тех, кто совершил должностное преступление и был приговорен к лишению свободы (в 2012 г. – 0,368 на 100 тыс. чел. населения; в 2019 г. – 0,790; см. табл. 4)²⁹.

Таблица 4. Динамика числа лиц, осужденных по главе 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», за период 2012 – 1 полугодие 2020 г. (число осужденных на 100 тыс. чел. нас.)

Вид / степень тяжести наказания	Данные за год				Среднемесячные данные		Изменение (+/-)	
	2012 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	1 полугодие 2019 г.	1 полугодие 2020 г.	2019 г. к 2018 г.	Среднее за 1 полугодие 2020 г. к 1 полугодию 2019 г.
ВСЕГО осуждено по всем составам УК РФ	516,774	474,818	448,182	407,556	198,706	159,611	-109,218	-39,095
ВСЕГО осуждено по главе 30 УК РФ	4,637	4,996	4,933	4,709	2,177	1,697	+0,072	-0,480
Из них число лиц, приговоренных к лишению свободы	0,368	0,766	0,731	0,790	0,353	0,250	+0,422	-0,103
<i>Из них: до 1 года</i>	0,057	0,112	0,095	0,093	0,042	0,022	+0,036	-0,020
<i>1–5 лет</i>	0,266	0,467	0,443	0,480	0,214	0,153	+0,214	-0,061
<i>5–10 лет</i>	0,041	0,174	0,180	0,209	0,092	0,072	+0,168	-0,020
<i>10 и более лет</i>	0,003	0,014	0,013	0,007	0,005	0,003	+0,004	-0,002
<i>Условное осуждение к лишению свободы</i>	1,064	0,984	1,037	1,169	0,534	0,407	+0,105	-0,127

Данные по Главе 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» представлены с 2012 г. Рассчитано авторами по: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (<http://www.cdpr.ru/index.php?id=79>).

²⁹ Чаще всего приговор выносится лицам, совершившим такие виды должностных преступлений, как «мелкое взяточничество, получение взятки, дача взятки лично или через посредника в размере, не превышающем десяти тысяч руб.» (по данным на 1 полугодие 2020 г. – 0,476 на 100 тыс. чел. нас.); «дача взятки должностному лицу, иностранному должностному лицу за совершение заведомо незаконных действий (бездействие)» (0,305) и «превышение должностных полномочий, совершенное лицом, занимающим государственную должность РФ, при отягчающих обстоятельствах» (0,157). Источник: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (<http://www.cdpr.ru/index.php?id=79>).

Вкладка 1

Динамика отдельных видов преступлений экономической направленности в Российской Федерации в 2003–2020 гг.

Вид преступлений	Среднегодовые данные за период						Данные за год						Среднемесячные данные за период						Изменение (+/-)	
	2003–2007 гг.		2008–2012 гг.		2013–2017 гг.		2018 г.		2019 г.		январь – октябрь 2019 г.		январь – октябрь 2020 г.		2019 г. к 2018 г.		Среднее за январь – октябрь 2020 г. к январю – октябрю 2019 г.			
	число случаев тыс. чел. нас.	число случаев на 100 тыс. чел. нас.	число случаев тыс. чел. нас.	число случаев на 100 тыс. чел. нас.	число случаев тыс. чел. нас.	число случаев на 100 тыс. чел. нас.	число случаев тыс. чел. нас.	число случаев на 100 тыс. чел. нас.	число случаев тыс. чел. нас.	число случаев на 100 тыс. чел. нас.	число случаев тыс. чел. нас.	число случаев на 100 тыс. чел. нас.	число случаев тыс. чел. нас.	число случаев на 100 тыс. чел. нас.	число случаев тыс. чел. нас.	число случаев на 100 тыс. чел. нас.	число случаев тыс. чел. нас.	число случаев на 100 тыс. чел. нас.		
ВСЕГО преступлений экономической направленности, из них:	433124,2	301,26	305897,60	214,20	115062,40	79,25	109463,00	74,53	104927,00	71,49	97114,00	66,16	96124,00	65,50	-4536	-3,04	-990	-0,66		
тяжкие и особо тяжкие	154586,8	107,53	136465,80	95,55	68541,60	47,20	64736,00	44,07	63285,00	43,12	60102,00	40,95	60209,00	41,03	-1451	-0,95	+107	+0,08		
коррупционной направленности*	н.д.	н.д.	49028,00	34,27	30159,20	20,79	23234,00	15,82	23427,00	15,96	21185,00	14,43	21523,00	14,67	+193	+0,14	+338	+0,24		
против государственной власти, интересов госслужбы и службы в органах местного самоуправления	32632,40	22,70	37321,40	26,13	19360,40	13,35	13262,00	9,03	13949,00	9,50	12454,00	8,48	13113,00	8,94	+687	+0,47	+659	+0,46		
из них: связанные со взятничеством	9754,80	6,79	11675,00	8,17	10595,80	7,30	7090,00	4,83	8459,00	5,76	7493,00	5,10	8081,00	5,51	+1369	+0,93	+588	+0,41		
Для справки: численность населения РФ (тыс. чел.)**	14389,50		142848,00		145326,08		146880,40		146780,70		146780,70		146780,70		-100,00		-32,00			

Сведения представлены с января 2003 г.

* Данные доступны с 2012 г.

** По данным на 1 января каждого года (Источник: Демографический ежегодник России; оперативная информация Федеральной службы государственной статистики <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>).
Источник: рассчитано авторами по ежемесячным отчетам Министерства внутренних дел РФ о состоянии преступности в Российской Федерации (<https://мвд.рф/folder/101762>).

Детализированные сведения о преступлениях против государственной власти, интересов госслужбы и службы в органах местного самоуправления, связанных со взятничеством, за период 2017–2020 гг.

Вид преступлений	Данные за год						Среднемесячные данные за период						Изменение (+/-)	
	2017 г.		2018 г.		2019 г.		январь – октябрь 2019 г.		январь – октябрь 2020 г.		2019 г. к 2018 г.		Среднее за январь – октябрь 2020 г. к январю – октябрю 2019 г.	
	число случаев	число случаев на 100 тыс. чел. нас.	число случаев	число случаев на 100 тыс. чел. нас.	число случаев	число случаев на 100 тыс. чел. нас.	число случаев	число случаев на 100 тыс. чел. нас.	число случаев	число случаев на 100 тыс. чел. нас.	число случаев	число случаев на 100 тыс. чел. нас.	число случаев	число случаев на 100 тыс. чел. нас.
Всего преступлений, связанных со взятничеством, из них:	6270	4,27	7090	4,83	8459	5,76	7493	5,10	8081	5,51	+1369	+0,93	+588	+0,41
получение взятки	3188	2,17	3499	2,38	3988	2,72	3536	2,41	3744	2,55	+489	+0,34	+208	+0,14
дача взятки	2272	1,55	2612	1,78	3174	2,16	2770	1,89	3118	2,12	+562	+0,38	+348	+0,23
посредничество во взятничестве	810	0,55	979	0,67	1297	0,88	1187	0,81	1219	0,83	+318	+0,21	+32	+0,02
Для справки: численность населения РФ (тыс. чел.)*	146804,4		146880,4		146780,7		146780,7		146780,7		-100,00		-32,00	

Сведения о случаях получения и дачи взятки представлены с 2017 г.

* По данным на 1 января каждого года (Источник: Демографический ежегодник России; оперативная информация Федеральной службы государственной статистики <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>).
Источник: рассчитано авторами по ежемесячным отчетам Министерства внутренних дел РФ о состоянии преступности в Российской Федерации (<https://мвд.рф/folder/101762>).

Вкладка 2

Динамика отдельных видов преступлений экономической направленности в Российской Федерации в 2009–2020 гг., совершенных в крупном или особо крупном размере или особо крупном размере либо причинивших крупный ущерб

Вид преступлений	Среднегодовые данные за период				Данные за год				Среднемесячные данные за период				Изменение (+/-)			
	2009–2012 гг.		2013–2017 гг.		2018 г.		2019 г.		январь – октябрь 2019 г.		январь – октябрь 2020 г.		2019 г. к 2018 г.		Среднее за январь – октябрь 2020 г. к январю – октябрю 2019 г.	
	число случаев	число случаев на 100 тыс. чел. нас.	число случаев на 100 тыс. чел. нас.	число случаев на 100 тыс. чел. нас.	число случаев	число случаев на 100 тыс. чел. нас.	число случаев	число случаев на 100 тыс. чел. нас.	число случаев	число случаев на 100 тыс. чел. нас.	число случаев	число случаев на 100 тыс. чел. нас.	число случаев	число случаев на 100 тыс. чел. нас.	число случаев	число случаев на 100 тыс. чел. нас.
Всего преступлений экономической направленности, из них:	50708,00	35,50	28289,00	19,46	30132,00	20,51	30398,00	20,71	28271,00	19,26	27485,00	18,73	+266	+0,20	-786	-0,53
тяжкие и особо тяжкие	31941,50	22,36	19832,00	13,64	27967,00	19,04	23537,00	16,04	22023,00	15,00	21858,00	14,89	-4430	-3,00	-165	-0,11
коррупционной направленности	7437,00	5,20	5589,60	3,84	22888,00	15,58	7223,00	4,92	6624,00	4,51	7044,00	4,80	-15665	-10,66	+420	+0,29
против государственной власти, интересов госслужбы и службы в органах местного самоуправления	1320,00	0,92	1370,20	0,94	1947,00	1,33	2293,00	1,56	2060,00	1,40	2370,00	1,62	+346	+0,23	+310	+0,22
из них: связанные со взяточничеством	343,00	0,24	974,00	0,67	1760,00	1,20	2102,00	1,43	1883,00	1,28	2222,00	1,51	+342	+0,23	+339	+0,23
Для справки: численность населения РФ (тыс. чел.)*	142873,1		145326,1		146880,4		146780,7		146780,7		146748,6		-100,0		-32,0	

Сведения представлены с января 2009 г.
* По данным на 1 января каждого года (Источник: Демографический ежегодник России: оперативная информация Федеральной службы государственной статистики <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>).
Источник: рассчитано авторами по ежемесячным отчетам Министерства внутренних дел РФ о состоянии преступности в Российской Федерации (<https://мвд.рф/folder/101762>).

Детализированные сведения о преступлениях против государственной власти, интересов госслужбы и службы в органах местного самоуправления, связанных со взяточничеством в крупном или особо крупном размере, за период 2017–2020 гг.

Вид преступлений	Данные за год				Среднемесячные данные за период				Изменение (+/-)					
	2017 г.		2018 г.		2019 г.		январь – октябрь 2020 г.		2019 г. к 2018 г.		Среднее за январь – октябрь 2020 г. к январю – октябрю 2019 г.			
	число случаев	число случаев на 100 тыс. чел. нас.	число случаев	число случаев на 100 тыс. чел. нас.	число случаев	число случаев на 100 тыс. чел. нас.	число случаев	число случаев на 100 тыс. чел. нас.	число случаев	число случаев на 100 тыс. чел. нас.	число случаев	число случаев на 100 тыс. чел. нас.		
Всего преступлений, связанных со взяточничеством, из них:	1541	1,05	1760	1,20	2102	1,43	1883	1,28	2222	1,51	+342	+0,23	+339	+0,23
получение взяток	808	0,55	908	0,62	1041	0,71	937	0,64	1079	0,74	+133	+0,09	+142	+0,1
дача взяток	401	0,27	482	0,33	571	0,39	490	0,33	639	0,44	+89	+0,06	+149	+0,11
посредничество во взяточничестве	332	0,23	370	0,25	490	0,33	456	0,31	504	0,34	+120	+0,08	+48	+0,03
Для справки: численность населения РФ (тыс. чел.)*	146804,4		146880,4		146780,7		146780,7		146748,6		-100,0		-32,0	

Сведения о случаях получения и дачи взяток представлены с 2017 г.
* По данным на 1 января каждого года (Источник: Демографический ежегодник России: оперативная информация Федеральной службы государственной статистики <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>).
Источник: рассчитано авторами по ежемесячным отчетам Министерства внутренних дел РФ о состоянии преступности в Российской Федерации (<https://мвд.рф/folder/101762>).

Таким образом, официальные данные статистики, которые мы представили выше, свидетельствуют о том, что в динамике уровня должностных правонарушений, как и числа лиц, осужденных по статьям Главы 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», не наблюдается ощутимых позитивных изменений. Это, во-первых, само по себе является показательной характеристикой властвующих элит, во-вторых, имеет и другую, психологическую сторону своих последствий, оказывающую не меньшее, а может и большее влияние на цивилизационно-историческое развитие государства, подрывая главный фундамент, на котором выстроено «глубинное государство» В.В. Путина – доверие общества.

«Одна из главных российских проблем, представляющих собой одновременно и причину, и следствие ограниченного качества элит, – это повсеместное отсутствие доверия: правительство не доверяет гражданам и бизнесу; граждане и бизнес не доверяют друг другу и государству. Это увеличивает расходы на ведение бизнеса, толкает частный бизнес в объятия государства для защиты и изъятия ренты, уменьшает эффективность институтов, заменяя их личными решениями и в конечном счете выдавливая капитал и мозги из страны. Невозможно раскрыть истинный потенциал России без работы над этой широко распространенной проблемой»³⁰.

Вместе с общемировым процессом актуализации субъективных факторов³¹ доверие становится «краеугольным камнем» исторического развития и текущего положения дел в любом государстве, особенно в России, где «доверительное общение и взаимодействие верховного

правителя с гражданами»³² выступает стержнем всей государственности. Однако, когда россияне говорят о том, что уровень коррупции в сфере государственной и муниципальной собственности составляет 78%; в сфере государственного и муниципального контроля – 75%; в судебной системе – 74%; в сфере ЖКХ и оказания услуг – 63%; в здравоохранении и образовании – до 44%³³, становится вполне понятным, почему эксперты, оценивая качество российских элит и сопутствующих ему проблем, говорят, прежде всего, о повсеместном отсутствии доверия. Несмотря на уже давно идущую антикоррупционную кампанию, 81% россиян считают коррупцию в России по-настоящему серьезной проблемой и только 11% видят прогресс в борьбе с ней³⁴.

По результатам деятельности следственных органов в последние годы обнаружится множество фактов, показывающих:

✓ во-первых, насколько глубоко коррупция проникла во все органы публичной власти (от муниципальных чиновников до министров федерального уровня), то есть по всей вертикали системы государственного управления;

«Практически никогда не бывает в этой [коррупционной] среде одиночек – такое просто невозможно себе представить. Существуют связи, в том числе с правоохранительными структурами, коллегами и так далее»³⁵.

✓ во-вторых, насколько широко она распространилась по горизонтали, то есть делая своими субъектами и бенефициарами не только главных фигурантов уголовных дел, но и их подчиненных, коллег, родственников, друзей; фактически за каждым очеред-

³⁰ Индекс качества элит: как они влияют на экономическое и политическое развитие: пресс-релиз Сколково. 2020 (президент бизнес-школы Сколково А. Шаронов, ректор Российской экономической школы Р. Ениколопов). URL: <https://www.skolkovo.ru/news/indeks-kachestva-elit-kak-oni-vliyayut-na-ekonomicheskoe-i-politicheskoe-razvitiye/>

³¹ Горшков М.К. Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 3. С. 45–56.

³² Сурков В.Ю. Долгое государство Владимира Путина // Независимая газета. 2019. 11 фев. URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html

³³ Социологический опрос, проведенный Генпрокуратурой в июне 2019 г. Общее число опрошенных россиян – 38 тыс. во всех субъектах РФ (источник: Генпрокуратура назвала лидеров по уровню коррупции – силовики, суды,

³⁴ Там же.

³⁵ Николаев А. Компромат ФСБ собирает годами: Почему чиновников «берут», когда уже украдены миллиарды (мнение С. Резника) // Царь-град 15.10.2019. URL: https://yandex.ru/turbo/tsargrad.tv/s/articles/kompromat-fsb-sobiraet-godami-pochemu-chinovnikov-berut-kogda-uzhe-ukradeny-milliardy_221740

ным вскрытым делом стоят десятки людей, так или иначе с ним связанных³⁶;

✓ наконец, в-третьих, общедоступными становятся сведения, о каких баснословных состояниях (выражаемых в валюте, золоте, движимом и недвижимом имуществе) идет речь практически в каждом коррупционном деле. Чаще всего обнаруженное у фигурантов подобных уголовных дел имущество в десятки раз превосходит суммы средств, за которые они «попались»³⁷. И это также свидетельствует о том, что целенаправленное нарушение закона данными лицами было не эпизодическим, а регулярным, системным.

Ранее мы неоднократно возвращались к подобным примерам, вызвавшим наиболее широкий резонанс в российском обществе³⁸. Для иллюстрации некоторые из них представлены во *вкладке 3*. Однако, по большому счету, всех их даже за последние годы невозможно перечислить в рамках одной статьи. Впрочем, так же сложно с точностью определить суммы расхищенных средств в каждом конкретном уголовном деле и сумму финансового ущерба, который терпят от этого российская экономика, государство и, в конечном итоге, широкие слои населения.

³⁶ Например:

После ареста губернатора Сахалинской области А. Хорошавина (2015 г.) начались коллективные задержания членов правительства региона. Были арестованы бывший министр сельского хозяйства Сахалина Н. Борисов, курировавший рыбную отрасль бывший вице-премьер Сахалина С. Карепкин, действующий вице-мэр Южно-Сахалинска А. Лескин, а также его предшественник М. Магомедов. **Общая сумма взяток, вменяемых экс-чиновникам, исчисляется десятками миллионов рублей** (Источник: Мэр Охи покинет пост из-за дела экс-министра Сахалина / Федеральное средство массовой информации «Первое антикоррупционное СМИ». 13.05.2015. URL: <https://pasm1.ru/archive/124308/>).

По делу экс-губернатора Коми В. Гайзера (2015 г.) арестованы **почти четыре десятка чиновников, депутатов и бизнесменов**, регулярно вскрываются все новые и новые эпизоды и дела, так или иначе связанные с бывшим руководством республики (источник: Шевчук М. Чего ждут арестованные губернаторы? // Деловой Петербург. 25.10.2020. URL: https://www.dp.ru/a/2016/10/25/СНего_zhдут_arestovannie_gu).

³⁷ Конкретные примеры (источник: Барова Е. Деньги мешками. Что хранили дома подозреваемые в коррупции? // Аргументы и факты. 01.03.2019. URL: https://aif.ru/money/corruption/dengi_meshkami_что_hranili_doma_podozrevaemye_v_korrupcii):

1. В 2013 году на взятке в 1,4 млн руб. поймали главу воронежского автодора А. Трубникова. При обыске на даче у него нашли 134 млн руб. наличными в разной валюте — деньги валялись по всему дому в ящиках и мешках. В 2015 году чиновник был приговорён к 7,5 года строгого режима, но провёл за решёткой всего 10,5 месяца (плюс к 9 месяцам СИЗО). Вышел Трубников 31 января 2017 по УДО из-за онкологического заболевания. Его жена Н. Трубникова, «которую муж оставил без копейки», в 2017 году отсудила право на половину денег. Суд освободил от ареста 66,5 млн руб., изъятые при обыске у Трубникова.

2. В 2016 г. на взятке в виде автомобиля Porsche Cayenne был арестован заместитель руководителя управления Росрезерва по Сибирскому федеральному округу И. Гарифуллин. При официальной зарплате 46 тыс. руб. в месяц у него нашли 135 млн наличными дома и в банковской ячейке; дорогие коллекции ружей (по полмиллиона каждое) и часов... вдоль стен в доме было расставлено много чучел, на полу — медвежьи шкуры... У топ-менеджера оказался целый автопарк: два КамАЗа, «Ленд Крузер 200 арктик трек», «Порше панamera», «Порше кайенн», «Рейндж ровер спорт», «Фольксваген мультивэн», «Фольксваген фаэтон».

3. При обыске в резиденции сенатора Р. Арашукова нашли золотые слитки, сабли, кинжалы и пачки денег. Ювелирные украшения взвешивали кучей — насчитали десятки кило.

4. Из квартиры сестры офицера полиции Д. Захарченко в Москве вынесли почти полторы тонны (!) денег в коробках — 9 млрд руб. в разной валюте и слиток золота на полкилограмма. Позже у Захарченко и его родственников были обнаружены 13 квартир. Арест Захарченко в сентябре 2016 года получил широкий резонанс из-за суммы наличных, которые следователи нашли у него и его близких при обысках, — \$140 млн, €2,2 млн и 374 млн руб. На момент ареста полковнику вменяли только взятку на 7 млн руб. от бизнесмена А. Пшегорницкого (источник: РБК, 10.06.2019. URL: <https://www.rbc.ru/society/10/06/2019/5cf666929a7947ce194162ae>).

5. Бывший министр финансов Московской области Алексей Кузнецов прятал целый «Эрмитаж». В 2014 г. в Санкт-Петербурге следственная группа обнаружила ангар, где находились 82 предмета антикварной мебели, 113 картин известных художников, 2 старинные иконы и 13 ящиков с редкими книгами. По версии следствия, всё это добро на 4 млрд руб. планировалось переправить за границу.

³⁸ См., например:

Ильин В.А., Морев М.В. «...А самое главное — в России не будет нищих». «Капитализм для своих» — ключевая проблема национальной безопасности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2. С. 9–23.

Ильин В.А. Актуальность тезиса «Кадры решают всё!» для современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 3. С. 9–31.

Вкладка 3

Некоторые «громкие» преступления представителей властвующих элит всех уровней публичной власти*

Год ареста	Имя	Должность	Статья	Предполагаемая либо установленная сумма ущерба; обнаруженные деньги, драгоценности	Мера пресечения / приговор
Федеральный уровень					
2002	Аксененко Н.	Министр путей сообщения	Превышение полномочий, присвоение, растрата	70 млн руб.	Подписка о невыезде, отпущен на лечение в Германию
2008	Адамов Е.	Министр по атомной энергии (1998–2001 гг.)	Злоупотребление полномочиями	100 млн долл.	Условное наказание
2011	Донских О.	Директор департамента Министерства сельского хозяйства РФ	Мошенничество	800 млн руб.	В розыске
2012	Васильева Е.	Начальник департамента Минобороны РФ	Мошенничество, легализация денежных средств, злоупотребление полномочиями	1–3 млрд руб.	Освобождена по УДО
2013	Бажанов А.	Замминистра сельского хозяйства РФ (2009–2010 гг.)	Мошенничество, отмывание денег	1,1 млрд руб.	В розыске
2013	Сердюков А.	Министр обороны РФ	Халатность	56 млн руб.	Уголовное дело прекращено по амнистии
2013	Шишкин А.	Заместитель руководителя Госстроя России	Мошенничество	30 млн руб.	6 лет колонии общего режима
2013	Скрынник Е.	Министр сельского хозяйства РФ (2009–2012 гг.)	Мошенничество в особо крупном размере	39 млрд руб.	Уголовное судопроизводство не завершено
2015	Сугробов Д.	Начальник управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД	Создание преступного сообщества, превышение полномочий, провокация взятки	218 млн руб.	СИЗО
2016	Захарченко Д.	Замначальника управления ГУЭБиПК МВД	Взятка	8,5 млрд руб.	СИЗО
2016	Лопырев Г.	Начальник Федеральной службы охраны по Северо-Кавказскому Федеральному округу	Взятки в особо крупных размерах	1 млрд руб.	СИЗО
2016	Улюкаев А.	Министр экономического развития РФ	Взятка	2 млн долл.	Домашний арест
2016	Пирумов Г.	Заместитель министра культуры РФ	Мошенничество	50 млн руб.	СИЗО
2017	Артамонов В.	Бывший заместитель министра МЧС	Растрата в особо крупном размере	1,3 млн руб.	3 года условно
2019	Ишаев В.	Экс-министр по развитию Дальнего Востока	Организация растраты и растрата вверенного имущества, совершенные с использованием служебного положения, в особо крупном размере	7,5 млн руб.	Домашний арест
2019	Арашуков Р.	Сенатор от Карачаево-Черкесии	Превышение должностных полномочий, заведомо ложный донос, причастность к заказным убийствам, создание преступного сообщества, давление на свидетелей	30 млрд руб.	Уголовное судопроизводство не завершено
2020	Арсланов Х.	Заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации	Мошенничество в крупном размере, взятка в особо крупном размере	6,7 млрд руб.	СИЗО

Год ареста	Имя	Должность	Статья	Предполагаемая либо установленная сумма ущерба, обнаруженные деньги, драгоценности	Мера пресечения / приговор
2020	Гайрбеков Р.	Руководитель отдела военно-технического сотрудничества департамента оборонно-промышленного комплекса Минпромторга	Взятка в особо крупном размере	2 млн руб.	Уголовное судопроизводство не завершено
2020	Абызов М.	Экс-министр по вопросам «открытого правительства»	Создание преступного сообщества, отмывание денежных средств в особо крупном размере, незаконное предпринимательство, мошенничество в особо крупном размере.	36 млрд руб.	Уголовное судопроизводство не завершено
2020	Мень М.	Экс-глава Минстроя, аудитор Счетной палаты	Растрата	700 млн руб.	Уголовное судопроизводство не завершено
Региональный уровень					
2011	Дудка В.	Губернатор Тульской области	Взятка	40 млн руб.	9,5 года колонии строгого режима
2012	Кузнецов М.	Министр финансов Правительства Московской области	Мошенничество, легализация денежных средств	11 млрд руб.	14 лет колонии
2014	Юрченко В.	Губернатор Новосибирской области	Халатность, превышение должностных полномочий	13,3 млн руб.	3 года условно
2015	Гайзер В.	Глава Республики Коми	Организация преступного сообщества, взятка	1 млрд руб.	СИЗО
2015	Хорошавин А.	Губернатор Сахалинской области	Взятка, легализация денежных средств	522 млн руб.	СИЗО
2015	Нелидов А.	Глава Республики Карелия	Взятка	4,6 млн руб.	Колония
2015	Денин Н.	Губернатор Брянской области	Злоупотребление должностными полномочиями лицом, занимающим государственную должность субъекта РФ	21,8 млн руб.	4 года колонии общего режима
2015	Лукоянов В.	Вице-губернатор Краснодарского края	Злоупотребление полномочиями	32 млн руб.	СИЗО, затем – домашний арест
2015	Сандаков Н.	Вице-губернатор Челябинской области	Взятки, мошенничество	1,5 млн руб.	5,5 года колонии строгого режима
2016	Белых Н.	Губернатор Кировской области	Взятка	20 млн руб.	СИЗО
2016	Торлопов В.	Глава Республики Коми	Создание преступного сообщества, мошенничество	2,5 млрд руб.	Домашний арест
2017	Маркелов Л.	Глава Республики Марий Эл	Взятка, злоупотребление полномочиями, хранение боеприпасов	235 млн руб.	Уголовное судопроизводство не завершено
2017	Соловьев А.	Глава Республики Удмуртия	Взятка	139 млн руб.	10 лет колонии строгого режима
2017	Юревич М.	Губернатор Челябинской области	Взятка, подстрекательство к клевете	26 млн руб.	Дело прекращено в связи с истечением срока давности

Год ареста	Имя	Должность	Статья	Предполагаемая либо установленная сумма ущерба, обнаруженные деньги, драгоценности	Мера пресечения / приговор
2018	Винников А.	Губернатор Еврейской автономной области	Злоупотребление должностными полномочиями	24 млн руб.	4 года колонии условно
2019	Коньков П.	Губернатор Ивановской области	Присвоение и растрата в особо крупных размерах	700 млн руб.	СИЗО, с 12 марта 2020 г. – домашний арест
2020	Половников В.	Глава МВД по республике Коми	Получение взятки в особо крупном размере	25 млн руб.	Уголовное судопроизводство не завершено
2020	Фургал С.	Губернатор Хабаровского края	Покушение на убийство, организация убийств	–	Уголовное судопроизводство не завершено
2020	Плитко А.	Вице-губернатор Кировской области	Получение взятки в особо крупном размере	10,5 млн руб.	Уголовное судопроизводство не завершено
2020	Коваль А.	Вице-губернатор Ленинградской области	Мошеничество в особо крупном размере	28 млн руб.	2 месяца СИЗО, штраф 21 млн руб.
Муниципальный уровень					
2010	Трофимов В.	Заместитель прокурора САО г. Москвы	Мошеничество, вымогательство взятки	3 млн долл.	Осужден на 13,5 года, срок сокращен на 5 лет
2012	Бестужев И.	Мэр г. Ставрополя	Взятка	50 млн руб.	9 лет колонии строгого режима
2012	Тарасов Е.	Сити-менеджер г. Озерска	Хищение	22 млн руб.	СИЗО, затем – домашний арест
2013	Прокопенко А.	Глава администрации г. Саратова	Присвоение или растрата, совершенные организованной группой в особо крупном размере; халатность; злостное неисполнение судебных решений	500 млн руб.	Уголовное судопроизводство не завершено
2013	Урлашов Е.	Мэр г. Ярославля	Вымогательство, взятка	17 млн руб.	12,5 года колонии строгого режима
2013	Столяров М.	Мэр г. Астрахани	Взятка	10 млн руб.	10 лет лишения свободы
2014	Николайчук Н.	Мэр г. Томска	Превышение должностных полномочий	36 млн руб.	4 года условно
2014	Прокопук А.	Мэр г. Тулы	растрата, совершенная с использованием своего служебного положения, в особо крупном размере	31,7 млн руб.	7 лет колонии общего режима
2014	Шкрабалюк А.	Мэр г. Охи	Превышение должностных полномочий	331 млн руб.	Освобожден по амнистии
2015	Савинцев И.	Мэр г. Барнаула	Превышение полномочий; покушение на присвоение и растрату	17 млн руб.	4 года условно

Год ареста	Имя	Должность	Статья	Предполагаемая либо установленная сумма ущерба, обнаруженные деньги, драгоценности	Мера пресечения / приговор
2015	Поздеев И.	Мэр г. Сыктывкара	Злоупотребление должностными полномочиями; превышение должностных полномочий; растрата, совершенная с использованием своего служебного положения, в особо крупном размере	12,5 млн руб.	7 лет лишения свободы
2016	Пушкарев И.	Глава г. Владивостока	Злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп	160 млн руб.	СИЗО
2016	Сверчков В.	Глава г. Иваново	Взятка	12,7 млн руб.	5 лет колонии строгого режима
2017	Клементьева И.	Мэр г. Чебоксары	Злоупотребление должностными полномочиями, растрата	20 млн руб.	5 лет колонии общего режима
2018	Мусаев М.	Мэр г. Махачкала	Превышение должностных полномочий	48 млн руб.	4 года колонии общего режима
2019	Быков В.	Мэр г. Кирова	Взятка в особо крупном размере	7,8 млн руб.	Домашний арест
2019	Гоголев В.	Заместитель мэра г. Якутска	Злоупотребление должностными полномочиями	165 млн руб.	4 года колонии общего режима
2020	Филонов А.	Мэр г. Евпатории	Совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан	.43 млн руб.	3года 8 месяцев колонии-поселения
2020	Куракин Д.	Заместитель председателя правительства Московской области	Мошеничество в особо крупном размере; злоупотребление служебным положением; получение взятки	2 млрд руб.	Уголовное судопроизводство не завершено
2020	Кляйн И.	Мэр г. Томска	Превышение должностных полномочий	1,3 млрд руб.	Уголовное судопроизводство не завершено

*Ранжировано по году ареста.

Источники (там же можно найти более подробные сведения об указанных делах):

1. Официальные сайты федеральных и региональных средств массовой информации: «Новая газета», «Завтра», «Коммерсант», «Известия», «Российская газета», «Комсомольская правда. Вологда», «Комсомольская правда. Санкт-Петербург», «Комсомольская правда. Челябинск», «Комсомольская правда. Ярославль», Информационное агентство «Север-Медиа» (Сыктывкар), Информационное агентство «Взгляд-инфо» (Саратовская область), «Алтайпресс» (Новости Барнаула и Алтайского края), Новости Первого канала (<https://www.1tv.ru/>), Новости Челябинска (<https://cheb.media/>).
2. Официальные сайты федеральных и региональных новостных ресурсов: РИА-новости, Новости Rambler, ТАСС, Lenta.ru, 47-news.ru, РБК, Интерфакс, Новости Ивановской области (<https://www.ivanovonews.ru/>), Интернет-портал Южного региона «Юг. ру» (<https://www.yuga.ru/>).
3. Прочие информационные ресурсы: «Закон и порядок» (<https://zakon-i-poryadok.com/>); международная телекомпания Deutsche Welle (<https://www.dw.com/en/top-stories/s-9097>); проект «Виртуальный Кореновск» (<http://mukor.ru/>), Сетевое издание «Ostagon.Media» (<https://ostagon.media/>), Сетевое издание «Информационное агентство PrismaMedia», Сетевое издание vtomске.ru.

«Чиновничья каста в целом, на более высоком уровне, напоминает собой цыганский табор, где действует круговая порука. Нынешние коррупционеры научились манипулировать законодательством, проводя конкурсы по выбору подрядчиков, заключая госконтракты так, чтобы это было выгодно им»³⁹.

Приведенные выше факты невольно вызывают мысль о том, что система государственного управления в России, сравнивая с человеческим организмом⁴⁰, поражается разнообразными видами экономических преступлений

Михайлов А. (генерал-лейтенант запаса, бывший оперативник 5-го управления КГБ СССР, возглавлявший затем центр общественных связей ФСБ России и управление информации МВД): *«Иногда создаётся ощущение, что нас пытаются поразить масштабом таких арестов. Будто бы – чем выше сумма, тем выразительнее. Но это ведь в корне неправильно! Душить коррупцию надо в самом зародыше. Ведь нет разницы по мере наказания, предусмотренной Уголовным кодексом, если украден миллион, или миллиард, или восемь миллиардов. Статья та же, срок тот же.*

Но почему-то нужно добиться такого уровня народного гнева, что становится страшно. Отчего нельзя взять раньше? И доказывать легче и проще, и само преступление пресечено. Только ведь нет: наматывают целый клубок из бесчисленного множества эпизодов, а потом уже начинают его разматывать. И что-то непременно «отваливается» в суде из-за недоказанности, а это вызывает ещё большее недовольство простых людей: «А, значит, откупился». Моё твердое мнение – чиновников надо привлекать не за воровство, а за государственную измену. С суровым наказанием. Вот тогда получится что-то исправить и изменить»⁴¹.

по аналогии с метастазами онкологического заболевания, глубоко проникающими внутрь и вширь, делая невозможным ее дальнейшее существование и развитие. Этот психологический момент ускользает от внимания официальной статистики, поскольку в УК РФ не предусмотрена корреляция между сроком наказания и суммой похищенных средств.

В результате, сколько бы очередных громких арестов ни происходило, они ещё больше укрепляют в обществе мысль о том, что это лишь «верхушка айсберга», что реальные масштабы коррупции в стране остаются где-то далеко «за кадром» общественного понимания. Не случайно (как показали результаты опроса Генпрокуратуры) 85% россиян считают, что «СМИ замалчивают большинство информации о коррупции»⁴².

Нельзя, тем не менее, не отметить тот факт, что на последней пресс-конференции Президента, состоявшейся 17 декабря 2020 г., вопросы о высоком уровне распространения коррупции в нашей стране не нашли своего отражения. Либо они не так сильно волнуют журналистов и общество, либо волнуют, но по каким-то причинам «не дошли» до главы государства. В любом случае четкой позиции Президента относительно перспектив антикоррупционной кампании, наличия конкретного плана по профилактике и системному решению данного вопроса так и не прозвучало. Хотя, на наш взгляд, это очень важно, так как речь здесь идет не столько о самой коррупции, которая выступает, скорее, индикатором качества властвующих элит, а об их морально-нравственных установках и принципах; ответственности перед обществом. Это вопрос гораздо более широкий, и именно он определяет характер взаимодействия и отношений между обществом и властью на всех уровнях государственного управления.

³⁹ Николаев А. Компромат ФСБ собирает годами: Почему чиновников «берут», когда уже украдены миллиарды (мнение С. Резника) // Царь-град. 15.10.2019. URL: https://yandex.ru/turbo/tsargrad.tv/s/articles/kompromat-fsb-sobiraet-godami-pochemu-chinovnikov-berut-kogda-uzhe-ukradeny-milliardy_221740

⁴⁰ Сулакшин С.С. Качество и успешность государственных политик и управления // Серия «Политическая аксиология». М.: Научный эксперт, 2012 г. С. 6, 12.

⁴¹ Николаев А. Компромат ФСБ собирает годами: Почему чиновников «берут», когда уже украдены миллиарды (мнение С. Резника) // Царь-град. 15.10.2019. URL: https://yandex.ru/turbo/tsargrad.tv/s/articles/kompromat-fsb-sobiraet-godami-pochemu-chinovnikov-berut-kogda-uzhe-ukradeny-milliardy_221740

⁴² Социологический опрос, проведенный Генпрокуратурой в июне 2019 г. Общее число опрошенных россиян – 38 тыс. во всех субъектах РФ (источник: Генпрокуратура назвала лидеров по уровню коррупции – силовики, суды, исполнительная власть. URL: <https://pasm.ru/archive/245653/>).

Таким образом, мы видим, что проблема коррупции в современной России имеет комплексные последствия. Это не только потеря финансовых средств, которые могли бы быть направлены на решение наиболее актуальных проблем населения, но и откровенные провалы в реализации целевых установок главы государства, а также подрыв доверия общества к власти, что делает неустойчивым уровень социальной стабильности в стране, затрудняя конструктивное проведение каких-либо реформ. «Если люди не видят справедливости, то они разочаровываются и не готовы идти за такой властью»⁴³.

Полтерович В.М.: «Низкий уровень доверия существенно затрудняет реформы, а неудачные реформы ведут к его дальнейшему снижению»⁴⁴.

Во многом именно этим, а не только влиянием пандемии, объясняются снижение в последние месяцы позитивного эмоционального настроения общества (вкладка 4; рис. 1), стабильная доля тех, кто субъективно причисляет себя к категории «бедных и нищих» (вкладка 4; рис. 2), а также рост пессимизма в отношении перспектив российской экономики и своего личного материального положения, что отчетливо видно по снижению индекса потребительских настроений, фиксируемому не только региональными (вкладка 4; рис. 3), но и федеральными социологическими исследованиями (вкладка 4; рис. 4).

В конечном итоге олигархический капитализм и коррупция, как его неизменный атрибут, зародившись ещё в эпоху развала СССР, отражают качество современных элит в России. Это ведет к комплексным негативным последствиям в системе государственного управления и жизни общества, проявляясь, прежде всего, в пробуксовывании реализации целей национального развития и неудовлетворенности ожиданий широких слоев населения относительно динамического развития

уровня и качества жизни, достижения социальной справедливости.

«Надо понимать: какой бы гениальной ни была экономическая, социальная или военная стратегия страны, всё будет бездарно провалено, разворовано и проиграно, если реализация доверена провальной по качеству элите... Хорошая элита “создаёт ценности”, то есть живёт сама и позволяет хорошо жить и наращивать благосостояние другим, плохая – “извлекает ценности”, то есть грабит и присваивает общее достояние, не заботясь о государстве и народе. И в том, и в другом случае элита богатеет. Однако элита Сингапура берёт себе меньше, чем создаёт, а в Нигерии присваивает себе больше, чем делает... хорошая элита увеличивает “общий пирог”, плохая – выгрызает из этого пирога большой личный кусок. Таким образом, степень альтруизма, желания работать на благо страны определяет, в конечном счёте, качество элит»⁴⁵.

Насколько характер последствий коррупции осознается главой государства и какие меры Президент РФ предпринимает в связи с этим?

Согласно ФЗ «О противодействии коррупции»⁴⁶ именно Президент «определяет основные направления государственной политики в области противодействия коррупции» и «устанавливает компетенцию федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых он осуществляет, в области противодействия коррупции» (ст. 5, п. 1). В связи с этим уместно вспомнить о том, что в марте 2020 г., выступая на заседании Генеральной прокуратуры РФ, В.В. Путин отметил: «Бороться с коррупцией надо всегда и по всем направлениям... Потому что мы выделяем колоссальные ресурсы на решение общенациональных задач и достижение общенациональных целей развития. Нужно обеспечить сохранность и эффективное использование этих ресурсов»⁴⁷.

⁴³ Гринкевич В. Справедливость превыше всего // Завтра. 25.11.2020. URL: https://zavtra.ru/blogs/spravedlivost_previshe_vsego

⁴⁴ Полтерович В.М. Институциональные реформы и гражданская культура // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 2/2. С. 228.

⁴⁵ Гринкевич В. Справедливость превыше всего // Завтра. 25.11.2020. URL: https://zavtra.ru/blogs/spravedlivost_previshe_vsego

⁴⁶ О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/28623>

⁴⁷ Выступление В.Путина на Заседании коллегии Генпрокуратуры 17 марта 2020 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62998>

Вкладка 4

Динамика социального настроения, субъективного восприятия уровня жизни и перспектив развития экономики в оценках общественного мнения

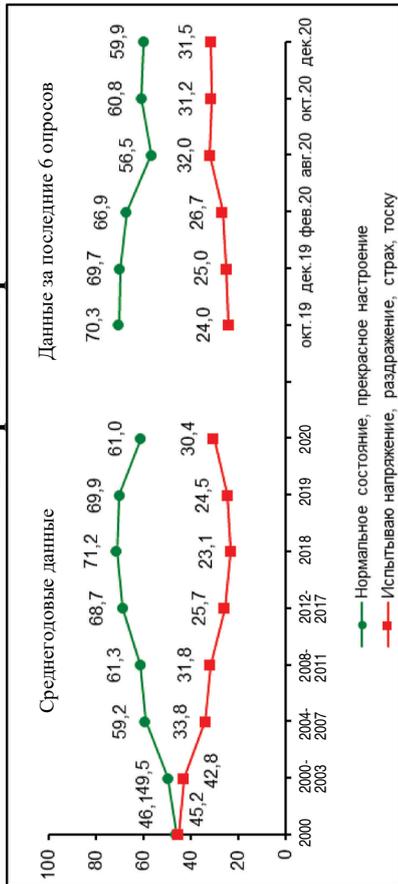

Рис. 1. Социальное настроение (Вологодская область, данные ВолнЦ РАН, в % от числа опрошенных)*
* Формулировка вопроса: «Как бы Вы оценили свое настроение в последние дни?»

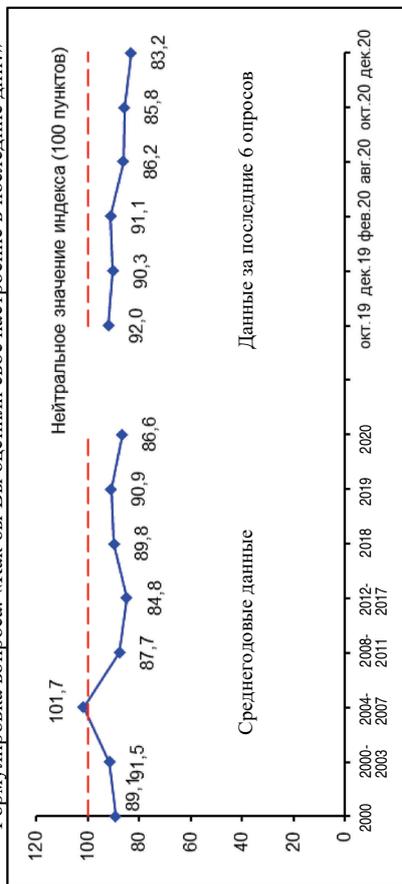

Рис. 3. Индекс потребительских настроений (Вологодская область, данные ВолнЦ РАН, в пунктах)

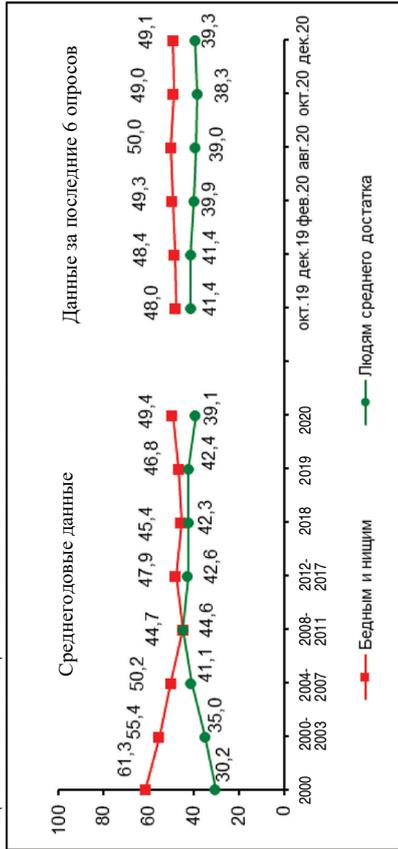

Рис. 2. Социальная самоидентификация (Вологодская область, данные ВолнЦ РАН, в % от числа опрошенных)*
* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»

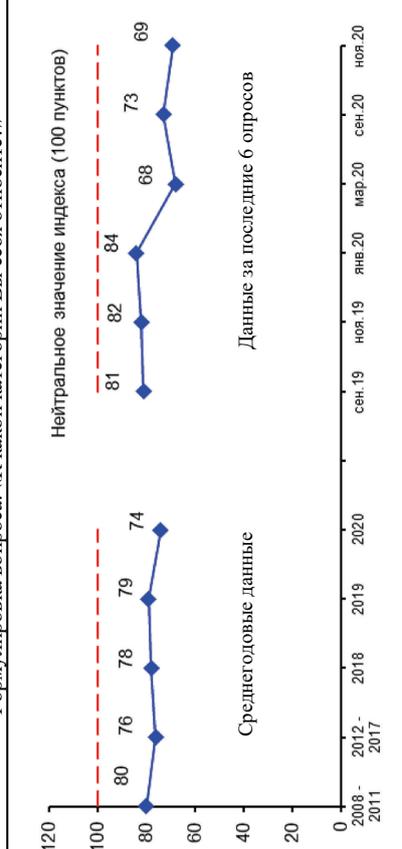

Рис. 4. Индекс потребительских настроений (Россия, данные Левада-Центра, в пунктах)

За период с 2018 по 2020 год доля положительных оценок социального настроения уменьшилась на 10 п. п. (с 71 до 61%; рис. 1); удельный вес «бедных и нищих» возрос на 4 п. п. (с 45 до 49%; см. рис. 2); индекс потребительских настроений, отражающий прогнозы людей относительно перспектив развития экономики и своего личного материального положения, снизился в Вологодской области на 3 п. п. (с 90 до 87 п.; см. рис. 3), в целом по стране – на 4 п. п. (с 78 до 74 п.; см. рис. 4). Позитивных изменений не наблюдается и в краткосрочной динамике (за период с октября 2019 по декабрь 2020 г.).

«В нашей стране принято немало законодательных актов, направленных на борьбу с коррупцией, а также национальных планов, программ соответствующей тематики, но далеко ли мы продвинулись в искоренении этого зла на деле?...

Несмотря на то, что кого-то задерживают, арестовывают, привлекают к уголовной ответственности, направляют в места лишения свободы и т. п., трудно избавиться от мысли, что борьба с мздоимством, откатами, распилами бюджетов и прочими злоупотреблениями должностных лиц нередко носит **имитационный характер**.

В большей степени определенное продвижение по выявлению фактов коррупции ощущается на «низовом» уровне – в отношении представителей правоохранительных структур, органов местного самоуправления, военнослужащих, врачей, преподавателей, многие из которых, как правило, промышляют мелким взяточничеством... Что касается нечистых на руку чиновников высшего звена, то, несмотря на увеличение количества громких уголовных дел в отношении таких лиц, общество не воспринимает данную практику как **полноценную, системную борьбу с коррупцией**»⁴⁸.

Однако, несмотря на абсолютно правильную целевую установку главы государства, у многих экспертов возникают сомнения в том, что борьбу с коррупцией в России можно назвать эффективной, т. к. «у нас нельзя справиться с коррупцией до тех пор, пока экономическую политику страны определяют люди – бенефициары приватизации»⁴⁹.

Специалисты отмечают – даже прокуратура не скрывает, что фактически каждый чиновник находится под пристальным наблюдением у следственных органов, тем не менее «практически всегда после громких арестов звучит фра-

за о “длительной оперативной разработке”»⁵⁰. «Скелеты в шкафу» в большинстве случаев достаются на свет лишь спустя годы, поскольку каждое коррупционное дело – это почти всегда инструмент политической игры.

Такой подход к реализации антикоррупционной кампании позволяет поддерживать определенную среду, в которой на протяжении многих лет нарушение закона становится неотъемлемой частью образа жизни «нечистоплотных» чиновников. Со временем это приводит к увеличению масштабов похищенных сумм, числа вовлеченных лиц, разнообразия форм преступлений и, в конечном итоге, масштабов последствий от противоправных действий чиновников (будь то состояние бюджета, игнорирование или фиктивное выполнение своих служебных обязанностей, рядовые граждане...). По сути, это одна из главных причин столь масштабного распространения коррупции в нашей стране.

«Мало кто знает, что вообще-то практически на каждого облечённого серьёзной властью госслужащего, начиная с уровня главы крупного района, мэра и заканчивая губернаторами и федеральными министрами, заводится и ведётся ещё одно досье – так называемая “чёрная папка”. В неё собираются все их “проделки”, граничащие с нарушениями закона (иногда – конкретно с преступлениями). Иначе говоря – оперативная информация.

Однако все это хранится до определённой поры: в ход её пускают только тогда, когда наступает определённый критический момент – либо воровство начинает обретать совершенно чудовищные размеры, либо резко вырастает градус общественного раздражения, либо чиновник наступает на мозоль другой влиятельной персоне»⁵¹.

⁴⁸ Назаров Е. Борьба с коррупцией или ее имитация? // Специализированное юридическое издание, официальный орган Федеральной палаты адвокатов РФ «Адвокатская газета». 19.04.2019. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/borba-s-korrupsiey-ili-ee-imitatsiya/>

⁴⁹ Хазин М. В России сейчас нельзя победить коррупцию // Официальный сайт Изборского клуба. 07.12.2015. URL: <https://izborsk-club.ru/7909>

⁵⁰ Николаев А. Компромат ФСБ собирает годами: Почему чиновников «берут», когда уже украдены миллиарды (мнение С. Резника) // Царь-град. 15.10.2019. URL: https://yandex.ru/turbo/tsargrad.tv/s/articles/kompromat-fsb-sobiraet-godami-pochemu-chinovnikov-berut-kogda-uzhe-ukradeny-milliardy_221740

⁵¹ Там же.

Председатель Национального антикоррупционного комитета К. Кабанов: **«Аудитор выше любого губернатора, выше любого министра. Это конституционная должность... Вообще, Михаил Мень – это некий символ эпохи... Политический уровень Меня реально увеличил ставку в борьбе с коррупцией. Потому что это огромный пласт отношений, внутриэлитных отношений. Это очень серьёзная история»⁵².**

Тем не менее сегодня некоторые эксперты с осторожностью начинают говорить о том, что в стране началась реальная работа по приведению системы государственного управления в порядок. Ее, в частности, связывают с арестом бывшего аудитора Счётной палаты РФ, экс-министра строительства и ЖКХ РФ, бывшего губернатора Ивановской области, вице-губернатора Подмосковья и вице-мэра Москвы М. Меня. Его задержание было одобрено Советом Федерации 18 ноября 2020 г.⁵³ Арест Меня, по мнению многих, – это «сильнейший удар по либералам», «ключевое событие» и «не рядовое снятие “с пробега” очередного воровайки»⁵⁴.

Нельзя сказать, что арест М. Меня – первое подобное событие, после которого у экспертов возникает ощущение начала череды долгоиграющих последствий и политических решений, способствующей оздоровлению системы государственного управления. Взять хотя бы арест бывшего министра экономического развития РФ А. Улюкаева в 2016 г. Его задержание эксперты оценили как «показательный “заход” в группу, в которой состоят некоторые вице-премьеры и представители Центрального банка»⁵⁵. «Президент призвал бороться с кор-

рупцией невзирая на лица»⁵⁶, – отметили тогда политологи, – «задержание Улюкаева – это не только сигнал о новых правилах игры, но и повышение ставок в борьбе за выбор курса»⁵⁷.

Однако сегодня в стране несколько иная ситуация, и она позволяет с большей уверенностью говорить о том, что глава государства приступает к решительным действиям по национализации элит:

– во-первых, рассмотрение уголовного дела М. Меня происходит в условиях недавно разрешившегося вопроса о транзите президентской власти. Общероссийское голосование по поправкам к Конституции, состоявшееся 1 июля 2020 г., сняло психологический груз напряженности (в системе государственного управления, СМИ, экспертном сообществе, для большинства граждан), предоставив В.В. Путину потенциальную возможность продлить президентские полномочия на период до 2030 и даже 2036 года, «если что-то пойдет не так». Другими словами, сегодня у Президента

«Отставки и назначения не могли пройти без действующего председателя правительства. И эти изменения достаточно радостные... Если мы рассматриваем эти перестановки, то мы видим, что они прагматичны. Люди, которые себя не проявили или проявили не очень, или проявили себя двусмысленно, ушли, но они не выброшены на обочину, а используются в соответствии со своим вероятным уровнем. И заменены они людьми, у которых есть очень внятные достижения. Конечно, есть к чему придраться, но это всё мелочи... Мишустин сделал очень значимый шаг к оздоровлению правительства»⁵⁸.

⁵² Иванов А. Знатный удар по системным либералам // Завтра. 19.11.2020.

⁵³ По версии следствия, «в 2011 году Мень, являясь губернатором Ивановской области совместно с бенефициарами группы компаний “ПРОДО” организовал преступную группу в целях хищения бюджетных денежных средств, выделенных в качестве кредита из Министерства финансов РФ для поддержки Ивановской области. По указанию Меня был принят ряд региональных нормативно-правовых актов, на основании которых в адрес ОАО “Ивановский бройлер” под видом займов были перечислены 700 млн рублей, которые на следующий день были похищены преступной группой» (Источник: Иванов А. Знатный удар по системным либералам // Завтра. 19.11.2020).

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ «Дело Улюкаева – сигнал от Путина». Мнения экспертов на резонансный арест министра (мнение руководителя Центра экономических и политических реформ Н. Миронова). URL: <https://pasmi.ru/archive/165073/>

⁵⁶ Там же (мнение руководителя «Политической экспертной группы» К. Калачева).

⁵⁷ Там же (мнение директора Центра политологических исследований Финансового университета при Правительстве РФ П. Салина).

⁵⁸ Делягин М.Г. Мишустин оздоравливает Правительство // Завтра. 10.11.2020. URL: https://zavtra.ru/blogs/mishustin_ozdoravlivaet_pravitel_stvo

есть значительный временной «лаг», для того чтобы принимать кардинальные решения и ликвидировать любые возможные их последствия;

— во-вторых, арест Меня, как «символа эпохи» и представителя определенных, либерально настроенных групп, произошел на фоне значимых кадровых перестановок в Правительстве⁵⁹ и (в отличие от той же ситуации с Улюкаевым) не в условиях либерального кабинета министров Д.А. Медведева, а при «технократическом» Правительстве М.В. Мишустина, а также при его личном активном участии. Это говорит о том, что речь идет не просто о каких-то сигналах властвующим элитам, а уже о конкретных кадровых решениях, абсолютно не связанных с антикоррупционной кампанией, выходящих за её рамки;

— наконец, в-третьих, и арест Меня, и изменения в Правительстве РФ осуществляются в период президентских выборов в США. Их победитель Д. Байден в 2011 году посетил Россию с визитом, для того чтобы попытаться не допустить III президентского срока В.В. Путина⁶⁰.

Очевиден тот факт, что внутреннее состояние системы государственного управления если не большинства, то многих стран мира во многом зависит от ситуации в нынешних (пока ещё) «гегемонах» мирового развития. Это особенно касается России вследствие ее геополитического статуса, вынуждающего в условиях глобализации, так или иначе, считаться с происходящим в стане «коллективного Запада», а также по причине «прозападной ориентации» властвующих элит, которые создают за рубежом банковские счета, приобретают в собственность недвижимость, отправляют своих детей за границу на учебу и т. д.

Если следовать этой логике, то разумно предположить, что потенциально более агрес-

сивная антироссийская политика со стороны США на ближайшее четыре, а то и восемь лет (то есть до 2028 г.) требует соответствующей внутренней готовности российской системы государственного управления к отстаиванию национальных интересов и возможности проведения независимой внутренней и внешней политики. Обеспечить усиление этой внутренней готовности к внешним вызовам можно только за счет укрепления кадрового состава.

Громкие аресты представителей всех уровней публичной власти, безусловно, способствуют общему «оздоровлению» системы государственного управления. Однако что лежит в основе этого процесса — «подковерные игры» элитарных групп или целенаправленная деятельность Президента по решению проблемы национализации элит? Этот вопрос пока остается открытым. В любом случае, пока что это лишь «точечные» обнадеживающие эпизоды на фоне глубокой, можно сказать, исторической проблемы, существующей на протяжении всего постсоветского периода.

Превратить эти «эпизоды» в «систему» — вот первоочередная задача, которая стоит сегодня перед главой государства и решением которой будет, по большому счету, определяться будущее нашей страны.

* * *

Подводя итоги всему циклу публикаций, который мы начали в феврале 2020 г., стоит отметить следующее:

На протяжении всех президентских сроков (то есть вот уже 20 лет, или большую часть существования России как постсоветского государства) В.В. Путин последовательно реализует шаги по достижению целей национального развития, о которых он говорил еще в 1999 году («российская идея», «сильное государство», «эффективная экономика»⁶¹).

⁵⁹ «В правительстве 21 министерский пост; сменилось пять министров. Плюс Александр Новак, покинувший пост министра энергетики, стал десятым вице-премьером... Новые люди пришли в ключевые с точки зрения экономики министерства: природных ресурсов и экологии, энергетики, строительства и ЖКХ, транспорта, развития Дальнего Востока и Арктики» (Источник: Персональная ответственность довела министров до выхода // Эксперт. № 47. 16.11.2020. URL: <https://expert.ru/expert/2020/47/personalnaya-otvetstvennost-dovela-ministrov-do-vyihoda/>).

⁶⁰ Коновалова Е., Александров О. Джо Байден попытается отговорить Владимира Путина баллотироваться на пост президента РФ в 2012 году? // The Moscow Post. 04.03.2011. URL: <http://www.moscow-post.ru/politics/000129922924180/>

⁶¹ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 31.12.1999. URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html

На этом пути Россия сталкивалась с самыми разными препятствиями: «чеченский конфликт», мировой финансовый кризис 2008 г., постоянное информационное давление со стороны зарубежных «партнеров» (по сути, гибридная война), экономические санкции, ситуация на Украине, война в Сирии, пандемия коронавирусной инфекции... Однако, шаг

«Во многом именно по причине многолетнего неолиберального доминирования (конечно, не без определенных вариаций и отклонений) отечественная экономика хромает в плане обеспечения высоких темпов роста ВВП и уровня жизни населения. **Ведущей внутренней угрозой безопасности российской экономики можно считать сохраняющееся много лет преобладание компрадорских сил в структурах экономической власти.** Именно в таком неблагоприятном структурном соотношении власти следует искать глубинные причины случившейся в России примитивизации экономики, продолжающегося даже в периоды рецессии обогащения олигархических слоев в сочетании с нарастающей коррупцией...

Превалирование в экономическом блоке правительства и в Центральном банке неолиберальных теоретических представлений об «экономике предложения» из-за неизбежного в этом случае крайне медленного роста ВВП **способно надолго убраться отечественную экономику со столбовой дороги развития человечества»⁶².**

за шагом реализуя ключевые задачи, стоящие перед страной (восстановление экономики, ВПК, геополитического статуса России, гражданского общества и т. д.), к концу IV президентского срока В.В. Путин вплотную подошел к решению главной проблемы – широкое представительство либеральных элит в системе управления (и, как следствие, олигархического капитализма), пустившее исторические «корни» еще с советских времен, но особенно расцветшее в эпоху глобализации; после того как советская «машина» государственного управления рухнула, оставив после себя лишь одного «гегемона» мирового развития – США.

Олигархический капитализм, по размерам которого Россия в середине 2010-х гг. занимала первое место в мире, являлся главным препятствием для реализации целей национально ориентированной государственной политики, проводимой В.В. Путиным. В 2018 году, когда вместо обещанного россиянам «прорывного развития в уровне и качестве жизни» были «предложены» пенсионная реформа и очередное откладывание сроков реализации национальных проектов, это стало особенно очевидным, так же как и то, что дальнейшее историческое движение России в плане построения социального государства просто невозможно. В каких бы документах и в каком бы объеме формально принципы социального государства ни были отражены⁶³.

⁶² Капканщиков С. Псевдолибералы и государственники: «битва хоров» // Экономист. 2020. № 10. С. 67–68.

⁶³ Для справки: как мы отмечали в одной из наших предыдущих статей, «вот уже более 10 лет, несмотря на провозглашаемые задачи «концентрации бюджетных и административных ресурсов на повышении качества жизни граждан России», «увеличения к 2018 году размера реальной заработной платы в 1,4–1,5 раза», «снижения в два раза уровня бедности», «осуществления прорывного развития Российской Федерации, увеличения численности населения страны, повышения уровня жизни граждан, создания комфортных условий для их проживания, а также раскрытия таланта каждого человека» и т. д., численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума с 2007 г. составляет 12–13%, или порядка 18–19 млн. россиян... При этом фактически не меняется динамика численности и размеров состояния долларовых миллиардеров, количество которых за последние 13 лет (с 2006 по 2019 гг.) увеличилось с 60 до 100 чел., а их капитал – со 153 до 275 млрд руб в среднем на одного миллиардера (Источник: Ильин В.А., Морев М.В. Кредит доверия Президенту подтвержден. Достижение целей социально-экономического развития до 2024–2030 гг. в тумане // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 16, 20).

17 декабря 2020 г. в ходе ежегодной пресс-конференции В. Путин еще раз отметил, что в ближайших планах «к 2030 году уйти с сегодняшних 13,5% до 6,5% людей, уровень доходов которых ниже прожиточного минимума» (Источник: Ежегодная пресс-конференция В. Путина // Официальный сайт Президента РФ. 17.12.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64671>), что фактически дублирует одну из целей национальных проектов 2018 г. – «снижение уровня бедности в два раза к 2024 году».

«Государство может быть определено как социальное лишь тогда, когда проблема воспроизводства жизни человека как биологического существа, как потенциального субъекта всех видов общественной жизнедеятельности становится главной задачей государства и институтов государственной власти, когда создана и действует правовая система защиты социальных интересов личности, когда на решение социальных проблем сориентированы экономика, политика и духовная жизнь общества.

В связи с этим представляется ошибочной точка зрения, что «социальное государство» – это такое государство, которое регулирует вопросы трудовых отношений, оказывает помощь малообеспеченным гражданам, осуществляет социальное страхование. **Она является слишком узкой, поскольку касается лишь некоторых аспектов социальной сферы.** О социальных функциях в таком аспекте есть смысл говорить при анализе социальных функций любого, а не только социального, государства. При характеристике же «социального государства» как одного из видов государственного устройства речь должна идти **обо всем спектре социальных отношений, признавая за социальными проблемами приоритетный характер»⁶⁴.**

Критическая масса в отношении неудовлетворительного качества властвующих элит и, как следствие, неэффективности государственного управления накапливалась в российском обществе так же долго, сколько существует в нем гипертрофированная потребность в социальной справедливости (о чем социологи говорили еще в 2012 г.⁶⁵) и осознание необходимости комплексного реформирования системы государственного управления (фиксируемой научными исследованиями с 2014 г.⁶⁶).

«Говоря о системных либералах, следует понимать, что нельзя просто так взять и “выкинуть” их из властных кругов. Даже самые ярые патриоты и государственники осознают, что системные либералы имеют огромное влияние и связи на Западе... Поэтому борьбу с системными либералами следует ввести осторожно, но поступательно. Как это происходит последние годы... Сначала либералы были полностью отжаты от геополитики, теперь их отжимают от экономики»⁶⁷.

Причина столь длительного, многолетнего «затягивания узлов» во многом связана с тем обстоятельством, что жесткий стиль «ручного управления» государством, который В.В. Путин избрал с самого начала своих президент-

ских сроков, предполагал его ведущую роль в качестве арбитра и гаранта соблюдения баланса интересов всех влиятельных групп во властвующей элите страны, а не только в рамках так называемого «патриотического блока».

«Он [Путин] был коромыслом весов, на котором качались две чаши укладов – патриотического и либерального. Но с какого-то определенного момента эти весы разбалансировались: патриотический уклад вышел из-под контроля Путина, либеральный – тоже. Президент не сумел за время после Крыма совершить долгожданного рывка, развития, которое бы соединило два этих уклада. И каждый уклад пошел своей стороной. Внутри каждого возникла путаница, сложная система распадов»⁶⁸.

Кульминация накапливающихся противоречий пришлась на конец 2010-х – начало 2020-х гг. В основном она была обусловлена периодом транзита президентской власти, который вполне можно назвать политическим кризисом. Не в том смысле, что система государственного управления оказывается недееспособной перед внутренними и внешними вызовами, а в плане её перехода из одного качественного состояния в другое.

⁶⁴ Гурлев А.В. Право человека на достойную жизнь как основная ценность социального государства: дис... канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2001. 174 с.

⁶⁵ О чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013. 400 с.

⁶⁶ Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социс. 2018. № 11. С. 40–53.

⁶⁷ Иванов А. Три группировки системных либералов в правительстве // Завтра. 10.12.2020. URL: https://zavtra.ru/events/tri_gruppirovki_sistemnih_liberalov_v_pravitel_stve_rf

⁶⁸ Проханов А. Я вижу проблемы Путина, его драму // Завтра. 13.10.2020. URL: https://zavtra.ru/blogs/ya_vizhu_problemi_putina_ego_dramu

Исходя из данных экзитпулов ВЦИОМ⁶⁹, можно говорить о том, что **45% россиян**, принявших участие в голосовании на должность Президента РФ в марте 2018 г., **родились в 1983 г. и позже, то есть в 2000 г. они еще даже не достигли совершеннолетнего возраста.**

24% избирателей (то есть почти каждый четвертый) родились в 1993 г. и позже, то есть в 2000 г. им было минимум 7 лет, и, следовательно, практически вся их сознательная жизнь проходила в период уже после «лихих 90-х»; во время президентских сроков В.В. Путина.

Всё позитивное и самое важное, чего удалось достичь России за последние 20 лет (а это, отметим, срок, в ходе которого вырастает уже новое поколение россиян), в оценках общественного мнения, экспертном сообществе и даже политическом истеблишменте зарубежных государств непременно связывается лично с главой государства. В связи с этим «Россия с Путиным» и «Россия без Путина» — это две разные страны в глазах и самих граждан, и мирового сообщества.

Действия В.В. Путина в этот кульминационный момент политического кризиса, как мы видим, вполне соответствуют его сложившейся репутации стратега, который «играет вдолгую». Он в полной мере использовал предоставляющиеся ему шансы, приняв кардинальные, но в то же время носящие долгоиграющий характер решения; шаги, рассчитанные не только на преодоление существующего кризиса президентской власти, но и на обеспечение дальнейшего развития российской государственности.

Кадровые перестановки в Правительстве (включая смену главы кабинета министров), инициирование новой, глубоко социально и национально ориентированной Конституции, наконец, «организационное» обеспечение своих президентских сроков как гаранта продолжения выбранного (и, между прочим, поддерживаемого россиянами на протяжении всех этих 20 лет) курса, — всё это позволяет сегодня с осторожным оптимизмом смотреть в будущее.

Особенно если понимать, что потенциал каждого из этих шагов ещё не раскрыт в полной мере:

✓ правительство М. Мишустина пока что вынуждено бороться, в первую очередь, с последствиями пандемии (хотя даже в этих условиях мы чувствуем, как начинают развиваться информационные технологии, а недавние перестановки в кабинете министров говорят о том, что его кадровый состав — это динамичный процесс, где место каждого чиновника полностью зависит от эффективности выполнения возложенных на себя обязательств);

✓ потенциал Конституции рассчитан на десятилетия; он задает общий вектор исторического развития общества и оценивать его следует исключительно с цивилизационно-исторических позиций;

✓ наконец, возможные V и VI президентские сроки В.В. Путина — это, прежде всего, время, которое может быть использовано для выстраивания системной, продиктованной национальными интересами (а не эпизодической, мотивированной внутренними политическими процессами) работы по повышению качества властвующих элит.

Главное — чтобы у Президента хватило политической воли довести процесс национализации элит до конца, чтобы возможные форс-мажорные обстоятельства, подобные пандемии коронавирусной инфекции или каким-либо вмешательствам со стороны «коллективного Запада» (которые пока что сложно спрогнозировать), не оказали существенного влияния на его действия по решению главного (возможно, даже последнего нерешенного) вопроса — достижение такого качества властвующих элит, при котором не будет буксовать ни цивилизационное движение России как сильного, независимого государства, ни достижение целей национального развития, от которых зависит реализация потребности российского общества в социальной справедливости и достойном качестве жизни.

⁶⁹ ВЦИОМ назвал средний возраст большинства проголосовавших на выборах // РИА новости. 18.03.2018. URL: <https://ria.ru/20180318/1516645631.html>

Литература

1. Миллс Р. Властвующая элита / пер. с англ. Е.И. Розенталь, Л.Г. Рошаль, В.Л. Кон. М.: Иностранная литература, 1959. 542 с.
2. Амуров М.А. Типология современных политических элит // Управленческое консультирование. 2020. № 5. С. 19–28.
3. Зиннурова Л.И. Проблема элиты в современном обществе // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». 2010. Т. 23 (62). № 1. С. 144–152.
4. Тощенко Ж.Т. Фантомы современного российского общества // Гуманитарий Юга России. 2016. № 1. С. 12–24.
5. Добреньков В.И., Исправникова Н.Р. Российская версия «капитализма для своих»: есть ли выход из тупика? // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 3. С. 26–55.
6. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From soviets to oligarchs: inequality and property in Russia, 1905–2016. *National Bureau of Economic Research. Cambridge, MA August 2017.* 79 p.
7. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013. 400 с.
8. Горшков М.К. Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 3. С. 45–56.
9. Сулакшин С.С. Качество и успешность государственных политик и управления // Серия «Политическая аксиология». М.: Научный эксперт, 2012. 496 с.
10. Полтерович В.М. Институциональные реформы и гражданская культура // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 2/2. С. 225–238.
11. Капканщиков С. Псевдолибералы и государственники: «битва хоров» // Экономист. 2020. № 10. С. 53–68.
12. Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социс. 2018. № 11. С. 40–53.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V

Russian Statehood in the Face of the “Corruption of the Elites” Threat

Abstract. The article is the final part of the series of publications “From the Editor-in-Chief”, published in 2020 in the journal “Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast”. Its central problem is the unsatisfactory quality of the ruling elites in Russia which, for almost the entire post-Soviet period, has been the main problem of stalling reforms and achievement of national development goals. The authors analyze the causes of this phenomenon; provide expert assessments and statistical data that allow us to assess the current state of the ruling elites in the country. The article examines the trends of public sentiment as an indicator of the negative consequences of the public administration inefficiency and the unrealisation of social expectations from the government and from the President personally. We pay

special attention to the content and results of the anti-corruption campaign initiated by the President of the Russian Federation in the mid-2010s. For this purpose, we analyze data of monthly reports of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the state of crime in the Russian Federation for the period from 2003 to October 2020, statistics of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation on the state of criminal records in Russia for the period from 2012 to the first half of 2020, materials of mass media, and opinions of experts. The authors come to the conclusion that it is necessary to move from episodic, or “demonstrative”, criminal cases with a common motive being an internal political processes to systematic preventive work on the nationalization of the ruling elites. Its purpose is not to maintain a balance of interests within the elite groups but to solve the key tasks of national development: achieving social justice, reducing inequality, dynamic growth in the level of income and quality of life of the population. This approach mostly corresponds to the new socially oriented Constitution of 2020, and, ultimately, it allows hoping for the solution of many problems in the system of state administration, as well as for the development of Russian statehood in the civilizational and historical context.

Key words: ruling elites, oligarchic capitalism, corruption, efficiency of public administration, national development goals, President of the Russian Federation, society.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Deputy Head of Department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.3

УДК 339.9:38.2, ББК 65.59:65.050:65.049

© Лаврикова Ю.Г., Андреева Е.Л., Ратнер А.В.

Влияние внешнеэкономической деятельности на региональное развитие: компаративный анализ российского и зарубежного опыта

**Юлия Георгиевна
ЛАВРИКОВА**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29
E-mail: lavrikova_ug@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6419-2561; ResearcherID: B-1897-2018

**Елена Леонидовна
АНДРЕЕВА**

Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург, Российская Федерация, 620144, ул. 8 Марта, д. 62
Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29
E-mail: elenandr@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4975-0905; ResearcherID: H-8591-2016

**Артем Витальевич
РАТНЕР**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29
E-mail: aratner@inbox.ru
ORCID: 0000-0001-7173-5328; ResearcherID: H-4838-2016

Для цитирования: Лаврикова Ю.Г., Андреева Е.Л., Ратнер А.В. Влияние внешнеэкономической деятельности на региональное развитие: компаративный анализ российского и зарубежного опыта // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 6. С. 54–67. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.3

For citation: Lavrikova Yu.G., Andreeva E.L., Ratner A.V. The impact of foreign economic activity on regional development: comparative analysis of Russian and foreign experience. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 6, pp. 54–67. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.3

Аннотация. Глобальные экономические вызовы наряду с замедлением роста мировой экономики приводят к необходимости рассмотрения внешнеэкономической деятельности как фактора, влияющего на региональное развитие. За счет несырьевого экспорта осуществляется решение как количественных (повышение объемов экспорта, занятости, притока инвестиций, налоговой базы), так и качественных (диверсификация экономики, повышение конкурентоспособности и инновационности, выпуск высокопередельной продукции) задач. В связи с этим представляется актуальной научно обоснованная оценка роли внешнеэкономического фактора в стратегиях регионального развития, которая может учитываться при разработке комплекса механизмов и инструментов внешнеэкономического развития региона. Целью исследования выступает обоснование влияния развития ВЭД на региональное развитие через выявление отражения ее перспектив в стратегиях развития российских регионов и регионов разных стран. Объект исследования – ВЭД выбранных регионов РФ, развитых государств (Германии и США) и стран ЕАЭС (Белоруссии и Казахстана). Научная новизна заключается в выявлении связи между степенью развития экономики и ВЭД стран и отражением перспективных направлений и инструментов развития ВЭД в стратегиях развития их регионов. Методологическая база представлена подходами к определению детерминант и принципов поддержки ВЭД. Методы включали компаративный анализ показателей уровней развития экономики и ВЭД выбранных государств и перспектив развития ВЭД (по направлениям: экспорт услуг, несырьевой экспорт, диверсификация экспорта и др.) в стратегиях их регионов. По результатам анализа подтвердилось предположение о том, что отражению направлений и инструментов развития ВЭД уделено внимание как в развитых, так и в развивающихся экономиках, однако в разных государствах имеется своя специфика. Проведенный анализ позволяет учитывать опыт как развитых стран – ведущих экспортеров, так и участников ЕАЭС при разработке отдельных стратегий и программных документов регионов в сфере ВЭД.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, стратегия развития региона, поддержка экспортеров, приоритеты развития, несырьевой экспорт, инвестиционная привлекательность, диверсификация экономики и экспорта.

Введение и постановка проблемы

Развитию внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД) придается большое значение в российских федеральных стратегических и программных документах, что оказывает влияние и на региональные стратегии развития. На федеральном уровне приняты национальный проект «Международная кооперация и экспорт» (2018–2024 гг.) и в соответствии с ним – Региональный экспортный стандарт (2017 г.), согласно которому в ряде регионов стратегические перспективы развития ВЭД находят отражение в разработанных отдельных стратегиях по ВЭД. При этом в разных странах накоплен опыт осуществления поддержки ВЭД, в частности относительно объемов и структуры экспорта, привлечения иностранных инвестиций. Это делает актуальным сравнение опыта разных государств в выработке стратегического видения развития ВЭД на уровне регионов.

Целью работы выступает обоснование влияния ВЭД на региональное развитие через вы-

явление отражения ее перспектив в стратегиях развития российских регионов и регионов разных стран. Объект исследования – ВЭД регионов разных по экономическим характеристикам государств (России и стран ЕАЭС, развитых стран); предмет – характер ее отражения в стратегиях развития регионов. Задачи:

– проанализировать уровень развития экономики и ВЭД выбранных стран и регионов с целью определения детерминации отражения перспектив развития ВЭД в региональных стратегиях;

– проанализировать отражение стратегических перспектив развития ВЭД в региональных документах на примере России и ее торговых партнеров на предмет выявления международной дифференциации для регионов различных стран.

Гипотезой выступает предположение о том, что отражение направлений и инструментов развития ВЭД имеет свою специфику в странах с различным уровнем развития ВЭД.

Теоретические основы поддержки ВЭД на различных уровнях разрабатываются как в отечественной, так и зарубежной научной литературе. В частности, в качестве детерминант формирования системы форм и инструментов поддержки ВЭД обозначаются:

- внешние детерминанты необходимости стимулирования экспорта: конкуренция, турбулентность и понижающее развитие мирового хозяйства, в ходе которого коммерческие банки уходили из финансирования экспорта [1, с. 34, 38]; международные экономические санкции [2, с. 96];

- внутренние детерминанты необходимости стимулирования ВЭД: повышение роли экспорта, в т. ч. для поддержки стратегических отраслей, необходимость замещения импорта через локализацию [1, с. 34, 38];

- детерминанты конкретного наполнения системы поддержки: экспортные, инвестиционные и производственные показатели [3, с. 247, 251–252], сравнительные производственные издержки [4, с. 330–332], внешние и внутривосточные барьеры для экспортеров, отраслевые и географические приоритеты экспорта, приоритеты отраслевых нацпроектов [2, с. 98], потребности предприятий страны (региона), определяемые их специализацией, сильными и слабыми сторонами и потенциалом [5, с. 599], и др.

Можно также систематизировать выделяемые в литературе принципы построения системы поддержки ВЭД, прямо следующие из детерминант конкретного наполнения системы поддержки:

- актуальность ориентации поддержки ВЭД на инновационно-активные предприятия [6, с. 23–24; 7, с. 75], т. к. для стран важен сбыт высокотехнологичных товаров;

- необходимость стимулирования инвестиций для развития экспорта товаров высокой степени переработки [8, с. 5–6];

- потребность компаний в поддержке экспорта: финансовой (льготное финансирование (в т. ч. ОЭЗ), страхование, гарантии (в т. ч. при лизинге [9, с. 92]), т. к. в финансовом плане экспорт более уязвим, чем внутренние продажи [10, с. 2]); информационно-аналитической (информирование о конъюнктуре международного рынка, лучших практиках, возможностях поддержки); консультационной (обучение техни-

- ке экспорта [11, с. 4]); организационной (выставки, бизнес-миссии) [12, с. 19, 21–24; 13, с. 2]; выстраивание отношений со странами-партнерами [2, с. 104; 14, с. 2; 15, с. 27], характеристика их бизнес-культур [16, с. 125] для возможной поддержки проектов на любой стадии [17, с. 65]. Отражение направлений поддержки ВЭД в стратегиях развития анализируется [1, с. 34–37], как правило, только на национальном уровне;

- актуальность стимулирования экспорта малого и среднего бизнеса [6, с. 23]; детерминантами успеха выступают наличие экспортных компетенций, способность оценки своих возможностей и потребностей рынка [12, с. 172; 14, с. 2; 16, с. 124–125]. При этом выделяют следующие различающиеся виды подходов к поддержке экспортеров: содействие процессам экспорта и среде для них – содействие субъектам экспорта [2, с. 99, 101]; создание условий для осуществления фирмами ВЭД [11, с. 3];

- актуальность объединения, координации усилий различных национальных институтов поддержки экспорта [16, с. 131–133; 19, с. 64];

- важность размещения структур поддержки экспорта страны (региона) не только внутри, но и за рубежом [4, с. 332–333; 16, с. 130];

- актуальность формирования сетевой системы поддержки экспорта страны с учетом региональных различий в экспортном потенциале [19, с. 59]; необходимость развития внешнеэкономически ориентированных полюсов роста [20, с. 98];

- важность диалога государства и бизнеса для решения проблем ВЭД [4, с. 332–333; 12, с. 19].

Таким образом, разнообразие детерминант и системы принципов господдержки ВЭД высоко. Вместе с тем актуальным остается сопоставление общих внешнеэкономических параметров стран и их регионов с выстраиванием стратегического видения перспектив и направлений поддержки ВЭД на региональном уровне.

Научная новизна и значимость проведенной работы заключаются в выявлении связи между степенью развития экономики и ВЭД стран и отражением видения перспективных направлений и инструментов развития ВЭД в стратегиях развития их регионов.

Методическое обеспечение исследования

Компаративный анализ проводился на примере нескольких регионов России и стран — ее ведущих торгово-экономических партнеров:

— дальнейшее зарубежье - развитые экономики и ведущие экспортеры, в т. ч. в части несырьевого (высокотехнологичного) экспорта (Германия и США);

— ближнее зарубежье (партнеры по ЕАЭС — Казахстан и Белоруссия, характеризующиеся, как и Россия, развивающимися экономиками).

Рассматривались регионы, активно осуществляющие ВЭД. При этом в России были выбраны регионы, внедряющие Региональный экспортный стандарт: приграничные и приморские западный (Калининградская область) и восточный (Приморский край) регионы и средний регион России (Свердловская область), выступающий связующим «мостом» между западом — востоком и севером — югом. Также и в случае с Германией, США, Казахстаном были взяты, в первую очередь, приграничные регионы, для которых ВЭД органично входит в состав экономической деятельности.

Выбранные регионы занимают лидирующие или значимые места в стране по объемам экспорта: Техас — 1-е место в США (вместе с Флоридой — одни из крупнейших по количеству населения), Северный Рейн-Вестфалия — 2-е в Германии (вместе с Баварией — крупнейшие по ВРП), Атырауская область - 1-е в Казахстане (также взята «срединная» Карагандинская, 4-я по ВРП), Минская область — 2-е в Белоруссии, Свердловская область — 7-е в России (также рассмотрены 4-я по импорту Калининградская область и 1-й в ДФО по экспорту Приморский край), что еще раз подтверждает научный интерес к стратегиям данных регионов в части ВЭД.

Для того чтобы определить детерминацию отражения перспектив развития ВЭД в региональных стратегиях, проводился анализ уровня экономического развития стран через сопоставление ВВП и ВВП/душу и уровня развития их ВЭД посредством сопоставления объема экспорта, в т. ч. высокотехнологичного, и притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ), и их соотношений к ВВП; а также уровня экономического развития и развития ВЭД выбранных регионов указанных стран с дополнительным акцентом на структуре экспорта и притока ПИИ.

При анализе отражения сферы ВЭД в стратегиях регионов на предмет выявления международной дифференциации принимались во внимание только меры развития, касающиеся ВЭД, т. е. экспорта, привлечения иностранных инвестиций и международной кооперации, международного туризма, международного транспортно-транзитного потенциала, международной конкурентоспособности производств региона.

При выборе параметров для исследования целесообразно учитывать, какие из них актуальны в части перспективного развития ВЭД. Параметры, важные для российской экономики, определяются исходя из соответствующих федеральных документов. Так, в число задач государственной программы РФ «Развитие ВЭД» входит формирование системы государственного регулирования, учитывающей изменившиеся мирохозяйственные условия. Национальный проект «Международная кооперация и экспорт» охватывает такие направления, как промышленный экспорт, экспорт продукции агропромышленного комплекса (АПК), логистика международной торговли, экспорт услуг, системные меры развития международной кооперации и экспорта. Проект ориентирует промышленную и торговую политику на достижение международной конкурентоспособности отечественных товаров и услуг, обеспечивающей их спрос на международном рынке.

Таким образом, учитывая актуальность развития несырьевого экспорта, экспорта услуг, диверсификации экспорта, обозначенную в российских федеральных документах стратегического экономического развития, охватывающих ВЭД, целесообразно проанализировать отражение развития сферы ВЭД в региональных документах стратегического развития по следующим параметрам:

- направления ВЭД, которым уделено внимание;
- развитие высокотехнологичного, инновационного экспорта;
- развитие экспорта услуг;
- стимулы, возможности поддержки ВЭД;
- отнесение развития ВЭД к числу основных приоритетов развития региона;
- инструменты в части развития экспорта;
- диверсификация производства и экспорта.

Результаты: анализ уровня развития сферы ВЭД как детерминанты ее отражения в стратегиях развития регионов

Экономический анализ степени развития России и выбранных национальных экономик, а также уровней развития их ВЭД показывает, что по объему ВВП Германия двукратно опережает Россию, Россия, в свою очередь, – Казахстан, а Казахстан кратно опережает Беларусь (табл. 1).

По ВВП на душу населения по ППС разрыв между США и Германией невелик, обе страны почти вдвое превосходят Россию. Показатель России сопоставим с Казахстаном, вместе они опережают Беларусь.

Если по суммарному объему экспорта США ненамного опережает Германию, то у Германии гораздо более прочные позиции по экспорту готовых изделий, машин и оборудования в частности, а также выше, чем у США, показатель экспортостойкости. Однако лидирует по экспортостойкости (более половины ВВП) Белоруссия. По доле ПИИ к ВВП РФ, Белоруссия и Казахстан опережают США и Германию, что также

говорит как о значимости ПИИ, так и об активно принимаемых в странах мерах по их привлечению. По абсолютному притоку ПИИ Россия даже сопоставима с Германией. Таким образом, по показателям ВВП и экспорта США и Германии можно охарактеризовать как наиболее развитые, Россию – как срединную, Казахстан и Белоруссию – как развивающиеся экономики. Опережение по ряду относительных показателей можно также объяснить тем, что Германия и США уже достигли высокого уровня развития экономики и ВЭД в частности, а развивающиеся страны находятся на этапе их активного развития, что подтверждает и принятие в России, Белоруссии и Казахстане стратегических документов по развитию экспорта. В России приняты национальный проект «Международная кооперация и экспорт» (на 2018–2024 гг.), государственная программа «Развитие ВЭД», Стратегия развития экспорта услуг до 2025 г., в Белоруссии – Национальная программа поддержки и развития экспорта на 2016–2020 гг.¹, в Казахстане – программа «Национальная экспортная стратегия» на 2018–2022 гг.²

Таблица 1. Уровень развития экономики и ВЭД рассматриваемых стран, 2019 год

	США	Германия	Россия	Казахстан	Белоруссия
ВВП, млрд долл.	21374,0	3846,0	1700,0	180,0	63,0
Приток ПИИ (сальдо), млрд долл.	254,0	36,0	32,0	9,0	1,0
Экспорт, млрд долл.	1643,0	1489,0	420,0	57,0	33,0
Экспорт машин, оборудования и транспортных средств, млрд долл.	535,0	716,0	22,0	1,0	5,0
Экспорт готовых изделий, млрд долл.	1 023,0	1 262,0	80,0	8,0	19,0
Экспорт высококвалифицированных и технически интенсивных производств, млрд долл.	496,0	430,0	30,0	3,0	7,0
Экспорт электронных и электрических изделий, млрд долл.	190,0	135,0	6,0	0,2	0,7
ВВП/душу, по ППС, тыс. долл.	65,1	56,1	29,2	27,4	19,9
Экспорт / ВВП, %	7,7	38,7	24,7	31,8	52,3
Приток ПИИ / ВВП, %	1,2	0,9	1,9	4,7	2,0
Экспорт машин, оборудования и транспортных средств / ВВП, %	2,5	18,6	1,3	0,6	8,6
Экспорт готовых изделий / ВВП, %	4,8	32,8	4,7	4,2	30,0
Экспорт высококвалифицированных и технологически интенсивных производств / ВВП, %	2,3	11,2	1,7	1,6	11,5
Экспорт электронных и электрических изделий / ВВП, %	0,9	3,5	0,3	0,1	1,1

Рассчитано по: данные ЮНКТАД, Всемирного банка. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения 05.11.2020).

¹ Стратегия экспорта Республики Беларусь. URL: <http://www.government.by/upload/docs/fileaff83a3fc04eb9c0.PDF> (дата обращения 28.02.2020).

² Национальная экспортная стратегия Казахстана // Информ.-правов. система нормативно-правовых актов Республики Казахстан. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000511#z19> (дата обращения 28.02.2020).

Российский национальный проект «Международная кооперация и экспорт» охватывает такие направления, как промышленный экспорт, экспорт АПК, логистика международной торговли, экспорт услуг и системные меры развития международной кооперации и экспорта. Задачи, поставленные в программе Казахстана, относятся к сферам институциональной поддержки экспортеров, финансовым и нефинансовым мерам поддержки экспорта, развитию экспорта услуг и др., а в программе

Белоруссии – к сферам диверсификации экспорта, работы с малым и средним бизнесом, несырьевому и инновационному экспорту товаров и услуг, продвижению «экспортной культуры» и др.

Анализ уровня экономического и внешнеэкономического развития рассматриваемых регионов данных стран во многом подтверждает эту картину: по ВВП и экспорту регионы развивающихся экономик несопоставимы с регионами развитых (табл. 2). В плане экспорта

Таблица 2. Показатели уровня развития экономики и экспорта рассматриваемых регионов, 2019 год

Страна, регион		ВВП		Экспорт			основные группы (доля, %)
		млрд долл.	доля промышленности ²⁾ , %	млрд долл.	к ВВП, %	на душу, тыс. долл.	
США	Флорида	963,0	99,0	56,0	6,0	2,6	продукция обрабатывающей промышленности (73,0)
	Техас	1764,0	84,0	330,5	19,0	11,4	продукция обрабатывающей промышленности (57,0)
Германия	Сев. Рейн-Вестфалия	796,0	22,0	216,9	27,0	12,1	готовые товары (61,0), полуфабрикаты (21,3), сырье (0,9)
	Бавария	709,0	27,0	212,6	30,0	16,2	автомобили (29,8), электротехнические изделия (18,1), машины и оборудование (17,6), химическая продукция (9,8) ¹⁾
	Саксония	143,0	23,0	45,1	31,0	11,1	продукция машиностроения (11,9), электротехнические изделия (12,4), авто (30,8)
Россия	Калининградская область	7,4 ¹⁾	23,0 ¹⁾	1,5	17,2 ¹⁾	1,5	Продовольственные товары и с/х сырье (79,0)
	Свердловская область	36,4 ¹⁾	33,0 ¹⁾	8,3	23,5 ¹⁾	1,9	металлы и изделия (55,0), машины и оборудование (17,0), химическая продукция (14,0)
	Приморский край	13,3 ¹⁾	9,5 ¹⁾	4,1	25,6 ¹⁾	2,1	продовольственные товары и сырье (39,4), продукция машиностроения (24,1), минеральные продукты (18,2), ТЭК (16,3)
Казахстан ¹⁾	Атырауская область	22,7	91,0	23,9	105 ³⁾	37,7	продукция минеральная (52,2), продукция машиностроения (16,9), пластмассы и резина (7,6)
	Карагандинская область	13,7	53,0	4,6	34	3,3	металлы и изделия (44,3), драг. (п/драг.) камни и драг. металлы (31,0), пластмасса и резина (18,6), машины и оборудование (8,5)
Беларусь	Минская область	9,9	43,0 ¹⁾	7,4	75,0	5,1	химическая продукция (46,0), оборудование и транспортные средства (22,5), агропром (15,3)

¹⁾ 2018 г.

²⁾ США – (все отрасли, кроме первичного сектора) / ВВП; Германия – (промышленное производство [без строительства]) / ВДС; Россия – обрабатывающие производства / ВДС; Казахстан – промышленная продукция / ВВП; Беларусь – промышленная продукция (без строительства) / ВВП.

³⁾ >100%, может быть связано с экспортом запасов и разницей внутренних и внешних цен.

Составлено по: данные нац. статистики и органов власти рассматриваемых стран (<https://www.bea.gov/system/files/2020-02/trad1219.pdf>; statsamerica.org; www-genesis.destatis.de; [destatis.de](https://www.destatis.de); [statistikportal.de](https://www.statistikportal.de); [bundesbank.de](https://www.bundesbank.de); <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:7:2073617274463687::NO:::>; rosstat.gov.ru; utu.customs.ru; koblt.customs.gov.ru; dvtu.customs.gov.ru; cbr.ru/statistics/macro_itm/svs; <https://stat.gov.kz/edition/publication/collection>; bsbnb.nationalbank.kz; belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/; minsk.belstat.gov.by; nbrb.by (дата обращения 05.03.2020, 03.11.2020).

регионы развивающихся стран находятся в стадии развития. Несмотря на то что экспортоспособность их ВРП едва ли уступает регионам США и ФРГ, экспорт на душу в большинстве случаев (за исключением Атырауской области, где он наполовину обеспечивается добычей минеральных ресурсов) существенно меньше. Все рассмотренные регионы характеризуются представленностью промышленности в ВРП и несырьевого экспорта.

Если в американских и немецких регионах большую долю занимают конечные готовые товары, в т. ч. продукция машиностроения, то в российских, казахстанских, белорусских преобладают продовольственные товары, продукция металлургии, минеральные продукты, и только после них следует машиностроение (см. табл. 2). Таким образом, регионы развитых стран в подушевом измерении «насыщены» экспортом, а их экспорт «насыщен» высокотехнологичной продукцией. По притоку иностранных инвестиций, как и по абсолютному объему экспорта, регионы развитых стран несопоставимо опережают регионы развивающихся государств. В подушевом измерении

выделяется Свердловская область, демонстрирующая активное привлечение иностранных инвестиций (табл. 3).

Результаты: отражение сферы ВЭД в стратегиях регионов

В регионах Германии разрабатываются планы (программы) развития земель. Как показал первичный анализ, ВЭД в них не подвергается детальному рассмотрению, поэтому для получения более полного представления целесообразно изучить программы нескольких регионов (табл. 4).

В Германии существует развитая система поддержки экспорта [1, с. 34–35; 2, с. 102–104], но, как показывает исследование, в документах развитие ВЭД освещается незначительно, по крайней мере, в меньшей степени, чем у российских регионов. В части ВЭД значение уделяется трансграничной и международной транспортной инфраструктуре, туризму. Представляется, что это во многом связано с тем, что в странах Европы большая часть регионов являются приграничными, а также со стремлением к развитию экономической связности в рамках Европейского союза.

Таблица 3. Прочие показатели уровня развития ВЭД рассматриваемых регионов, 2019 год

Страна, регион		Экспорт		Импорт			Приток ПИИ ⁵⁾	
		доля в стране, %	место в стране	млрд долл.	доля в стране, %	место в стране	млрд долл.	на душу, тыс. долл.
США	Флорида	20,1	1	295,0	11,8	2	10,5 ³⁾	0,5 ³⁾
	Техас	3,4	8	82,0	3,3	10	8,4 ⁴⁾	0,3 ⁴⁾
Германия	Сев. Рейн-Вестфалия	14,6	2	275,0	22,2	1	6,8 ³⁾	0,4 ³⁾
	Бавария	14,3	3	213,0	17,2	2	8,6 ²⁾	0,7 ²⁾
	Саксония	3,0	8	30,0	2,4	9	1,3 ³⁾	0,3 ³⁾
Россия	Калининградская область	0,4	34	8,0	3,3	4	0,3	0,3
	Свердловская область	2,0	7	5,0	2,1	7	5,3	1,2
	Приморский край	1,0	21	5,2	2,1	6	0,4	0,2
Казахстан ¹⁾	Атырауская область	39,0	1	3,2	9,6	3	0,6	1,0
	Карагандинская область	7,5	5	1,8	5,4	5	0,5	0,4
Беларусь	Минская область	23,3	2	6,1	16,8	2	0,6	0,4

¹⁾ 2018 г.; ²⁾ 2017 г.; ³⁾ 2016 г.; ⁴⁾ 2015 г.

⁵⁾ По Германии – сальдо; по Казахстану – ИИ в основной капитал, по Республике Беларусь – ПИИ в реальный сектор; по Техасу – «greenfield» ПИИ-проекты.

Составлено по: данные нац. статистики и органов власти рассматриваемых стран (<https://www.bea.gov/system/files/2020-02/trad1219.pdf>; statsamerica.org; www-genesis.destatis.de; destatis.de; statistikportal.de; bundesbank.de; <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:7:2073617274463687::NO:::>; rosstat.gov.ru; utu.customs.ru; kobit.customs.gov.ru; dvtu.customs.gov.ru; cbr.ru/statistics/macro_itm/svs; <https://stat.gov.kz/edition/publication/collection>; bsbnb.nationalbank.kz; belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/; minsk.belstat.gov.by; nbrb.by (дата обращения 05.03.2020, 03.11.2020)); fitchamber.com; gov.texas.gov; deutschlandinzahlen.de; standort-sachsen.de; it.nrw.de; stmwi.bayern.de (дата обращения 03.11.2020).

Таблица 4. Отражение ВЭД в документах стратегического развития в регионах Германии

Регион (документ, год)		Черты отражения ВЭД
Северный Рейн – Вестфалия (план развития земли, от 2016 года) ¹⁾		Отмечена актуальность развития транспортной инфраструктуры, встроенной в европейскую сеть движения, и других трансграничных транспортных сообщений в приграничных территориях. Показаны соответствующие значимые маршруты. Регион позиционируется, в т. ч., как европейский «Metropolregion» (региональная агломерация). Отмечается, что у него имеются предпосылки для того, чтобы быть международно признанным местом размещения деятельности в различных сферах (инфраструктура, услуги, исследования и разработки, экономика, наука, туризм) и эти предпосылки перспективно развивать. Значимость трансграничной совместной работы в сфере пространственного развития с сопредельными Нидерландами и Бельгией
Бавария	программа развития региона, от 2013 года (в ред. 2018 года) ²⁾	Т. к. регион приграничный, то при согласовании пространственных стратегий развития должно учитываться сотрудничество со странами Евросоюза, трансграничные стратегии развития. Внимание уделяется позиционированию Баварии как европейского «Metropolregion» (региональной агломерации), развитию туристического сектора
	план «Bayern Digital II», от 2017 года ³⁾	Планируется, что регион станет ведущим местом размещения цифровой медицины и заботы о пожилых
Саксония (план развития земли, от 2013 года) ⁴⁾		К целям относится, среди прочего, усиление конкурентоспособности экономики региона через гарантирование и улучшение пространственных условий. Отмечается значимость встраивания в трансевропейские транспортные коридоры (меридиональный и широтный); международной хозяйственной кооперации (в т. ч. в рамках еврорегионов с сопредельными польскими и чешскими территориями); выполнения функции «моста» между «новыми» и первоначальными членами ЕС; поддержки развития приграничных территорий, расположенных в трансграничных «туристических регионах»
Источники: ¹⁾ Landesentwicklungsplan Nordrhein-Westfalen (von 2016) // Landesregierung Nordrhein-Westfalen. URL: https://www.wirtschaft.nrw/sites/default/files/asset/document/lep_nrw_14-12-16.pdf ; ²⁾ Landesentwicklungsprogramm Bayern vom 01.09.2013 (Stand 01.03.2018). URL: http://www.landentwicklung-bayern.de/fileadmin/user_upload/landesentwicklung/Dokumente_und_Cover/Instrumente/LEP_Lesefassung_2018/LEP_Stand_2018.pdf ; ³⁾ Bericht aus der Kabinettsitzung vom 30. Mai 2017 // Bayerisches Landesportal. 30.05.2017. URL: https://www.bayern.de/bericht-aus-der-kabinettsitzung-vom-30-mai-2017/?seite=1579 ; ⁴⁾ Landesentwicklungsplan // Sächsisches Staatsministerium für Regionalentwicklung. URL: https://www.landentwicklung.sachsen.de/2387.htm (дата обращения 05-19.02.2020).		

На фоне конкуренции между «местами размещения» хозяйственной деятельности в условиях развивающейся европейской интеграции и глобализации на первый план выходит вопрос международной конкурентоспособности. Так, ему уделено внимание в планах развития Северного Рейна-Вестфалии и Саксонии. В случае Северного Рейна-Вестфалии международная конкурентоспособность заявлена и в стратегии региона по развитию сельского хозяйства.

Относительно Баварии (приграничный регион) отмечена необходимость учитывать при планировании пространственного развития «Европейскую концепцию пространственного развития», макрорегиональные стратегии, европейские стратегии Дунайского пространства, оперативные программы европейского сотрудничества с баварским участием.

Таким образом, большое внимание в Германии уделяется следующим аспектам:

– международная конкурентоспособность, развитие региона как одного из значимых и

привлекательных в Евросоюзе и мире мест размещения хозяйственной деятельности;

– развитие транспортной инфраструктуры, включая трансграничную, с учетом европейских транспортных маршрутов;

– экономическое сотрудничество и гармонизация пространственного развития с сопредельными территориями стран, экономическая связность пространств, в т. ч. с учетом европейских концептуальных положений и планов пространственного развития, что, очевидно, обусловлено интеграционными целями в рамках ЕС, где уровень интеграции – один из самых высоких;

– развитие высокотехнологичной экономики (например, в случае Баварии – в стратегии дигитализации земли).

Далее обратимся к регионам США. Несмотря на то что в литературе есть упоминание о разработке штатами США программ стимулирования экспорта [4], в качестве примеров были взяты общие свободно опубликован-

Таблица 5. Отражение ВЭД в документах стратегического развития в регионах США

Регион (документ, год)	Черты отражения ВЭД
Флорида (стратегический план экономического развития, на 2018–2023 гг.) ¹⁾	Одно из направлений развития – стимулирование роста экспорта и диверсификации рынков, в частности через международные торговые выставки организации «Enterprise Florida». Через региональную программу продвижения сельскохозяйственной продукции предполагается поддержка производителей (участие в выставках, презентация товаров, маркетинговая поддержка в разных регионах мира). Отмечается, что штат занимает вторую позицию в ежегодном рейтинге «Лучший штат для бизнеса» журнала «Chief Executive Magazine». Названы имеющиеся стимулы для ведения бизнеса, включая льготы, инфраструктуру, торговые преимущества и наличие компетентных специалистов по бизнес-планированию. Предполагается продолжить модернизацию регуляторных систем, для того чтобы они соответствовали глобальной, инновационно ориентированной экономике. Планируется совершенствование работы по выдаче разрешений на ведение бизнеса, развитие удобного сервиса услуг для бизнеса, предсказуемой институциональной среды
Север Центрального Техаса (стратегия комплексного экономического развития от 2016 года) ²⁾	Актуальность поддержки формирования и роста экспортоориентированного бизнеса, что выступает одной из субцелей в рамках цели развития экономической конкурентоспособности региона. По одному из кластеров региона отмечена возможность привлечения прямых иностранных инвестиций. Также большое значение уделяется повышению привлекательности региона для бизнеса через поддержку получения бизнес-компетенций и доступа предприятий к необходимым ресурсам (в т. ч. через центры развития малого бизнеса, акселераторы, инкубаторы)

Источники: ¹⁾ Department of Economic Opportunity. URL: <http://www.floridajobs.org/office-directory/division-of-strategic-business-development/florida-strategic-plan-for-economic-development>; ²⁾ North Central Texas Council of governments. URL: https://www.nctcog.org/nctcog/media/EDO-DOCS/EconomicDevelopmentDistrict/NCTCOG_CEDS.pdf (дата обращения 05–19.02.2020).

нные стратегии развития. В случае, например, Флориды в план включена поддержка продвижения экспорта, но особенный акцент делается на инвестиционную привлекательность, конкурентные преимущества региона (табл. 5).

В целом в США (см. табл. 5) большое внимание уделяется благоприятным условиям для развития предпринимательства. Таким образом, в регионах США особый акцент делается на такие аспекты, как:

- стимулирование экспорта и его диверсификации через содействие продвижения продукции на внешние рынки (выставки), маркетинговую поддержку;
- развитие конкурентоспособности региона, привлекательности для инвесторов, в т. ч. иностранных, и предпринимателей, бизнес которых может быть и экспортоориентированным. Характеризуется институциональная среда бизнеса и отмечаются стимулы ее инновационного развития.

Развитие ВЭД в стратегиях рассмотренных российских, а также казахстанских и белорусских регионов детализируется подробнее (табл. 6), чем у развитых стран-партнеров, причем в российских субъектах имеют-ся специализированные стратегии по ВЭД.

В различной степени в стратегиях отражены следующие аспекты:

- развитие ВЭД рассматривается в качестве путей достижения поставленных целей (Россия, Казахстан), задач и направлений в рамках приоритетов (Белоруссия);
- проводится анализ экономики региона в части потенциала ВЭД, ее достижений и факторов (проблем и перспектив развития);
- отражен целый ряд направлений ВЭД: развитие конкурентоспособного промышленного сектора, АПК, транспортно-транзитного потенциала, туристического сектора, привлечение иностранных инвестиций;
- особую роль играет развитие высокотехнологичной промышленности, конкурентоспособной на международном рынке;
- ВЭД призвана осуществлять диверсификацию производства и экспорта, что поможет снизить зависимость от конъюнктуры мировых товарных рынков, а также санкционных ограничений ряда развитых стран;
- приводятся инструменты инфраструктурной поддержки экспортоориентированного производства (ОЭЗ, технопарки), продвижения продукции на внешних рынках (выставки), привлечения иностранных инвестиций (презентации, форумы).

Таблица 6. Отражение ВЭД в документах стратегического развития в выбранных регионах стран ЕАЭС

Регион (документ)	Отражение ВЭД
РОССИЯ	
Свердловская обл. (Стратегия развития международных и внешне-экономических связей до 2035 г. (от 2019 года)) ¹⁾	<p>Приводится подробный анализ ВЭД региона и конъюнктуры, названы перспективные виды товаров с учетом ориентации на развитие высокотехнологичного экспорта, имеющаяся инфраструктура поддержки привлечения иностранных инвестиций (ОЭЗ, технопарки, индустриальные парки) и достижения, транспортная инфраструктура, инфраструктура развития имиджа региона за рубежом (выставка «Иннопром» и др., бренд региона), анализ конкурентных преимуществ региона, консультационная инфраструктура.</p> <p>Цель: создание среды, в которой компании имели бы оптимальные условия для экспорта; приращение ВРП за счет такой среды и привлечения иностранных инвестиций.</p> <p>Ставятся задачи в таких сферах, как развитие международного сотрудничества региона и повышение присутствия компаний на внешнем рынке; диверсификация отраслевой структуры экспорта, в т. ч. приращение доли высокотехнологичного экспорта, развитие экспорта услуг; содействие привлечению иностранного капитала в высокотехнологичные секторы; необходимый импорт передового промышленного оборудования; развитие инфраструктуры поддержки экспорта, транспортной инфраструктуры имиджа региона за рубежом.</p> <p>Представлены механизмы реализации стратегии в достижении задач</p>
Калининградская обл. (Стратегия обеспечения благоприятных условий для развития экспортной деятельности до 2025 года) ²⁾	<p>Представлен анализ развития, барьеров и перспектив развития экспорта региона (в особенности несырьевого), включая отраслевой и географический.</p> <p>Цель: обеспечение реализации эффективной модели экспортной специализации региона, позволяющей ему гармонично развиваться с учетом его специфики и преимуществ. Особое внимание уделено технологическому росту экспортных отраслей, в т. ч. за счет применения передовых технологий и новых материалов, развития агропрома, сектора услуг (туризма, транспорта), машиностроения (в т. ч. за счет локализации иностранных производств).</p> <p>Ставятся такие задачи, как обеспечение возможностей преодоления экспортерами внешних и внутренних барьеров, консолидация в сфере диверсификации экспорта усилий государства и бизнеса, приглашение к экспорту бизнеса (в т. ч. малого и среднего), обеспечение эффективной системы экспортной поддержки.</p> <p>Представлены механизмы поддержки экспорта: финансовой, информационно-консультационной, по выходу на рынок, повышению готовности к экспорту, и региональная система институтов содействия</p>
Приморский край (раздел по ВЭД в Стратегии социально-экономического развития до 2030 года) ³⁾	<p>Представлен анализ тенденций развития ВЭД региона, оценен прогноз оборота. Особое внимание уделено сфере услуг (транспортно-транзитных, туристических, медицинских и др.), АПК и лесной промышленности. Приведены преимущества (включая наличие ТОСЭР и СПВ), трудности на пути развития экспорта и привлечения ПИИ, пути их решения, перспективные направления развития экспорта и локализации. Подчеркивается важность повышения степени переработки сырья.</p> <p>Цель развития ВЭД: наращивание несырьевого экспорта региона, развитие международных транспортных услуг, привлечение ПИИ</p>
КАЗАХСТАН	
Атырауская область (программа развития территории региона на 2016–2020 гг.) ⁴⁾	<p>Среди путей достижения цели, связанной с развитием инноваций и стимулирования притока капитала, – активная реализация несырьевого экспорта (отмечено, что разработаны дорожные карты по поддержке экспортоориентированных предприятий; развитие экспортоориентированных производств входит в цель развития АПК региона) и привлечение прямых инвестиций в высокотехнологичные производства; организация инвестиционных форумов и выставок (отмечено, что проводится ежегодный инвестиционный форум «Atyrau invest», Северо-Каспийские региональные выставки и строительная выставка «Atyrau Build»), презентаций, бизнес-встреч, издание брошюр (в т. ч. для иностранной аудитории) для увеличения инвестиционной привлекательности региона; организация семинаров о требованиях международных рынков и нормативной базе казахстанской внешней торговли; поддержка в реализации новотехнологичных инвестиционных проектов; создание торгово-логистических центров; поддержка сотрудничества с зарубежными технопарками.</p> <p>В качестве одного из путей достижения цели по созданию конкурентоспособной туристической индустрии обозначен рост числа международных мероприятий с участием региона</p>

Регион (документ)	Отражение ВЭД
Карагандинская область (программа развития на 2016–2020 гг.) ⁵⁾	Запланировано повышение доли несырьевого экспорта, а также прирост экспорта ряда отраслей экономики региона (черной, цветной металлургии, неметаллической минеральной продукции, продукции обрабатывающей промышленности). Среди путей достижения данных целевых индикаторов – осуществление инвестиционных проектов в приоритетных промышленных отраслях, внедрение технологий в обрабатывающем производстве. В сфере инвестиций предполагается отбор проектов для регионального технопарка и СЭЗ («Сарыарка»), устройство мероприятий по привлечению инвесторов, реализация высокотехнологичных проектов с инновациями. В сфере АПК предполагается объединение деятельности малых субъектов хозяйствования, в т. ч. для выхода на внешний рынок
БЕЛОРУССИЯ	
Минская область (Стратегия устойчивого развития на 2016–2025 гг.) ⁶⁾	Среди приоритетов развития находятся развитие конкурентоспособного туристического сектора, транзитного потенциала, конкурентоспособности АПК, развитие промышленного комплекса на инновационной основе. Для их достижения поставлены задачи в сфере привлечения иностранных инвестиций, международного маркетинга (продвижение туристических услуг, стратегирование вхождения отдельных предприятий АПК в мировой рынок экологически чистой и новейшей продукции, диверсификация экспорта [АПК], в т. ч. за счет точного учета запросов), достижения соответствия международным стандартам качества (АПК), углубления выгодной международной специализации, формирования перечня перспективных предприятий новейших технологических укладов
Источники: ¹⁾ https://mvs.midural.ru/sites/default/files/20190628pp372.pdf (дата обращения 10.10.2019); ²⁾ minprom.gov39.ru/upload/2018_07_19_Приказ+экспортная%20стратегия_Итог.pdf ; ³⁾ https://www.economy.gov.ru/material/file/d02f9629c0feccf90a6449ae4647e72c/strategprimorsk.pdf (дата обращения 02.11.2020); ⁴⁾ http://atyrau.gov.kz/page/read/Programma_razvitiya_territorii.html?lang=ru ; ⁵⁾ http://econom-kr.gov.kz/ru/prt_obl ; ⁶⁾ http://www.pravo.by/upload/docs/op/C21600604_1470690000.pdf (дата обращения 05-19.02.2020).	

Таким образом, в российских, казахстанских, белорусских регионах внимание уделяется развитию несырьевого экспорта, посредством усилий как в сфере организации технологического производства, так и в сфере маркетинга, и привлечению иностранных инвестиций как важного инструмента развития экспортоориентированного производства. Очевидно, что такая детализация в документах стратегического развития отражает особую значимость стимулирования несырьевого экспорта в условиях глобальной технологической и торговой конкуренции и других вызовов в развитии мирохозяйственных связей для развивающихся стран. Важной детерминантой выступает относительно меньший (к развитым странам) достигнутый уровень развития экономики и ВЭД и, одновременно, нахождение на этапе активного развития.

Заключение

Исследование показало, что в настоящее время в стратегиях развития регионов как развитых, так и развивающихся стран несырьевой экспорт и привлечение иностранных инве-

стиций и технологий играют значимую роль. Общим для государств является учет в отражении видения внешнеэкономических перспектив отраслевой специфики региона. Вместе с тем модели развития региональной ВЭД в рассматриваемых странах выстроены по-разному. В частности, различается степень детализации при отражении стратегических направлений развития ВЭД. Это связано с уровнем развития экономики и ВЭД, что подтверждает выдвинутую гипотезу.

США и Германия – ведущие мировые экспортеры, в т. ч. высокотехнологичных товаров, – достигли высокого уровня развития экономики и ВЭД; экономики их регионов в подушевом измерении в большей степени «насыщены» экспортом и иностранными инвестициями, их экспорт в большей степени «насыщен» высокотехнологичной продукцией. Часть вопросов развития ВЭД, которые ставятся на повестку в стратегиях регионов развивающихся стран, в частности развитие несырьевого неэнергетического экспорта, диверсификация экспорта, в США и Германии не так актуальны.

В связи с этим в общих стратегиях развития их регионов освещение ВЭД характеризуется меньшей степенью детализации. Несырьевая производственная база уже развита, и актуальным становится вопрос, как сохранить или усилить глобальную конкурентоспособность посредством улучшения условий для ведения бизнеса. При осуществлении поддержки ВЭД внимание уделяется в основном условиям ведения бизнеса с точки зрения развития среды для инноваций и предпринимательства, в том числе среднего и малого, вопросам привлечения иностранных инвестиций, а также развитию транспортной связанности и межрегионального взаимодействия в рамках ЕС.

В России, Казахстане, Белоруссии освещение стратегических направлений развития ВЭД в стратегиях развития регионов детализируется, что отражает большую роль и вклад развития ВЭД в реализацию национальных и региональных приоритетов развития, особенно в части несырьевого неэнергетического экспорта. Это выражается в принятии соответствующих стратегических (программных) документов и объясняется меньшим достигнутым уровнем развития экономики и ВЭД, в то же время демонстрирует этап их активного развития. Экономика указанных стран и регионов стремятся

к наращиванию поддушевой «насыщенности» экспортом и «насыщенности» экспорта высокотехнологичными товарами. В ряде российских субъектов имеются отдельные стратегии развития внешнеэкономических связей, в казахстанских и белорусских регионах развитию ВЭД уделяется внимание в стратегиях развития их территорий, что можно объяснить странственной спецификой и уровнем дифференциации российских регионов, требующим наличия соответствующих стратегий развития ВЭД для регионов, в которых она играет особую роль.

Таким образом, вклад выполненной работы в теоретическом плане состоит в выявлении связи между степенью развития экспорта национальных экономик и отражением перспективных направлений и инструментов развития ВЭД в стратегиях развития их регионов. В части вклада в прикладную науку проведенный анализ позволяет учитывать опыт как развитых стран - ведущих экспортеров, так и участников ЕАЭС при разработке отдельных стратегий и программных документов регионов в сфере ВЭД, а также адаптировать их к интересам и приоритетам сотрудничества стран – партнеров по торговле и интеграционному взаимодействию.

Литература

1. Спартак А.Н., Французов В.В. Новое в государственной поддержке экспорта за рубежом: усиление агрессивности // *Международная экономика*. 2018. № 9. С. 33–44.
2. Смирнова А.А., Степанова Е.О. Направления повышения конкурентоспособности поддержки российских экспортеров // *Теоретическая экономика*. 2019. № 11 (59). С. 95–106.
3. Волкова Т. И. Реализация потенциала коммерциализации интеллектуальных продуктов в системе международной торговли // *Экономика региона*. 2019. Т. 15. № 1. С. 242–255. DOI: 10.17059/2019-1-19
4. Демин Г.А. Зарубежный опыт стратегического регулирования внешнеэкономического комплекса региона // *Актуальные вопросы современной экономики*. 2019. № 5. С. 329–334.
5. Freixanet J., Renart G., Rialp-Criado A. The impact of managers' global orientation on SME export and economic performance. *Management International Review*, 2018, vol. 58, iss. 4, pp. 571–604. DOI: 10.1007/s11575-018-0358-y
6. Шлык Н.Л., Титова С.Ю. Система поддержки экспорта малого бизнеса (российский и зарубежный опыт) // *Власть и управление на Востоке России*. 2018. № 2 (83). С. 21–27. DOI: 10.22394/1818-4049-2018-83-2-21-27
7. Кузнецова Г.В., Цедилин Л.И. Стимулирование несырьевого экспорта: международный опыт и российская практика // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 5. С. 72–79. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-5-72-79
8. Güvercin D. Boundaries on Turkish export-oriented industrialization. *Journal of Economic Structures*, 2020, vol. 9, article 46, pp. 1–15. DOI: 10.1186/s40008-020-00221-5. URL: <https://link.springer.com/article/10.1186/s40008-020-00221-5#Sec2> (дата обращения 07.11.2020).

9. Данчеева А.А., Савинов Ю.А. Государственная поддержка экспорта в России: использование опыта других стран // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 11. С. 90–100.
10. Heiland I., Yalcin E. Export market risk and the role of state credit guarantees. *International Economics and Economic Policy*, 2020 (02.06.2020), 48 p. DOI: 10.1007/s10368-020-00466-2. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10368-020-00466-2> (дата обращения 07.11.2020).
11. Malca O., Peña-Vinces J., Acedo F.J. Export promotion programs as export performance catalysts for SMEs: insights from an emerging economy. *Small Business Economics*, 2019, 21 p. DOI: 10.1007/s11187-019-00185-2. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11187-019-00185-2> (дата обращения 02.03.2020).
12. Инструменты поддержки экспорта за рубежом и возможности их использования в России / Н.Ю. Родыгина, С.В. Молева, В.И. Мусихин, В.И. Алексеев // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 11. С. 15–27.
13. Comi S., Resmini L. Are export promotion programs effective in promoting the internalization of SMEs? *Economia Politica*, 2019, 35 p. DOI: 10.1007/s40888-019-00170-8. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40888-019-00170-8> (дата обращения 02.03.2020).
14. Dong C.V., Truong H.Q. The determinants of creative goods exports: evidence from Vietnam. *Journal of Cultural Economics*, 2019 (30.07.2019), 28 p. DOI: 10.1007/s10824-019-09359-y. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10824-019-09359-y> (дата обращения 05.03.2020).
15. Внешнеэкономический фактор развития регионов Северо-Запада: оценка влияния и специфика институционального обеспечения / Е.Л. Андреева, А.В. Ратнер, Ю.Г. Мыслякова и др. // Балтийский регион. 2018. Т. 10. № 1. С. 19–36. DOI: 10.5922/2074-9848-2018-1-2
16. Борцов Д.В. «Коммуникационный разрыв» как сдерживающий фактор роста российского экспорта и пути его преодоления // Вопросы экономики. 2019. № 9. С. 123–134. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-9-123-134
17. Гулин К.А., Якушев Н.О., Мазилев Е.А. Активизация экономического роста в регионах РФ на основе стимулирования развития несырьевого экспорта // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 57–70. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.4
18. Сапир Е.В., Шмураткина А.Г. Институциональный механизм повышения экспортного потенциала региона // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 3. С. 169–176. DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-3-169-176
19. Ивина Н.В., Черешнева К.К. Некоторые предложения по повышению эффективности механизмов поддержки экспорта в России // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. № 3. С. 55–67. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-3-55-67
20. Леонов С.Н. Опыт реализации концепции полюсов роста в развитии Дальнего Востока России // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 6. С. 88–101. DOI: 10.14530/reg.2019.6.99

Сведения об авторах

Юлия Георгиевна Лаврикова — доктор экономических наук, доцент, директор, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: lavrikova_ug@mail.ru)

Елена Леонидовна Андреева — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры, Уральский государственный экономический университет (620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62), руководитель центра, ведущий научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: elenandr@mail.ru)

Артем Витальевич Ратнер — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: aratner@inbox.ru)

Lavrikova Yu.G., Andreeva E.L., Ratner A.V.

The Impact of Foreign Economic Activity on Regional Development: Comparative Analysis of Russian and Foreign Experience

Abstract. Global economic challenges, along with a slowdown in the world economy growth, lead to the need to consider foreign economic activity (FEA) as a factor affecting regional development. Due to non-resource exports, both quantitative (increasing the exports volume, employment, investment inflows, tax base) and qualitative tasks (diversifying the economy, increasing competitiveness and innovation, production of high-value products) are solved. In this regard, a scientifically based assessment of the FEA role in the regional development strategies is relevant which can be the basis for developing a set of mechanisms and tools for the region's foreign economic development. The purpose of the article is to substantiate the FEA development impact on the regional development by identifying the reflection of its prospects in the development strategies of Russian regions and different countries' regions. The object of the research is FEA of the selected regions of the Russian Federation, developed countries (Germany, USA), and EAEU countries (Belarus and Kazakhstan). The scientific novelty is to identify the relations between the degree of economic development and FEA countries, and the reflection of promising areas and tools for the FEA development in the development strategies of their regions. The methodological base is represented by the approaches to defining the determinants and principles of FEA support. There were included the following methods: an indicators' comparative analysis of the economic and FEA development levels of the selected countries and the prospects for the FEA development (in areas, including export of services; non-resource export; export diversification; etc.) in their regions' strategies. The analysis results confirmed the assumption that the reflection of the directions and tools of FEA development is paid attention to both in developed and developing economies, but different countries have their own specifics. The analysis allows taking into account the experience of developed countries and leading exporters, as well as the EAEU members, when working out individual strategies and program documents of the regions in the FEA field.

Key words: foreign economic activity, region's development strategy, experts support, development priorities, non-resource export, investment attractiveness, diversification of the economy and export.

Information about the Authors

Yulia G. Lavrikova – Doctor of Sciences (Economics), Director, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskay Street, Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: lavrikova_ug@mail.ru)

Elena L. Andreeva – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Professor of Department, Ural State University of Economics (62, Vos'mogo Marta Street, Ekaterinburg, 620014, Russian Federation); Director of Center, Leading Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskay Street, Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: elenandr@mail.ru)

Artem V. Ratner – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskay Street, Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: aratner@inbox.ru)

Статья поступила 15.07.2020.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.4

УДК 338.984, ББК 65.050.22

© Кожевников С.А.

Интеграция экономического пространства северного региона: особенности и проблемы обеспечения*

**Сергей Александрович
КОЖЕВНИКОВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru
ORCID: 0000-0001-9063-6587; ResearcherID: I-8373-2016

Аннотация. Переход России к рынку в 90-е гг. XX века, приведший к разрушению единого народнохозяйственного комплекса, существующих технологических, кооперационных, социальных и иных связей между территориями и, как следствие, дезинтеграции экономического пространства страны, крайне обострил проблемы развития северных регионов. В условиях либерализации торговли, когда отношения конкуренции стали превалировать над кооперацией, наблюдалась значительная переориентация хозяйствующих субъектов с внутреннего на внешние рынки и их интеграция в глобальные цепочки добавленной стоимости. В этой ситуации производственный потенциал и ресурсы Севера не столько стали использоваться для внутреннего потребления и форсированного развития экономики России, сколько в виде продукции невысоких переделов направлялись на экспорт. Такая экономическая модель ведет к существенным социально-экономическим издержкам, разрушению целостности внутрироссийского рынка и фрагментации его пространства. Эти обстоятельства актуализируют задачу поиска эффективных механизмов интеграции северных регионов в национальное экономическое пространство. Целью работы выступает исследование особенностей и проблем обеспечения пространственной интеграции экономики северного региона. Для ее достижения проведен критический анализ теоретико-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-2099.2020.6 «Механизмы управления пространственной интеграцией экономики регионов Европейского Севера России в контексте реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

Для цитирования: Кожевников С.А. Интеграция экономического пространства северного региона: особенности и проблемы обеспечения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 6. С. 68–83. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.4

For citation: Kozhevnikov S.A. Integration of economic space of the Northern region: features and problems of ensuring. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 6, pp. 68–83. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.4

методологических подходов к трактовке сущности и факторов обеспечения пространственной интеграции экономики. Выявлены ключевые особенности трансформационных и интеграционных процессов на Европейском Севере России в постсоветский период. Показано, что сохранившиеся еще со времен СССР кооперационные связи ЕСР с другими субъектами страны стали объективной основой для развития интеграционных процессов. Однако оно сдерживается негативными демографическими процессами, ограничивающими развитие интеграции на рынке труда региона, снижением уровня транспортной связности пространства ввиду значительного разрушения системы внутрирегиональной авиации, внутреннего водного транспорта. Выявлены транспортная связность основных экономических центров ЕСР и «узкие» места в развитии транспортной инфраструктуры. Обоснованы концептуальные основы обеспечения пространственной интеграции экономики северного региона.

Ключевые слова: экономическое пространство, пространственная интеграция, северный регион, транспортная связность, Европейский Север России.

Введение

Наращение дезинтеграционных процессов, распад СССР и переход экономики к рыночным условиям хозяйствования в 90-е гг. XX века привели к разрушению единого экономического пространства и народнохозяйственного комплекса, ослаблению существующих кооперационных, технологических, социальных и иных связей между регионами. Обвальное падение экономики, обострение иных социально-экономических проблем были, по мнению Л.Б. Вардомского, в значительной степени обусловлены дезинтеграцией в экономике, совпавшей с «шоковым» характером проводимых реформ. Так, в большинстве республик СССР в 1989 году на долю межреспубликанского обмена приходилось в вывозе более 90%, а ввозе – более 70% от всего объема продукции (с учетом экспорта и импорта)¹. Однако распад Союза привел к резкому разрушению связей между республиками, а дезинтеграционные процессы оказались актуальны и для регионов России. В частности, только в 1990–1994 гг. доля межрегионального оборота в ВВП страны снизилась с 25 до 16% [1].

На данном этапе отношения конкуренции регионов стали существенно преобладать над кооперацией, что привело к деструктивным процессам (нарастанию дифференциации территорий по уровню развития, сжатию и дезинтеграции экономического пространства) [2].

¹ Социально-экономическое развитие постсоветских стран: итоги двадцатилетия. М.: ИЭ РАН, 2012. 400 с.

В связи с этим в экономической науке и практике все большее развитие получает позиция [3–10], связанная с необходимостью ориентации на кооперацию, координацию и интеграцию усилий регионов в их социально-экономическом развитии. Следует также отметить, что сама конкуренция претерпевает эволюционные изменения, принимая качественно новые формы, где повышается роль не только соперничества, но и сотрудничества [11].

Интеграция пространства создает условия для форсированного роста экономики страны за счет эффективной эксплуатации экономического «ядра» региональных социально-экономических систем и развития на основе этого с использованием преимуществ специализации и кооперации длинных цепочек создания добавленной стоимости. В конечном счете это ведет к повышению эффективности применения природных, трудовых ресурсов, производственно-технической базы и инфраструктуры регионов.

Данная задача является особенно актуальной для северных регионов России, поскольку к зоне Крайнего Севера и приравненным к ним местностям относится порядка 65% площади страны, а более 60% ее территории лежит севернее 60-й параллели [12]. Северные регионы обладают огромным природно-ресурсным, транзитным и геостратегическим потенциалом. Вместе с тем либерализация экономической деятельности в начале 90-х гг. XX века привела к тому, что эти ресурсы не столько стали использоваться для внутреннего потребления и

развития экономики страны, сколько в виде продукции невысоких переделов направлялись на экспорт. Так, если в 1995 году в структуре экспорта на минеральные продукты приходилось 42%, то в 2018 году – уже 65%, что было обеспечено за счет форсированного роста объемов экспорта сырой нефти (в 2000–2018 гг. с 144,4 до 261 млн т), нефтепродуктов (с 62,7 до 150 млн т), природного газа (с 194 до 221 млрд куб. м)². Сворачивание производства продукции высоких переделов и рост экспорта сырьевых товаров, по мнению исследователей, ведет к существенным издержкам для экономики страны [13; 14].

Также уместно привести мнение В.А. Крюкова, справедливое по отношению не только к восточным территориям с особыми режимами хозяйствования (ТОР, ОЭЗ), но и северным регионам, для которых остро стоит задача встраивания в экономическое пространство России: «Анклавная экономика не дает желаемых результатов, если она всецело ориентирована «на себя», ... вне связи с окружающим ее регионом и страной в целом» [15].

Сказанное актуализирует задачу, заключающуюся в разработке эффективных механизмов интеграции пространства северных регионов по линии «Север – Юг».

Цель исследования – изучение особенностей и проблем обеспечения пространственной интеграции экономики северного региона.

Достижение поставленной цели предполагает необходимость решения следующих *задач*:

- критический анализ теоретико-методологических подходов к трактовке природы и факторов обеспечения интеграции экономического пространства региона;
- анализ ключевых особенностей трансформационных и интеграционных процессов в экономическом пространстве Европейского Севера России в постсоветский период;
- обоснование концептуальных основ обеспечения пространственной интеграции экономики северного региона.

Теоретические аспекты исследования

Для выявления сущности пространственной интеграции следует, в первую очередь, определиться с тем, что же подразумевается под категорией «*интеграция*». Согласно «Философскому

² Источник: данные Росстата.

энциклопедическому словарю», под ней понимается развитие, связанное с объединением в целое ранее разнородных частей и элементов. При этом данные процессы могут иметь место в рамках уже существующей системы (в этом случае они ведут к повышению уровня ее целостности и организованности) или же при формировании новой системы из ранее не связанных элементов³.

В работе П.Я. Бакланова интеграция выступает как «объединение и налаживание устойчивых связей и зависимостей в социально-экономической, политической и геополитической сферах на региональном, межрегиональном и межгосударственном уровнях» [8]. При этом ученый отмечал, что в чистом виде межотраслевых и межрайонных связей не существует, в связи с тем, что такие связи складываются между хозяйствующими субъектами различных отраслей, которые географически находятся в разных регионах. Именно эти связи интегрируются в форме межотраслевых и межтерриториальных.

В свою очередь Л.И. Абалкин трактовал интеграцию как «объединение экономических субъектов, углубление их взаимодействия, развитие связей между ними» [7]. Г.С. Вечканов рассматривает интеграцию в качестве *состояния* связанности дифференцированных частей в целое, а также *процесса*, ведущего к такому состоянию [16]. Основой таких процессов выступают экономические интересы хозяйствующих субъектов на уровне страны и региона (интеграция как завершающая стадия общественной организации хозяйства – концентрации, специализации, комбинирования и кооперирования). И лишь потом процесс завершается административной интеграцией на региональном и муниципальном уровнях. Фактически этой же позиции придерживается В.Н. Лаженцев [14; 17].

Коллектив авторов из Института экономических исследований ДВО РАН под руководством П.А. Минакира под интеграцией экономического пространства понимает «объединение экономических систем выделяемых в нем регионов, на базе которого возникает общая

³ Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983.

система с новым качеством». При этом интеграция и дезинтеграция (фрагментация) являются противоположными процессами, однако находятся в тесной связи друг с другом [9]. Е.М. Бухвальд отмечает, что пространственную интеграцию можно рассматривать в двух аспектах: как закономерный результат действия рыночных механизмов и как объект целенаправленной политики со стороны государства [18].

С учетом критического анализа существующих трактовок под пространственной интеграцией экономики регионов мы будем понимать управляемый процесс упрочения связности сегментов регионального экономического и институционального пространства в результате роста масштабности и интенсивности контактов между его элементами [19–22].

Исходя из теории и практики, к числу ключевых общих факторов обеспечения пространственной интеграции регионов относятся:

- 1) их территориальная близость (Б. Баласа, Дж. Вайнер, Я. Тинберген);
- 2) формирование и развитие производственных связей в рамках общественного разделения труда (теории кластеров и ТПК);
- 3) ресурсная взаимодополняемость территорий; однако, согласно позиции Д.П. Фролова, Р.С. Мирзоева [23], схожесть ресурсов может стимулировать вытеснение конкуренцией кооперационного взаимодействия регионов;
- 4) общая инфраструктура (транспортная, энергетическая, финансовая, информационная и т. п.);
- 5) схожесть проблем в развитии территорий;
- 6) высокая емкость внутренних рынков регионов, стимулирующая к развитию производственных и торговых связей;
- 7) наличие традиционно сложившихся исторических связей, необходимость совместного поиска решений общих проблем (например, для территорий Крайнего Севера) и др.

При этом следует отметить, что представленный перечень не является исчерпывающим, и для разных типов регионов (например приграничных, северных и т. п.), а также пространственных экономических систем различного уровня (наднациональных, национальных, региональных, локальных) значимую роль могут играть и иные специфические факторы.

Основные результаты исследования

Среди всей зоны Севера⁴ страны важное место занимают территории *Европейского Севера России*⁵ (ЕСР: Архангельская, Вологодская, Мурманская области, Республика Коми, Республика Карелия и Ненецкий автономный округ). Важность данного региона в пространственном развитии России обусловлена также тем, что, согласно Стратегии пространственного развития РФ до 2025 года, ЕСР выступает *геостратегической территорией* (значительная его часть относится к Арктической зоне РФ); буферной зоной, через которую осуществляется сотрудничество со странами Европы; отсюда берет свое начало Северный морской путь – одна из главных международных морских артерий.

Европейский Север в полном смысле слова можно рассматривать как регион. Как справедливо отмечал П.А. Минакир, существует три ключевых условия выделения регионов в рамках экономического пространства: 1) высокая теснота экономических связей внутри региона; 2) открытость, т. е. его встроенность в систему внешних для региона рынков; 3) выполнение определенных функций и наличие ясно выделяемой специализации в системе национальной экономики. При этом последнее условие, в соответствии с позицией классиков советской экономической школы (С.В. Бернштейн-Коган [26], И.Г. Александров [27] и др.), является ключевым при районировании.

⁴ Северные регионы России в соответствии с действующим законодательством включают 13 субъектов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и местностям, приравненным к ним (Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область, Мурманская область, Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО, Чукотский АО, Республика Якутия, Республика Тыва, Камчатский край, Магаданская область, Сахалинская область), а также 11 субъектов, территории которых частично относятся к районам Крайнего Севера и местностям, приравненным к ним (Республика Алтай, Амурская область, Республика Бурятия, Забайкальский край, Иркутская область, Красноярский край, Пермский край, Приморский край, Томская область, Тюменская область, Хабаровский край).

⁵ В состав северных территорий Европейской части России исследователи обычно относят и Вологодскую область (исторически она относилась к Северу в рамках системы экономического районирования СССР, например, входила в состав Северного края (1929–1936 гг.), Северного экономического района (1982 – н.в.)).

Говоря об экономической специализации Европейского Севера России в национальном разделении труда как в СССР, так и в настоящее время, следует отметить, что он продолжает играть роль «ресурсной кладовой», «валютного цеха» страны на основе преобладающего развития сектора добычи минеральных полезных ископаемых и лесопереработки, составляющих экономическое ядро региона. Рассчитанные нами ранее [28] коэффициенты локализации по основным видам экономической деятельности подтверждают, что ведущими отраслями специализации региона в рамках национальной экономики являются ЛПК, черная и цветная металлургия, химическая промышленность, ТЭК, транспорт.

Постсоветский период наложил существенный отпечаток на пространственное развитие ЕСР, что проявилось, прежде всего, в *депопуляции и сжатии освоенного пространства* (концентрация населения и экономической деятельности в «узловых» точках и нарастание площади экономической периферии). В частности, в Республике Коми доля Усинска как промышленного центра выросла с 12,7 до 37% общего

объема производства Республики, а в 14 муниципалитетах из 20 данный показатель снизился. Роль г. Сыктывкара в общей численности населения увеличилась с 19,8 до 30,6%, а численность жителей удаленных муниципалитетов уменьшается. Как отмечает Т.Е. Дмитриева, общее сокращение численности населения Коми, с одной стороны, привело к снижению физической плотности населения, а с другой – росту социальной⁶. В результате контрастность расселения (отношение социальной и физической плотности) заметно усилилась: с 22 раз в 1989 г., 36 – в 2002 г. до 52 раз⁷.

В целом по ЕСР в постсоветский период численность постоянного населения сократилась почти на 1,6 млн чел. Наибольшие темпы депопуляции были характерны для Мурманской области (в 1990–2018 гг. с 1190,1 до 750 тыс. чел., или на 37%), Республики Коми (на 33%), Архангельской области (на 27%). Одной из ключевых причин стал значительный *миграционный отток* (табл. 1).

При этом население в основном мигрирует в СЗФО и ЦФО. В частности, из Мурманской области в 2018 году – в другие субъекты СЗФО

Таблица 1. Коэффициенты миграционного прироста (оттока) населения, чел. на 10 тыс. чел. населения

Территория	Год								2018 к 1990, промилле
	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2017	2018	
РФ	19	44	25	20	19	17	14	9	-10
СЗФО	-8	3	-0,2	27	51	16	55	36	44
Республика Карелия	-35	-16	-13	-115	-54	-12	-31	-21	14
Республика Коми	-134	-178	-108	-163	-139	-102	-112	-111	23
Архангельская область (с НАО)	-78	-89	-79	-72	-82	-68	-69	-62	16
Ненецкий автономный округ	-170	-275	-62	-21	-50	23	-53	-89	81
Вологодская область	-20	21	1	-4	-17	-17	-31	-38	-18
Мурманская область	-77	-254	-167	-169	-69	-57	-46	-59	18
Калининградская область	78	119	60	33	62	82	99	95	17
Ленинградская область	62	126	83	146	150	68	171	239	177
Новгородская область	-1	67	10	-1	-21	7	-31	-32	-31
Псковская область	17	87	4	-31	-50	-1	-9	-29	-46
г. Санкт-Петербург	24	37	37	128	157	49	121	52	28

Составлено по: данные Федеральной службы государственной статистики.

⁶ Социальная плотность представляет собой среднюю арифметическую плотностей обжитых территорий, взвешенных по численности населения.

⁷ Дмитриева Т.Е. Потенциал пространственного развития северного региона // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2014: материалы Четвертого Всероссийского научного семинара: в 2 ч. Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН. 2014. С. 79–89.

(24846 чел., или 62,3%); г. Санкт-Петербург (5871 чел., 14,7%), Ленинградскую область (2649 чел., 6,6%); Республику Карелию (1206 чел., 3%); ЦФО (7827 чел., или 20%); Московскую область (1485 чел., 4%), г. Москву (1072 чел., 2,7%).

Из Республики Коми в 2018 году большая часть населения уехала в г. Санкт-Петербург (2576 чел., 11,4%), г. Москву и Московскую область (2614 чел., 11,5%), Кировскую область (1791 чел., 8%), Краснодарский край (1632 чел., 7,2%). Из Республики Карелии люди также мигрируют в основном в Ленинградскую область (616 из 9530 чел.), г. Санкт-Петербург (521 чел.), ЦФО, прежде всего Московскую область (254 чел.)⁸.

Одним из ключевых факторов, стимулирующих миграцию, является *снижение роли многих компенсаторных механизмов*. В частности, если в 2005 году в большинстве субъектов ЕСР отношение средней заработной платы к прожиточному минимуму находилось на уровне выше среднероссийского, то сейчас такое соотношение осталось только в Мурманской области и НАО (табл. 2).

При этом в скором времени темпы оттока населения могут стать критическими, учитывая

тот факт, что покидают ЕСР в основном молодежь и люди в трудоспособном возрасте⁹. В свою очередь в г. Санкт-Петербурге отношение средней заработной платы к величине прожиточного минимума за период 2005–2018 гг. выросло с 3,1 до 5,7 раза.

Другой негативной тенденцией является *значительная деформация возрастной структуры населения ЕСР*, по своим масштабам существенно превосходящая среднероссийский уровень. Так, если в среднем по стране в 1990–2018 гг. доля населения в трудоспособном возрасте снизилась на 1,3 п. п. (с 56,7 до 55,4%), то в Мурманской области – 5,9 п. п. (с 64,5 до 58,6%), Коми – 5,2 п. п. (с 61,6 до 56,4%, табл. 3).

По сути, регионы, где изначально доля трудоспособного населения была выше среднероссийского уровня (т. н. трудоизбыточные территории), теряют рабочую силу. Если не остановить эти процессы, то в ближайшее время можно столкнуться со значительным недостатком предложения на рынке труда, иными кадровыми проблемами, ограничивающими форсированное экономическое развитие данных территорий.

Таблица 2. Отношение средней заработной платы к величине прожиточного минимума (набора фиксированных товаров), раз

Территория	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2018 г.	2018 к 2005, (+/-)
РФ	2,80	3,55	3,60	4,28	1,48
Республика Карелия	2,71	2,97	2,65	3,34	0,63
Республика Коми	3,10	3,46	3,43	4,11	1,01
Архангельская область (с НАО)	н.д.	2,80	2,76	3,84	-
Ненецкий автономный округ	4,41	4,17	3,81	4,28	-0,13
Вологодская область	2,93	3,06	2,84	3,66	0,73
Мурманская область	2,60	3,48	3,39	4,31	1,71
Калининградская область	2,11	3,22	2,93	3,14	1,03
Ленинградская область	3,04	3,86	3,90	4,46	1,42
Новгородская область	2,46	3,01	2,86	3,05	0,59
Псковская область	2,32	2,76	2,15	2,76	0,44
г. Санкт-Петербург	3,11	4,71	4,40	5,71	2,6

Составлено по: данные Федеральной службы государственной статистики.

⁸ Данные территориальных органов Федеральной службы государственной статистики.

⁹ В частности, в 2018 году из Архангельской области (включая НАО) уехало 7093 человека (из них в трудоспособном возрасте – 4608 человек). Самую большую группу занимают лица в возрасте 15–19 лет (1399 чел.).

Таблица 3. Структура населения субъектов ЕСР по возрастным группам, % от общей численности

Территория	1990 г.			2000 г.			2018 г.			2018 г. к 1990 г., п.п.		
	М	Т	С	М	Т	С	М	Т	С	М	Т	С
РФ	24,3	56,7	19	19,4	60,2	20,4	18,7	55,4	25,9	-5,6	-1,3	6,9
СЗФО	23,1	58,3	18,6	17,6	61,6	20,8	17,1	55,9	27,0	-6,0	-2,4	8,4
Республика Карелия	25,4	57,8	16,8	19,3	61,8	18,9	18,4	53,9	27,7	-7,0	-3,9	10,9
Республика Коми	27,7	61,6	10,7	21,1	64,9	14,0	20,3	56,4	23,3	-7,4	-5,2	12,6
Архангельская область	26,4	57,7	15,9	19,9	61,9	18,2	19,0	54,0	27,0	-7,4	-3,7	11,1
НАО	31,4	61,1	7,5	26,1	62,9	11,0	24,8	56,0	19,2	-6,6	-5,1	11,7
Вологодская область	24,5	54,6	20,9	19,3	59,3	21,4	19,5	53,6	26,9	-5,0	-1,0	6,0
Мурманская область	26,1	64,5	9,4	18,9	67,9	13,2	18,8	58,6	22,6	-7,3	-5,9	13,2
Калининградская область	23,1	59,3	17,6	18,4	62,3	19,3	17,8	56,5	25,7	-5,3	-2,8	8,1
Ленинградская область	23,0	56,4	20,6	17,1	60,3	22,6	15,5	56,5	28,0	-7,5	0,1	7,4
Новгородская область	22,4	54,4	23,2	17,8	57,8	24,4	17,8	52,1	30,1	-4,6	-2,3	6,9
Псковская область	21,2	53,9	24,9	17,3	57,4	25,3	16,7	53,0	30,3	-4,5	-0,9	5,4
г. Санкт-Петербург	19,9	59,2	20,9	15,2	61,7	23,1	15,7	57,0	27,3	-4,2	-2,2	6,4

Примечание: М – население моложе трудоспособного возраста, Т – в трудоспособном возрасте, С – старше трудоспособного возраста.
Составлено по: данные Федеральной службы государственной статистики.

Одним из индикаторов для оценки пространственной интеграции региональной социально-экономической системы, используемым в работе коллектива авторов из ИЭИ ДВО РАН [9], являются показатели *интеграции на рынке труда*. Под ней понимают свободный переток трудовых ресурсов, обеспечивающий сбалансированность рынка труда с точки зрения спроса на него (со стороны капитала) и предложения. Его однородность определяется вариацией уровня безработицы и напряженности на рынке труда.

Максимальный уровень безработицы в 1993 году наблюдался в Республике Карелии – 7,8%,

а минимальный – в Вологодской области (4,2%). При этом к 2019 году Вологодская область по-прежнему оставалась самым благоприятным субъектом по данному показателю, а самая неудовлетворительная ситуация отмечалась в НАО – 7,9% и Карелии – 7,4%. Несмотря на снижение в 1992–2019 гг. крайне высокого уровня неоднородности по показателю напряженности на рынке труда, его текущее значение (48,6%, пороговое значение коэффициента – 33,3%, *табл. 4*) по-прежнему свидетельствует о низком уровне интегрированности, которую пока не могут обеспечить и миграционные потоки внутри региона.

Таблица 4. Вариация уровня безработицы и напряженности на рынке труда Европейского Севера России

Общий показатель	Частные показатели	Год	
		1993	2019
Уровень общей безработицы, %	Min	4,2	4,5
	Max	7,8	7,9
	Max - Min	+3,6	+3,4
	Max/Min	1,86	1,76
	Коэффициент вариации, %	23,8	19,6
Напряженность на рынке труда, чел.	Min	3,2*	2,0
	Max	24,5*	6,4
	Max - Min	21,3*	4,4
	Max/Min	7,65*	3,2
	Коэффициент вариации, %	91,6*	48,69

* 1992 г.
Составлено по: данные Росстата.

Вместе с тем проведенные нами расчеты свидетельствуют о том, что миграционные потоки между субъектами ЕСР являются весьма равноценными, что может свидетельствовать о наличии благоприятных предпосылок для развития интеграционных процессов на их рынке труда. Наиболее тесные и равноценные связи сложились между Вологодской, Архангельской областями и Республикой Коми (Двино-Печорская территориально-хозяйственная система (ТХС)), а также между Карелией и Мурманской областью (Карело-Кольская ТХС). Их активизация требует формировать внутри региона ряд новых полюсов роста экономики.

Деградация низового уровня расселенческой сети на фоне дальнейшей миграции населения в города, разрушение существующих социально-экономических, культурных и иных связей между городской и сельской местностью несут в себе значительный риск к удержанию и сохранению освоенности пространства Севера. Так, если в среднем по России доля сельских населенных пунктов с количеством жителей менее 10 человек в их общем числе по итогам 2010 года составляла 27%, то в Карелии – 30,4%, Архангельской области – 46%, Вологодской области – 55%, при этом увеличившись с переписи 2002 года во всех субъектах ЕСР (кроме НАО).

О наличии предпосылок для развития интеграционных процессов в экономическом пространстве региона можно судить по направле-

ниям товарных потоков. Так, субъекты ЕСР имеют довольно тесные связи в товарном обмене друг с другом. Однако особенно сильно это проявляется в рамках СЗФО (границы которого совпадают с границами крупного экономического района «Северо-Запад», существовавшего до 1982 года).

В частности, в структуре товаров, завезенных в Республику Карелию из других субъектов РФ, на СЗФО приходится 28% от общего объема товаропотока (2 место после ЦФО – 28,7%); в свою очередь 45,6% от объема товаров, вывезенных из республики, также приходится на СЗФО. Основными центрами притяжения входящих и исходящих товаропотоков внутри округа являются г. Санкт-Петербург и Ленинградская область (табл. 5).

Аналогичная ситуация характерна и для других субъектов ЕСР. Так, в структуре вывоза продукции из Республики Коми первое место занимают субъекты СЗФО (в целом на их долю приходится 53,7% от общего товаропотока: Вологодская область – 31,6%; Архангельская область – 7,3%).

У Мурманской области сложились тесные товарные связи с Вологодской областью (60,1% общего объема внутрироссийского вывоза). Больше ¼ продукции поступает в нее с территории СЗФО. В структуре ввоза товаров на территорию Вологодской области на долю Коми и Мурманской области приходится примерно 37%.

Таблица 5. Основные потоки ввоза-вывоза товаров на территории Европейского Севера России, % от общего объема (без учета экспорта)

Ввоз		Вывоз			
ЦФО (28,7)		СЗФО (45,6)			
Ярославская область (16)	Республика Карелия	г. Санкт-Петербург (17,7)	ЦФО (41)		
г. Москва (5)		Ленинградская область (13,9)			
Московская область (1,7)		Архангельская область (5)			
СЗФО (28,1)		Вологодская область (3,5)			
г. Санкт-Петербург (9,9)					
Ленинградская область (8)					
Вологодская область (3,6)					
Республика Коми (3,9)					
ПФО (23,2)					
Республика Башкортостан (7)					
Нижегородская область (4,7)					
Самарская область (3,9)					
Пермский край (3,1)					
		г. Москва (14,8)			

Окончание таблицы 5

Ввоз		Вывоз	
ПФО (38,9)	Республика Коми	ЦФО (19,5)	Республика Коми
Нижегородская область (19,4)		Московская область (8,2)	
Республика Татарстан (5,6)		г. Москва (5,9)	
Пермский край (5,3)		СЗФО (53,7)	
УФО (19,7)		Вологодская область (31,6)	
Челябинская область (11,4)		Архангельская область (7,3)	
Свердловская область (6,1)		Ленинградская область (7)	
Тюменская область (2)		Санкт-Петербург (3,9)	
ЮФО (14)		УРФО (10,1)	
Волгоградская область (13,2)		Челябинская область (4,1)	
СЗФО (15,9)		Тюменская область (3,9)	
Ленинградская область (1,3)		ЯНАО (3,1)	
г. Санкт-Петербург (11,9)			
ЦФО (27,3)		ЦФО (15,9)	
Ярославская область (11)	г. Москва (7,7)		
г. Москва (6,5)	Московская область (5,1)		
Брянская область (2,9)	СЗФО (68,8)		
СЗФО (26,9)	Вологодская область (60,1)		
Ленинградская область (8,1)	г. Санкт-Петербург (2,5)		
г. Санкт-Петербург (6,4)	Ленинградская область (2,5)		
Республика Коми (4,8)			
Архангельская область (3,8)			
ЦФО (15,9)	ЦФО (51,2)		
Белгородская область (4,9)	Московская область (18,1)		
Ярославская область (3,6)	г. Москва (15,3)		
г. Москва (1,6)	Костромская область (3,1)		
СЗФО (42,4)	СЗФО (14,4)		
Республика Коми (18,9)	г. Санкт-Петербург (10,5)		
Мурманская область (18,8)	Архангельская область (1,2)		
Ленинградская область (1,9)	Ленинградская область (1,2)		
г. Санкт-Петербург (1,5)	ПФО (21,8)		
	Нижегородская область (5,3)		
	Самарская область (4,6)		
	Республика Татарстан (3,2)		
ПФО (37,4)	ЦФО (24,8)		
Самарская область (11,7)	г. Москва и Московская область (12,9)		
Республика Башкортостан (10,9)	Калужская область (4,2)		
Нижегородская область (5,9)	Курская область (1,6)		
Республика Татарстан (3,2)	СЗФО (19,8)		
ЦФО (22,6)	Ленинградская область (6,5)		
Ярославская область (10)	Архангельская область		
г. Москва и Московская область (5,5)			
СЗФО (21,7)			
Вологодская область (4,3)			
г. Санкт-Петербург (3,9)			
Ленинградская область (2,6)			
Тюменская область (7,5)			
г. Санкт-Петербург (3,5)			
Составлено по: данные Росстата о ввозе-вывозе продукции по субъектам Европейского Севера России; отчеты государственных органов власти субъектов.			

При этом следует отметить, что основными категориями продуктов, которые вывозятся за пределы ЕСР, является продукция минерально-сырьевого комплекса и переработки природных ресурсов: Республика Карелия – щебень и гравий, древесина деловая, бумага и др., Республики Коми – уголь и продукты его переработки, древесина деловая, пиломатериалы, нерудные строительные материалы и др., Мурманская область – щебень и гравий, рыба, рыбные консервы и др., Вологодская область – прокат черных металлов, трубы стальные, удобрения минеральные, древесина деловая, молоко жидкое и сухое, рыбные консервы, мясо, колбасные изделия, кондитерские изделия, мука, комбикорма и др.

В свою очередь на территорию Европейского Севера с более южных субъектов СЗФО (г. Санкт-Петербург, Ленинградская область), а также других регионов РФ завозится продовольствие (конфеты, пиво, колбаса и т. п.), товары более высоких технологических переделов (пассажирские и грузовые автомобили, вагоны грузовые, компрессоры, бульдозеры и краны, медицинская техника, лакокрасочные материалы, автомобильные шины, синтетические средства, бытовая мебель).

Анализ товаропотоков позволяет выявить определенные технологические цепочки, которые сложились на территории ЕСР и существовавшего ранее крупного экономического района «Северо-Запад». Именно их поддержание и дальнейшее развитие, на наш взгляд, выступают ключевыми факторами интеграции экономического пространства региона.

Однако значительная часть товаропотоков переориентирована не на внутренний, а на внешние рынки. Например, в настоящее время на внешние рынки направляется около 65–70% продукции Карелии; в Мурманской области – 55%, Коми – 40%. Иными словами, регион теряет значительные ресурсы, которые могли быть использованы для обеспечения форсированного роста его экономики и повышения благосостояния северян.

Потенциал развития интеграционных процессов в значительной мере зависит от транспортной связности экономического пространства. Одним из ключевых видов транспортного обеспечения Севера во времена СССР являлась авиация, в том числе внутрирегионального и

местного значения. Она позволяла связывать не только северные регионы с более южными территориями, но и труднодоступные населенные пункты между собой.

Вместе с тем рыночные реформы 90-х гг. XX века оказали крайне негативное влияние на ее развитие. Так, было осуществлено авиапассажирское районирование России и выделено три авиакластера, так или иначе связывающих экономические центры Европейского Севера [29]. В постсоветский период отмечались весьма негативные процессы в их функционировании: снижение пассажиропотока (так, общий спад объема перевозок на авиалинии Мурманск – С.-Петербург составил почти 90%), закрытие значительной части аэропортов ЕСР (из 23 авиасвязей с пассажиропотоком более 20 тыс. чел./год на территории кластера ЕСР осталось только 6, *табл. 6*), нарастание гиперцентрализма в функционировании авиационной сети (возросла роль Москвы и Санкт-Петербурга как принимающих точек пассажиропотока), существенное ослабление, а зачастую и полная ликвидация целого ряда внутрирегиональных и межрегиональных авиационных маршрутов.

Аналогичные крайне негативные процессы наблюдаются и в функционировании внутреннего водного транспорта ЕСР, где еще в начале 90-х гг. XX века фактически произошел обвал в объеме перевозок, преодолеть который не удалось и к настоящему времени¹⁰.

Для Европейского Севера России значимую роль с точки зрения обеспечения интеграции его пространства играет автомобильный и железнодорожный транспорт. Вместе с тем в их развитии существует целый ряд «узких мест», заключающихся как в ограниченной пропускной способности магистралей (прежде всего по направлению к морским портам региона [30]), так и существующей конфигурации маршрутов, которые ведут в дополнительным финансовым, временным и иным издержкам по преодолению экономического пространства.

¹⁰ Например, если в 1990 году в Архангельской области внутренним водным транспортом было перевезено 21,1 млн т грузов, то в 1995 году грузооборот упал до 2,7 млн т; Республике Коми – с 10,3 до 0,7 млн т; Карелии – с 11 до 2,2 млн. т В дальнейшем негативная тенденция продолжалась. Некоторое оживление грузооборота наблюдается в последние несколько лет, однако оно в принципе не меняет имеющейся картины. Источник: Транспорт в России / Росстат.

Таблица 6. Особенности развития авиационного транспорта Европейского Севера России в постсоветский период

Авиакластер	Особенности развития
1. Северо-Западный (в 1990 г. в его состав входили аэропорты г. С.-Петербург, Псков, Петрозаводск, Вологда с ежегодной мощностью пассажирооборота более 20 тыс. чел.)	В 1990 г. главными по интенсивности контактами были Северный Кавказ (20,8% пассажиропотока), Центральный (14,5%), Кольский авиакластеры (12,5%) и Европейский Север (9,4%). В дальнейшем их полностью вытеснили Центральный (63%) и Калининградский (около 8%) кластеры. На остальных направлениях из С.-Петербурга на территорию ЕСР объем пассажирских перевозок значительно сократился: в 1990–2006 гг.* в г. Мурманск – на 87%, Архангельск – на 81%
2. Кольский (1990 г. – г. Мурманск, Кировск)	В 1990 г. действовали два аэропорта, к 2006 г. – только Мурманск. Полностью исчезли контакты с аэропортами Европейского Севера. Произошла пространственная переориентация авиапассажирских связей: вместо главного в 1990 г. направления – Северо-Западный кластер (52% потока) приоритетным стало направление Мурманск – Москва (2/3 всего пассажиропотока). Особенно ощутимой с точки зрения связности пространства ЕСР является потеря довольно загруженной ранее линии Мурманск – Архангельск
3. Европейский Север (1990 г. – г. Архангельск, г. Котлас, г. Нарьян-Мар, г. Амдерма, г. Вуктыл, г. Сыктывкар, г. Ухта, г. Печора, г. Усинск, г. Инта, г. Воркута)	В 1990 г. действовало 11 аэропортов с пассажирскими связями более 20 тыс. чел./год. Здесь традиционно была развита сеть местных воздушных авиалиний, большая часть из них была закрыта в 1990-е гг. Только за период 1990–2006 гг. из 23 авиасвязей осталось всего 6. Полностью потеряны авиаконтакты Европейского Севера с Кольским авиакластером. Если в 1990 г. внутри кластера перемещалось 44% всех авиапассажиров, в Москву – 25%, то уже в 2006 г. на столицу приходился 61% всего потока, а на внутрикластерные перелеты – 25%

* Последние официальные статистические данные в Росстате, посвященные развитию гражданской авиации России, представлены лишь за 2006 год.
Составлено по: Тархов С.А. Изменение связности пространства России (на примере авиапассажирского сообщения). М.; Смоленск: Ойкумена, 2015. 154 с.

Для оценки транспортной связности пространства используем инструментарий, обоснованный в публикациях [31; 32; 33]. Он позволяет оценить транспортную связность с точки зрения как оптимальности конфигурации маршрутов, так и численности населения основных экономических центров, связываемых данными путями¹¹:

$$TC_i = \sum_{j=1, j \neq i}^n \frac{KP_{ij}}{\Phi P_{ij}} \times \frac{p_j}{\sum_{k=1, k \neq i}^n p_k}, \quad (1)$$

где TC_i – транспортная связность i -го центра;

KP_{ij} – протяженность кратчайшего технически возможного пути между i -м и j -м экономическими центрами;

ΦP_{ij} – фактическая протяженность пути между i -м и j -м центрами;

p – численность населения экономического центра;

n – количество анализируемых экономических центров территории;

k – порядковый номер экономического центра (от 1 до n).

¹¹ В работе при анализе транспортной связности были взяты экономические центры региона с численностью населения более 100 тыс. чел.

Коэффициент транспортной связности может принимать значения от 0 до 1. Результаты апробации данного методического инструментария представлены в *таблице 7*. Следует отметить, что наиболее крупные экономические центры ЕСР имеют более высокую транспортную связность по автодорогам (0,70), чем по железным дорогам (0,67).

Наибольшую связность по автодорогам с другими центрами ЕСР имеют Вологда и Череповец, худшую – Архангельск с Северодвинском. На автомобильных дорогах наиболее «узкими местами» являются участки «Архангельск – Мурманск», «Архангельск – Петрозаводск». По железным дорогам наибольшая связность с другими городами ЕСР также характерна для Вологды и Череповца, наиболее низкая – для Петрозаводска. Проблемными участками при этом выступают «Петрозаводск – Архангельск» и «Петрозаводск – Сыктывкар». Как следует из представленных расчетов, проблема, касающаяся повышения транспортной связности субрегионов на Европейском Севере России (Карело-Кольского и Двино-Печорского), является одним из ключевых условий обеспечения интеграции пространства региона.

Таблица 7. Транспортная связность основных экономических центров Европейского Севера России

Город	Автомобильные дороги*	Железные дороги
Вологда	0,79	0,78
Череповец	0,77	0,75
Сыктывкар	0,68	0,59
Мурманск	0,67	0,63
Петрозаводск	0,66	0,58
Архангельск (с г. Северодвинском)	0,60	0,67
<i>Среднее значение</i>	<i>0,70</i>	<i>0,67</i>

* Отсортировано по показателю транспортной связности по автомобильным дорогам.
Источник: рассчитано автором.

Выводы и предложения

Становится очевидным, что преодоление дезинтеграционных процессов в экономике России требует проведения комплексной государственной политики. Применительно к Европейскому Северу такая интеграция, как справедливо отмечает В.Н. Лаженцев, возможна и весьма целесообразна в рамках крупного экономического района «Северо-Запад», где удачно сочетаются экономическое и федеральное окружное районирование. Предпосылкой для дальнейшего возрождения крупной пространственной экономической системы должно стать повышение роли г. Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургской городской агломерации как организующего центра такого района [14]. В этом случае ЕСР будет частью крупного района, имеющей свою специализацию в рамках системы разделения труда.

Рассматривая территории СЗФО как крупный экономический район, следует отметить, что сохранившиеся кооперационные связи между субъектами являются объективной основой для развития интеграционных процессов. Кроме того, этому способствует и существующая магистральная инфраструктура (например, Северная и Октябрьская железные дороги, системы внутренних водных путей меридионального направления и т. п.).

Как свидетельствует успешный мировой опыт, одними из базовых условий для развития пространственной интеграции регионов выступают осознание их идентичности¹², поиск

¹² «Идентичность» следует понимать как принадлежность или чувство принадлежности к группе или области. Если такое чувство или определенность связаны с областью или регионом, то это относится к пространственной или региональной идентичности [34].

совместных решений в отношении проблем жизнедеятельности. На наш взгляд, позиционирование субъектов Европейского Севера (а в более широком смысле и всего СЗФО) как «форпоста» освоения Арктики является тем самым фактором обеспечения идентичности данных территорий, налаживания тесных кооперационных связей между ними для решения общей стратегической задачи. В этом случае следует ожидать снижения роли факторов конкуренции, повышения кооперационной составляющей во взаимодействии территорий и, в конечном счете, их пространственной интеграции.

В «Основах государственной политики РФ в Арктике на период до 2035 года»¹³ указаны стратегические задачи в части инфраструктурного (расширение судоходства по рекам, строительство железных дорог, расширение сети аэропортов, развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры и т. п.), экономического (господдержка малого и среднего бизнеса, обустройство минерально-сырьевых центров и т. п.) развития данных территорий, а также международного сотрудничества (укрепление добрососедских отношений с арктическими государствами), которые, на наш взгляд, будут способствовать развитию интеграционных процессов в экономическом пространстве Севера и Арктики.

Обеспечение интеграции экономического пространства северного региона требует трансформации всей системы стратегического управления социально-экономическим и пространственным развитием. Необходимость связности и формирования единого экономического

¹³ Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года».

пространства страны закреплена в основных стратегических документах федерального уровня¹⁴. Вместе с тем решать эти задачи следует на уровне округа и региона. К сожалению, в настоящее время не сложился единый распорядительный центр, деятельность которого была бы направлена на решение проблем пространственного развития. Указанные полномочия распределены между целым рядом органов государственной власти (министерства и департаменты экономического развития, развития транспорта, строительства и т. п.). Все это требует формировать систему стратегического управления развитием региона с учетом обеспечения пространственной интеграции его экономики. На начальном этапе важными, на наш взгляд, видятся оценка уровня пространственной интеграции экономики и определение основных факторов и проблем (институционального, экономического, социального, культурного и иного характера), ограничивающих развитие интеграционных процессов.

Проведенный анализ стратегий и программ социально-экономического развития субъектов ЕСР свидетельствует, что пространственный аспект развития носит весьма ограниченный характер и связан, прежде всего, с территориальным зонированием субъекта без анализа и проектирования связей с экономическим пространством соседних регионов, округа и страны в целом. Иными словами, основные формы, методы и инструменты управления пространственной интеграцией недостаточно встроены в систему стратегического управления, а зачастую лишь формально упомянуты, носят декларативный характер или же вовсе не нашли своего отражения в данных документах.

В связи с этим важной задачей еще на стадии целеполагания является разработка ориентиров развития интеграционных процессов на долгосрочную перспективу, для чего, на наш взгляд, необходимо согласование стратегических, программных документов развития региона и долгосрочных программ развития ключевых

хозяйствующих субъектов как ведущих экономических агентов. Все это должно лечь в основу стратегии пространственного развития региона.

В свою очередь механизм реализации стратегии развития региона и стратегии пространственного развития должен включать в себя инструменты, направленные на интеграцию пространства на внутри- и межрегиональном уровнях, согласование инвестиционных планов хозяйствующих субъектов с целями развития территории. Важную роль здесь играет использование технологий проектного управления при реализации соглашений ГЧП и МЧП.

При этом существует необходимость создать механизм реализации стратегии развития северного региона, адаптированный к специфике его экономического пространства. Очевидно, что очаговый характер размещения производительных сил, разреженность пространства северного региона ведут к тому, что ориентация исключительно на рыночные силы самоорганизации и интересы крупных хозяйствующих субъектов на практике обуславливает несоответствие размещения объектов экономики региона и исторически сложившейся системы расселения; пространства бизнеса и пространства региона, как следствие, его дезинтеграцию. Следовательно, необходимо повышать прямую роль государства как ключевого агента в развитии экономического пространства на основе использования инструментов прямого и косвенного влияния.

Дальнейшие этапы исследования будут посвящены разработке методического инструментария и оценке уровня пространственной интеграции экономики северного региона. Это позволит выявить вектор развития интеграционных/дезинтеграционных процессов в региональной социально-экономической системе, а также определить факторы и проблемы, ограничивающие интеграцию пространства региона.

¹⁴ Стратегия национальной безопасности РФ (утв. указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683); Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р); Транспортная стратегия РФ на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2008 г. № 1734-р) и др.

Литература

1. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 495 с.
2. Кузнецов С.В., Межевич Н.М., Шамахов В.А. Стратегия пространственного развития Российской Федерации и перспективы развития приморских агломераций // Управленческое консультирование. 2019. № 6 (126). С. 10–18.
3. Важенина И.С., Важенин С.Г. Конкурентное сотрудничество территорий в современном экономическом пространстве // Экономика региона. 2020. Т. 16. Вып. 2. С. 406–419.
4. Полтерович В.М. От социального либерализма к философии сотрудничества // Общественные науки и современность. 2015. № 4. С. 41–61.
5. Uszka A. Measurement levels of the spatial integration – suggestions for a Central-European factor group. *Deturope*, 2015, no. 7, 2, pp. 65–80.
6. Bartz K., Fuchs-Schündeln N. The role of borders, languages, and currencies as obstacles to labor market integration. *European Economic Review*, 2012, no. 56, pp. 1148–1163.
7. Абалкин Л.И. Логика экономического роста. М.: ИЭ РАН, 2002. 228 с.
8. Бакланов П.Я. Интеграционные и дезинтеграционные процессы на Дальнем Востоке России // Региональные исследования. 2002. № 1. С. 11–19.
9. Экономическая интеграция: пространственный аспект / под общ. ред. П.А. Минакира. М.: Экономика, 2004. 360 с.
10. Лаженцев В.Н. Пространственное развитие (примеры Севера и Арктики) // Известия Коми научного центра УРО РАН, 2010. Вып. 1. С. 97–104.
11. Тарануха Ю. Модификация конкурентного принципа в процессе эволюции конкуренции // Общество и экономика. 2017. № 3–4. С. 49–67.
12. Абрамов Р.А. Особенности развития северных регионов России // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 11 (68). С. 15–21.
13. Лукин Е.В. Отраслевая и территориальная специфика цепочек добавленной стоимости в России: межотраслевой подход // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 129–149. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.7
14. Лаженцев В.Н. Север и интеграция социально-экономического пространства (пример Северо-Запада России) // Проблемы прогнозирования. 2020. № 3. С. 50.
15. Крюков В.А. «Квадратура» анклавной экономики // ЭКО. 2017. № 2. С. 2–4.
16. Вечканов Г.С. Современная экономическая энциклопедия. СПб.: Лань, 2002. 880 с.
17. Лаженцев В.Н. Оценка уровней социально-экономического развития регионов (на примере Республики Коми, Архангельской и Вологодской областей) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 6 (18). С. 54–65.
18. Бухвальд Е.М., Иванов О.Б. Актуальные проблемы пространственной интеграции российской экономики // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2015. № 5. С. 7–32.
19. Гонтарь Н.В. Межрегиональная интеграция в России: институты и государственно-административное регулирование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2018. Т. 20. № 3. С. 14–24. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2018.3.2>
20. Van Houtum H. An overview of european geographical research on borders and border regions. *Journal of Borderlands Studies*, 2000, no. 15 (1), pp. 57–83.
21. Niebuhr A. The impact of EU Enlargement on European border regions. *International Journal of Public Policy*, 2008, no. 3 (3–4), pp. 163–186.
22. Petrakos G., Topaloglou L. Economic geography and European integration: The effects on the EU's external border regions. *International Journal of Public Policy*, 2008, no. 3 (3–4), pp. 146–162.
23. Фролов Д.П., Мирзоев Р.С., Горшкова Н.П. Институционализация межрегиональных взаимодействий в контексте пространственных трансформаций экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 8. С. 28–36.
24. Dabinett G., Richardson T. The Europeanization of spatial strategy: Shaping regions and spatial justice through governmental ideas. *International Planning Studies*, 2005, no. 10 (3–4), pp. 201–218.

25. Anderson A., Wever E. Borders, border regions and economic integration: One world, ready or not. *Journal of Borderlands Studies*, 2003, no. 18 (1), pp. 27–38.
26. Бернштейн-Коган С.В. К вопросу о программе и методах составления порайонных обзоров и хозяйственных планов // Экономическое районирование России. М., 1921. С. 26.
27. Александров И.Г. Экономическое районирование России. М., 1921. 15 с.
28. Кожевников С.А. Пространственное и территориальное развитие Европейского Севера России: тенденции и приоритеты трансформации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 91–109. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.5
29. Тархов С.А. Изменение связности пространства России (на примере авиапассажирского сообщения). М.; Смоленск: Ойкумена, 2015. 154 с.
30. Транспорт Европейского и Приуралья Севера России: монография / А.Н. Киселенко [и др.]; Коми научный центр УрО РАН, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера; отв. ред. Д.А. Скороходов. Сыктывкар: [б. и.], 2019. 267 с.: ил., табл.
31. Allen W.B., Liu D., Singer S. Accessibility measures of U.S. metropolitan areas. *Transportation Research, Part B*, 1993, vol. 27B, no. 6, pp. 439–449.
32. Ingram D.R. The concept of accessibility: A search for an operational form. *Regional Studies*, 1971, vol. 5, no. 2, pp. 101–107.
33. Колесников Н.Г. Методика оценки транспортной связности территории на примере сети вседорожных автодорог Республики Саха (Якутия) // Экономика Востока России. 2017. № 1 (7). С. 102–106.
34. Heller W. Identities and conceptions of border area populations in East-Central and South-East Europe – Thematic aspects and questions of an actual research field. *Journal of Urban and Regional Analysis*, 2011, vol. III, 1, pp. 5–12.

Сведения об авторе

Сергей Александрович Кожевников — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru)

Kozhevnikov S.A.

Integration of Economic Space of the Northern Region: Features and Problems of Ensuring

Abstract. Russia's transition to the market in the 1990s which led to the destruction of a unified national economic complex, existing technological, cooperative, social, and other ties between the territories and, as a result, to the disintegration of the country's economic space extremely aggravated the problems of the Northern regions' development. In the context of trade liberalization, when competition began to prevail over cooperation, there was a significant reorientation of economic entities from domestic to foreign markets and their integration into global value chains. In this situation, the production potential and resources of the North were used not only for domestic consumption and accelerated Russian economy development but also for export in the form of low-grade products. This economic pattern leads to significant socio-economic costs, destruction of the domestic market integrity and its space fragmentation. These circumstances make it more urgent to find effective mechanisms for integrating the Northern regions into the national economic space. The purpose of this work is to study the features and problems of ensuring spatial integration of the Northern region's economy. To achieve this purpose, a critical analysis of theoretical and methodological approaches to the interpretation of the essence and factors of ensuring spatial economy integration has been carried out. The key features of transformation and integration processes in the Russian North (RN) in the post-Soviet period have been revealed. The author shows that

the cooperation relations of the RN with other regions of the country which have been preserved since the Soviet time are an objective basis for the integration processes development. However, their progress is hindered by negative demographic processes that limit the integration development in the region's labor market; a decrease in the space transport connectivity level due to the significant destruction of the system of intraregional aviation and inland water transport. The paper identifies transport connectivity of the main economic centers of the RN and "bottlenecks" in the region's transport infrastructure development. The authors substantiate conceptual basis for ensuring spatial integration of the Northern region's economy.

Key words: economic space, spatial integration, Northern region, transport infrastructure, Russian North.

Information about the Author

Sergey A. Kozhevnikov – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Deputy Head of Department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru)

Статья поступила 01.09.2020.

Анализ эффектов распределения федеральных бюджетных трансфертов для регионов Дальнего Востока

Артём Геннадьевич

ИСАЕВ

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения
Российской академии наук

Хабаровск, Российская Федерация, 680042, ул. Тихоокеанская, д. 153

E-mail: isaev@ecrin.ru

ORCID: 0000-0001-6569-2982; ResearcherID: S-8002-2018

Аннотация. В статье на основе двухрегиональной вычислимой модели общего равновесия проанализированы экономические последствия федеральных перераспределительных трансфертов для субъектов Дальнего Востока. Модель основана на предпосылке, заключающейся в том, что региональные правительства нацелены на максимизацию общей величины государственных расходов, которая ограничивается размерами региональной налоговой базы. Миграция, торговля и федеральные трансферты являются основными источниками взаимосвязанности регионов в национальной экономике. Линеаризованный вариант модели откалиброван по статистическим данным девяти субъектов Федерации, входящих в ДФО. Они имеют существенные различия не только по основным структурным и макроэкономическим параметрам (среднедушевое потребление, величина оплаты труда), но и по величине среднедушевых доходов и расходов региональных бюджетов. В результате числовых симуляций модели обнаружено, что федеральные трансферты незначительно влияют на благосостояние региональных домохозяйств, однако воздействуют на остальные переменные: потребление, занятость, уровень цен, заработной платы, региональных налогов и государственных расходы. Начальное повышение уровня регионального благосостояния вызывает приток трудовых ресурсов, и новое равновесие устанавливается при более низком уровне цен и среднедушевых доходов в регионе-реципиенте. При этом для субъектов южной зоны ДФО (Приморский и Хабаровский края, Амурская область) характерно снижение цен на локальную продукцию, тогда как для всех остальных субъектов ДФО

Для цитирования: Исаев А.Г. Анализ эффектов распределения федеральных бюджетных трансфертов для регионов Дальнего Востока // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 6. С. 84–100. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.5

For citation: Isaev A.G. Analyzing distribution effects of the federal budget transfers for the Far East. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 6, pp. 84–100. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.5

наблюдается противоположный эффект. Исследование показало, что составляющие ДФО регионы характеризуются неодинаковой реакцией и различными, порой имеющими противоположную направленность, эффектами, обусловленными мерами государственной бюджетной политики в отношении этих территорий.

Ключевые слова: бюджетный федерализм, Дальний Восток, общественные блага, общее равновесие, благосостояние домохозяйства, государственные расходы.

Введение

Одной из главных характеристик современных систем федеративного устройства, к числу которых относится Российская Федерация, выступает исполнение государством роли распределителя финансовых ресурсов между регионами. Эта роль проявляется, главным образом, через систему федеральных межбюджетных трансфертов. Основными получателями безвозмездных грантов становятся, как правило, регионы, имеющие сложности с пополнением доходной части собственных бюджетов. При этом размер федеральной помощи конкретному субъекту зависит, при прочих равных условиях, от степени остроты указанной проблемы в нем. С другой стороны, базой для пополнения фонда федеральных средств, предназначенных для перераспределения, является та часть региональных налоговых сборов, которая не остается в распоряжении регионов и тем самым не участвует в формировании доходов их собственных бюджетов.

Федеральные трансферты в экономической теории рассматриваются как часть фонда, предназначенного для создания специфических для отдельного взятого географического местоположения (региона) общественных благ. В этом отношении они влияют на рост благосостояния не только резидентов той территории, для которой гранты предназначались, но и всех других территорий, поскольку последние также непосредственно участвуют в процессах перераспределения финансовых ресурсов национальной экономики. Потребители-домохозяйства, определяя место жительства, могут осуществлять выбор относительно количества и типов таких благ, предоставляемых на определенных территориях. Один из пионеров теории локальных общественных благ Ч. Тибо отмечал, что индивидуумы проявляют свои предпочтения в отношении общественных благ через выбор «общины» — региона проживания, причем для потребителя не существует способа избежать

выявления своих предпочтений в контексте пространственной экономики [1].

Наша статья посвящена анализу экономических последствий межрегионального перераспределения финансовых ресурсов для субъектов Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа¹, на базе вычислимой модели общего равновесия. Последняя является модификацией модели, используемой автором [2] для исследования экономических эффектов перераспределения ресурсов в Хабаровском крае, и расширяет ее аналитические возможности путем добавления блока межрегиональной торговли — аспекта, вносящего существенные коррективы в миграционные намерения домохозяйств.

Дальний Восток в 2010-х гг. стал объектом активной государственной политики. Ее формы и методы, призванные в конечном счете улучшить качество жизни населения, деловой и инвестиционный климат, весьма разнообразны. В связи с этим актуальным становится исследование механизмов реакции основных экономических индикаторов в регионах Дальнего Востока (благосостояние, уровень цен, величина потребления домохозяйств и т. д.) на различные аспекты государственной экономической политики, в т. ч. бюджетно-налоговой.

Продолжить работу автора побудило также и недавнее исследование структуры и географических направлений торговых потоков в регионах Дальнего Востока [3], в рамках которого были получены и систематизированы важные количественные результаты.

Модель, представляющая собой основной инструмент исследования, является адаптацией модели, предложенной в [4], включает два региона и четыре экономических агента, каждый из которых преследует свои экономические

¹ В составе 9 исходных субъектов, без включения Республики Бурятия и Забайкальского края.

интересы: домохозяйства, фирмы, региональные правительства и федеральное правительство. Фирмы и домохозяйства демонстрируют оптимизирующее поведение: первые максимизируют прибыль, вторые – полезность (уровень благосостояния). Федеральное правительство трактуется как экзогенное, но его действия подчинены бюджетному ограничению. Что касается региональных правительств, существуют различные предпосылки относительно их целевой функции. Она может заключаться в привлечении населения и росте выпуска продукции, повышении уровня благосостояния резидентов через расширение предложения общественных благ. В модели предполагается, что региональные правительства максимизируют функцию валовых государственных расходов путем установления размера налоговой ставки для производителей-резидентов.

Таким образом, цель экспериментальных симуляций – на основе общеравновесного подхода выявить роль межбюджетных трансфертов в повышении благосостояния домохозяйств дальневосточных регионов и национальной экономики в целом, а также их влияние на изменение ключевых экономических переменных: товарных цен, занятости, потребления, заработной платы, выпуска, расходов региональных правительств.

В соответствии с вышеуказанным ставились следующие задачи: 1) привести характеристику структуры расходной и доходной частей региональных консолидированных бюджетов регионов Дальнего Востока; 2) дать формальное описание вычислимой модели общего равновесия с межбюджетными трансфертами, являющейся основой для симуляционных расчетов; 3) подготовить и обосновать значения исходных данных, соответствующих ограничениям модели.

В модели присутствует межрегиональная торговля: часть продукции, производимой в одном субъекте, потребляется домохозяйствами другого региона. Однако если в [4] доля произведенной в регионе продукции, предназначенной для вывоза, задается условно и одинаковой для всех территорий, то в нашей работе соответствующие доли рассчитаны на основе [3] для каждого субъекта Федерации ДФО. Это составляет новизну исследования.

Статья имеет следующую структуру. Сначала дается характеристика бюджетного федера-

лизма, а также его особенности применительно к девяти субъектам Федерации, входящим в состав Дальневосточного федерального округа. Затем дано аналитическое и графическое представление двухрегиональной модели общего равновесия с факторными и торговыми межрегиональными потоками и федеральным правительством. Далее следуют линейаризация модели и оценка значения исходных параметров. Наконец, проводится численная симуляция девяти (по каждому субъекту Федерации) вариантов линейаризованной модели путем введения экзогенного шока (федерального трансферта), детально анализируются полученные эффекты.

Бюджетная обеспеченность субъектов Федерации, входящих в состав ДФО

К теоретико-экономическим вопросам, связанным с существованием системы федеральных грантов, относятся вопросы, касающиеся оптимального размера грантов, их влияния на благосостояние населения не только региона-реципиента, но и всех остальных регионов национальной экономики.

В мировой практике можно выделить несколько моделей бюджетного федерализма [5; 6]. В рамках классической модели территориальные образования самостоятельно проводят собственную бюджетно-налоговую политику в стремлении сбалансировать бюджеты. При этом перед федеральным центром не стоит задача выравнивания налогового потенциала субъектов, а меры финансовой поддержки регионов носят, главным образом, программно-целевой характер. Указанная модель предполагает высокую степень децентрализации управления. Ярким примером такой политики является США.

Кооперативная модель бюджетного федерализма ориентирована на политику по горизонтальному и вертикальному выравниванию бюджетной обеспеченности территорий, с уровнем меньше определенного порогового значения. При этом самостоятельность регионов в области налогообложения ниже, чем при классической модели. К такой модели можно отнести экономику Германии и в значительной степени Российской Федерации.

Полное устранение несоответствий между доходной и расходной частями региональных бюджетов представляется в российских условиях нереальным ввиду значительных различий

в экономическом и ресурсном потенциале регионов, исторически сложившейся сетки размещения производительных сил. В российской практике перечень выполняемых функций и социальных обязательств региональных правительств лишь в единичных случаях покрывается их финансовыми возможностями [7]. Все это требует от вышестоящего уровня власти предоставлять недостающие финансовые ресурсы нижестоящим уровням (о вариантах оптимизации межбюджетных отношений в РФ см. [8]).

Роль федеральных бюджетных средств в обеспечении населения государственными благами всегда была существенной для регионов Дальнего Востока [9, с. 55]. Удельный вес безвозмездных поступлений в структуре доходов консолидированных бюджетов девяти субъектов ДФО² колебался от 38% в 2011 г. до 29,7% в 2018 г., но за этот промежуток времени не опускался ниже 24%. При этом зависимость отдельных регионов от прямой федеральной поддержки варьируется гораздо шире. Так, в Сахалинской области в 2018 году трансферты составляли всего 14,5% доходов ее консолидированного бюджета³, тогда как для Камчатского края зависимость от федеральных средств достигала 61%, а для Чукотского автономного округа – 62,7%.

Как следует из *таблицы 1*, в субъектах ДФО безвозмездные поступления покрывают весьма

различающуюся долю общих социальных расходов региональных консолидированных бюджетов (анализ сбалансированности бюджетов, структуры и динамики государственного долга субъектов ДФО приведен в [10]). Разность между предпоследним и последним столбцами можно считать как среднедушевые объемы предоставления общественных благ региональными правительствами за счет собственных источников доходов. Следовательно, при условии тождественности среднедушевых нормативов социальных обязательств возможности региональных правительств в отношении пополнения доходной части территориальных бюджетов весьма различаются.

В отношении домохозяйств-резидентов пропорции потребления частных и общественных благ также достаточно сильно различаются от региона к региону. Так, в Приморском и Хабаровском краях, Амурской области удельный вес безвозмездных государственных благ в потребительской корзине⁴ колеблется от 12,8 до 16,7%, тогда как в Чукотском автономном округе этот показатель доходит до 56,7%.

Также можно отметить весьма неординарное соотношение между размерами оплаты труда и потребительских расходов. Этот аспект отражает как емкость потребительских рынков внутри каждого из субъектов Федерации, так и различные возможности и модели поведения относи-

Таблица 1. Макроэкономические индикаторы на душу населения в 2018 году, тыс. руб.

	Оплата труда	Покупка товаров и оплата услуг	Расходы на ЖКХ и социально-культурные мероприятия	Безвозмездные поступления в консолидированный бюджет
Республика Саха (Якутия)	362,0	385,1	175,5	83,7
Камчатский край	407,8	398,5	177,4	170,0
Приморский край	267,5	331,5	48,5	16,1
Хабаровский край	313,8	395,8	69,4	20,6
Амурская область	250,6	299,2	60,1	17,7
Магаданская область	544,4	423,2	218,7	96,1
Сахалинская область	458,2	517,6	243,7	46,3
Еврейская АО	194,4	228,8	58,3	25,2
Чукотский АО	770,8	353,7	463,0	454,5

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 1204 с.

² Здесь и далее в составе федерального округа не учтены вошедшие туда в конце 2018 года Республика Бурятия и Забайкальский край.

³ В 2016 г. и того меньше – 3,5%.

⁴ Сумма расходов на оплату товаров и услуг и расходов на ЖКХ и социально-культурные мероприятия.

тельно сбережений и расходования денежных доходов в текущем периоде. Последний аспект не анализируется в рамках настоящего исследования⁵.

Очевидно, что различия между регионами в уровнях среднедушевых доходов, даже с поправкой на уровни цен, не являются определяющим фактором, стимулирующим миграцию трудовых ресурсов. Среди таких факторов не последнюю роль играют отмеченные ранее размеры локальных рынков товаров и услуг, а также качество среды проживания. Последний аспект косвенно характеризуется уровнем среднедушевых государственных расходов на территории, зависящим как от размеров налогооблагаемой базы, так и от степени федеральной финансовой поддержки регионов. Взаимобусловленность и взаимовлияние всех экономических агентов порождают сложный клубок взаимодействий между ними, что затрудняет оценку влияния внешних шоков на поведение тех или иных экономических переменных не только в самом регионе, но и во всей национальной экономике. Модели общего равновесия позволяют, на приемлемом уровне абстракции, оценить направленность и (по крайней мере) относительные масштабы таких изменений.

Постановка двухрегиональной модели с торговыми потоками

Национальная экономическая система состоит из домохозяйств, фирм, региональных правительств, локализованных в двух регионах. Кроме того, существует единое федеральное правительство.

Имеется два вида производимых благ — частные X и общественные G . Частные блага состоят из двух товаров — продукта региона 1 и продукта региона 2. Оба товара потребляются домохозяйствами как одного, так и другого региона. Функция полезности репрезентативного домохозяйства региона i имеет вид:

$$U_i = \beta_i X_i^{1-\delta_i} (L_i^{1-\theta} G_i)^{\delta_i} = \beta_i C_{1i}^{\gamma_{1i}} C_{2i}^{\gamma_{2i}} (L_i^{1-\theta} G_i)^{\delta_i} \quad (1)$$

$$0 < \gamma_{1i}; \gamma_{2i}; \delta_i < 1, \gamma_{1i} + \gamma_{2i} + \delta_i = 1, 0 \leq \theta \leq 1,$$

⁵ Кроме того, задачи, поставленные в рамках данного исследования, и применяемый инструментарий не предполагают учет долговых аспектов региональных бюджетов (подробнее о характере долговых обязательств субъектов федерации ДФО см. [11]). О системе бюджетных ограничений в РФ на субфедеральном уровне и о роли бюджетных кредитов в финансировании дефицита региональных бюджетов см. [12].

где C_1 и C_2 — потребление домохозяйством продукции региона 1 и 2 соответственно, G_i — объем наличного количества общественных благ в регионе i в среднем на одно домохозяйство, L_i — количество резидентов в регионе i .

В регионе i обеспечивается предоставление общественных благ в размере G_i для всех домохозяйств-резидентов. В то же время объем услуг общественного сектора для отдельного домохозяйства составляет $L_i^{1-\theta} G_i$. Параметр θ является индексом «индивидуальности» данных услуг. При $\theta = 0$ общественные блага становятся 100%-публичными, когда каждый резидент имеет доступ к ним в полном объеме, не уменьшая при этом доступное количество благ для других. Напротив, при $\theta = 1$ общественные блага предоставляются сугубо индивидуально, т.е. фактически являются «квази-общественными». В остальных случаях общественные блага «частично конкурентные». В [13] показано, что величина $\theta G/L$ представляет собой предельные издержки, связанные с перенаселенностью (marginal congestion costs), т.е. цену в виде уменьшения доступности общественных благ для отдельного домохозяйства, которую приходится платить резиденту в связи с ростом населения данного региона вследствие миграции. Далее предполагается, что $\theta = 1$.

Каждое из L_i домохозяйств региона i предлагает одну единицу труда предприятиям-резидентам. В качестве вознаграждения за труд оно получает номинальную заработную плату W и часть прибыли предприятия в размере π . Подразумевается, что межрегиональная торговля осуществляется свободно и без затрат. Это значит, что цена товара, произведенного в регионе i , одинакова для обоих регионов. Поскольку в модели не предполагаются сбережения, весь располагаемый домохозяйством доход M расходуется на приобретение товаров. Таким образом, бюджетное ограничение можно записать как:

$$M_i = \pi_i + W_i = P_1 C_{1i} + P_2 C_{2i}. \quad (2)$$

Максимизация (1) при бюджетном ограничении (2) позволяет определить функцию индивидуального спроса на благо C_j :

$$C_{ji} = \frac{\gamma_{ji}}{1-\delta_i} \frac{M_i}{P_j} \quad j = 1, 2. \quad (3)$$

Поскольку каждое домохозяйство предлагает фирмам одну единицу труда, L_i – объем предложения труда в регионе i . В регионе действует N фирм, их количество задано экзогенно. Производственный процесс каждой из них характеризуется одинаковыми производственными функциями с убывающей предельной производительностью труда. Предполагается, что в каждом регионе действует по одной фирме, тогда региональный выпуск Y_i определяется как:

$$Y_i = L_i^{\alpha_i} \quad 0 < \alpha_i < 1. \quad (4)$$

Репрезентативная фирма функционирует в условиях совершенной конкуренции как на рынке труда, так и на рынке продукции. Прибыль Π_i составляет величину:

$$\Pi_i = P_i Y_i - W_i L_i (1 + T_i), \quad (5)$$

где T_i – величина налоговой ставки, взимаемой правительством региона. В модели предполагается, что существует единственный налог, взимаемый с заработной платы⁶ и уплачиваемый только в соответствующие региональные бюджеты. Федеральные налоги отсутствуют. Такое допущение позволяет упростить модель, исключая из нее целевую функцию и оптимизирующее поведение центрального правительства⁷. После подстановки (4) в (5) условие максимизации прибыли (по отношению к L_i) имеет вид:

$$P_i \alpha_i L_i^{\alpha_i - 1} = W_i (1 + T_i). \quad (6)$$

Часть выпуска Y_i приобретает региональным правительством и трансформируется (без дополнительных издержек) в локальное общественное благо⁸ GR_i (в расчете на одно домохозяйство), а остаток потребляется резидентами обоих регионов в качестве частного блага. Предполагается, что предельная норма продуктовой трансформации между частным и обще-

ственным благом постоянна и равна единице, поскольку отношение их предельных издержек равно единице в любой точке трансформационной кривой (рис. 1). Расходы правительств покрываются их налоговыми доходами. В модели предполагается, что региональные бюджеты сбалансированы:

$$P_i L_i GR_i = T_i W_i L_i$$

или

$$P_i GR_i = T_i W_i. \quad (7)$$

Федеральное правительство формально не взимает налоги. Оно перераспределяет общественные блага между регионами путем изъятия части $L_i GR_i$ (в размере $L_i GF_i$) у правительства региона i и передачи ее в распоряжение домохозяйств региона⁹. В действительности средства, предназначенные для безвозмездной передачи в бюджет одного региона, представляют собой ту часть налоговых доходов другого региона, которая направляется в федеральный бюджет. Поскольку модель не предполагает иных направлений расходов федерального бюджета, кроме межрегиональных трансфертов, данный модельный прием не нарушает основной принцип перераспределения национального дохода между регионами, лежащий в основе трансфертов, но значительно упрощает анализ. Федеральное правительство также балансирует свой бюджет:

$$L_1 GF_1 = L_2 GF_2. \quad (8)$$

Таким образом, совокупное количество общественного блага, предоставляемое в пользование домохозяйства в регионе i , составляет:

$$G_i = GR_i + GF_i \quad GR_i \geq 0 \quad G_i > 0. \quad (9)$$

Если регион i является получателем трансферта, величина доступных его резидентам общественных благ будет превышать производственные возможности самого субъекта Федерации.

⁹ Следует отметить, что в действительности данный трансферт (грант) не передается напрямую домохозяйствам. Он предназначен для совокупности домохозяйств, образующих сообщества регион 1 и регион 2. Следовательно, эффективность данных трансфертов зависит от того, каким образом принимаются коллективные, а не индивидуальные, решения. Подробнее см. [14].

⁶ Региональные фирмы, в отличие от домохозяйств, являются немобильными экономическими агентами. Введение налога на прибыль не повлияло бы на мотивацию домохозяйств к перемене дислокации, в отличие от налога на заработную плату, и только усложнило бы модель.

⁷ Таким образом, налоги, уплачиваемые экономическими агентами, не подразделяются в модели на местные и федеральные.

⁸ Предполагается, что общественные блага не имеют межрегиональных эффектов.

Межрегиональные взаимодействия характеризуются не только товарными потоками, но и миграцией трудовых ресурсов¹⁰. Равновесие устанавливается, когда уровень благосостояния в двух регионах выравнивается:

$$U_1 = U_2. \quad (10)$$

Национальный рынок трудовых ресурсов имеет фиксированный объем:

$$L_1 + L_2 = L. \quad (11)$$

Условие равновесия на товарных рынках подразумевает распределение регионального выпуска между локальным потреблением и вывозом:

$$Y_i = L_1 C_{i1} + L_2 C_{i2} + L_i GR_i. \quad (12)$$

Условие (12), наряду с условием (2), подразумевает нулевое сальдо торговых балансов обоих регионов. Фирмы региона i распределяют всю свою прибыль среди резидентов региона:

$$\pi_i = \Pi_i / L_i \quad (13)$$

Наконец, поведение региональных правительств определяет размер налоговых ставок T_i . В данной модели предполагается, что региональные правительства максимизируют свои расходы при ограничениях, задаваемых производственными возможностями регионов¹¹:

$$\max_{T_i} \{L_i GR_i\}.$$

Условия максимизации первого порядка подразумевают:

$$L_i \frac{\partial GR_i}{\partial T_i} + GR_i \frac{\partial L_i}{\partial T_i} = 0, \quad \frac{\partial GR_i}{\partial T_i} > 0 \quad \frac{\partial L_i}{\partial T_i} < 0. \quad (14)$$

¹⁰ Модель предполагает совершенную мобильность труда между регионами. Одним из факторов, ограничивающих мобильность трудовых ресурсов и получивших отражение в теоретических исследованиях (в т. ч. в рамках общеравновесного подхода), является т. н. «комфортность» проживания (в широком смысле) в конкретной местности (local amenities). Однако его отражение в линеаризируемой модели сопряжено с определенными трудностями, и в данном исследовании этот фактор не рассматривается. Подробнее см. [15–18].

¹¹ Это можно интерпретировать, как если бы региональные правительства максимизировали «функцию избирателя», при которой степень удовлетворения медианного избирателя зависит от общих государственных расходов в регионе. Подробнее см. [19].

Уравнения (1)–(14) составляют двухрегиональную модель общего равновесия. Федеральное правительство само выбирает размер одной из величин GF_i (допустим, GF_2), тогда как вторая определяется автоматически из бюджетного ограничения (8). Таким образом, модель содержит 27 уравнений и столько же эндогенных переменных. К числу экзогенных переменных, помимо GF_2 , относится L .

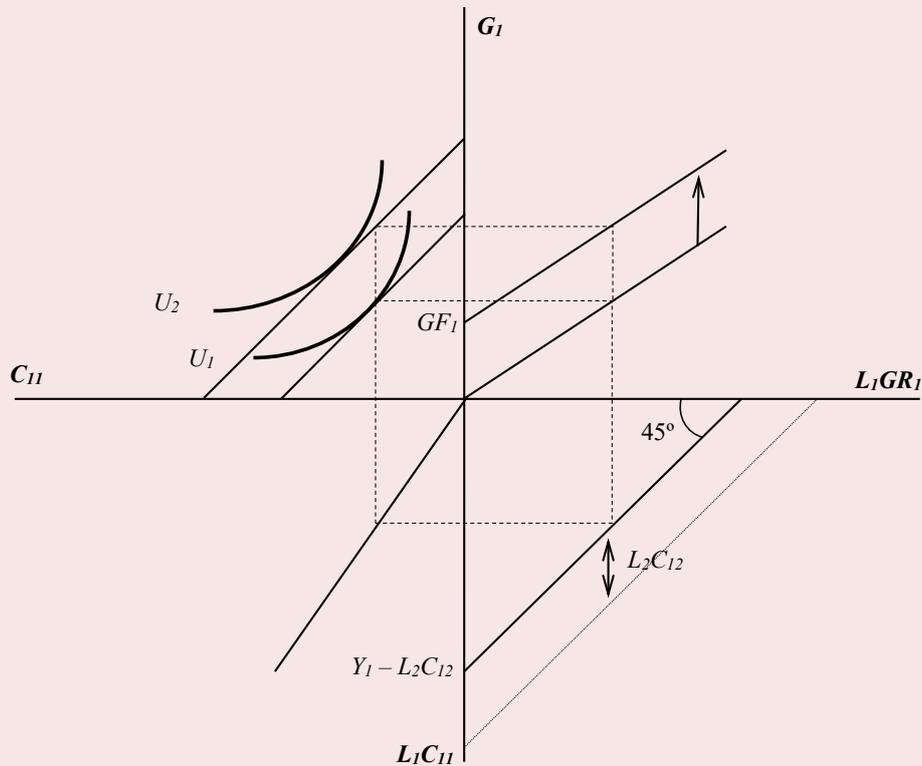
Прежде чем перейти к линеаризованной версии модели, механизм адаптации региональной системы в результате внешнего «шока» (федерального трансферта) для наглядности можно показать графически. На рисунке 1 дана модель реакции домохозяйств региона 1 на поступление трансферта¹² в размере GF_1 .

В IV квадранте находится остаточная кривая продуктовой трансформации региона. Поскольку предельная норма замещения в производстве частных и общественных благ постоянна и равна 1, она представляет собой прямую линию под углом 45°. Остаточной эта кривая называется в связи с тем, что содержит множество комбинаций общественного и частного блага, производимого для потребления в регионе 1, достижимых после того, как уже будет вычтен объем благ, предназначенных для вывоза в регион 2. Если бы весь производимый объем благ оставался в регионе 1 (в отсутствие торговли), то максимальный объем производства частных благ (при $L_i GR_i = 0$) составил бы Y_i . Поскольку спрос региона 2 фиксирован в размере $L_2 C_{i2}$ (эта величина определяется, в силу (3), доходом домохозяйств в регионе 2), максимальный объем производства частного блага региона 1 для его домохозяйств равен $Y_i - L_2 C_{i2}$.

В квадранте III представлена функция трансформации общего объема частного блага, произведенного для потребления в регионе 1 в объеме этого блага, потребляемого отдельным домохозяйством. Наклон прямой здесь зависит от величины $1/L_i$. Аналогичным образом трактуется функция в квадранте I, трансформирующая общий объем производства общественного блага в величину его индивидуального потребления (луч, выходящий из начала координат). Ее наклон также равен $1/L_i$.

¹² Графический вариант, построенный на схожих принципах, но для случая двухсекторной двухпродуктовой модели с частными благами представлен в [20].

Рис. 1. Общее равновесие с федеральным трансфертом

Источник: разработано автором.

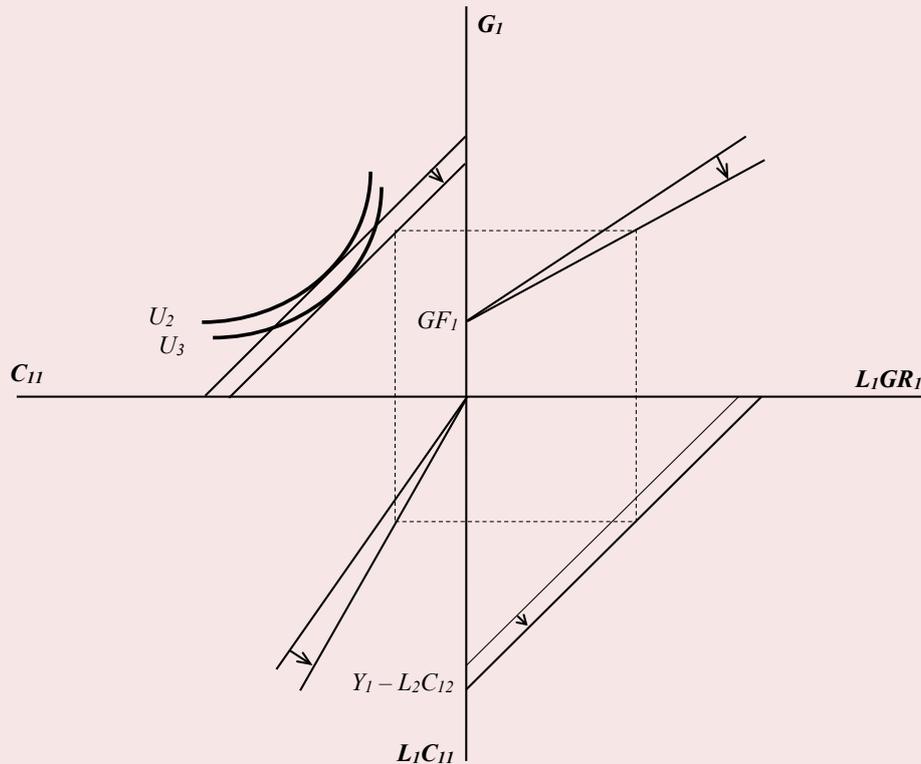
В квадранте II отображена проекция карты безразличия и бюджетного ограничения на плоскость $C_{11} - G_1$ (потребления локального частного и общественного благ). Несмотря на то что одно из двух благ является бесплатным, линия бюджетного ограничения имеет отрицательный наклон. Потребление частных благ зависит от величины дохода домохозяйств, который, в силу (5), снижается по мере роста производства общественных благ. Последние финансируются региональным правительством, а увеличить L_1GR_1 возможно только путем повышения T_1 , что вызывает сокращение дохода домохозяйств.

Федеральный трансферт в регион 1 в начальный момент вызывает параллельный сдвиг вверх функции в квадранте I на среднедушевую величину этого трансферта GF_1 , ослабляя тем самым бюджетное ограничение домохозяйств. Благополучие последних повышается с U_1 до U_2 . Дальнейшие трансформации вызваны притоком рабочей силы из региона 2 в ответ на относительное изменение уровней благосостояния между регионами (рис. 2).

Приток новых трудовых ресурсов в ответ на рост уровня благосостояния в регионе 1 прежде всего расширит производственные возможности региона в целом. Однако, в каком положении окажется в итоге остаточная кривая продуктовой трансформации, зависит от ряда факторов. Во-первых, сокращение L_2 снизит потребление частного блага 1 в регионе 2. Во-вторых, на величину C_{12} воздействуют доход в регионе 2 и уровень цен на продукцию региона 1. Их изменения, вызванные процессом миграции, зависят от параметров модели. Пусть в результате всех изменений величина L_2C_{12} сократилась. Тогда произойдет сдвиг остаточной кривой продуктовой трансформации от начала координат.

В результате прироста трудовых ресурсов соответственно уменьшатся наклоны прямых в квадрантах I и III (и одновременно увеличится их длина соразмерно расширившимся возможностям производства). Это повлечет за собой параллельный сдвиг линии бюджет-

Рис. 2. Влияние миграции на общее равновесие

Источник: разработано автором.

ного ограничения к началу координат¹³. Уровень благосостояния домохозяйств в регионе 1 снизится до U_3 . Таким образом, равновесие в системе устанавливается в два этапа: во-первых, происходит рост благосостояния домохозяйств региона в результате предоставления дополнительных общественных благ (за счет сокращения благосостояния домохозяйств второго региона); во-вторых, миграция в первый регион из второго (при прочих равных условиях) сокращает уровень благосостояния в первом.

¹³ В случае если общественные блага являются 100%-публичными ($\theta = 0$), линия бюджетного ограничения трансформируется иным образом. Наклон луча в квадранте I будет равен 45° независимо от величины $1/L_1$. Тогда все множество точек оптимума линий бюджетных ограничений домохозяйств в квадранте II при всех возможных значениях L_1 будет представлять собой огибающую кривую (подробнее см. гл. 17 в: Аткинсон Э., Стиглиц Дж. Лекции по экономической теории государственного сектора: учебник / пер. с англ., под ред. Л.Л. Любимова. М.: Аспект Пресс, 1995. 832 с.).

Линеаризация и калибровка модели

Модель представляет систему нелинейных уравнений (1)–(14), чем затрудняется ее аналитическое решение в исходном виде. Возможно привести систему к линейному виду посредством логарифмической линеаризации уравнений и затем анализировать относительные (пропорциональные) изменения переменных модели в результате изменения экзогенных переменных. Уравнения (1')–(14') представляют собой линеаризованный вариант модели, где строчные буквы обозначают пропорциональные изменения переменных (лог-дифференциалы), обозначенных в уравнениях (1)–(14) прописными буквами:

$$u_i = \gamma_{1i}c_{1i} + \gamma_{2i}c_{2i} + \delta_i g_i \quad i = 1, 2 \quad (1')$$

$$m_i = \sigma_{M\pi i} \pi h_i + \sigma_{MWi} w_i \pi h_i = \frac{d\pi_i}{\pi_i} \quad (2')$$

$$\begin{aligned} \sigma_{M\pi i} &= \pi_i / M_i, \quad \sigma_{MWi} = W_i / M_i \\ c_{ji} &= m_i - p_j \quad i, j = 1, 2 \end{aligned} \quad (3')$$

$$y_i = \alpha_i l_i \tag{4'}$$

$$\begin{aligned} \pi_i &= \sigma_{\Pi Y_i}(p_i + y_i) - \sigma_{\Pi W_i}(w_i + l_i + \sigma_{T_i} t_i) \\ \sigma_{\Pi Y_i} &= P_i Y_i / \Pi_i, \quad \sigma_{M W_i} = [W_i L_i (1 + T_i)] / \Pi_i, \\ \sigma_{T_i} &= T_i / (1 + T_i) \end{aligned} \tag{5'}$$

$$(\alpha_i - 1)l_i + p_i = w_i + \sigma_{T_i} t_i \tag{6'}$$

$$gr_i = w_i + t_i - p_i \tag{7'}$$

$$l_1 + gf_1 = l_2 + gf_2 \tag{8'}$$

$$g_i = \sigma_{GG R_i} gr_i + \sigma_{GG F_i} gf_i \tag{9'}$$

$$\begin{aligned} \sigma_{GG R_i} &= GR_i / G_i, \quad \sigma_{GG F_i} = GF_i / G_i \\ \sigma_{i1} l_1 + \sigma_{i2} l_2 &= l \end{aligned} \tag{10'}$$

$$\begin{aligned} \sigma_{ii} &= L_i / (L_1 + L_2) \\ u_1 &= u_2 \end{aligned} \tag{11'}$$

$$\begin{aligned} y_i &= \sigma_{Y C_{i1}}(l_1 + c_{i1}) + \sigma_{Y C_{i2}}(l_2 + c_{i2}) + \\ &+ \sigma_{Y G R_i}(l_i + gr_i) \end{aligned} \tag{12'}$$

$$\begin{aligned} \sigma_{Y C_{ij}} &= L_j C_{ij} / Y_i, \quad \sigma_{Y G R_i} = L_i GR_i / Y_i \\ l_i + \pi h_i &= \pi_i \end{aligned} \tag{13'}$$

$$l_i = gr_i \tag{14'}$$

Уравнения (1')–(14') составляют линейную систему с 27 эндогенными переменными c_{ij} , u_i , m_i , πh_i , π_i , y_i , l_i , p_i , w_i , t_i , gr_i , g_i , gf_i и двумя экзогенными переменными gf_2 и l . Значения параметров σ вытекают напрямую из их определений и не нуждаются в дополнительных пояснениях.

Следующим этапом исследования является трансформация модели в числовую форму путем оценки параметров и коэффициентов вышеприведенной модели. Было построено 9 числовых версий модели, по числу субъектов Федерации, входящих в состав ДФО до момента принятия в него в конце 2018 года Республики Бурятия и Забайкальского края. В каждом из вариантов модели в качестве региона 1 выступает соответствующий регион ДФО, а в качестве региона 2 – остальная экономика РФ (национальная экономика за вычетом соответствующего субъекта Федерации).

Линеаризованная версия модели содержит определенное число параметров, которые необходимо оценить. Часть их содержится в функции полезности (1') и производственной

функции (4'). Остальные (σ) выступают параметрами линеаризации. Следует обратить внимание на важное замечание – поскольку модель является по своей сути статической, она не содержит в себе блок сбережений и инвестиций. Между тем реальные статистические агрегаты, на основе которых должны рассчитываться параметры (объемы потребления, величина заработной платы и прибыль, размер регионального выпуска), содержат в себе и «межвременные» компоненты. Неучет этой части неизбежно приведет к таким оценкам параметров, которые будут неадекватны ограничениям, накладываемым самой моделью. В частности, суммарная величина заработной платы и прибыли (в годовом исчислении) может превышать объемы годового потребления домохозяйств, что нарушает условие (2) модели. Ввиду подобных ограничений величины ряда экономических агрегатов, используемых для оценки параметров модели (1')–(14'), не соответствуют своим аналогам, отражаемым в официальной статистике.

Для целей исследования величина годового регионального выпуска Y_i складывается из суммы регионального потребления домохозяйств $L_i C_i$ и расходов региональных бюджетов $L_i GR_i$ на жилищно-коммунальное хозяйство и социально-культурные мероприятия за вычетом величины безвозмездных поступлений в региональные бюджеты.

Далее было сделано сильное допущение о том, что прибыль π_i (определяемая из структуры доходов домохозяйств) полностью идет на текущее потребление¹⁴. Зная величины Y_i , GR_i , L_i (численность занятых в экономике региона) и Π_i , из системы уравнений (5) и (7) можно получить оценки величин W_i ¹⁵ и T_i . Из условий (6) и (12) вытекает оценка параметра региональной производственной функции:

$$\gamma_{ji} = \frac{c_{ji}}{c_{1i} + c_{2i} + G_i}, \quad \delta_i = \frac{G_i}{c_{1i} + c_{2i} + G_i}.$$

¹⁴ Вынужденность данного допущения вытекает из сложности оценки части прибыли, идущей на цели сбережения.

¹⁵ Оцененная таким способом величина W_i грубо характеризует ту часть реального объема заработной платы, которая целиком идет на текущее потребление (в предположении о сбалансированности бюджетов региональных правительств).

Для оценок параметров функций полезности (1) необходимо рассмотреть величины торговых потоков между регионами, адекватные ограничения модели, представляющей собой закрытую национальную экономику. Экспортные и импортные потоки продукции, таким образом, не учитываются¹⁶. Вместо этого на величину благосостояния домохозяйств оказывают влияние только товары и услуги, производимые в рамках национальной экономики. Поскольку предполагается, что региональная торговля сбалансирована, общий объем вывоза продукции из региона i должен быть равен объему ввоза из региона j . Вместо того чтобы произвольно задать фиксированную долю от величины производимого в регионе частного блага $L_i C_i$, предназначенного для внутрирегионального потребления, и применить ее ко всем регионам, как это делается в некоторых исследованиях [4], мы воспользуемся статистическими данными¹⁷. В качестве переменной, характеризующей долю продукции региона j , ввозимую в регион i (d_{ji}), взято отношение объема ввоза продукции в регион i из всех прочих регионов РФ к величине $L_i C_i$. Тогда:

$$\begin{aligned} L_1 C_{11} &= (1 - d_{21})L_1 C_1, \\ L_1 C_{21} &= d_{21}L_1 C_1 = L_2 C_{12}, \\ L_2 C_{22} &= L_2 C_2 - L_2 C_{12}. \end{aligned}$$

Оценив таким образом значения C_{ij} , трудно получить оценки параметров функции полезности. Исходя из свойств (1):

$$\gamma_{ji} = \frac{C_{ji}}{C_{1i} + C_{2i} + G_i}, \quad \delta_i = \frac{G_i}{C_{1i} + C_{2i} + G_i}.$$

Наконец, величина безвозмездных поступлений в бюджет региона i представляет размер федерального гранта в регион 1 ($L_i GF_i$). В этом случае для соблюдения ограничений модели требуется выполнить условие $L_2 GF_2 = -L_1 GF_1$.

¹⁶ Проводя аналогию с реальным миром, модель предполагает, что зарубежные товары одинаково доступны в каждом регионе по одним и тем же ценам, а их потребление не оказывает влияние на величину благосостояния домохозяйств. Таким образом, доступ к зарубежным товарам не является стимулирующим мотивом к миграции.

¹⁷ Данные о ввозе (покупке) и вывозе (продаже) товаров (услуг) за 2014 год по субъектам ДФО. Подробный перечень источников информации см. в [3, с. 91].

Таким образом, на основе статистических данных получены оценки переменных L_i , $L_i C_i$, $L_i GF_i$, P_i , $L_i C_{ji}$, взятые как среднее арифметическое значений за 2015–2016 гг.¹⁸ Значения Y_i , W_i , T_i затем рассчитываются исходя из ограничений модели. Индексы цен P_1 и P_2 в базовом году принимают значение 1. Полученные агрегаты сведены в *таблице 2*.

Данные таблицы 2 являются основой для оценки параметров линеаризации σ , функции полезности и производственной функции.

Симуляционные расчеты на основе числовых версий модели и интерпретация полученных результатов

В каждой симуляции один из девяти субъектов Федерации становится регионом 1, тогда как остальная экономика РФ – регионом 2. В качестве экзогенного воздействия выступает увеличение федеральных трансфертов в регион 1 за счет перераспределения государственных расходов из региона 2. Таким образом, путем изменения величины gf_2 можно проследить эффект воздействия трансфертов на все эндогенные переменные модели. Величина экзогенного воздействия не должна приводить к существенным трансформациям эндогенных переменных, поскольку линеаризованная версия модели предполагает только предельные изменения величин. В то же время эти изменения должны быть достаточными, чтобы иметь уловимые результаты.

На наш взгляд, оптимальной будет такая gf_2 , которая обеспечит прирост ΔGF_1 на величину, равную 20% от среднедушевых безвозмездных трансфертов, так как при меньших значениях изменения ряда ключевых переменных модели могут быть близкими к нулевым:

$$\Delta GF_i = 0.2 \frac{\sum_i^n L_i GF_i}{L}.$$

Средняя за 2015–2016 гг. величина среднедушевых безвозмездных трансфертов равна 22960 руб. (соответственно $\Delta GF_i = 4592$ руб.). Поскольку все субъекты ДФО в указанный период являлись грантополучателями, процентные изменения gf_2 имеют в каждой симуляции положительный знак, но различаются по абсо-

¹⁸ Выбор периода обусловлен, главным образом, в целях сопоставимости исходных данных с данными о межрегиональных торговых потоках дальневосточных регионов [3].

Таблица 2. Исходные данные для расчета параметров модели

	$L_i C_i$ (млрд руб.)	$L_i GR_i$ (млрд руб.)	$L_i GF_i$ (млрд руб.)	$L_i W_i$ (млрд руб.)	P_i (млрд руб.)	$1 - d_{2i}$	L_i (тыс. чел.)
Респ. Саха (Якутия) Регион 2	153,3 19733,6	83,1 5129	64,9 -64,9	120,2 17684,0	33,1 2049,6	0,86	483,1 71762
Камчатский край Регион 2	48,4 19838,6	3,8 5208,3	41,6 -41,6	44,6 17759,6	3,8 2079,0	0,60	168,2 72077
Приморский край Регион 2	266,0 19620,9	57,0 5155,1	21,1 -21,1	233,3 17570,9	32,8 2050,1	0,33	975,8 71269
Хабаровский край Регион 2	229,3 19657,6	58,4 5153,7	16,7 -16,7	201,2 17603,0	28,2 2054,6	0,72	688,5 71557
Амурская область Регион 2	99,7 19787,2	26,4 5185,7	12,5 -12,5	86,6 17717,6	13,2 2069,6	0,46	394,4 71851
Магаданская область Регион 2	33,7 19853,2	14,7 5197,4	9,1 -9,1	30,9 17773,2	2,8 2080,0	0,91	93,6 72152
Сахалинская область Регион 2	117,0 19769,9	94,6 5117,5	5,3 -5,3	99,2 17705,0	17,9 2064,9	0,89	286,1 71959
Еврейская АО Регион 2	13,3 19873,6	3,9 5208,2	4,8 -4,8	10,7 17793,5	2,7 2080,1	0,70**	70,0 72175
Чукотский АО Регион 2	8,1 19878,8	2,5 5209,6	14,3 -14,3	7,9 17796,3	0,3 2082,5	0,88	32,5 72213

* Здесь и далее – под регионом 2 подразумевается национальная экономика за вычетом соответствующего субъекта Федерации.
** Ввиду отсутствия статистических данных удельный вес производимых товаров и услуг для внутрирегионального потребления принят равным 0,7.
Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. 1326 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.

лютной величине. Предполагается, что трансферты направляются федеральным правительством с целью улучшить благосостояние резидентов региона 1 (за счет уменьшения благосостояния в остальной стране).

Результаты девяти симуляций, осуществленных на базе линеаризованной вычислимой модели общего равновесия¹⁹, представлены в таблице 3.

С точки зрения целей федеральной политики наиболее важным результатом является уменьшение уровней полезности домохозяйств в обоих регионах во всех девяти вариантах числовой симуляции. Иными словами, увеличение федеральных трансфертов этим регионам выступает Парето-неоптимальным решением. Однако с формальной точки зрения эти изменения настолько малы, что ими в целом можно пренебречь. Следует отметить, что эффективность перераспределительных мер особенно низка на фоне существенных объемов GF_2 для ряда регионов (Приморский и Хабаровский края, Амурская и Сахалинская области).

¹⁹ Оценки получены с помощью функции «Поиск решения» пакета MSExcel.

Между тем, если рассматривать лишь первоначальное изменение U_i в результате прироста GF_i , последовавшего за трансфертом из региона 2 (строка *нач. u_i* в таблице 3), то эффект перераспределения на благосостояние «коренных» резидентов этих регионов (до начала эндогенного изменения всех остальных переменных, в том числе изменения численности резидентов) в начальный момент будет положительным и количественно существенным. Однако последовавшие за этим изменения прочих эндогенных переменных, в конечном счете, сводят на нет «выигрыш» благосостояния.

Что касается изменений поведения региональных правительств в части их налогово-бюджетной политики, во всех девяти симуляциях обнаруживается существенное увеличение региональных налогов T_i и среднедушевых расходов GR_i . Причем в сравнительно малой степени это характерно для Чукотского автономного округа и Камчатского края. Такая ситуация связана с тем, что в данных субъектах роль региональных правительств в обеспечении населения общественными благами за счет собственных источников доходов изначально низка

Таблица 3. Результаты симуляций

	РС(Я)	КК	ПК	ХК	АО	МО	СО	ЕАО	ЧАО
m_1	-0,673	1,624	-1,426	-2,176	-1,420	-0,745	-4,644	-1,082	-0,072
m_2	1,500	2,879	1,194	1,576	1,704	2,479	0,946	2,299	0,909
p_1	0,964	1,821	-0,553	-0,774	-0,186	0,931	0,706	0,581	0,259
p_2	1,495	2,878	1,181	1,563	1,698	2,477	0,938	2,298	0,909
t_1	4,162	1,457	3,542	5,264	4,480	5,030	11,798	5,325	1,322
t_2	-0,020	-0,004	-0,050	-0,050	-0,024	-0,006	-0,031	-0,005	-0,001
w_1	-1,041	1,615	-1,511	-2,321	-1,559	-0,880	-5,524	-1,367	-0,082
w_2	1,500	2,879	1,196	1,578	1,705	2,479	0,947	2,299	0,909
y_1	1,855	1,160	2,322	3,353	2,783	3,033	5,098	2,853	0,956
y_2	-0,013	-0,003	-0,032	-0,033	-0,016	-0,004	-0,020	-0,003	0
y	0,004	0	-0,002	0,006	-0,002	0,002	0,023	-0,001	0
c_{11}	-1,636	-0,197	-0,872	-1,402	-1,234	-1,676	-5,350	-1,662	-0,331
c_{21}	-2,167	-1,254	-2,607	-3,739	-3,118	-3,222	-5,583	-3,379	-0,981
c_{12}	0,536	1,058	1,747	2,350	1,890	1,548	0,240	1,718	0,650
c_{22}	0,005	0,001	0,013	0,013	0,006	0,002	0,008	0,001	0,000
gr_1, l_1	2,158	1,252	2,584	3,716	3,107	3,219	5,568	3,377	0,981
gr_2, l_2	-0,015	-0,003	-0,035	-0,036	-0,017	-0,004	-0,022	-0,003	0
u_1, u_2	-0,007	-0,002	-0,003	-0,004	-0,002	-0,001	-0,003	-0,001	-0,001
нач. u_1	0,268	0,267	1,142	0,833	1,025	0,237	0,469	0,720	0,036
gf_1	1,244	0,602	18,654	15,216	11,410	1,502	19,252	3,298	0,062
gf_2	3,416	1,857	21,273	18,968	14,534	4,726	24,843	6,678	1,043
g_1	1,757	0,656	6,918	6,271	5,766	2,564	6,293	3,333	0,197
g_2	-0,059	-0,018	-0,123	-0,097	-0,052	-0,012	-0,048	-0,009	-0,003

Примечание: РС(Я) – Республика Саха (Якутия), КК – Камчатский край, ПК – Приморский край, ХК – Хабаровский край, АО – Амурская область, МО – Магаданская область, СО – Сахалинская область, ЕАО – Еврейская АО, ЧАО – Чукотский АО.
Источник: составлено автором.

(см. табл. 1). С другой стороны, налоговая ставка и государственные расходы в регионе-доноре ожидаемо сократились в ответ на экзогенный шок в каждой из девяти симуляций. Сахалинская область, характеризующаяся минимальной среди всех дальневосточных субъектов Федерации величиной федеральных трансфертов и максимальным размером расходов местных правительств (330,6 тыс. руб. на одного занятого), демонстрирует существенный рост налоговой ставки (11,8%) и связанный с этим рост расходов местного бюджета (5,6%).

Результат для Сахалинской области выглядит парадоксальным в свете того, что регион имеет самый высокий базовый уровень расходов на душу населения GR_1 среди региональных правительств (как следствие, самую высокую налоговую ставку T_1).

Этому можно дать следующее объяснение. Целевой функцией региональных правительств в модели является увеличение государственных

расходов в пределах своих юрисдикций. С одной стороны, увеличение налоговой ставки приводит в силу (6) к росту издержек на рабочую силу и сокращению занятости, как следствие – оттоку домохозяйств из региона. Это снижает совокупные расходы регионального правительства. С другой стороны, увеличивая налоговую ставку, правительство ослабляет свое бюджетное ограничение, повышая среднестатистические расходы для заданного числа домохозяйств. В точке оптимума региональное правительство устанавливает такую налоговую ставку, которая сбалансировывает воздействие двух указанных выше эффектов на совокупные расходы правительства. Получение федерального трансферта повысит уровень благосостояния домохозяйств региона-реципиента, что привлечет в него дополнительное население. Для восстановления среднестатистических расходов правительства до прежнего уровня и будет повышена налоговая ставка.

Немедленным эффектом федерального трансферта станет увеличение потребления общественного блага в регионе-реципиенте, приводящее к росту благосостояния. Образовавшаяся разница в уровнях благосостояния между регионами запустит процессы миграции в регион 1, которые прекратятся в тот момент, когда эти уровни вновь станут равными. Таким образом, увеличение рабочей силы в регионе-реципиенте и ее сокращение в регионе-доноре окажутся явным результатом перераспределения финансовых ресурсов.

С динамикой численности трудовых ресурсов напрямую связана и динамика выпуска. В силу свойств производственной функции прирост общего выпуска в регионе 1 будет меньше прироста занятости, тогда как для региона 2 сокращение выпуска ниже уменьшения занятости (по крайней мере в тех симуляциях, где эффект заметен статистически). Что касается выработки на одного занятого ($y_i - l_i$), для регионов-доноров будет характерно ее сокращение как результат федерального трансферта. Интересно также проследить за изменениями валового выпуска страны y . Как видно из таблицы 3, миграция оказывает двойственное действие на этот показатель – в четырех случаях оно положительное, в трех – отрицательное. Еще в двух случаях воздействие на величину национального выпуска не наблюдается.

Федеральные трансферты тоже оказывают влияние на ценовые изменения. В трех регионах-реципиентах (Приморский и Хабаровский края, Амурская область) снизился уровень цен местного производства p_j . Что характерно, во всех симуляциях наблюдается рост цен на продукцию региона-донора, причем более существенный, чем для региона-реципиента (для случаев, когда $p_1, p_2 > 0$). С изменениями цен связаны и трансформации в межрегиональной торговле. Можно отметить довольно существенное сокращение среднедушевого потребления продукции региона 2 регионом-реципиентом. Напротив, возрастает среднедушевое потребление товаров региона 1 резидентами региона-донора.

Величина $c_{21} + l_1$ характеризует изменение импорта (ввоза) региона 1 из региона 2. Соответственно, $c_{12} + l_2$ отражает динамику вывоза (экспорта) из региона 1 в регион 2. Из этого

следует, что в целом объемы ввоза товаров в регионы-реципиенты практически не изменяются (формально говоря, $c_{12} + l_2$ сокращается в пределах тысячных долей процента). Напротив, вывоз продукции из регионов-реципиентов в регион-донор существенно увеличивается (в некоторых случаях – свыше 1,5%). Поскольку межрегиональная торговля в исходной модели сбалансирована, разница между этими величинами дает процентное изменение торгового баланса. Таким образом, во всех протестированных случаях федеральные трансферты улучшили условия торговли в пользу регионов-реципиентов.

Указанным выше эффектам может быть дано следующее обоснование. Сокращение выпуска продукции на одного занятого в регионе-реципиенте имеет своим результатом сокращение заработной платы, прибыли и, как следствие, дохода репрезентативного домохозяйства в регионе 1. Это приведет к сокращению удельного потребления обоих товаров. Аналогичные, но с противоположным знаком, процессы обуславливают рост среднедушевого потребления в регионе 2. Таким образом, произойдет сокращение спроса на товар 1 в регионе 1, но увеличение спроса на него в регионе 2. Однако в ряде случаев (Приморский и Хабаровский края, Амурская область) общий избыток предложения локальных товаров в национальной экономике приведет к падению цен на них.

Модельные расчеты, результаты которых отражены в таблице 3, выполнены в предположении, что региональные правительства устанавливают налоговую ставку таким образом, чтобы максимизировать свои расходы в регионе. Возникает вопрос, сильно ли зависят результаты расчетов от этой предпосылки. Можно провести сравнение с результатами симулирования в предположении, что поведение региональных правительств задается экзогенным. В этом случае уравнение (14') заменяется на условие $gr_i = 0$. Следовательно, T_i определяется исходя из поддержания бюджетного ограничения региональных правительств.

По результатам оценивания в рамках указанного варианта нельзя однозначно говорить о наличии тенденции в изменениях показателей. В случае Республики Саха (Якутия), Магаданской и Сахалинской областей новые резуль-

таты оказались нереалистичными (величины изменения отдельных переменных как для региона 1, так и для региона 2 составили 20% и более). Для Камчатского и Приморского краев, Амурской области знаки при всех переменных остались такими же, как в таблице 3, но незначительно уменьшились по абсолютной величине. Наконец, для Хабаровского края, Еврейской автономной области, Чукотского автономного округа знаки при переменных для региона-реципиента не изменились, а для региона-донора большинство переменных поменяли знак на противоположный. Для двух последних групп регионов можно заметить слабую тенденцию увеличения благосостояния в том случае, если региональные правительства ведут себя как агенты, максимизирующие свои функции бюджетных расходов.

Заключение

В статье проанализированы эффекты межрегиональных трансфертов для регионов Дальнего Востока, осуществляемых федеральным правительством, с использованием двухрегиональной вычислимой модели общего равновесия с оптимизирующими региональными правительствами. Проведено девять числовых симуляций на линеаризованной версии модели, параметры которой были откалиброваны с применением статистических данных по девяти субъектам Федерации, входящим в состав ДФО, за 2015–2016 гг.

Обнаружено, что федеральные трансферты практически не влияют на благосостояние домохозяйств, однако приводят к существенным изменениям остальных экономических переменных. Несмотря на существенное начальное увеличение благосостояния резидентов дальневосточных регионов в результате прироста величины федеральных трансфертов, способность домохозяйств оптимизировать свою потребительскую корзину и мигрировать из региона в регион в ответ на разность в уровнях полезности приводит в конечном итоге к нивелированию возникших преимуществ. Оно достигается ценой существенных изменений в уровнях цен, заработной платы, выпуска, налоговой нагрузки, региональных бюджетных расходов, прежде всего у регионов-реципиентов. Начальное повышение благосостояния приводит к притоку трудовых ресурсов, повышая выпуск, но сокращая производительность тру-

да и заработную плату. Региональные правительства отвечают на приток населения увеличением уровня бюджетных расходов через повышение налоговой ставки, чем оказывают дополнительное давление на заработную плату и доходы резидентов, сокращая уровень их потребления. В конечном итоге благосостояние возвращается к исходному уровню и новое равновесие устанавливается при более низком уровне цен и среднедушевых доходов в регионе-реципиенте.

С точки зрения федерального правительства наиболее проявляющийся эффект будет состоять в миграции населения в направлении к регионам — получателям федеральных грантов, как следствие — росте ВРП последних. Необходимо уточнить, однако, что все оценки получены в предположении равенства уровня цен в обоих регионах в начальный период ($P_1 = P_2 = 1$), что в действительности не имеет места²⁰. Из этого следует, что снижение стоимостных показателей в регионах-реципиентах следует трактовать только как замедление темпов их роста по сравнению со среднероссийским уровнем.

Как уже было отмечено, модель носит статический характер и рассматривает домохозяйства в качестве агентов, нацеленных на текущее потребление. Следовательно, не принимаются во внимание их мотивы относительно будущего потребления и сбережений. Однако широко распространена точка зрения о том, что основным мотивом миграции на Дальний Восток является возможность расширить бюджетное ограничение будущих периодов с целью увеличения будущего потребления. Это справедливо, если принять, что потребление состоит только из частных благ, тогда как, согласно той же неоклассической теории, уровень комфорта и удобства проживания, обеспечиваемый как раз наличием общественных благ, является стимулом к перемене локации [16].

Важный вывод, подтверждающий сделанные ранее [3], состоит также в том, что российский Дальний Восток не представляет собой

²⁰ Это (мнимое) равенство подразумевает лишь то, что в начальный период экономика находится в равновесии, а межрегиональные ценовые различия учтены при формировании сходных данных и калибровке модели. В действительности же, например, величина прожиточного минимума в 2016 году в Камчатском крае в два раза превышала среднероссийский уровень.

однородную целостную экономическую систему, которую можно было бы охарактеризовать как «экономика Дальнего Востока». По сути, Дальневосточный федеральный округ представляет собой совокупность субъектов Федерации, характеризующихся различными природно-географическими, демографическими, структурно-экономическими условиями, не обра-

зующих в целом единый общий рынок. Кроме того, исследование позволило дополнить это описание макрорегиона следующей особенностью: составляющие ДФО субъекты характеризуются неодинаковой реакцией и различными, порой имеющими противоположную направленность, эффектами по отношению к мерам политики перераспределения ресурсов.

Литература

1. Tiebout C. A pure theory of local expenditures. *Journal of Political Economy*, 1956, vol. 64, no. 5, pp. 416–424.
2. Исаев А.Г. Эффекты межрегионального перераспределения финансовых ресурсов: общеравновесный подход // Экономика региона. 2019. Т. 15. Вып. 2. С. 618–630. DOI: 10.17059/2019-2-23
3. Экономические макрорегионы: интеграционный феномен или политико-экономическая целесообразность? Случай Дальнего Востока / П.А. Минакир, А.Г. Исаев, А.Н. Демьяненко, О.М. Прокапало // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 1. С. 66–99. DOI: <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.1.066-099>
4. Groenewold N., Hagger A. *An Analysis of the Effects of Fiscal Equalization in a Two-Region Simulation Model*. The University of Western Australia. Discussion Paper. 2005. Available at: https://www.researchgate.net/publication/23697423_An_Analysis_of_the_Effects_of_Fiscal_Equalisation_in_a_Two-Region_Simulation_Model
5. Аветисян И.А. Регулирование межбюджетных отношений в Российской Федерации – неотъемлемая часть бюджетного менеджмента // Вопросы территориального развития. 2018. № 1 (41). С. 1–21. DOI: 10.15838/tdi/2018.1.41.3
6. Идрисов Ш.А., Сомоев Р.Г. Бюджетный федерализм: зарубежные и российская модели // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2016. № 4 (48). С. 507–520.
7. Татаркин А.И., Татаркин Д.А. Российский налогово-бюджетный федерализм в условиях экономической нестабильности // Федерализм. 2016. № 3 (83). С. 9–26.
8. Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. Федерализм как институциональный приоритет стратегии пространственного развития России // Региональная экономика. Юг России. 2018. № 4. С. 33–43. DOI: 10.15688/ge.volsu.2018.4.3
9. Российский Дальний Восток на пути в будущее / под ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 395 с.
10. Леонов С.Н. Проблемы бюджетной сферы дальневосточных субъектов Федерации // Проблемы развития территории. 2020. № 1 (105). С. 93–108. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.7
11. Минакир П.А. Дальневосточные институциональные новации: имитация нового этапа // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 1. С. 7–17. DOI: 10.14530/se.2019.1.007-017
12. Кудрин А., Дерюгин А. Субнациональные бюджетные правила: зарубежный и российский опыт // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 1. С. 8–35. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-1-01
13. Boadway R., Flatters F. Efficiency and equalization payments in a federal system of government: a synthesis and extension of recent results. *Canadian Journal of Economics*, 1982, vol. 15, no. 4, pp. 613–633.
14. Bradford D., Oates W. Towards a predictive theory of intergovernmental grants. *The American Economic Review*, 1971, vol. 61, no. 2, pp. 440–448.
15. Roback J. Wages, rents, and the quality of life. *Journal of Political Economy*, 1982, vol. 90, no. 6, pp. 1257–1278.
16. Krumm R. Regional wage differentials, fluctuations in labor demand, and migration. *International Regional Science Review*, 1983, vol. 8, no. 1, pp. 23–45.
17. Mansoorian A, Myers R. *Attachment to Home and Efficient Purchases of Population in a Fiscal Externality Economy*. University of Western Ontario. Research Report 9010. 1990. Available at: <https://ir.lib.uwo.ca/economicsresrpt/494/>
18. Courant P., Deardorf A. Amenities, Nontraded Goods, and the Trade of Lumpy Countries. *Journal of Urban Economics*, 1993, vol. 34, no. 2, pp. 299–317.

19. Groenewold N., Hagger A., Madden J. *The Efficiency of Federal Inter-Regional Transfers Under a Regime of Politically-Maximizing Regional Governments*. The University of Western Australia. Discussion Paper. 2002. Available at: https://www.researchgate.net/publication/23697360_The_Efficiency_of_Federal_Inter-Regional_Transfers_Under_a_Regime_of_Politically-Maximizing_Regional_Governments/link/00b7d528e004a5db04000000/download
20. Devarajan S., Lewis J., Robinson S. Policy lessons from trade-focused, two-sector models. *Journal of Policy Modeling*, 1990, vol. 12, no. 4, pp. 625–657.

Сведения об авторе

Артём Геннадьевич Исаев – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: isaev@ecrin.ru)

Isaev A.G.

Analyzing Distribution Effects of the Federal Budget Transfers for the Far East

Abstract. The article analyzes the economic consequences of federal redistributive transfers for the regions of the Far East on the basis of two-regional computable general equilibrium model. The model is based on the assumption that regional government aims at maximizing their total spending which is limited by the size of the region's tax base. Migration, trade and federal transfers are the main sources of regional interconnection in the national economy. The authors calibrated the linearized version of the model on data of nine regions of the Far Eastern Federal District. The regions have significant structural and macroeconomic differences not only in such aggregates as average per capita consumption and wages, but also in terms of average per capita income and budget expenditures. The researchers have found that federal transfers have a negligible effect on the welfare of the regional households. However, they affect other variables, such as consumption, employment, price level, wages, regional taxes and government spending. An initial increase in the welfare level causes an in-migration of labor resources, and a new equilibrium is established at a lower price level and per capita income in the recipient region. Moreover, a decrease in prices for local products is observed for the South Zone of the Far Eastern Federal District (Primorsky and Khabarovsk Krai, the Amur Oblast), while for all other regions there is an opposite effect. The research has shown that the regions of the Far East are characterized by different reactions and may have opposite effects with respect to the state budgetary policy measures in relation to these regions.

Key words: fiscal federalism, Russian Far East, public good, general equilibrium, household's welfare, government spending.

Information about the Author

Atrem G. Isaev – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: isaev@ecrin.ru)

Статья поступила 29.05.2020.

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.6

УДК 332.13, ББК 65.05

© Лукин Е.В., Аносова Т.С., Мельников А.Е., Сидоров М.А.

Опыт агент-ориентированного моделирования межрегиональных цепочек создания стоимости*

**Евгений Владимирович
ЛУКИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького д. 56а
E-mail: lukin_ev@list.ru
ORCID: 0000-0002-1159-281X; ResearcherID: I-8183-2016

**Татьяна Сергеевна
АНОСОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького д. 56а
E-mail: anosova.tanya98@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8724-3894; ResearcherID: ABB-4125-2020

**Алексей Евгеньевич
МЕЛЬНИКОВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького д. 56а
E-mail: ae.melnikov@mail.ru
ORCID 0000-0001-5392-6163; ResearcherID: I-8468-2016

**Максим Андреевич
СИДОРОВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького д. 56а
E-mail: ma.sidorov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5683-8182; ResearcherID: N-3104-2018

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-2135.2019.6.

Для цитирования: Опыт агент-ориентированного моделирования межрегиональных цепочек создания стоимости / Е.В. Лукин, Т.С. Аносова, А.Е. Мельников, М.А. Сидоров // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 6. С. 101–116. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.6

For citation: Experience in agent-based modeling of interregional value chains. E.V. Lukin, T.S. Anosova, A.E. Mel'nikov, M.A. Sidorov. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 6, pp. 101–116. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.6

Аннотация. Решение задачи по осуществлению мощного социально-экономического рывка в России требует разработки и реализации новейших практик по развитию корпоративного сектора, гражданского общества, государственных институтов. В идеале данные практики должны представлять собой продукт некой инновационной деятельности в управленческой сфере. Однако мировой опыт показывает, что не меньшую результативность могут обеспечить инициативы, коррелирующие с действующей парадигмой развития, являющиеся ее логическим продолжением. В частности, речь идет о российском курсе на диверсификацию промышленности, импортозамещение: определенно, страна имеет успехи в указанных направлениях, однако об уверенных результатах говорить пока рано. Между тем, обоснованное и, главное, не противоречащее интересам элиты решение вопроса уже не первый год находится в фокусе внимания научной среды – это цепочки создания стоимости. При корректном подходе они могут выступить в роли драйвера развития территорий, бизнеса, социальной сферы. Целью представленного исследования выступает разработка и апробация инструментария моделирования цепочек создания стоимости. В свою очередь, новизна инструментария заключается в возможности учета межрегионального фактора взаимодействия и наличии функционала для осуществления вариативных расчетов развития явлений в экономике. Особенность такой модели состоит в синтезе методов межотраслевого баланса и агент-ориентированного моделирования, что, согласно изысканиям других научных коллективов, обеспечивает большую точность и реалистичность моделирования. В процессе исследования изучен отечественный и зарубежный опыт проектирования цепочек создания стоимости, представлена их характеристика в региональном разрезе. Приведена оценка последствий, связанных со стимулированием потребительского спроса, и предполагаемого эффекта, который может быть вызван за счет развития цепочек стоимости.

Ключевые слова: цепочки создания стоимости, межрегиональное взаимодействие, агент-ориентированное моделирование, таблицы «затраты – выпуск».

Введение

Россия обладает невероятными возможностями, бескомпромиссно рассеивающимися в межрегиональном пространстве в пользу интересов экспортно-ориентированной производственной элиты. Зависимость от природной ренты, без сомнения, является серьезным вопросом для российской экономики, в значительной мере сдерживающим перспективы раскрытия ресурсного потенциала. Однако, учитывая и без того большое внимание к данной тематике (пресловутая нефтяная игла, ее недостатки, сопутствующие угрозы, прочие нюансы сложившейся системы хозяйствования), сейчас мы не будем ее касаться.

Развитие экономики может и должно осуществляться в совершенно разных направлениях – без необходимости резкой смены текущей парадигмы или намеренного сдерживания отдельных секторов, тем самым обеспечивая процессы диверсификации, на которых российские власти достаточно часто акцентируют внимание в последнее десятилетие. Естественно, это потребует определенных новаций в законодательной, управленческой сферах,

необходимо разрабатывать и внедрять новые инструменты развития. Примечательно, что в научной среде уже далеко не первый год имеются концептуальные наработки в соответствующих направлениях. В частности, речь идет о развитии цепочек создания стоимости (далее – ЦСС), которые могут рассматриваться как новый драйвер социально-экономического развития.

Актуальности поднимаемой проблематике придает то обстоятельство, что в недавно утвержденной Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности¹ одним из приоритетов промышленной политики называется диверсификация производства с выходом на смежные стадии производственных цепочек. При этом открытым остается вопрос, достаточно ли у региональных органов власти

¹ Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 июня 2020 г. № 1512-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/Qw77Aau610SEluQqYnvR4tGMCy6rv6Qm.pdf>

инструментов, способствующих активации и последующей активизации действий в обозначенном направлении.

Проблему осложняет и то обстоятельство, что в российской экономике развитые (иначе говоря, крупные, многофункциональные) ЦСС – достаточно редкая практика. В основном встречается небольшая размерность, включающая пару-тройку стадий производства, что накладывает свой отпечаток на всю социально-экономическую систему государства. В частности, это низкие темпы роста ВВП, инвестиционная непривлекательность отдельных отраслей, нарастание территориальных диспропорций, процессы деиндустриализации, недостаточный уровень спроса на фундаментальную науку.

Отсутствие в стране культуры организации производств полного цикла и ориентации на выпуск конечной высокотехнологичной продукции, а не полуфабрикатов, не позволяет сколько-нибудь уверенно нивелировать зависимость от импорта. При этом в последние годы в мировой экономике явно обозначил себя тренд на реализацию инструментов протекционизма внутренних производителей, в том числе нередко с использованием санкционной риторики. В таких условиях для российского потребителя технологической продукции значительно повышаются риски, связанные с доступом к импортному оборудованию, комплектующим.

Соответственно, сложно не согласиться с мнением экспертной среды о необходимости акцентировать внимание на развитии внутреннего рынка и формировании внутреннего спроса. В этом отношении роль цепочек создания стоимости видится если не ключевой, то определенно значительной: развитые ЦСС позволяют сместить фиксацию прибыли со стадий добычи сырья и выпуска полуфабрикатов, увеличить объем формирования добавленной стоимости, создать предпосылки для наращивания доходов государства, компаний, населения. Появление вопросов, связанных с пониманием, каким образом возможно решить данные задачи, и осознанием величины имеющегося потенциала, актуализирует необходимость анализа существующих и моделирования перспективных цепочек создания стоимости в российской экономике.

Теоретические аспекты исследования

В научной литературе под цепочкой создания стоимости понимается полный спектр видов деятельности, которые осуществляются предприятиями для доведения товара или услуги от стадии разработки до использования конечным потребителем [1]. Процесс разрастания ЦСС характеризует географическую фрагментацию производства в соответствии с принципами сравнительных преимуществ. Концепция ЦСС (а точнее глобальных ЦСС) возникла в 1970-е гг. как попытка найти ответ на вопрос, почему одни страны развиваются быстрее других. Для этого анализировалось участие государств в глобальном разделении труда, оценивалась их вовлеченность в процесс создания стоимости по всей технологической цепочке – от момента проектирования продукта до его реализации конечному потребителю [2].

Цепочки создания стоимости характеризуются сложностью и многогранностью взаимосвязей субъектов экономических отношений между собой, поэтому основные проблемы управления развитием ЦСС заключаются в адекватной оценке эффективности происходящих процессов и корректном определении степени соответствия результатов поставленным целям, а также представлении потенциально перспективных и (или) уже сформировавшихся связей в доступной форме. Одним из вариантов, способствующих решению этих вопросов, является использование в практической деятельности агент-ориентированных моделей (далее – АОМ).

Агент-ориентированное моделирование значительно упрощает работу в части представления взаимосвязей субъектов экономических отношений друг с другом и дает широкие возможности для осуществления экспериментов на различных уровнях управления с целью получить релевантные и наиболее точные результаты [3; 4]. Такой тип моделирования предусматривает определение параметров активных субъектов – агентов (ими могут быть люди, организации, регионы, отдельные отрасли и т. д.), описывает особенности их поведения и при этом не имеет ограничений, свойственных традиционным методам моделирования.

Ключевые преимущества АОМ заключаются в их свойствах: автономность (агенты выполняют задачи самостоятельно, независимо друг

от друга), неоднородность (агенты отличаются друг от друга по каким-либо характеристикам), ограниченная рациональность (агенты не могут познать нечто большее, выходящее за рамки макросреды модели), расположение в пространстве (среда, в которую будут помещены агенты моделирования).

Таким образом, агент-ориентированное моделирование позволяет спроектировать систему, максимально приближенную к действительности, и осуществлять симуляции реальных явлений в экономике. Соответственно, такие АОМ великолепно подходят для проектирования процессов, происходящих в межрегиональном пространстве: есть возможность задействовать большое количество взаимодействующих агентов, а также менять параметры и правила их поведения. В нашем случае это моделирование межрегиональных цепочек создания стоимости.

В научной среде уделяется большое внимание АОМ как перспективному и достаточно гибкому инструменту проектирования социально-экономических процессов. Зачастую исследователи, отображающие характер межрегиональных взаимодействий, делают акцент на пространственном аспекте. Так, Е.Д. Сушко рассматривает агент-ориентированную территориальную модель, в которой представлено взаимодействие домохозяйств и фирм, в рамках двух регионов с учетом их локализации и возможных транспортных решений². Он доказывает, что различные параметры, такие как заработная плата, налоги, стоимость жилья, уровень производственных затрат, транспортных расходов и т. д., влияют на циркуляцию экономических потоков, способ распространения продукции, а также выбор региона в качестве места жительства и работы.

Пространственный аспект, как непрерывно меняющееся явление, учтен в работе В.И. Сушкова и его коллег [5]. Традиционные межрегиональные модели не способны отобразить сложный динамический характер экономических процессов, поэтому в качестве альтернативы предложено применять более функциональные агент-ориентированные модели. По мнению авторов, преимущество АОМ заключается в возможности изучать экономические

процессы с учетом пространственного фактора, представленного в данном случае транспортными издержками.

Другие исследования определяют характер влияния сопротивления пространства, как раз измеряемого уровнем транспортных издержек, на связность многорегиональной экономики. Например, на основе таблиц «затраты – выпуск» выявлен характер влияния издержек на структуру использования продукции региона. При увеличении транспортных издержек происходит рост потребления продукции внутри региона, из-за чего становятся выше региональные коэффициенты и ниже – межрегиональные. Соответственно, сокращается межрегиональное взаимодействие. Наоборот, при снижении транспортных издержек наблюдается усиление взаимных поставок [6; 7].

Весомое преимущество агент-ориентированной многорегиональной межотраслевой модели заключается в использовании элементов статистического (данных таблиц «затраты – выпуск») и геоинформационного подходов [8]. С практической точки зрения это означает, что поведение агентов и их взаимосвязи могут быть описаны с большей долей реалистичности, учтено большее количество мелких нюансов. Соответственно, представляется возможным получить более точные результаты моделирования.

Апеллируя к зарубежному опыту применения АОМ, отметим в принципе более высокий уровень проникновения моделей такого типа в социально-экономические исследования. Поднимаемая проблематика весьма разнообразна и рассматривается в различных масштабах. При этом общими идеями в большинстве случаев являются оптимизация логистических и иных потоков, повышение эффективности текущих процессов, визуализация возможных последствий принимаемых решений.

Например, одна из моделей основана на обучающихся агентах и отражает цепочку создания стоимости в нефтяной промышленности [9]. Модель описана в парадигме АОМ, состоит из интерактивных и адаптивных (подстраивающихся под изменения и самостоятельно определяющих свое поведение) агентов. Отличительная черта такого представления АОМ заключается в том, что моделирование позволяет показать окружающую среду в наиболее достоверном виде посредством включения эле-

² Сушко Е. Агент-ориентированная территориальная модель. URL: http://abm.center/info/articles/agent-orientirovannoe-modelirovanie/349874/?sphrase_id=17730

ментов, которые более или менее соответствуют реальным системам. Практическая сторона модели связана с содействием в определении места хранения и различных аспектов транспортировки. Это особенно актуально, т. к. процесс добычи нефти непрерывен и почти во всех случаях крайне неэластичен по отношению к спросу.

Интересным как с научной, так и с практической точки зрения является подход к моделированию агропродовольственных цепочек поставок в работе [10]. В ней цепочки по своей сути представляют сложную динамическую среду, состоящую из заинтересованных сторон и их взаимоотношений, а также продуктов, денежных средств, информационных потоков. Интеллектуальные агенты могут помочь заинтересованным сторонам в цепочке поставок минимизировать затраты, повысить гибкость и избежать отдельных точек отказа при круглосуточной работе. Основная цель проектирования цепочек потоков — создание добавленной стоимости на каждом узле сети. Роль моделирования³ видится в создании децентрализованных сетей, механизмов связей, методов координации.

Другим перспективным направлением использования АОМ, которое получило распространение в трудах зарубежных экономистов, является проектирование схем совместного создания стоимости в различных сферах экономической деятельности. Например, это могут быть сельскохозяйственные цепочки [11]. В них создание стоимости помимо прочего зависит от сезонности и такого фактора, как скоропортящийся вид продукции. Потребителю и фирме предлагается работать вместе, поскольку ключевым условием создания стоимости выступает именно существование двустороннего прямого взаимодействия. Важнейшей составляющей процесса такого вида моделирования является этап планирования, на нем определяются основные параметры: уровень спроса и цены, сорт и количество семян, периоды выра-

щивания и сбора урожая и др. Так, если информация о спросе недоступна, а цена не установлена, процесс моделирования не может быть переведен на следующий этап.

Вместе с тем, несмотря на растущий исследовательский интерес к проблематике ЦСС, остается широкий простор для ее развития. В частности, перспективным видится изучение вопросов, связанных с моделированием «удлинения» цепочек создания стоимости и стимулирования внутреннего спроса в российской экономике, оценкой региональных эффектов от данных процессов. Мы предпринимаем попытку начать движение в этом направлении.

Методика исследования

Методический инструментарий нашего исследования базируется на авторской агент-ориентированной модели межрегиональных ЦСС. Модель включает в себя четыре типа агентов: фирмы, домохозяйства, государство и внешний рынок.

Исходя из задачи исследования ЦСС, фирмы в модели разделены на шесть укрупненных отраслей по типу и стадии выпускаемой продукции: добыча, промежуточная и конечная обработка, строительство, транспорт и производство услуг. Добывающие фирмы⁴ производят первичные ресурсы экономики (различные виды полезных ископаемых, продукцию сельского и лесного хозяйства), которые в дальнейшем направляются фирмам промежуточной обработки⁵. Они, в свою очередь, осуществляют начальный передел сырья и поставляют широ-

⁴ В соответствии с ОКВЭД к добывающим фирмам в модели отнесены производства таких видов деятельности, как А. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; В. Рыболовство, рыбоводство; С. Добыча полезных ископаемых.

⁵ К фирмам промежуточной обработки отнесены производства таких видов деятельности, как DD. Обработка древесины и производство изделий из дерева; DF. Производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов; DG. Химическое производство (24.1. Производство основных химических веществ; 24.6. Производство прочих химических продуктов); DI. Производство прочих неметаллических минеральных продуктов (26.5. Производство цемента, извести и гипса; 26.6+26.7+26.8. Производство неметаллических минеральных изделий, кроме стеклянных и керамических); DJ. Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий (27.1. Производство чугуна, ферросплавов, стали, горячекатаного проката и холоднокатаного листового (плоского) проката); DN. Прочие производства (37.1. Обработка металлических отходов и лома); E. Производство и распределение электроэнергии, газа и воды.

³ Реализация АОМ осуществлялась авторами на базе двух различных программных платформ — JADE и NetLogo. В ходе моделирования было выяснено, что обе платформы могут применяться в моделировании многоагентных систем. Их особенность состоит в том, что JADE обеспечивает более надежные модели, используя среду программирования JAVA и являясь более сложной платформой, а NetLogo предоставляет простой пользовательский интерфейс и обеспечивает быструю разработку моделей.

кий перечень полуфабрикатов фирмам конечной обработки⁶, которые в дальнейшем создают товары для конечного потребления. Строительные фирмы⁷ и фирмы, специализирующиеся на производстве услуг⁸, в модели потребляют промежуточные товары и снабжают экономических агентов своей продукцией. Транспортные фирмы⁹ осуществляют перевозку продукции между фирмами всех типов.

Домохозяйства, с одной стороны, обеспечивают фирмы рабочей силой, получают заработную плату и социальные трансферты от государства, принимают решения о распределении своих доходов, с другой — формируют внутренний спрос, выступая потребителями различных товаров и услуг, платя налоги государству.

⁶ К фирмам конечной обработки отнесены производства таких видов деятельности, как DA. Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака; DB. Текстильное и швейное производство; DC. Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви; DE. Целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность; DG. Химическое производство (24.2. Производство химических средств защиты растений (пестицидов) и прочих агрохимических продуктов; 24.3. Производство красок и лаков; 24.4. Производство фармацевтической продукции; 24.5. Производство мыла; моющих, чистящих и полирующих средств; парфюмерных и косметических средств); DH. Производство резиновых и пластмассовых изделий; DI. Производство прочих неметаллических минеральных продуктов (26.1. Производство стекла и изделий из стекла; 26.2+26.3+26.4. Производство керамических изделий и кирпич); DJ. Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий (28. Производство готовых металлических изделий); DK. Производство машин и оборудования; DL. Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования; DM. Производство транспортных средств и оборудования; DN. Прочие производства (36.1. Производство мебели; 36.2. Производство ювелирных изделий).

⁷ К строительным фирмам отнесены производства такого вида деятельности, как F. Строительство.

⁸ К фирмам, специализирующимся на производстве услуг, отнесены производства такого вида деятельности, как G. Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; H. Гостиницы и рестораны; J. Финансовая деятельность; K. Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг; L. Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение; M. Образование; N. здравоохранение и предоставление социальных услуг; O. Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг.

⁹ К транспортным фирмам отнесены производства такого вида деятельности, как I. Транспорт и связь.

Государство наделено функциями сбора налогов и их перераспределения (трансферты домохозяйствам), а также регулирования внешней торговли.

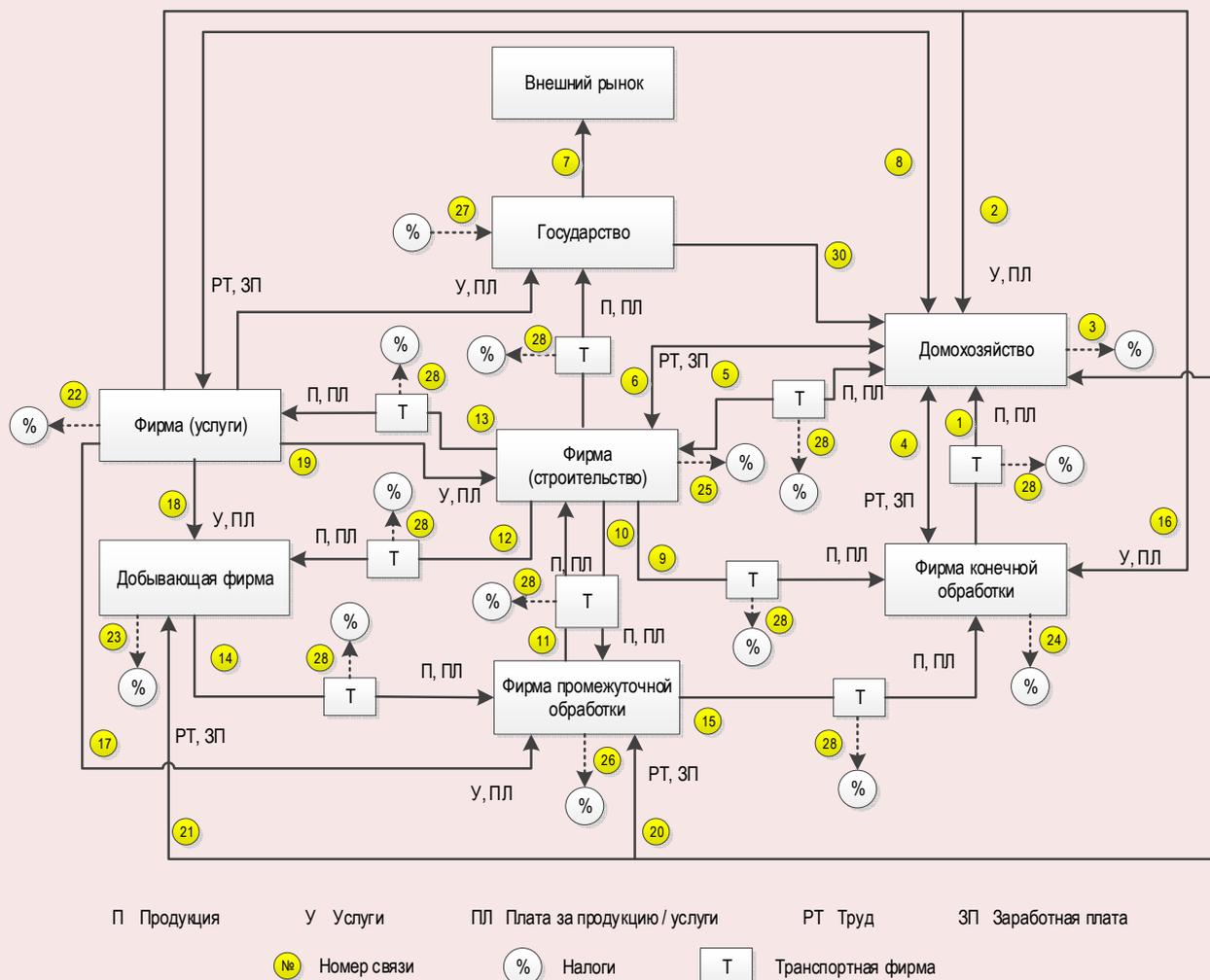
Внешним рынком по отношению к агентам в модели выступают рынки других регионов России и зарубежных стран. Фирмы могут направлять свою продукцию либо на территорию трех используемых в модели регионов, либо на внешний рынок (т. е. в другие российские регионы и на экспорт). Аналогично поставки товаров и услуг для нужд фирм и домохозяйств могут идти из регионов, представленных в модели, прочих российских регионов и зарубежных стран.

На *рисунке 1* структура взаимосвязей агентов в модели отражена в виде схемы (на данном этапе исследования для упрощения она не включает ряд взаимосвязей). Отметим, что важной особенностью модели является учет расположения агентов в пространстве (все агенты имеют географические координаты), что позволяет характеризовать транспортные издержки на перевозку товаров.

Реализация модели осуществлена в среде имитационного моделирования AnyLogic. Не останавливаясь подробно на характеристике всех возможностей модели, опишем алгоритм расчетов по интересующим нас на данном этапе исследования вопросам — оценка последствий для региональной экономики от изменения потребительского спроса и «удлинения» цепочек создания стоимости. Добавим, что разработка методического инструментария для наиболее оптимального решения указанной проблемы способствует исследованию вопросов о стимулировании потребления продукции конечной обработки [12]. Конечное потребление, как элемент воспроизводственной системы, является важнейшим фактором экономического роста, регулирование конечного потребления, в свою очередь, подразумевает стимулирование потребительского спроса [13–16].

Оценка последствий изменения потребительского спроса реализуется следующим образом. На начальном этапе происходят инициализация модели, считывание информации из баз данных: географические координаты агентов, принадлежность к конкретному региону, межотраслевые связи, доходы и налоги. Агенты располагаются и взаимодействуют

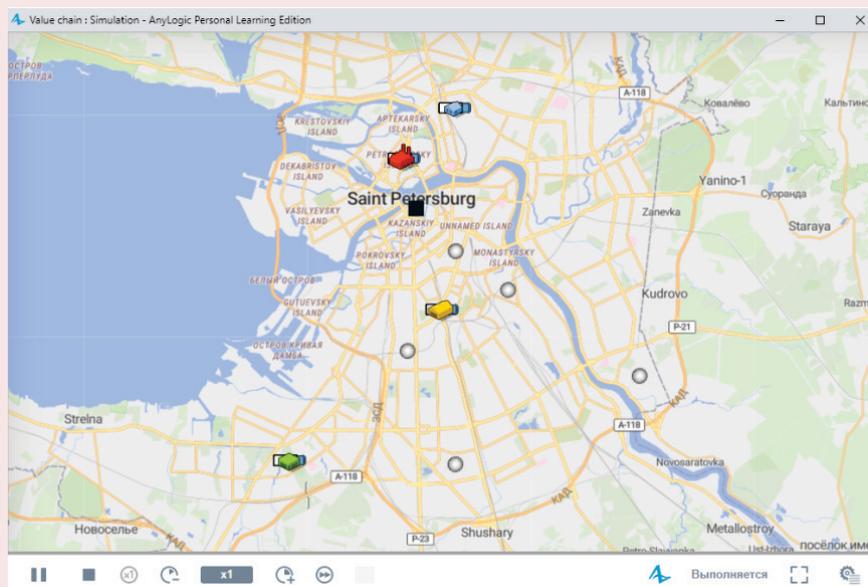
Рис. 1. Основные агенты и взаимосвязи в агент-ориентированной модели

Условные обозначения связей в модели: 1 – домохозяйства покупают конечную продукцию; 2 – домохозяйства пользуются услугами фирм; 3 – домохозяйства платят налоги; 4 – домохозяйства получают заработную плату за работу в фирмах конечной обработки; 5 – домохозяйства покупают жилье; 6 – домохозяйства получают заработную плату за работу в строительных фирмах; 7 – государство регулирует внешнюю торговлю; 8 – домохозяйства получают заработную плату за работу в фирмах, оказывающих услуги; 9 – фирмы конечной обработки покупают продукцию строительных фирм; 10 – фирмы промежуточной обработки покупают продукцию строительных фирм; 11 – строительные фирмы покупают продукцию фирм промежуточной обработки; 12 – добывающие фирмы покупают продукцию строительных фирм; 13 – фирмы, производящие услуги, покупают продукцию строительных фирм; 14 – фирмы промежуточной обработки покупают продукцию добывающих фирм; 15 – фирмы конечной обработки покупают продукцию фирм промежуточной обработки; 16 – фирмы конечной обработки покупают продукцию фирм, производящих услуги; 17 – фирмы промежуточной обработки покупают продукцию фирм, производящих услуги; 18 – добывающие фирмы покупают продукцию фирм, производящих услуги; 19 – строительные фирмы покупают продукцию фирм, производящих услуги; 20 – домохозяйства получают заработную плату за работу в фирмах промежуточной обработки; 21 – домохозяйства получают заработную плату за работу в добывающих фирмах; 22 – фирмы, производящие услуги, платят налоги; 23 – добывающие фирмы платят налоги; 24 – фирмы конечной обработки платят налоги; 25 – строительные фирмы платят налоги; 26 – фирмы промежуточной обработки платят налоги; 27 – государство собирает налоги; 28 – фирмы платят транспортным фирмам за транспортировку продукции; 29 – домохозяйства получают заработную плату за работу в транспортных фирмах; 30 – государство выплачивает трансферты домохозяйствам.

Источник: составлено авторами.

Рис. 2. Размещение агентов в Санкт-Петербурге

Источник: создано авторами в программном продукте AnyLogic.

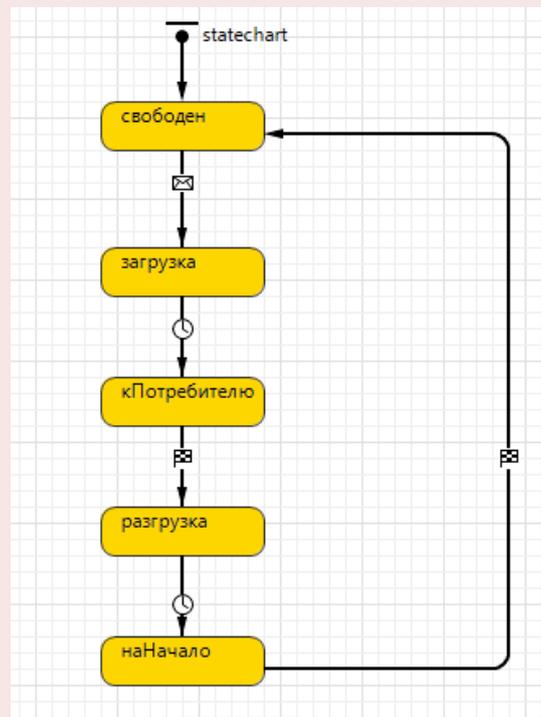
на встроенной в модель ГИС-карте, их месторасположение (широта и долгота) берется из соответствующей таблицы базы данных. Координаты заданы всем фирмам, кроме транспортных (их расположение является функцией от расположения взаимодействующих фирм). Домохозяйства в каждом регионе находятся в центральных частях городов (существует возможность задать им другую дислокацию). Пример размещения агентов в одном из регионов представлен на *рисунке 2*.

Домохозяйства формируют заявки на необходимую им продукцию (с учетом местоположения агентов, транспортных тарифов). При этом возникает необходимость добавить заявки потребителей в качестве нового агента. В диаграмме агента добавляются параметры, в свойствах указывается тип соответствующего агента, отправляющего заявку. Заявка на потребляемую продукцию того или иного региона считывается из таблицы путем добавления в диаграмме агента нескольких параметров (в данном случае – регион, в котором размещен агент, и потребляемая продукция). Для привязки к базе данных применяется конструктор запросов SQL, позволяющий визуально сформировать запросы к встроенной базе дан-

ных AnyLogic. Значение конечной продукции каждого агента домохозяйства будет непосредственно считываться из таблицы путем сравнения параметра «регион» с соответствующим столбцом. Кроме того, в диаграмму агента добавляется циклическое событие, в действие которого прописывается Java-код, указывающий формирование новых заявок от домохозяйств и их отправку (функция send) агенту.

Затем агенты взаимодействуют при помощи сети контактов, заявки поступают и обрабатываются фирмами конечной обработки. С использованием элементов системной динамики и библиотеки моделирования процессов запускается процесс производства продукции по всей технологической цепочке (с учетом технологических коэффициентов из таблиц «затраты – выпуск»). После изготовления конечная продукция транспортируется к потребителю. Как только сформировалось необходимое количество продукции, захватывается транспорт для ее доставки агенту, подавшему заявку. Продукция доставляется до вызова функции stopDelay в блоке Delay «delivering», после чего транспорт освобождается, отправляется обратно к фирме, а заявка удаляется (блок Sink). Диаграмма состояний транспортной фирмы приведена на *рисунке 3*.

Рис. 3. Диаграмма состояний транспортной фирмы

Источник: создано авторами в программном продукте AnyLogic.

Агенты осуществляют расчеты друг с другом (оплачивают потребляемые товары, выдают заработную плату, перечисляют налоги и т. д.). В дальнейшем регулируются доходы домохозяйств и начинается новый период. Последствия «удлинения» ЦСС оцениваются аналогичным образом, за исключением того, что на заключительных этапах периода регулируются объемы выпуска продукции фирм конечной обработки (как паллиатив «удлинения»). Соответствующее изменение выпуска продукции, занятости и фонда оплаты труда по секторам экономики регионов рассчитывается путем суммирования микроданных агентов нижнего уровня.

Источники данных

Важный этап построения агент-ориентированной модели включает задание начального состояния системы и ее наполнение адекватными статистическими данными. Соглашаясь с подходом [6; 17; 18], на этапе инициализации модели мы использовали региональные таблицы «затраты – выпуск», которые характеризуют входящие и исходящие потоки товаров и услуг по секторам экономики (каждый

сектор в модели представляется одним агентом), дают информацию об их связях с поставщиками и потребителями. Создание малоразмерных таблиц «затраты – выпуск» для рассматриваемых регионов осуществлено по авторской методике (разработана в рамках гранта РФФИ 16-06-00136) на основе максимально доступной информации путем регионализации базовых таблиц «затраты – выпуск» Росстата по России за 2011 год¹⁰.

Для характеристики межрегиональных и внешнеторговых поставок использовались данные по стоимостным объемам ввоза и вывоза

¹⁰ Выбор 2011 года обусловлен двумя моментами: 1) за 2011 год Росстатом разработаны базовые таблицы «затраты – выпуск», причем в более подробной номенклатуре, чем за 2016 год (126 против 95 продуктов), что важно для дальнейшей регионализации таблиц «затраты – выпуск»; 2) статистика по межрегиональным поставкам продукции за 2011 год содержит «конфиденциальные» данные, которые скрываются в публикациях последующих лет в соответствии с Федеральным законом от 29.11.2007 № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» (ст. 4 п. 5, ст. 9 п. 1).

различной продукции, обобщенные региональными органами статистики и Федеральной таможенной службой.

Результаты исследования

Характеристика ЦСС регионов

Апробация модели проводилась на материалах трех технологически связанных регионов Северо-Западного федерального округа: Республики Карелии, Вологодской области и Санкт-Петербурга.

Рассматриваемые территории специализируются на производстве продукции разной глубины переработки. В структуре экономики Республики Карелии важную роль играют добывающие отрасли (почти 25% в структуре отгрузки продукции; табл. 1). Добываемые в республике железные руды обеспечивают более половины потребности в сырье металлургического производства Вологодской области. Вологодская область, в свою очередь, специализируется на промежуточной переработке железорудного сырья (в структуре отгрузки продукции региона металлургия занимает 64%), изготавливая различные виды готового проката черных металлов. Санкт-Петербург производит в среднем еще более «конечную» продукцию. В структуре его экономики отрасли конечной

обработки занимают наибольший удельный вес среди рассматриваемых регионов. В городе активно используются имеющиеся мощности металлообработки и машиностроения, на которые приходится более трети от выпуска сектора.

Расположение регионов вдоль металлургической цепочки создания стоимости обуславливает тот факт, что они являются крупными торговыми партнерами. Республика Карелия направляет почти 7% выпускаемой продукции в Вологодскую область (для сравнения, в остальные регионы страны 6,6%; табл. 2). Девятая часть поставок вологодских товаров в российские регионы приходится на Санкт-Петербург, а вывоз выпускаемой в Санкт-Петербурге продукции за пределы города превышает 74% от объемов производства.

Представленные данные свидетельствуют, что экономика рассматриваемых регионов завязана на функционировании в рамках существующих межрегиональных цепочек создания стоимости. Изменение характеристик этих ЦСС окажет значимое влияние на экономическое развитие и уровень жизни населения территорий. Оценим последствия некоторых возможных трансформаций на основе разработанной нами агент-ориентированной модели.

Таблица 1. Укрупненная структура экономики, % к итогу

Сектор экономики	Республика Карелия	Вологодская область	Санкт-Петербург
Добыча	24,9	3,4	0,4
Промежуточная обработка	13,5	68,0	43,4
Конечная обработка	9,7	5,9	7,8
Строительство	3,5	7,5	6,2
Транспорт	7,6	6,8	17,7
Услуги	40,8	8,4	24,5
Итого	100,0	100,0	100,0

Источник: данные Росстата об объемах отгруженной продукции.

Таблица 2. Территориальная структура вывоза продукции, % к итогу

Территория	Регион-поставщик		
	Республика Карелия	Вологодская область	Санкт-Петербург
Республика Карелия	64,2	0,2	0,3
Вологодская область	6,9	41,2	0,2
Санкт-Петербург	1,2	3,6	25,2
Прочие регионы РФ	5,4	30,7	69,3
Зарубежье (экспорт)	22,3	24,1	5,0
Итого	100,0	100,0	100,0

Источник: данные Росстата.

Оценка последствий роста потребительского спроса

Предположим, что в результате поддержки доходов домохозяйств (или действия иных факторов) в регионах увеличился потребительский спрос на соответствующие товары и услуги. Нарастивание конечного потребления приведет к росту основных экономических показателей по полному кругу видов экономической деятельности.

По нашим расчетам, стимулирование потребительского спроса в Республике Карелии на 10% от базового уровня будет способствовать увеличению выпуска в целом по экономике на 6,8% (при мультипликаторе выпуска 1,91¹¹), в том числе отраслей конечной обработки – на 7% (табл. 3). Количество задействованных

в производстве работников при этом вырастет на 16,7 тыс. человек. Изменения скажутся и на фонде заработной платы, прирост которого составит почти 7,6 млрд руб. Средняя заработная плата в регионе при этом станет выше на 100 руб., или на 0,25%. Прирост ВРП составит 3,1%.

Рост конечного потребления домохозяйств на 10% в Вологодской области обеспечит увеличение ВРП на 2,1% (табл. 4). Численность работников вырастет на 36,8 тыс. человек. Примечательно, что, несмотря на значительный прирост фонда оплаты труда (на 14,2 млрд руб.), среднемесячная заработная плата в регионе снизится на 209 руб., в силу того что в структуре экономики преобладают отрасли промежуточной обработки, оплата труда в которых выше, чем в стимули-

Таблица 3. Экономические эффекты от прироста потребительского спроса на 10% в Республике Карелии

Показатель	Добыча	Промежуточная обработка	Конечная обработка	Строительство	Транспорт	Услуги	В целом по экономике
Базовое конечное потребление (2011 г.), млн руб.	3 918	10 659	14 979	53	5 945	72 235	117 112
Базовый выпуск, млн руб.	71 970	58 510	32 693	22 462	17 529	98 208	301 373
Базовая численность работников, чел.	14 081	24 730	13 351	9 147	30 357	114 450	206 115
Базовый фонд оплаты труда, млн руб.	4 394	14 187	3 530	3 992	11 035	62 569	99 707
Прирост конечного потребления на 10%, млн руб.	392	1 066	1 498	5	595	7 224	11 711
Прирост выпуска, %	2,4	7,4	7,0	1,8	10,0	10,3	6,8
Прирост численности работников, чел.	237	1 727	537	67	1 941	11 668	16 676
Прирост фонда оплаты труда, млн руб.	107	802	161	-27	1 004	5 027	7 573

Источник: рассчитано авторами на основе разработанной АОМ.

Таблица 4. Экономические эффекты от прироста потребительского спроса на 10% в Вологодской области

Показатель	Добыча	Промежуточная обработка	Конечная обработка	Строительство	Транспорт	Услуги	В целом по экономике
Базовое конечное потребление (2011 г.), млн руб.	8 572	23 324	32 777	116	13 010	158 061	256 258
Базовый выпуск, млн руб.	33 354	414 242	49 329	84 087	66 540	144 759	792 311
Базовая численность работников, чел.	20 618	77 217	15 858	24 109	36 329	189 343	363 474
Базовый фонд оплаты труда, млн руб.	7 517	39 300	4 997	9 619	17 599	71 794	150 824
Прирост конечного потребления на 10%, млн руб.	857	2 332	3 278	12	1 301	15 806	25 626
Прирост выпуска, %	11,3	2,3	10,2	1,1	5,8	15,3	5,7
Прирост численности работников, чел.	2 228	1 663	1 516	157	1 994	28 802	36 861
Прирост фонда оплаты труда, млн руб.	749	797	409	3	915	10 859	14 231

Источник: рассчитано авторами на основе разработанной АОМ.

¹¹ Данный мультипликатор характеризует изменение выпуска, вызванное изменением конечного потребления.

руемом секторе конечной обработки. Валовой выпуск продукции в целом по экономике увеличится на 5,7%, в том числе в секторе конечной обработки – на 10,2%. Мультипликатор выпуска составит 1,91.

В Санкт-Петербурге увеличение потребительского спроса на 10% приведет к стимулированию общего выпуска на 1,1% (табл. 5). Численность занятых в производстве при этом вырастет на 24,2 тыс. человек, фонд заработной платы станет больше на 17,6 млрд руб. В городе незначительно увеличится среднемесячная заработная плата (на 25 рублей, или на 0,04%). Наибольший эффект стимулирование конечного потребления окажет на выпуск товаров

конечной обработки (+1,8%). Положительные сдвиги будут отмечаться и в дополнительном приросте ВРП, который составит 0,51%. В целом по Санкт-Петербургу мультипликатор выпуска достигнет 2,03.

Как мы видим, стимулирование потребительского спроса оказывает значимое влияние на рост экономики регионов. Рассчитанные мультипликаторы выпуска, показывающие его полный прирост, первоначальным источником которого стал конечный спрос на продукцию, достаточно высоки и достигают величины 2,03. То есть увеличение спроса потребителей на 1 рубль стимулирует выпуск товаров и услуг в экономике на 2 и более рубля.

Таблица 5. Экономические эффекты от прироста потребительского спроса на 10% в Санкт-Петербурге

Показатель	Добыча	Промежуточная обработка	Конечная обработка	Строительство	Транспорт	Услуги	В целом по экономике
Базовое конечное потребление (2011 г.), млн руб.	12 056	32 802	46 098	163	18 297	222 296	2 049 289
Базовый выпуск, млн руб.	28 237	1 944 230	401 065	334 949	667 948	2 550 757	5 927 186
Базовая численность работников, чел.	6 560	289 317	67 007	124 156	269 941	1 325 471	2 082 453
Базовый фонд оплаты труда, млн руб.	8 756	232 793	40 131	70 554	217 514	891 261	1 461 008
Прирост конечного потребления на 10%, млн руб.	1 206	3 280	4 610	16	1 830	22 230	204 929
Прирост выпуска, %	6,8	0,8	1,8	0,4	0,9	1,3	1,1
Прирост численности работников, чел.	1 219	2 076	1 067	424	2 316	16 620	24 222
Прирост фонда оплаты труда, млн руб.	1 660	1 651	635	198	1 847	11 143	17 634

Источник: рассчитано авторами на основе разработанной АОМ.

Таблица 6. Экономические эффекты от прироста выпуска в секторе конечной обработки на 1 млрд руб.

Показатель	Добыча	Промежуточная обработка	Конечная обработка	Строительство	Транспорт	Услуги	В целом по экономике
Республика Карелия							
Прирост выпуска, %	0,4	0,5	3,1	0,1	0,4	0,3	0,7
Прирост выпуска, млн руб.	314	314	1000	18	74	249	1969
Прирост численности работников, чел.	61	133	408	7	128	291	1028
Прирост фонда оплаты труда, млн руб.	19,2	76,1	108,0	3,1	46,5	158,9	412
Вологодская область							
Прирост выпуска, %	0,9	0,1	2,0	0,0	0,1	0,2	0,3
Прирост выпуска, млн руб.	316	316	1000	18	74	251	1983
Прирост численности работников, чел.	195	59	324	5	41	329	953
Прирост фонда оплаты труда, млн руб.	71,2	30,0	102,0	2,0	19,7	124,6	350
Санкт-Петербург							
Прирост выпуска, %	1,2	0,02	0,25	0,01	0,01	0,01	0,04
Прирост выпуска, млн руб.	348	354	1000	20	86	283	2096
Прирост численности работников, чел.	81	53	168	8	35	147	492
Прирост фонда оплаты труда, млн руб.	107,8	42,4	100,5	4,3	28,1	99,0	382

Источник: рассчитано авторами на основе разработанной АОМ.

Оценка последствий «удлинения» ЦСС

Показав важность обеспечения роста доходов населения и стимулирования потребительского спроса для экономики, предположим, что в результате целенаправленной политики по развитию цепочек создания стоимости, осуществления точечных инвестиций в регионах увеличился выпуск сектора конечной обработки (введены в действие новые производства готовых металлоизделий, машиностроительной продукции, пищевых, текстильных, лекарственных и прочих потребительских товаров). Где выгоднее развивать конечную обработку? Проведем сравнение трех исследуемых территорий, увеличив выпуск сектора конечной обработки на фиксированную сумму в размере 1 млрд руб.

Если определяющим критерием выбирать рост занятости и оплаты труда работников (а это значимый источник поступления налога на доходы физических лиц в региональный бюджет), то явным лидером выступит Республика Карелия. Прирост фонда оплаты труда в ней составит 412 млн руб., что на 18% выше уровня Вологодской области и на 8% — Санкт-Петербурга. Аналогичная ситуация будет и с численностью работников: в Республике Карелии ее величина опередит Вологодскую область на 8%, Санкт-Петербург — в 2,1 раза (табл. 6).

Однако если делать ставку на абсолютный прирост выпуска (объем которого во многом определяет величину налога на добавленную стоимость, зачисляемого в федеральный бюджет), то в силу сложившейся структуры экономики лидером становится Санкт-Петербург. Общий прирост выпуска в нем будет на 6,4% выше, чем в Республике Карелии и на 5,7% — Вологодской области.

Таким образом, решение о выборе места для развития того или иного вида производства не всегда является однозначным, требует учета множества факторов (в том числе не показанных нами) и осуществления соответствующих модельных расчетов.

Заключение

В исследовании с помощью агент-ориентированной модели функционирования межрегиональных цепочек создания стоимости нами предпринята попытка оценить последствия от стимулирования потребительского спроса и

«удлинения» цепочек создания стоимости для региональной экономики. Результаты модельных расчетов позволяют сделать следующие выводы.

1) Рост уровня конечного потребления обеспечивает увеличение выпуска потребительской продукции и индуцирует таким образом развитие производств, технологически располагающихся ниже в соответствующих цепочках создания стоимости (т. е. в секторе промежуточной обработки и добычи). Оценке величины данных эффектов способствует использование информации об уровне межотраслевых взаимодействий из таблиц «затраты — выпуск» при моделировании. Возросшие потребительские расходы дают, помимо роста прибыли предприятий, обслуживающих потребительский сектор (а это значительная доля выпуска товаров и услуг), прирост ресурсов организациям остальных участков ЦСС, часть которых может быть впоследствии направлена на инвестиционную деятельность. Для стимулирования конечного потребления важно поддерживать уровень доходов населения и социальных расходов бюджета, обеспечивая, как минимум, рост зарплат в бюджетной сфере [19; 20]. Другим направлением увеличения доходов населения выступает повышение эффективности и производительности труда. Этому будут способствовать стимулирование внедрения социальных инноваций, передовых управленческих и производственных технологий, улучшение условий труда на предприятиях, проведение политики по предупреждению эмиграции квалифицированных кадров, сокращению болезней и ранней смертности.

2) «Удлинение» ЦСС (под которым мы упрощенно понимаем увеличение мощностей по выпуску продукции сектора конечной обработки) приносит различные экономические эффекты для народного хозяйства в зависимости от пространственного расположения предприятий. Для выбора оптимальной конфигурации межрегиональных ЦСС, на наш взгляд, важно на этапе их проектирования моделировать различные варианты развития событий.

Перспективы дальнейших исследований связаны с совершенствованием разработанной модели и расширением ее аналитических возможностей. Планируется увеличение количества и типов агентов, большая агрегация

секторов экономики, проработка взаимодействия в производственных цепочках, добавление бюджетно-налогового и инвестиционного блоков, оценка последствий импортозамещения и др.

Новизна исследования, обуславливающая его вклад в развитие науки, заключается в разработке методического инструментария для моделирования межрегиональных цепочек создания стоимости, базирующегося на синтезе агент-ориентированного и межотраслевого

подходов, позволяющего учитывать межрегиональный фактор взаимодействия и осуществлять вариантыные расчеты развития событий. Материалы статьи могут быть полезны для лиц, принимающих управленческие решения, при обосновании экономической политики на региональном уровне.

Благодарность

Авторы глубоко признательны анонимным рецензентам за детальный разбор статьи, ценные замечания и предложения по ее доработке.

Литература

1. Kaplinsky R. Globalisation and unequalisation: what can be learned from value chain analysis? *Journal of Development Studies*, 2000, vol. 37 (2), pp. 117–146. DOI: 10.1080/713600071
2. Лукин Е.В. Отраслевая и территориальная специфика цепочек добавленной стоимости в России: межотраслевой подход // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 129–149. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.7
3. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р. Новый инструментарий в общественных науках – агент-ориентированные модели: общее описание и конкретные примеры // Экономика и управление. 2009. № 12 (50). С. 13–25.
4. Агент-ориентированные модели: мировой опыт и технические возможности реализации на суперкомпьютерах / В.Л. Макаров, А.Р. Бахтизин, Е.Д. Сушко [и др.] // Вестник российской академии наук. 2016. Т. 86. № 3. С. 252–262.
5. Агент-ориентированная многорегиональная модель «затраты – выпуск» российской экономики / В.И. Суслов, Д.А. Доможиров, Н.М. Ибрагимов [и др.] // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52. № 1. С. 112–131.
6. Интеграция подхода «затраты – выпуск» в агент-ориентированное моделирование. Часть 1. Методологические основы / Д.А. Доможиров, Н.М. Ибрагимов, Л.В. Мельникова, А.А. Цыплаков // Мир экономики и управления. 2017. Т. 17. № 1. С. 86–99.
7. Интеграция подхода «затраты – выпуск» в агент-ориентированное моделирование. Часть 2. Межрегиональный анализ в искусственной экономике основы / Д.А. Доможиров, Н.М. Ибрагимов, Л.В. Мельникова, А.А. Цыплаков // Мир экономики и управления. 2017. Т. 17. № 2. С. 14–25.
8. Опыт агент-ориентированного моделирования пространственных процессов в большой экономике / В.И. Суслов, Д.А. Доможиров, В.С. Костин [и др.] // Регион: экономика и социология. 2014. № 4 (84). С. 32–54.
9. Fuller D.B., Filhoa V.J.M.F., de Arruda E.F. Oil industry value chain simulation with learning agents. *Computers & Chemical Engineering*, 2018, vol. 111, pp. 199–209. DOI: 10.1016/j.compchemeng.2018.01.008
10. Keramydas C., Aidonis D., Bechtsis D. Agent-based simulation for modeling supply chains: A comparative case study. *International Journal of New Technology and Research (IJNTR)*, 2016, vol. 2 (10), pp. 36–39.
11. Handayati Y., Simatupang T.M., Perdana T. Value co-creation in agri-chains network: An agent-based simulation. *Procedia Manufacturing*, 2015, vol. 4, pp. 419–428.
12. Леонидова Е.Г. Стимулирование конечного потребления в контексте снижения регионального неравенства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 3. С. 59–73. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.5
13. Земскова Е.С., Колосков Д.А. Деформация структуры конечного потребления как препятствие экономического роста (на примере Республики Мордовия) // Наукоедение. 2017. № 6. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/77EVN617.pdf>
14. Миролубова Т.В., Ворончихина Е.Н. Обоснование приоритетов экономической политики на основе структурного анализа валового регионального продукта (на примере Пермского края) // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» (Perm University Herald. Economy). 2017. Т. 12. № 1. С. 91–109. DOI: 10.17072/1994-9960-2017-1-91-109

15. Рожковская Е.А. Динамика и структура конечного потребления как фактора экономического роста // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Респ. Беларусь. 2008. № 1. С. 4–18.
16. Ивантер В.В. Перспективы восстановления экономического роста в России // Вестник РАН. 2017. № 1. С. 15–28. DOI: 10.7868/S0869587317010042
17. De Andrade P.R., Monteiro A.M.V., Camara G. From input-output matrixes to agent-based models: A case study on carbon credits in a local economy. In: *Proc. of the 2010 Second Brazilian Workshop on Social Simulation (BWSS'10)*. IEEE Computer Society. Washington, DC, USA, 2010. Pp. 58–65.
18. Oliva G., Panzieri S., Setola R. Agent-based input-output interdependency model. *International Journal of Critical Infrastructure Protection*, 2010, vol. 3 (2), pp. 77–82.
19. Лукин Е.В., Ускова Т.В. Проблемы структурной трансформации региональной экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 26–40. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.2
20. Проблемы экономического роста территории / Т.В. Ускова, Е.В. Лукин, Т.В. Воронцова, Т.Г. Смирнова. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 170 с.

Сведения об авторах

Евгений Владимирович Лукин – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького д. 56а; e-mail: lukin_ev@list.ru)

Татьяна Сергеевна Аносова – программист, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького д. 56а; e-mail: anosova.tanya98@mail.ru)

Алексей Евгеньевич Мельников – Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького д. 56а; e-mail: ae.melnikov@mail.ru)

Максим Андреевич Сидоров – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького д. 56а; e-mail: ma.sidorov@mail.ru)

Lukin E.V., Anosova T.S., Mel'nikov A.E., Sidorov M.A.

Experience in Agent-Based Modeling of Interregional Value Chains

Abstract. Solving the problem of implementing powerful socio-economic breakthrough in Russia requires the formulation and implementation of the latest practices for the development of the corporate sector, civil society, and state institutions. In theory, these practices should be the product of some innovative activity in the management sphere. However, world experience shows that initiatives correlating with the current development paradigm and are its logical continuation can provide no less effective results. In particular, we are talking about the Russian policy of industrial diversification and import substitution. The country is definitely making progress in these areas, but it is too early to talk about confident results. Meanwhile, a reasonable and, most important solution of the issue, which is not contrary to the interests of the elite, has been in the focus of the scientific community for several years, this is the value chains. Handled properly, they can act as a driver for the development of territories, business, and the social sphere. The purpose of the research is the formulation and testing the tools for value chains modeling. In turn, the novelty of the tools lies in the possibility of taking into account the interregional factor of interaction and the availability of functionality for the implementation of variable calculations of the developing phenomena in the economy. The model peculiarity is provided by the synthesis of methods of intersectoral balance and agent-based modeling which, according to other research teams, provides greater accuracy and realism of modeling. In the course of the study, the authors analyze domestic and

foreign experience in designing value chains, and present their characteristics in the regional context. The researchers represent a consequence assessment associated with stimulating consumer demand and the expected effect that can be caused by the value chains value chains development.

Key words: value chains, interregional interaction, agent-based modeling, tables “input – output”.

Information about the Authors

Evgenii V. Lukin – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Deputy Head of Department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lukin_ev@list.ru)

Tat'yana S. Anosova – Programmer, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: anosova.tanya98@mail.ru)

Aleksei E. Mel'nikov – Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ae.melnikov@mail.ru)

Maksim A. Sidorov – Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ma.sidorov@mail.ru)

Статья поступила 13.10.2020.

DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.7

УДК 004.942, ББК 22.18

© Кетова К.В., Вавилова Д.Д.

Оценка тенденций изменения человеческого капитала социально-экономической системы на основе применения алгоритма нейросетевого прогнозирования

**Каролина Вячеславовна
КЕТОВА**

Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова
Ижевск, Удмуртская Республика, Российская Федерация, 426069,
ул. Студенческая, д. 7
E-mail: ketova_k@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7143-1930; ResearcherID: AAB-9383-2020

**Дайана Дамировна
ВАВИЛОВА**

Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова
Ижевск, Удмуртская Республика, Российская Федерация, 426069,
ул. Студенческая, д. 7
E-mail: vavilova_dd@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2161-4402; ResearcherID: AAG-7809-2019

Аннотация. В работе решена задача нейросетевого прогнозирования величины, структуры и динамики человеческого капитала. Объект представленного в статье исследования – социально-экономическая система. Предмет исследования – практика применения нейросетевых моделей к прогнозированию социально-экономических показателей, в частности человеческого капитала. Целью работы являются применение нейросетевого моделирования и адаптация его алгоритмов для построения прогноза изучаемого показателя на будущее. Статистической базой послужили данные по демографии, объемам инвестирования в человеческий капитал региональной экономической системы, а также индикаторы направлений социально-экономического

Для цитирования: Кетова К.В., Вавилова Д.Д. Оценка тенденций изменения человеческого капитала социально-экономической системы на основе применения алгоритма нейросетевого прогнозирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 6. С. 117–133. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.7

For citation: Ketova K.V., Vavilova D.D. Neural network forecasting algorithm as a tool for assessing human capital trends of the socio-economic system. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 6, pp. 117–133. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.7

развития. Объемы инвестиций в человеческий капитал определяют расходы бюджета и частные расходы граждан. Для прогноза динамики человеческого капитала используются значения объемов инвестиций, прогноз которых, в свою очередь, построен с помощью нейросетевой модели. Применяемая в данном исследовании нейросетевая модель представляет собой многослойный полносвязный перцептрон с сигмоидальной логистической функцией активации. Нейросетевое моделирование прогнозных значений объемов инвестиций показало свою эффективность. Оценка человеческого капитала за период 2000–2018 гг. и его прогноз на период 2019–2023 гг. выполнены на примере региональной экономической системы Удмуртской Республики. Расчеты свидетельствуют, что наибольшие темпы роста изучаемый показатель демонстрирует с 2013 года, прогнозируется его дальнейшее увеличение. Полученные результаты качественно коррелируют с динамикой изменения индекса человеческого развития России, определяемого специалистами ООН. Предложенная методика расчета и прогноза человеческого капитала может быть использована для оценки и сравнения социально-экономического положения регионов Российской Федерации.

Ключевые слова: человеческий капитал, нейросетевое моделирование, алгоритм прогноза, инвестиции, социально-экономическая система.

Введение

Построение стратегии развития социально-экономической системы, в которую закладывается стабильный рост ее показателей, является актуальной задачей. При ее решении должен быть использован аппарат математического моделирования, поскольку он позволяет с заданной точностью строить экономические зависимости на будущее.

Стратегия развития социально-экономической системы предполагает построение схем финансирования производственной и социальной сфер деятельности. Производственная сфера характеризуется структурой и величиной производственного капитала (ПК), методология расчета которого хорошо известна. Для оценки социальной сферы в последнее время все чаще применяется такой показатель, как человеческий капитал (ЧК), в условиях современной экономики являющийся ведущим фактором, определяющим высокие темпы развития. Следовательно, вопросы, связанные с изучением человеческого капитала, становятся важными и актуальными.

Понятие ЧК появилось в науке в XX веке в работах американских ученых-экономистов Дж. Минсера [1], Т. Шульца [2] и Г. Беккера [3]. Толчком к созданию теории ЧК послужили статистические данные, касающиеся роста экономик развитых стран мира. Анализ реальных процессов развития и роста в современных условиях привел к изучению ЧК как основного производительного и социального фактора раз-

вития. За создание основ теории человеческого капитала были присуждены Нобелевские премии по экономике (Т. Шульц, 1979 г. и Г. Беккер, 1992 г.). Существенный вклад в формирование теории ЧК внес С. Кузнец. Он показал, что ЧК выступает главной доминантой возможного стабильного роста экономик развивающихся стран [4].

К числу ученых, внесших наибольший вклад в развитие теории человеческого капитала, относятся М. Блауг, М. Гроссман, М. Перлмен, Л. Туроу, Ф. Уэлч, Б. Чизуик, Дж. Кендрик, Р. Солоу, Р. Лукас, Ц. Грилихес, И. Фишер, Э. Деннисон и другие экономисты, социологи и историки. Среди современных отечественных исследователей, занимающихся проблемами ЧК, можно отметить С.А. Дятлова, Р.И. Капелюшникову, М.М. Критского, С.А. Курганского, О.И. Иванова и других. Существует несколько подходов к оценке человеческого капитала. Известны модели И. Бен-Порэта [5], Д. Хекмана [6], А.С. Акопяна, В.В. Бушуева и В.С. Голубева [7], С.Ю. Малкова, К.А. Болоховой и О.И. Давыдовой [8].

Построение общей методики расчета ЧК является достаточно трудной задачей, поскольку существует большая доля субъективных оценок при его моделировании. Различаются и позиции, на основе которых формулируется понятие ЧК, в частности, он может быть изучен с точки зрения качества жизни человека [9], его способности к высокопроизводительной

деятельности [10], как объем доходов, которые способен получить человек [11] или как объем инвестиций в социальную сферу [12]. В рамках Программы развития ООН в 1990 году предложена методика оценки уровня ЧК, основанная на расчете индекса человеческого развития¹.

Какой бы подход ни был выбран исследователем для оценки ЧК, важно, что в настоящее время этот показатель следует рассматривать в качестве одного из наиболее важных факторов, обеспечивающих развитие социально-экономической системы [13–17].

В нашей работе использовалась интегральная экономико-математическая модель ЧК, включающая в себя его количественные и качественные характеристики [18]. На основе этой модели производился расчет величины ЧК. Прогноз ЧК осуществлялся с применением нейросетевого алгоритма.

Нейросетевое моделирование выступает одним из математических методов исследования различного рода процессов и явлений, применяется для решения задач интеллектуального анализа и прогнозирования данных [19–22].

Изначально искусственные нейронные сети (ИНС) были сконструированы в результате изучения нервной системы живого организма [23]. Нейронная сеть является в определенном смысле аналогом мозга по качественной структуре и количеству нейронов, содержащихся в ней.

В последние десятилетия нейронные сети широко используются для прогнозирования. Прогнозирование представляет собой одну из самых востребованных, но при этом самых сложных задач интеллектуального анализа данных. Погрешность прогноза всегда зависит от выбранной модели, наличия и качества исходных данных.

Нейронные сети обладают следующими преимуществами при построении прогнозов: результативность при решении неформализованных или плохо формализованных задач; устойчивость к частым изменениям среды; эффективность при работе с большим объемом противоречивой или неполной информации. Эти преимущества актуальны, в том числе, и при применении нейронных сетей к прогнози-

рованию социально-экономических процессов и явлений.

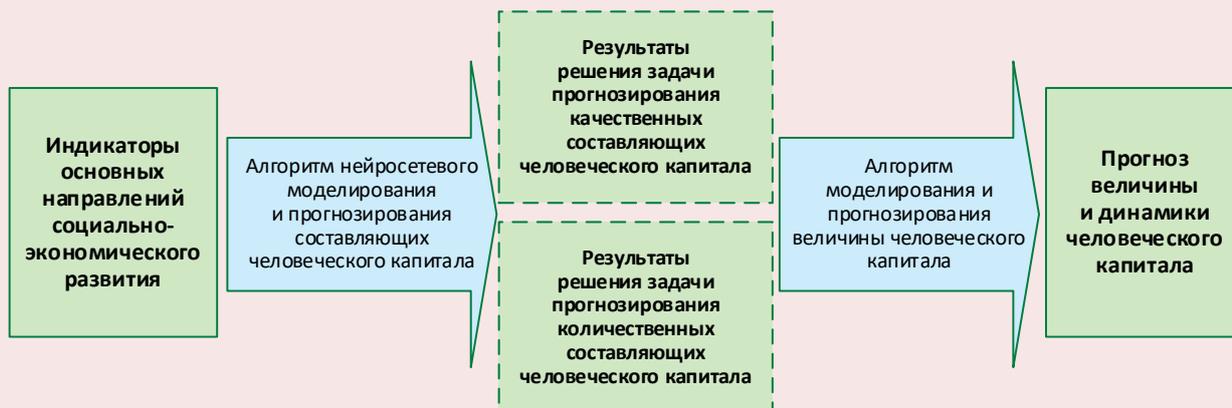
Преимущества, связанные с использованием нейросетевых моделей и их модификаций при анализе социально-экономических процессов и явлений, представлены в работах [24; 25]. Показано, что нейросетевые модели обладают свойством учитывать влияние неявных факторов и включать в исследование неочевидные математические связи, которые сложно найти с помощью классических эконометрических моделей, в частности регрессионных.

Впервые об ИНС заговорили в 40-х гг. XX века. Считается, что в качестве научного направления теория нейронных сетей была обозначена в 1943 году в работе У. Мак-Каллока и В. Питтса [26], где было показано, что любую арифметическую или логическую функцию можно реализовать с помощью простой нейронной сети. Среди основополагающих работ также следует выделить модель Д. Хэбба [27], который в 1949 году предложил первый алгоритм обучения. В 1958 году Ф. Розенблатт сконструировал модель перцептрона, содержащего один слой [28]. После некоторого охлаждения к ИНС в 70-х гг. возникла новая волна интереса. Благодаря исследованиям Т. Кохонена, С. Гроссберга и Д. Андерсона был достроен фундамент, на основе которого стали возможны построение и использование многослойных нейронных сетей [29; 30]. В 1974 году П. Вербос для обучения многослойных нейронных сетей разработал базовый алгоритм, который нашел широкое применение на практике [31]. Среди исследователей в области ИНС можно выделить также М. Минского [32], К. Фукусимы [33], Дж. Хопфилда [34], С. Хайкина [35], Р. Хехт-Нильсена [36] и др. Исследования последних лет по формированию алгоритмов нейросетевого моделирования, анализа динамических рядов, прогнозирования представлены, например, в работах [37–40].

Мы рассматриваем задачу прогнозирования человеческого капитала социально-экономической системы на основе нейросетевого алгоритма. Структура исследования представлена на *рисунке 1*. Индикаторы направлений социально-экономического развития определены в соответствии с работой [41]. Алгоритм нейросетевого моделирования и прогнозирования составляющих ЧК позволяет осуществить

¹ The Yearbook of the United Nations. URL: <https://unyearbook.un.org/>

Рис. 1. Структура исследования

Источник: разработано авторами.

их прогноз. В алгоритме моделирования и прогнозирования величины ЧК используются результаты прогнозирования составляющих ЧК для расчета его суммарной величины.

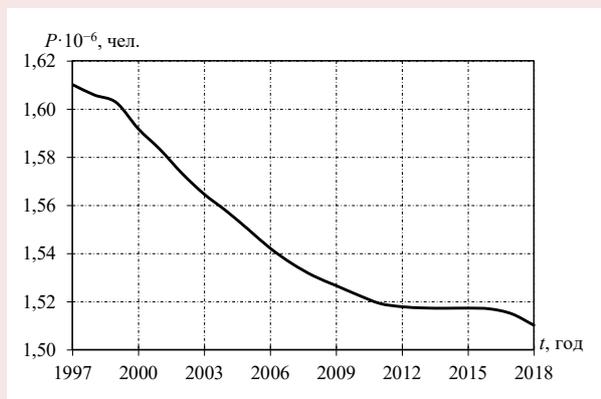
Экономико-математическая модель человеческого капитала

Носителями человеческого капитала являются демографические элементы, каждый из которых в момент времени t характеризуется возрастом τ . Численность демографических элементов определяет количественную характеристику ЧК. Для реализации эффективной

демографической политики большое значение имеет проведение таких исследований, как анализ современных демографических процессов и прогнозирование на его основе численности и структуры населения, учитывающее специфику рождаемости, продолжительности жизни, миграционных процессов, смертности.

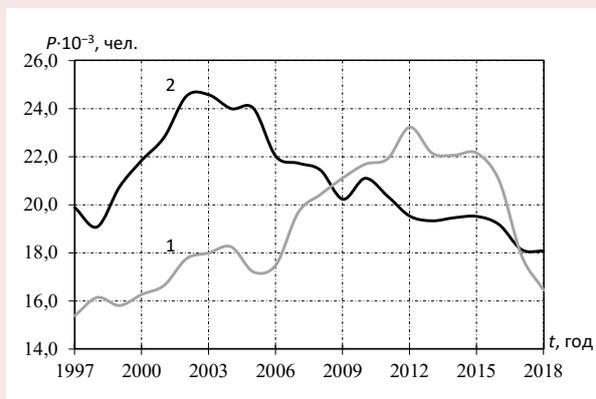
На *рисунке 2* на примере одного из регионов РФ – Удмуртской Республики (УР) – приведена динамика общей численности населения за период 1997–2018 гг., на *рисунке 3* – динамика рождаемости и смертности.

Рис. 2. Динамика численности населения УР

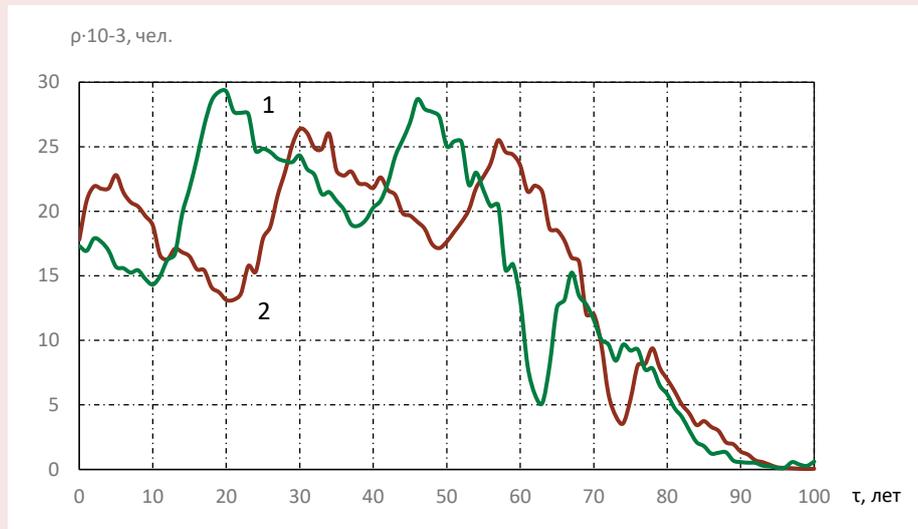
Источник: Общая численность населения Удмуртской Республики. URL: <https://udmstat.gks.ru/folder/51924>

Рис. 3. Динамика рождаемости (1) и смертности (2) населения УР

Источник: Население Удмуртской Республики по полу и возрасту. URL: <https://udmstat.gks.ru/folder/51924>

Рис. 4. Плотность распределения населения УР по возрастам: 2008 г. (1); 2018 г. (2)

Источник: Естественное движение населения Удмуртской Республики. URL: <https://udmstat.gks.ru/folder/51924>

Расчет величины ЧК необходимо проводить с учетом демографической структуры. Важное значение в данном случае имеет распределение демографических элементов по возрастам $\rho(t, \tau)$. Под демографическим элементом здесь и далее будем понимать представителя народонаселения – отдельного человека, который в рассматриваемый момент времени t характеризуется возрастом τ . На рисунке 4 представлена плотность распределения населения УР по возрастам для 2008 и 2018 г. соответственно. Функция $\varepsilon(t, \tau)$ задает долю населения возраста τ , участвующего в общественном производстве в год t . Задача моделирования и прогнозирования демографической динамики подробно представлена в работе [42].

Для расчета величины человеческого капитала экономической системы $H(t)$ используется модель [18], в соответствии с которой суммарная величина ЧК населения, участвующего в общественном производстве, определяется с помощью выражения:

$$H(t) = \int_0^{\infty} \sum_{i=1}^3 \alpha_i h_i(t, \tau) \varepsilon(t, \tau) \rho(t, \tau) d\tau. \quad (1)$$

Функции $h_i(t, \tau)$ являются качественными составляющими ЧК: здоровье $i=1$, образование $i=2$, культура $i=3$. Капиталовложения в здраво-

охранение повышают общий уровень здоровья в обществе, что способствует, с одной стороны, продлению экономически активной жизни отдельного демографического элемента, с другой стороны, увеличению количества экономически активных демографических элементов вследствие снижения уровня смертности. Инвестиции в образование способствуют повышению общего уровня квалификации на региональном рынке труда, открывая наибольшие резервы для роста эффективности функционирования современной экономики. Вложения в культуру улучшают среду обитания человека, формируют нравственные ценности, повышают творческий потенциал личности, что, безусловно, сказывается на социально-экономическом развитии региона.

Удельное (на одну демографическую единицу) среднестатистическое значение ЧК определяется линейной комбинацией:

$$h(t, \tau) = \alpha_1 h_1(t, \tau) + \alpha_2 h_2(t, \tau) + \alpha_3 h_3(t, \tau), \quad (2)$$

$$\alpha_i \in (0, 1); \quad \sum_{i=1}^3 \alpha_i = 1, \quad (3)$$

где α_i – соответствующие весовые коэффициенты для составляющих ЧК; значения $h_i(t, \tau)$ измеряются в денежных единицах.

При проведении исследования была принята гипотеза о равнозначности компонент ЧК: $\alpha_i = 1/3, i = \overline{1,3}$.

Эволюция каждой из составляющих ЧК описывается уравнением:

$$\frac{\partial h_i(t, \tau)}{\partial t} + \frac{\partial h_i(t, \tau)}{\partial \tau} = -v_i h_i(t, \tau) + s_i(t, \tau) + p_i(t, \tau). \quad (4)$$

В формуле (4) используются следующие обозначения для каждой i -ой составляющей ЧК: $s_i = s_i(t, \tau)$ – удельные расходы государства (*state* – англ. «государственные»); $p_i = p_i(t, \tau)$ – удельные частные инвестиции (*private* – англ. «частные»); $v_i = v_i(t, \tau)$ – коэффициент выбытия, который оценивается с помощью алгоритма идентификации [43].

Начальные условия при $t = t_0$ имеют вид:

$$h_i(t_0, \tau) = h_{i0}(\tau), \quad (i = 1, 2, 3), \quad (5)$$

где $h_{i0}(t)$ – известные функции.

На левом конце демографической кривой граничные условия имеют вид:

$$h_i(t, 0) = 0, \quad (i = 1, 2, 3); \quad (6)$$

на правом конце при $i = 1, 2$ следует записать:

$$h_i(t, \infty) \approx h_i(t, \tau_m) = 0, \quad (7)$$

где $\tau_m = \tau_m(t)$ – время дожития δ процентов населения ($\delta = 1-5\%$).

Очевидно, что коэффициенты выбытия v_i слабо зависят от времени. Зависимость от возраста для функций $v_i = v_i(\tau)$ ($i = 1, 2$) примем в виде:

$$v_i(\tau) = \begin{cases} 0, & \tau \leq \tau_{ai}, \\ (s_i(t, \tau) + p_i(t, \tau)) \{ \exp[\varepsilon_i(\tau - \tau_{ai})] - 1 \}, & \tau_{ai} \leq \tau \leq \tau_m, \end{cases} \quad (8)$$

где неизвестные параметры (s_i, ε_i) определяются из условий:

$$(s_i(t, \tau) + p_i(t, \tau)) \{ \exp[\varepsilon_i(\tau_m - \tau_{ai})] - 1 \} = 1, \quad (9)$$

$$\int_0^{\tau_m} [s_i(t, \tau) + p_i(t, \tau)] d\tau = \int_{\tau_{ai}}^{\tau_m} \{ (s_i(t, \tau) + p_i(t, \tau)) \{ \exp[\varepsilon_i(\tau - \tau_{ai})] - 1 \} \} h_i(t, \tau) d\tau. \quad (10)$$

Здесь τ_{ai} – верхняя граница активного периода физического состояния ($i=1$) или трудовой деятельности ($i=2$).

При проведении конкретных расчетов для экономической системы УР были проанализированы демографические данные за 2000–2018 гг. Установлено, что возрастные ограничения экономически активного возраста населения УР – 20–60 лет.

В отличие от других составляющих культурная составляющая ЧК не подвержена выбытию, поэтому $v_3 \equiv 0$.

Для задающего эволюцию составляющих ЧК уравнения (4) распределение по возрастам удельных составляющих бюджетных расходов государства $s_i(t, \tau)$ определим по формулам:

$$s_i(t, \tau) = \sum_{N_i} \frac{S_{N_i}(t)}{\int_{\tau_{1N_i}}^{\tau_{2N_i}} \rho(t, \tau) d\tau}, \quad (11)$$

$$S_{N_i}(t) = \begin{cases} S_{N_i}(t, \tau), & \tau \in [\tau_{1N_i}, \tau_{2N_i}], \\ 0, & \tau \notin [\tau_{1N_i}, \tau_{2N_i}]. \end{cases}$$

Здесь $S_{N_i}(t)$ – суммы, закладываемые в бюджете на соответствующую статью расходов N_i (N_i – нумерация статей бюджета, расходуемых на здравоохранение ($i=1$), образование ($i=2$) и развитие культурной составляющей ЧК ($i=3$)). В соответствии с формулой (11) эти суммы будем распределять равномерно на соответствующие периоды жизни человека $[\tau_{1N_i}, \tau_{2N_i}]$ и на количество демографических единиц в этих периодах.

Для уравнения (4) распределение по возрастам удельных составляющих частных расходов $p_i(t, \tau)$, направленных на приращение ЧК, запишем по аналогии с (11) в предположении, что в разные периоды жизни человек использует разные денежные суммы, расходуемые на здравоохранение ($i=1$), образование ($i=2$) и культуру ($i=3$):

$$p_i(t, \tau) = \sum_i \frac{P_i(t)}{\int_{\tau_{1i}}^{\tau_{2i}} \rho(t, \tau) d\tau}, \quad (12)$$

$$P_i(t) = \begin{cases} P_i(t, \tau), & \tau \in [\tau_{1i}, \tau_{2i}], \\ 0, & \tau \notin [\tau_{1i}, \tau_{2i}]. \end{cases}$$

Алгоритм нейросетевого прогнозирования человеческого капитала

Построим нейронную сеть для решения задачи прогнозирования человеческого капитала. На рисунке 5 представлен элемент нейронной сети – нейрон, у которого имеется m входов и выход. Такая конструкция нейрона называется персептрон. Искусственная нейросеть – это способ собрать нейроны в сеть для решения определенных задач. Обученный искусственный нейрон работает следующим образом: каждый вход умножается на некие веса; далее все суммируется и прогоняется через нелинейную

активационную функцию, а результат подается на выход. Все нейроны собираются по слоям. Основные вычислительные операции выполняются на внутренних скрытых слоях.

Другая задача – обучить нейрон. Обучение заключается в том, чтобы найти правильную весовую информацию, которая корректируется, исходя из поставленной задачи и ошибки (разности между вычисленными и идеальными выходными значениями). Для этого используется алгоритм обратного распространения ошибки.

Входные данные суммируются с весовыми коэффициентами w_j : $D = \sum_{j=1}^m w_j x_j$. На выходе нейрона присутствует логистическая активационная функция $f(D)$ (см. рис. 5), которая преобразует взвешенную сумму D входящего сигнала (рис. 6).

Для прогноза объемов инвестиций в социальную сферу сконструируем сложную k -слойную нейронную сеть с m входами и l выходами (рис. 7). Входными данными в нейросетевой модели являются объемы

Рис. 5. Искусственный нейрон

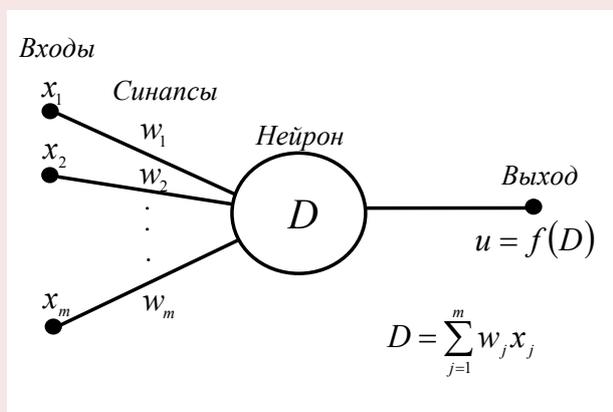

Рис. 6. Активационная функция

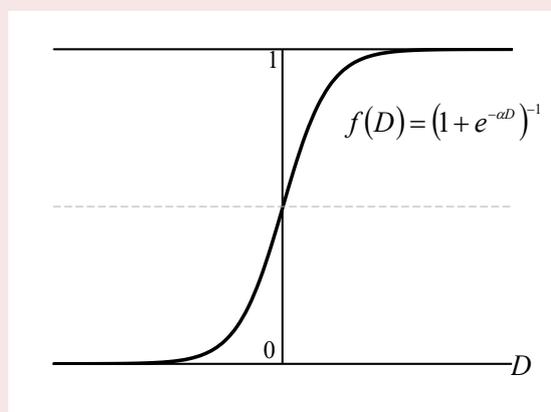
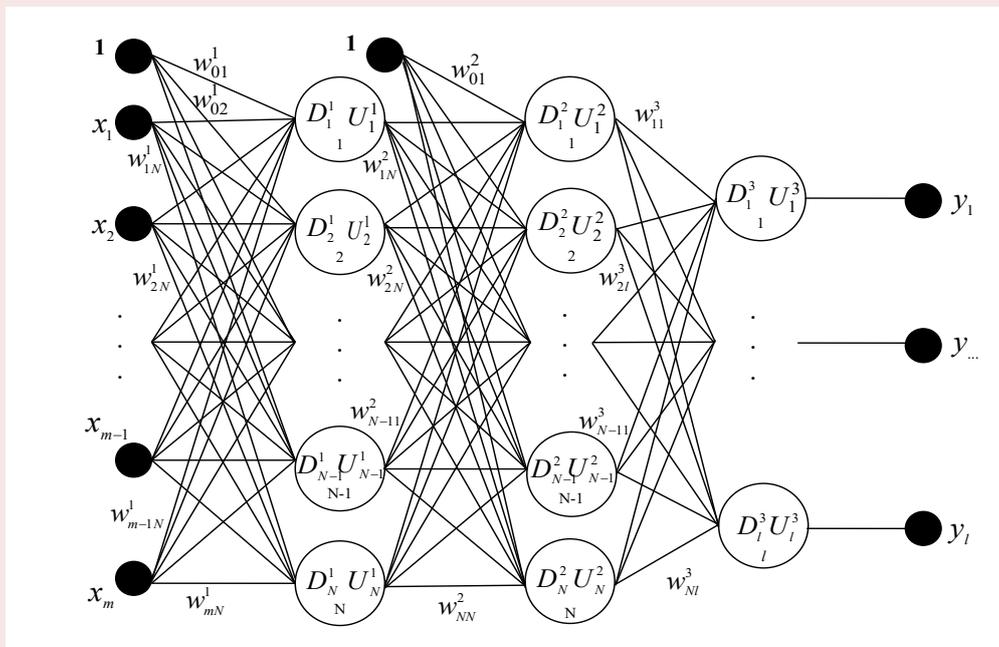

Рис. 7. Нейросетевая модель, используемая для прогнозирования инвестиций в человеческий капитал

Источник: разработано авторами.

бюджетных $\{S_i\}_{i=1}^{n=3}$ и частных инвестиций $\{P_i\}_{i=1}^{n=3}$ в ЧК, показатели-индикаторы направлений социально-экономического развития $\{I_i\}_{i=1}^{n=8}$. Для учета инфляционных процессов используется индекс-дефлятор K . Выходные данные нейронной сети – это прогнозные ежемесячные объемы бюджетных и частных инвестиций в ЧК: $\{\tilde{S}_i\}_{i=1}^{n=3}$ и $\{\tilde{P}_i\}_{i=1}^{n=3}$.

Для нашей задачи на входе будем рассматривать бюджетные инвестиции в здравоохранение (x_1), образование (x_2), культуру (x_3), а также частные инвестиции в здравоохранение (x_4), образование (x_5) и культуру (x_6). Объемы инвестирования в социальную сферу зависят от множества факторов и окружающих условий. В работе С.А. Айвазяна [41] были выявлены показатели, наиболее сильно влияющие на качество социальной сферы, а именно: валовой региональный продукт (x_7), среднедушевые денежные доходы (x_8), производство товаров и услуг на душу населения (x_9), площадь введенного жилья (x_{10}), количество зарегистрированных преступлений (x_{11}), естественный прирост населения (x_{12}), смертность в трудоспособном возрасте (x_{13}), минимально необходимый месячный доход (x_{14}).

Таким образом, $\{S_i\}_{i=1}^{n=3} = \{x_1, x_2, x_3\}$, $\{P_i\}_{i=1}^{n=3} = \{x_4, x_5, x_6\}$, $\{I_i\}_{i=1}^{n=8} = \{x_7, x_8, x_9, x_{10}, x_{11}, x_{12}, x_{13}, x_{14}\}$, $K=x_{15}$.

Алгоритм нейросетевого прогнозирования построим для произвольного случая с любым количеством входных переменных. На рисунке 7 представлена нейросетевая модель, положенная в основу алгоритма.

В каждом слое нейросетевой модели содержится N_p нейронов, $p=1, \dots, k$.

Будем использовать следующие обозначения: w_{ij}^p – весовой коэффициент связи, соединяющий сигнал, выходящий из $(p-1)$ -го слоя i -го нейрона и входящий в j -й нейрон p -го слоя. Для каждого слоя коэффициенты представим в виде матрицы размером $(N_{p-1} + 1) \times N_p$:

$$\bar{W} = (w_{ij}^p), \quad p=1, \dots, k; \quad i=0, \dots, N_{p-1}; \quad j=1, \dots, N_p. \quad (13)$$

С алгоритмической точки зрения выходные значения нулевого слоя u_j^0 следует приравнять к входящим в нейронную сеть сигналам x_j , $x_0 \equiv 1$:

$$u_j^0 = x_j, \quad j=0, \dots, m. \quad (14)$$

В остальных слоях выходные значения нейронов вычисляются:

$$u_0^p = 1, \quad u_j^p = f(d_j^p) \quad p=1, \dots, k, \quad j=1, \dots, N_p, \quad (15)$$

где $f(d_j^p)$ – нелинейная активационная функция вида $f(t) = (1 + e^{-\alpha t})^{-1}$, α – некоторый коэффициент.

Обозначим через d_j^p входящий сигнал в j -й нейрон p -го слоя, который определяется взвешенной суммой входящих в него сигналов:

$$d_j^p = \sum_{i=0}^{N_{p-1}} w_{ij}^p u_i^{p-1}, \quad j=1, \dots, N_p. \quad (16)$$

Выходные значения последнего k -го слоя должны соответствовать y_j :

$$y_j = u_j^k, \quad j=1, \dots, l, \quad (17)$$

Процесс обучения состоит в подстройке весовых коэффициентов w_{ij}^p . На основе информации о значениях переменных в известные моменты времени сеть определяет их наиболее вероятные значения на будущее. Статистическая информация по социально-экономическим показателям делится на два множества: обучающее и тестовое, представляющее из себя участки ретропрогноза.

Для обучения сети на входы подаются входные данные $x_q = (x_{q1}, x_{q2}, \dots, x_{qm})$ и сравнивают выходные значения сети с идеальными (реально заданными) значениями $r_q = (r_{q1}, r_{q2}, \dots, r_{ql})$, $q=1, \dots, n$.

На обучающем множестве данных реализуется алгоритм обучения многослойной нейронной сети методом обратного распространения ошибок, который относится к градиентным методам оптимизации [44]. Для определения весовых коэффициентов $\bar{W} = (w_{ij}^p)$ сети используется погрешность обучения сети, рассчитанная по формуле:

$$E_q(\bar{W}) = \frac{1}{2} \sum_{j=1}^l (y_{qj} - r_{qj})^2, \quad q=1, \dots, n, \quad (18)$$

где y_{qj} соответствует j -му выходу при подаче на вход q -го образа.

При подаче q -го наблюдения коэффициенты будут изменяться так:

$$\bar{W}(q) = \bar{W}(q-1) + (-\lambda \cdot \nabla E_q), \quad (19)$$

где $\bar{W}(q)$ – состояние вектора \bar{W} после обучения сети по q -му наблюдению; $\lambda \in (0; 1]$ – скорость обучения сети; ∇E_q – градиент функции $E_q(\bar{W})$, когда на вход подается q -й образ:

$$\nabla E_q = \left(\frac{\partial E_q}{\partial w_{ij}^p} \right), \quad p=1, \dots, k, \quad i=0..N_{p-1}, \quad j=1, \dots, N_p. \quad (20)$$

В компонентной форме выражение (20) представим в виде:

$$w_{ij}^p(q) = w_{ij}^p(q-1) + \Delta w_{ij}^p, \Delta w_{ij}^p = -\lambda \frac{\partial E_q}{\partial w_{ij}^p}. \quad (21)$$

Компоненты вектора (21) распишем следующим образом:

$$\frac{\partial E_q}{\partial w_{ij}^p} = \frac{\partial E_q}{\partial u_j^p} \frac{\partial u_j^p}{\partial d_j^p} \frac{\partial d_j^p}{\partial w_{ij}^p}, \quad (22)$$

где частную производную $\frac{\partial u_j^p}{\partial d_j^p}$, в соответствии с производной логистической функции $\frac{\partial f(t)}{\partial d} = \alpha f(t)(1-f(t))$ представим в виде:

$$\frac{\partial u_j^p}{\partial d_j^p} = \alpha \cdot u_j^p \cdot (1-u_j^p). \quad (23)$$

Введем новую переменную δ_j^p следующим образом:

$$\delta_j^p = \frac{\partial E_q}{\partial u_j^p} \frac{\partial u_j^p}{\partial d_j^p}, \quad (24)$$

$$\frac{\partial E_q}{\partial u_j^p} = \sum_{i=1}^{N_{p+1}} \frac{\partial E_q}{\partial u_i^{p+1}} \frac{\partial u_i^{p+1}}{\partial d_i^{p+1}} \frac{\partial d_i^{p+1}}{\partial u_j^p} = \sum_{i=1}^{N_{p+1}} \frac{\partial E_q}{\partial u_i^{p+1}} \frac{\partial u_i^{p+1}}{\partial d_i^{p+1}} w_{ji}^{p+1}. \quad (25)$$

Тогда δ_j^p можно рекурсивно вычислять через данные $(p+1)$ -го слоя δ_j^{p+1} :

$$\delta_j^p = \left[\sum_{i=1}^{N_{p+1}} \delta_i^{p+1} w_{ji}^{p+1} \right] \cdot \alpha \cdot u_j^p \cdot (1-u_j^p). \quad (26)$$

При $p=k$ из формул (16), (23) и (24), приравнявая $u_j^k = y_{qj}$, находим:

$$\delta_j^k = [u_j^k - r_{qj}] \cdot \alpha \cdot u_j^k \cdot (1-u_j^k). \quad (27)$$

Последний множитель в формуле (22), согласно (16), равен: $\frac{\partial d_j^p}{\partial w_{ij}^p} = u_i^{p-1}$.

В результате на основании формул (21), (22), (24) получаем разностную схему:

$$w_{ij}^p(q) = w_{ij}^p(q-1) - \lambda \delta_j^p u_i^{p-1}. \quad (28)$$

Для того чтобы обучить сеть, необходимо нормировать входные и выходные данные в области их определения. Если известно, что $x_j \in [a_j - h_j; b_j + h_j]$, то нормированные входные данные имеют вид:

$$\bar{x}_{qj} = \frac{x_{qj} - (b_j + a_j)/2}{(b_j - a_j)/2 + h_j}, \quad q=1, \dots, n. \quad (29)$$

Если известно, что изменение i -ой выходной функции находится в пределах $[\varphi_i^{\min}, \varphi_i^{\max}]$, то нормированные выходные данные имеют вид:

$$\bar{r}_{qi} = \frac{r_{qi} - \varphi_i^{\min}}{\varphi_i^{\max} - \varphi_i^{\min}}, \quad q=1, \dots, n. \quad (30)$$

Чтобы получить реальные значения выходных данных, необходимо сделать обратное преобразование:

$$y_{qi} = \varphi_i^{\min} + \bar{y}_{qi}(\varphi_i^{\max} - \varphi_i^{\min}), \quad q=1, \dots, n, \quad (31)$$

где y_{qi} – реальное значение функции; \bar{y}_{qi} – i -ое выходное нормированное значение функции при поданном на вход сети q -м образе.

Качество обучения сети определяется погрешностью обучения по формуле:

$$\tilde{E}(\bar{W}) = 100 \sqrt{\frac{2}{l \cdot n} \sum_{q=1}^n E_q(\bar{W})}. \quad (32)$$

Погрешность расчетов определяется по формуле:

$$\tilde{\varepsilon} = \frac{1}{M_y} \sum_{y \in [2000, 2018]} \frac{|y^* - y|}{y}, \quad (33)$$

где M_y – количество заданных точек показателя y на оси времени; y^* – значения, полученные по модели; y – реальные статистические данные.

Результаты нейросетевого прогнозирования человеческого капитала

Проведем расчеты человеческого капитала на примере социально-экономической системы Удмуртской Республики (УР). В построенной нейросетевой модели количество входных нейронов $N=16$ ($1, \{S_i\}_{i=1}^{n=3}, \{P_i\}_{i=1}^{n=3}, \{I_i\}_{i=1}^{n=8}, K$), количество скрытых слоев равно двум (см. рис. 7). Статистические данные по этим показателям для УР представлены в таблицах 1, 2.

В таблице 1 отражены годовые бюджетные и частные инвестиции, направленные на развитие человеческого капитала УР, за период 2000–2018 гг. по информации Федерального казначейства РФ, Территориального органа Управления Федерального казначейства по Удмуртской Республике и Федеральной службы государственной статистики РФ.

Динамика индикаторов направлений социально-экономического развития УР по данным Федеральной службы государственной статистики, Территориального органа государственной статистики по УР, а также федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам показана в таблице 2.

Таблица 1. Бюджетные и частные инвестиции, направленные на развитие человеческого капитала УР, за 2000–2018 гг., в текущих ценах, млн руб.

Показатель	Временной интервал	Год									
		2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Расходы консолидированного бюджета УР и территориальных государственных внебюджетных фондов¹⁾											
Бюджетные инвестиции в здравоохранение и спорт		1459,3	1652,8	2492,5	2704,0	3189,9	4790,4	6792,7	13846,9	15705,2	11632,4
Здравоохранение	$1 \leq \tau \leq \tau_m$	1382,3	1593,7	2418,4	2495,5	2971,6	4537,7	6434,3	13116,4	14876,6	9697,7
Спорт и физическая культура	$3 \leq \tau \leq \tau_m$	42,0	53,7	65,8	81,1	83,8	137,9	195,5	398,6	452,1	240,7
Прочие расходы	$1 \leq \tau \leq \tau_m$	35,0	5,4	8,3	127,4	134,5	114,8	162,8	331,9	376,4	1694,0
Бюджетные инвестиции в образование		2125,3	2535,7	3732,6	3954,6	4781,9	5425,5	7529,0	9224,9	10386,9	12386,9
Дошкольное образование	$3 \leq \tau \leq 6$	528,7	670,2	926,9	963,8	1144,8	1349,6	1872,8	2294,7	2583,7	3029,3
Общее образование	$7 \leq \tau \leq 17$	1333,1	1566,3	2394,0	2448,4	3020,2	3403,2	4722,6	5786,4	6515,3	6752,7
Начальное профессиональное образование	$14 \leq \tau \leq 17$	2,7	4,2	5,3	5,5	6,6	6,9	9,6	11,7	13,2	711,0
Среднее профессиональное образование	$18 \leq \tau \leq 21$	60,4	73,4	107,0	109,6	139,2	154,2	214,0	262,2	295,2	417,1
Переподготовка и повышение квалификации	$25 \leq \tau \leq 59$	16,6	20,8	28,7	32,5	37,3	42,3	58,6	71,9	80,9	58,1
Высшее профессиональное образование	$18 \leq \tau \leq 22$	5,3	9,4	8,8	9,4	10,5	13,4	18,6	22,8	25,7	–
Молодежная политика и оздоровление детей	$3 \leq \tau \leq 59$	178,6	204,9	261,8	385,4	423,2	455,9	632,7	775,2	872,9	207,7
Другие вопросы в области образования	$3 \leq \tau \leq \tau_m$	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1211,0
Бюджетные инвестиции в культуру		307,7	319,8	475,5	584,6	661,9	2433,0	3099,3	4204,6	3230,0	2102,1
Культура	$3 \leq \tau \leq \tau_m$	235,7	252,9	408,5	435,7	526,7	1874,7	2388,1	3239,7	2488,8	1397,6
Кинематография	$3 \leq \tau \leq \tau_m$	16,2	3,2	4,0	3,4	3,5	13,5	17,2	23,3	17,9	0,2
Телевидение и радиовещание	$3 \leq \tau \leq \tau_m$	28,3	34,9	24,9	79,9	72,1	298,8	380,6	516,3	396,6	78,9
Периодическая печать и издательства	$7 \leq \tau \leq \tau_m$	27,5	28,8	35,1	60,1	50,4	217,7	277,3	376,2	289,0	97,2
Прочие расходы в области культуры и СМИ	$3 \leq \tau \leq \tau_m$	–	–	–	5,5	9,2	28,4	36,1	49,0	37,6	528,2
Итого		3892,3	4508,3	6700,6	7243,2	8633,7	12648,9	17421	27276,4	29322,1	26121,4
Расходы из федерального бюджета РФ и государственных внебюджетных фондов в УР²⁾											
Бюджетные инвестиции в здравоохранение	$1 \leq \tau \leq \tau_m$	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Бюджетные инвестиции в образование	$1 \leq \tau \leq \tau_m$	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Бюджетные инвестиции в культуру	$1 \leq \tau \leq \tau_m$	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Итого		*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Частные инвестиции населения УР³⁾											
Частные инвестиции в здравоохранение	$1 \leq \tau \leq \tau_m$	412,2	654,0	875,7	1269,6	1677,3	2355,7	3080,0	3871,1	4722,8	4867,7
Частные инвестиции в образование	$1 \leq \tau \leq \tau_m$	250,2	305,9	342,5	366,9	482,5	674,4	877,3	1098,0	1335,0	2436,6
Частные инвестиции в культуру и отдых	$1 \leq \tau \leq \tau_m$	423,2	936,2	1249,7	2479,8	3276,2	4601,2	6015,9	7561,1	9224,6	11565,5
Итого		1085,6	1896,1	2467,9	4116,3	5436,0	7631,3	9973,1	12530,1	15282,4	18869,7

Продолжение таблицы 1

Показатель	Временной интервал	Год										
		2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
Расходы консолидированного бюджета УР и территориальных государственных внебюджетных фондов¹⁾												
Бюджетные инвестиции в здравоохранение и спорт		11966,7	15018,0	21482,0	23095,2	23801,1	26477,7	27383,1	21195,2	24996,2		
Здравоохранение	$1 \leq \tau \leq \tau_m$	10500,7	13915,3	20234,3	21418,6	22390,7	25107,9	25418,6	19362,0	23224,9		
Спорт и физическая культура	$3 \leq \tau \leq \tau_m$	680,9	1102,7	1247,7	1676,6	1410,4	1369,8	1964,5	1833,2	1741,3		
Бюджетные инвестиции в образование		13419,9	15300,3	19718,0	24802,1	26549,2	26349,0	26914,0	26469,3	31207,0		
Дошкольное образование	$3 \leq \tau \leq 6$	3306,2	3909,7	5201,5	7654,5	8454,7	7900,5	7518,0	7373,2	9596,1		
Общее образование	$7 \leq \tau \leq 17$	7152,0	8720,9	10841,2	12837,3	14041,4	14471,7	14920,4	13323,1	14867,6		
Начальное профессиональное (с 2017 года – дополнительное образование детей)	$14 \leq \tau \leq 17$	666,6	641,5	703,1	696,5	–	–	–	–	1673,3		
Среднее профессиональное образование	$18 \leq \tau \leq 21$	455,0	564,4	1131,9	1218,7	1874,3	1820,1	1958,5	1908,9	2261,7		
Переподготовка и повышение квалификации	$25 \leq \tau \leq 59$	55,2	51,7	78,5	80,0	83,5	84,9	82,8	82,2	89,9		
Высшее профессиональное образование	$18 \leq \tau \leq 22$	–	–	–	–	–	–	–	–	–		
Молодежная политика	$3 \leq \tau \leq 59$	516,2	537,6	323,3	330,0	338,9	268,0	634,3	588,4	729,8		
Другие вопросы в области образования	$3 \leq \tau \leq \tau_m$	1271,3	867,4	1438,5	1985,2	1756,4	1803,8	1800,0	1520,2	1658,6		
Прочие расходы в области здравоохранения и спорта	$1 \leq \tau \leq \tau_m$	785,1	–	–	–	–	–	–	–	–		
Бюджетные инвестиции в культуру		1916,9	2211,4	2460,3	2768,9	3679,7	3634,4	3666,0	3868,5	4623,0		
Культура	$3 \leq \tau \leq \tau_m$	1642,3	1861,2	2039,2	2230,4	3084,7	2965,5	2904,2	3043,8	3444,7		
Кинематография	$3 \leq \tau \leq \tau_m$	107,9	143,2	201,4	354,7	407,4	443,0	487,1	565,2	905,7		
Телевидение и радиовещание	$3 \leq \tau \leq \tau_m$	83,6	95,6	104,5	83,0	80,5	84,5	105,5	96,8	80,3		
Периодическая печать и издательство	$7 \leq \tau \leq \tau_m$	78,9	106,7	111,5	96,0	104,3	120,5	143,8	145,6	175,9		
Прочие расходы в области культуры, кинематографии и СМИ	$3 \leq \tau \leq \tau_m$	4,2	4,7	3,7	4,8	2,8	20,9	25,4	17,1	16,4		
Итого		27303,5	32529,7	43660,3	50666,2	54030,0	56461,1	57963,1	51533,0	60826,2		
Расходы из федерального бюджета РФ и государственных внебюджетных фондов в УР²⁾												
Бюджетные инвестиции в здравоохранение и спорт			*	*	*	*	987,3	1150,1	960,4	1065,1		
Бюджетные инвестиции в образование			*	*	*	*	505,3	618,1	888,1	1440,7		
Бюджетные инвестиции в культуру			*	*	*	*	10,2	13,4	44,4	50,9		
Итого			*	*	*	*	1502,8	1781,6	1892,9	2556,7		
Частные инвестиции населения УР³⁾												
Частные инвестиции в здравоохранение и спорт	$1 \leq \tau \leq \tau_m$	5996,2	7155,8	7822,7	9041,0	9629,1	9826,9	10726,4	11644,3	11952,0		
Частные инвестиции в образование	$1 \leq \tau \leq \tau_m$	2410,2	2455,7	2912,5	2434,5	2387,0	2680,2	2413,8	2339,7	2553,5		
Частные инвестиции в культуру и отдых	$1 \leq \tau \leq \tau_m$	12525,5	13996,6	16033,8	18089,3	17995,9	19091,4	19560,4	21168,9	24724,8		
Итого		20931,9	23608,1	26769,0	29564,7	30011,9	31598,5	32700,7	35152,8	39230,4		

* Отсутствуют статистические данные.

Источники: ¹⁾ Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации и бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов. URL: <http://www.gks.ru/ispolnenie-byudzhetov/konsolidirovannye-byudzhetny-subektov/>. ²⁾ Исполнение федеральных бюджетных средств по Удмуртской Республике. URL: <http://udmurtia.roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetov/federalnyy-byudzhet-otchet-ob-ispolnenii-byudzhet/>. ³⁾ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств. URL: <https://www.gks.ru/compendium/docu-ment/13271>

Таблица 2. Динамика базовых индикаторов основных направлений социально-экономического развития УР за 2000-2018 гг.

Показатель	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Валовой региональный продукт ¹⁾ (в текущих ценах), млн руб.	53307,4	65551,4	78346,3	89034,5	100833,1	139995,3	164848,5	205647,4	243135,5	230938,3
Среднедушевые денежные доходы ²⁾ (в текущих ценах), руб./мес.	1478,4	1974,5	2466,7	3098,1	4657,0	6373,0	7798,1	7823,8	9586,6	11060,0
Производство товаров и услуг на душу населения ³⁾ (в текущих ценах), тыс. руб./чел.	33,5	41,4	49,8	56,9	64,7	90,3	106,9	133,9	158,9	151,3
Ввод жилья ⁴⁾ , тыс. кв. м	257	277	354	315	361	372	424	483	486	465
Количество зарегистрированных преступлений ⁵⁾ , тыс. ед.	30,1	30,5	24,5	33,0	37,0	54,2	65,3	53,0	44,9	38,8
Естественный прирост населения ⁶⁾ , чел.	-5596	-6174	-6774	-6589	-5756	-6816	-4531	-2060	-1015	882
Смертность в трудоспособном возрасте ⁶⁾ , чел.	4498	5120	5456	5853	5859	5781	4912	4753	4553	3955
Минимально необходимый месячный доход (в среднем на домохозяйство) ⁷⁾ , тыс. руб./мес.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Индекс-дефлятор ⁸⁾ (к предыдущему году)	1,376	1,165	1,156	1,138	1,203	1,193	1,152	1,138	1,180	1,020

Продолжение таблицы 2

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Валовой региональный продукт ¹⁾ (в текущих ценах), млн руб.	274578,1	335984,0	372782,7	405126,4	450548,9	517999,8	531855,8	556190,5	600000,0
Среднедушевые денежные доходы ²⁾ (в текущих ценах), руб./мес.	12983,6	14452,3	16693,6	18660,3	21197,5	24454,5	23882,8	23925,4	24418,6
Производство товаров и услуг на душу населения ³⁾ (в текущих ценах), тыс. руб./чел.	180,3	221,1	245,6	267,0	296,9	341,4	350,6	367,1	398,0
Ввод жилья ⁴⁾ , тыс. кв. м	482,0	504,9	516,1	545,6	612,3	648,5	650,1	658,6	717,1
Количество зарегистрированных преступлений ⁵⁾ , тыс. ед.	32,7	28,0	27,4	27,0	26,9	29,5	26,2	24,2	25,3
Естественный прирост населения ⁶⁾ , чел.	584	1547	3699	2806	2599	2630	1822	-258	-1656
Смертность в трудоспособном возрасте ⁶⁾ , чел.	4063	3761	3455	3211	3176	2949	2878	2584	2412
Минимально необходимый месячный доход (в среднем на домохозяйство) ⁷⁾ , тыс. руб./мес.	*	45,018	*	57,704	60,644	65,113	67,518	67,991	*
Индекс-дефлятор ⁸⁾ (к предыдущему году)	1,142	1,159	1,091	1,054	1,075	1,076	1,032	1,054	1,103

* Отсутствуют статистические данные.

Источники:

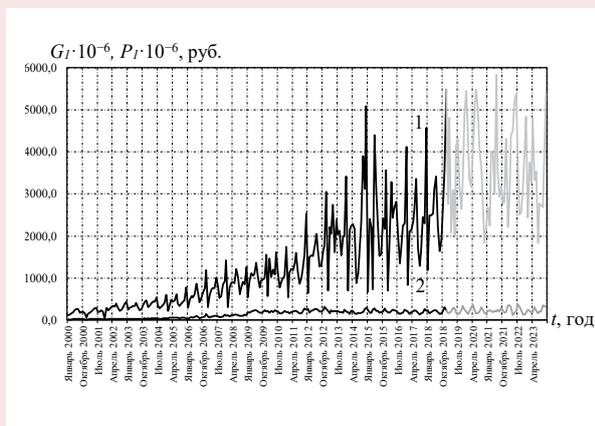
1) Валовой региональный продукт Удмуртской Республики. URL: <https://udmstat.gks.ru/folder/51922>2) Уровень жизни в Удмуртской Республике. URL: <https://udmstat.gks.ru/folder/51930>3) Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств. URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/13271>4) Ввод жилья в Удмуртской Республике. URL: <http://www.minstroy.ru/taxonomy/term/480>5) Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13205>6) Население Удмуртской Республики. URL: <https://udmstat.gks.ru/folder/51924>7) Итоги федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/inspection/itog_inspect1.htm8) Национальные счета. URL: <https://www.gks.ru/accounts>

На *рисунках 8–10* представлены результаты прогнозирования инвестиций в социальную сферу УР на период 2019–2023 гг. На *рисунке 11* приведен график сходимости к 1% уровню погрешности.

Отклонение модельных значений инвестиций от фактических данных по УР за 2000–2018 гг. в здравоохранение составляет 1,4%, образование – 1,2%, культуру – 1,1%.

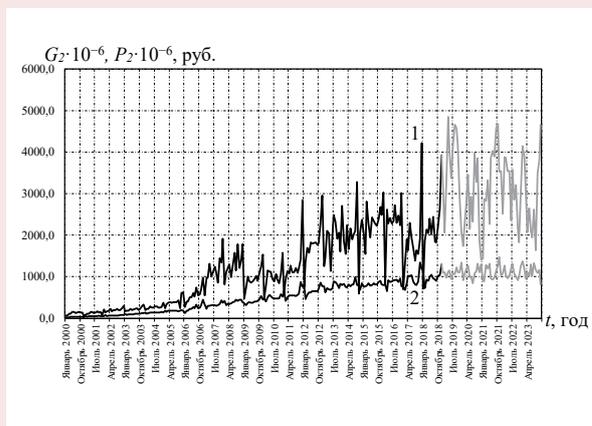
На основе формулы (10) рассчитана величина ЧК УР за период 2000–2018 гг. Результаты расчета величины ЧК УР за 2000–2018 годы и решения задачи, связанной с прогнозированием величины и динамики ЧК, с использованием результатов решения задачи прогнозирования объемов инвестиций в ЧК на основе нейросетевого моделирования на период 2019–2023 гг. представлены на *рисунке 12*.

Рис. 8. Динамика инвестиций в образование УР за 2000–2018 гг. и их прогноз на 2019–2023 гг.: бюджетные (1), частные (2)

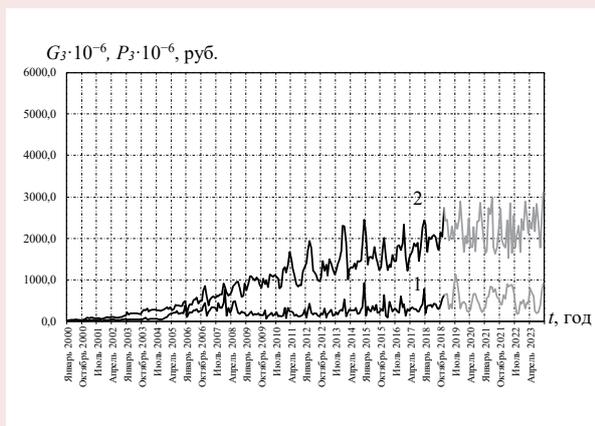
Источник: разработано авторами.

Рис. 9. Динамика инвестиций в здравоохранение УР за 2000–2018 гг. и их прогноз на 2019–2023 гг.: бюджетные (1), частные (2)

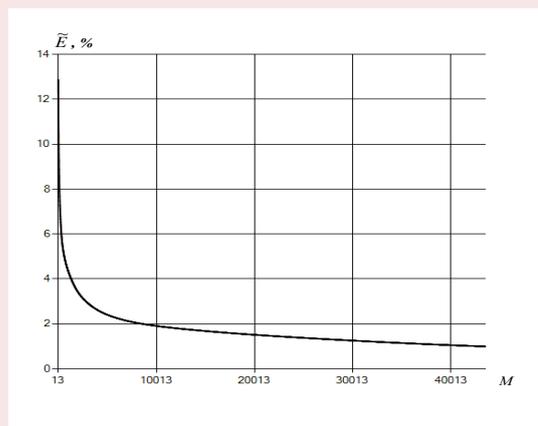
Источник: разработано авторами.

Рис. 10. Динамика инвестиций в культуру УР за 2000–2018 гг. и их прогноз на 2019–2023 гг.: бюджетные (1), частные (2)

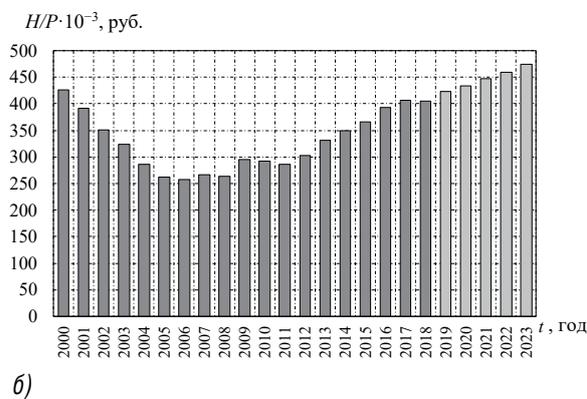
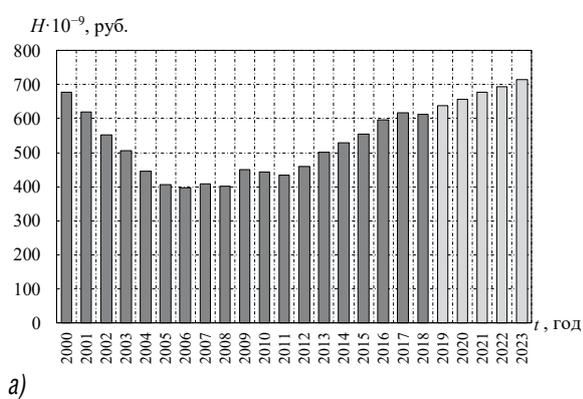
Источник: разработано авторами.

Рис. 11. Зависимость показателя качества обучения нейронной сети от числа итераций

Источник: разработано авторами.

Рис. 12. Динамика человеческого капитала (а) и удельной величины ЧК (б) УР за 2000–2018 гг. и его прогноз на 2019–2023 гг. в сопоставимых ценах

Источник: разработано авторами.

Заключение

Построен нейросетевой алгоритм, на основе которого решена задача прогнозирования человеческого капитала на примере социально-экономической системы Удмуртской Республики.

Нейросетевое моделирование прогнозных значений объемов инвестиций в человеческий капитал показало свою эффективность. Так, отклонение модельных значений инвестиций в составляющие ЧК УР от фактических данных за период 2000–2018 гг. составило 1,4%.

Расчеты свидетельствуют, что величина человеческого капитала Удмуртской Республики снижалась в интервале 2000–2006 гг., в дальнейшем наблюдается рост этого показателя. Наибольшие темпы роста изучаемый показатель демонстрирует с 2013 года, прогнозируется его дальнейшее увеличение. В 2018 году размер ЧК на одного жителя УР составил порядка 400 тыс. руб.

Полученные результаты качественно коррелируют с динамикой изменения индекса человеческого развития России, определяемого специалистами ООН, который с 2000 по 2012 год возрос от значения 0,71 до 0,79 и в дальнейшем, вплоть до 2017 года, оставался практически постоянным, близким к значению 0,80.

Удмуртская Республика по многим социально-экономическим показателям является типичным регионом России² и характеризуется их среднероссийскими значениями, поэтому результаты и выводы, полученные в ходе исследования, можно экстраполировать на РФ в целом.

Предложенная методика расчета и прогноза величины, структуры и динамики человеческого капитала может быть использована для оценки и сравнения социально-экономического положения регионов Российской Федерации.

Литература

1. Mincer J. Investments in Human Capital and Personal Income Distribution. *Journal of Political Economy*. 1958, Aug.
2. Schulz T. Investment in Human Capital. *American Economic Review*, 1961, vol. 1.
3. Becker G.S. Investment in Human Capital: Theoretical Analysis. *Journal of Political Economy. Supplement*. Oct., 1962.
4. Kuznets S. Quantitative Aspects of the Economic Growth of Nations. Paper VIII: Distribution of Income by Size. *Economic Development and Cultural Change*, 1963.

² Рейтинг социально-экономического положения регионов. URL: <https://riarating.ru/infografika/20190604/630126280.html>

5. Эренберг Р.Д., Смит Р.С. Современная экономика труда. Теория и государственная политика. М.: Изд-во МГУ, 1996. 198 с.
6. Корицкий А.В. Введение в теорию человеческого капитала. Новосибирск: Изд-во СибУПК, 2000. 112 с.
7. Акопян А.С., Бушуев В.В., Голубев В.С. Эргодинамическая модель человека и человеческий капитал // *Общественные науки и современность*. 2002. № 6. С. 98–106.
8. Малков С.Ю., Болохова К.А., Давыдова О.И. Модель оценки и прогноза развития человеческого капитала // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2016. № 7. С. 7–16.
9. Айвазян С.А., Степанов В.С., Козлова М.И. Измерение синтетических категорий качества жизни населения региона и выявление ключевых направлений совершенствования социально-экономической политики // *Прикладная эконометрика*. 2006. № 2. С. 18–84.
10. Xu Y., Li A. The relationship between innovative human capital and interprovincial economic growth based on panel data model and spatial econometrics. *Journal of Computational and Applied Mathematics*. 2020. DOI: 10.1016/j.cam.2019.112381
11. Тимербулатов Р.М. Инвестиции в человеческий капитал как фактор повышения конкурентоспособности предприятия // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2016. № 1. С. 40–42.
12. Китаева Л.В., Хайбулаев Х.У. Инвестиции в человеческий капитал: проблемы теории и практики // *Вестник экспертного совета*. 2018. № 1–2 (12–13). С. 93–100.
13. Чернов Г.Е., Чернова Е.В. Человеческий капитал как определяющий вектор развития экономики в XXI в. // *Общество: политика, экономика, право*. 2016. № 11. С. 54–61.
14. Рябых В.Н., Рябых Е.Б. Социально-экономический аспект человеческого капитала в современной глобальной экономике // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2015. № 9 (149). С. 129–136.
15. Роль человеческого капитала в современной экономике и показатели ее оценки / Н.А. Серебрякова, С.А. Волкова, О.О. Шендрикова, Т.А. Волкова // *Вестник ВГУИТ*. 2017. Т. 79. № 4. С. 253–259. DOI: 10.20914/2310-1202-2017-4-253-259
16. Михалева О.М. Роль человеческого капитала в инновационном развитии территорий // *Вестник Брянского государственного университета*. 2019. № 1. С. 183–189.
17. Стабинская Ю.А. Обоснование роли человеческого капитала в экономическом росте стран Европейского союза: современные методы увеличения эффективности национальных запасов человеческого капитала // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2019. Т. 27. № 1. С. 35–48. DOI: 10.22363/2313-2329-2019-27-1-35-48
18. Кетова К.В. Математические модели экономической динамики: монография. Ижевск: ИЖГТУ, 2013. 284 с.
19. Schmidhuber J. Deep learning in neural networks: An overview. *Neural Networks*, 2015, vol. 61, pp. 85–117. DOI: 10.1016/j.neunet.2014.09.003
20. Nguyen G., Dlugolinsky S., Bobk, M. Machine Learning and Deep Learning frameworks and libraries for large-scale data mining: a survey. *Artificial Intelligence Review*, 2019, vol. 52, pp. 77–24. DOI: 10.1007/s10462-018-09679-z
21. Vavilova D.D., Ketova K.V., Kasatkina E.V. Application of Genetic Algorithm for Adjusting the Structure of Multilayered Neural Network for Prediction of Investment Processes // *Материалы VIII Международной конференции «Технические университеты: интеграция с европейскими и мировыми системами образования»*, 2019. Т. 1. С. 223–233.
22. Цой Ю.Р., Спицын В.Г. Эволюционный подход к настройке и обучению искусственных нейронных сетей // *Нейроинформатика*. 2006. Т. 1. № 1. С. 34–61.
23. Ясницкий Л.Н. Интеллектуальные информационные технологии и системы. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2007. 271 с.
24. Effati S., Nazemi A. Neural network models and its application for solving linear and quadratic programming problems. *Applied Mathematics and Computation*, 2006, vol. 172, no. 1, pp. 305–331. DOI:10.1016/j.amc.2005.02.005

25. Ghanbarzadeh M., Aminghafari M. A novel wavelet artificial neural networks method to predict non-stationary time series. *Communications in Statistics-theory and Methods*, 2018, vol. 49, no. 4, pp. 864–878. DOI: 10.1080/03610926.2018.1549259
26. McCulloch W.S., Pitts W. A logical calculus of the ideas immanent in nervous activity. *Bull. Math. Biophys.*, 1943, vol. 5, pp. 115–133.
27. Hebb D.O. *The Organization of Behavior: A Neuropsychological Theory*. Wiley, 1949. 335 p.
28. Rosenblatt F. *Principles of Neurodynamics: Perceptrons and the Theory of Brain Mechanisms*. Washington, D.C. Spartan books, 1962. 480 p.
29. Kohonen T. *Self-Organizing Maps (Third Extended Edition)*. New York, 2001. 501 p.
30. Grossberg S. Competitive learning: From interactive activation to adaptive resonance. *Cognitive Science*, 1987, vol. 11, no. 1, pp. 23–63.
31. Werbos P.J. *Beyond Regression: New tools for Prediction and Analysis in the Behavioral Sciences*. Harvard University, Cambridge, 1974.
32. Minsky M.L., Papert S. *Perceptrons: an Introduction to Computational Geometry*. Cambridge, Mass., 1969. 112 p.
33. Fukushima K., Miyake S., Takayuki I. Neocognitron: A neural network model for a mechanism of visual pattern recognition. *IEEE Transaction on Systems, Man and Cybernetics SMC*, 1983, vol. 13 (5), pp. 26–34.
34. Hopfield J.J., Tank D.W. Neural computation of decisions in optimization problems. *Biological Cybernetics*, 1985, vol. 52, no. 3, pp. 141–152.
35. Haykin S. *Neural Networks: A Comprehensive Foundation. United States*, 1998. 842 p.
36. Hecht-Nielsen R. *Confabulation Theory*. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2007. 116 p.
37. Юнусова Л.Р., Магсумова А.Р. Алгоритмы обучения искусственных нейронных сетей // Проблемы науки. 2019. № 7 (43). С. 21–25.
38. Митинская А.Н., Матыч М.А. Исследование проблемы прогнозирования с использованием нейронных сетей // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2015. Т. 3. № 7–2 (18–2). С. 30–31. DOI: 10.12737/15021
39. Шагалова П.А. Реализация системы распознавания образов на базе нейросетевого подхода для анализа временных рядов // Труды Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. 2015. № 3 (110). С. 85–90.
40. Savarretta F., Naldi G. Mathematical study of a nonlinear neuron model with active dendrites. *Aims Mathematics*, 2019, vol. 4, no. 3, pp. 831–846. DOI:10.3934/math.2019.3.831
41. Айвазян С.А., Афанасьев М.Ю., Кудров А.В. Индикаторы основных направлений социально-экономического развития и их агрегаты в пространстве характеристик региональной дифференциации // Прикладная эконометрика. 2019. № 2 (54). С. 51–62.
42. Кетова К.В., Русяк И.Г., Романовский Ю.М. Математическое моделирование человеческого капитала // Компьютерные исследования и моделирование. 2019. Т. 11. № 2. С. 329–342. DOI: 10.20537/2076-7633-2019-11-2-329-342
43. Русяк И.Г., Кетова К.В. Идентификация и прогнозирование обобщающих показателей развития региональной экономической системы // Прикладная эконометрика. 2009. № 3 (15). С. 56–71.
44. Рутковская Д., Пилиньский М., Рутковский Л. Нейронные сети. генетические алгоритмы и нечеткие системы. М.: Горячая линия – Телеком, 2006.

Сведения об авторах

Каролина Вячеславовна Кетова – доктор физико-математических наук, профессор, Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова (426069, Российская Федерация, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Студенческая, д. 7; e-mail: ketova_k@mail.ru)

Дайана Дамировна Вавилова – ассистент, Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова (426069, Российская Федерация, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Студенческая, д. 7; e-mail: vavilova_dd@mail.ru)

Ketova K.V., Vavilova D.D.

Neural Network Forecasting Algorithm as a Tool for Assessing Human Capital Trends of the Socio-Economic System

Abstract. The article addresses the issue of neural network forecasting of human capital size, structure, and dynamics. The object of the research is the socio-economic system. The subject of the study is the practice of applying neural network models to forecasting socio-economic indicators, human capital in particular. The purpose of this work is to apply neural network modeling and adapt its algorithms to build a forecast of the studied indicator for the future. The statistical base is data on demography, the investment volume in human capital of the regional economic system, as well as the indicators of socio-economic development. The investment volume in human capital is determined by budget and private citizens' expenditures. To forecast the human capital dynamics the authors used the values of investment volumes the forecast of which, in turn, is built using a neural network modeling. The neural network model used in this study is a multi-layer fully connected perceptron with a sigmoid logistic activation function. Neural network modeling of forecast values of investment volumes has shown its effectiveness. Human capital assessment for the period of 2000–2018 and its forecast for the period of 2019–2023 are based on the example of the regional economic system of the Udmurt Republic. Our calculations show that the highest growth rate of the studied indicator has been demonstrated since 2013, and its further increase is predicted. The results obtained correlate qualitatively with the dynamics of changes in the Russian human development index, determined by the UN experts. The proposed method of calculating and forecasting human capital can be used to assess and compare the socio-economic situation of Russia's regions.

Key words: human capital, neural network modeling, algorithm forecast, investments, socio-economic system.

Information about the Authors

Karolina V. Ketova – Doctor of Sciences (Physics and Mathematics), Professor, M.T. Kalashnikov Izhevsk State Technical University (7, Stydancheseskaya Street, Izhevsk, 426069, Udmurt Republic, Russian Federation; e-mail: ketova_k@mail.ru)

Diana D. Vavilova – Assistant, M.T. Kalashnikov Izhevsk State Technical University (7, Stydancheseskaya Street, Izhevsk, 426069, Udmurt Republic, Russian Federation; e-mail: vavilova_dd@mail.ru)

Статья поступила 22.01.2020.

Проблемы формирования государственной промышленной политики в условиях цифровизации экономики*

Владимир Сергеевич

УСКОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: v-uskov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5158-8551; ResearcherID: T-6713-2017

Аннотация. Предстоящий этап реформирования российской экономики связан с прорывом к новым технологиям, обеспечивающим ускоренное, опережающее развитие страны. При таком векторе приоритетами социально-экономического развития выступают отвечающие требованиям экономического роста организационные и структурные преобразования экономики и прежде всего ее фундамента – промышленной базы. В этих условиях принципиально важное значение имеет вновь складывающаяся промышленная политика, ориентированная на глубокую структурную модернизацию производственного сектора российской экономики как основного объекта этой политики и цифровой трансформации. Цель работы – исследование проблем формирования промышленной политики в условиях научно-технологических изменений и цифровизации экономики и обоснование направлений государственного регулирования промышленного сектора РФ. Обобщены теоретико-методологические основы формирования промышленной политики, рассмотрены теоретические основы сущности индустриализации и технологических изменений в рамках цифровизации экономики, проведен анализ состояния, тенденций и проблем научно-технологического развития промышленного сектора РФ, оценена степень готовности промышленного сектора к цифровой трансформации, определены приоритеты государственной промышленной политики РФ, направленные на интенсификацию экономики и социально-экономическое развитие страны. Научная новизна исследования

* Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ (МК-3098.2019.6).

Для цитирования: Усков В.С. Проблемы формирования государственной промышленной политики в условиях цифровизации экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 6. С. 134–151. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.8

For citation: Uskov V.S. Problems of the state industrial policy formation within economic digitalization. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 6, pp. 134–151. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.8

заключается в расширении методологических подходов к обеспечению роста российской экономики и повышению ее конкурентоспособности в условиях новой индустриализации на основе формирования промышленной политики согласно научно-технологическим изменениям и цифровизации экономики.

Ключевые слова: промышленная политика, новая индустриализация, цифровизация экономика, экономический рост, состояние, тенденции, направления развития.

Введение

Социально-экономическое развитие Российской Федерации, как любого государства, определяется влиянием огромного количества факторов. Среди них присутствовали так называемые «большие вызовы»¹, которые не только диктуются внешними глобальными обстоятельствами, но и являются следствием внутренних процессов.

В числе внешних факторов следует назвать, прежде всего, введение западными странами в 2014 году секторальных санкций, затронувших целый ряд отраслей российской экономики, падение в 2015 году мировых цен на нефть, усилившее системный кризис экономики, замедление темпов роста мировой экономики в целом.

Среди внутренних факторов, сдерживающих экономический рост и социально-экономическое развитие страны, можно отметить зависимость национальной экономики от экспорта энергоносителей. Сектор добычи полезных ископаемых и нефтепереработки обеспечивает более 60% всех поступлений от экспорта, более трети сальдированного финансового результата в экономике. Показатель соотношения экспорта углеводородов к ВВП растет. Только за один год он увеличился на 0,5 п. п.: с 12% в 2016 году до 12,5% в 2017 году². В результате российская экономика стагнирует. Если в период с 1999 по 2008 год ВВП России прирастал ежегодно в среднем на 6,9%, то за последние десять лет российская экономика практически не демонстрирует рост. Минэкономразвития не ожидает существен-

ного роста экономики и в ближайшие годы, прогнозируя увеличение ВВП в 2019 году на уровне 1,3%, в 2020 году – 1,7%, в последующие годы – чуть более 3%. При сохранении существующих тенденций Россия не сможет подняться на пятое место к 2024 году, т. е. выполнить задачу, определенную в майском Указе Президента РФ № 204 в числе основных целевых установок на предстоящий политический цикл. Негативное влияние оказывают также низкий уровень производительности труда, критический износ оборудования (по данным Росстата, «лидерами» по износу основных фондов выступают промышленность, здравоохранение, транспорт и связь; в этих отраслях износ основных фондов превышает 50%), низкая доля высокотехнологичных, наукоемких производств, способных генерировать добавленную стоимость (менее 9% российских организаций осуществляли инновационные мероприятия; технологические инновации – только 9,5% организаций; затраты организаций на НИОКР и технологические инновации крайне малы). В таких условиях трудно обеспечить рост производства и производительности труда, конкурентоспособность выпускаемой продукции и экономики в целом. Все это делает реальной угрозой дальнейшего отставания России от передовых стран в разработке и внедрении перспективных технологий.

Таким образом, экспортно-сырьевая модель российской экономики исчерпала себя и должна уступить место неоиндустриальной, способной сформировать приоритетную потребность в активном внедрении инновационных механизмов экономического роста, выработке прорывных научно-технологических направлений развития экономики. Достичь этого возможно путем целенаправленного развития материального производства, увеличения

¹ «Большие вызовы» – совокупность проблем и возможностей, реакция на которые признается обществом и государством на данный период времени главной задачей развития.

² Зависимость российской экономики и бюджета от нефти. URL: <http://stolypin.institute/wp-content/uploads/2018/02/issledovanie-syrevaya-zavisimost-2018.01.30-2.pdf>

части индустриальной составляющей, стимулирования высокотехнологической обрабатывающей промышленности. При этом важнейшим инструментом перехода на модель неоиндустриального развития выступает научно обоснованная промышленная политика, нацеленная на модернизацию промышленности и освоение производства высокотехнологичной наукоемкой продукции.

Целью нашей работы является исследование проблем формирования промышленной политики в условиях научно-технологических изменений и цифровизации экономики, в том числе обоснование направлений государственного регулирования промышленного сектора РФ.

На достижение цели направлено решение следующих задач:

- 1) обобщить теоретико-методологические основы формирования промышленной политики;
- 2) исследовать теоретические основы сущности индустриализации, технологических изменений в условиях цифровизации экономики;
- 3) провести анализ состояния, тенденций и проблем научно-технологического развития промышленного сектора РФ;
- 4) оценить степень готовности развития промышленного сектора региона в условиях цифровизации экономики;
- 5) определить направления государственного регулирования промышленного сектора РФ в условиях научно-технологических изменений и цифровизации экономики.

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов в области научно-технологического и инновационного развития экономики, государственного управления, формирования и реализации промышленной политики.

В основу исследования положен анализ промышленного сектора России в контексте экономического развития с акцентом на цифровизацию и информатизацию производства как технологической платформы для экономического роста в Российской Федерации.

Кроме того, проведен анкетный опрос руководителей предприятий промышленного сектора Вологодской области, в ходе которого получены оценки уровня научно-технического развития производственного сектора экономики региона, степени его готовности к внедрению цифровых технологий в условиях четвертой промышленной революции. Выборка составила 50 респондентов. Вологодская область выступает в качестве объекта социологического исследования в связи с тем, что является типовым субъектом РФ с характерными для промышленно развитых регионов негативными тенденциями в производственной сфере, уровне ее инновационности и технологичности.

Использование указанных методов позволило более обоснованно подойти к предложениям по корректировке государственной промышленной политики РФ в условиях научно-технологических изменений и цифровизации экономики, совершенствованию механизмов ее реализации.

Исследование способствует выполнению задач, поставленных в Указе Президента Российской Федерации «О национальных и стратегических целях развития Российской Федерации на период до 2024 года», а именно: создание высокоэффективного экспортно ориентированного сектора в базовых отраслях экономики, преимущественно обрабатывающей промышленности, развитие экономики на базе современных технологий и обеспечение ее высококвалифицированными кадрами.

Теоретические аспекты исследования

Вопросы промышленной политики России находятся в центре внимания не только государственных органов власти, бизнеса, но и научного сообщества, институтов гражданского общества. Этот интерес во многом связан с низкими темпами роста российской экономики, ставшими следствием серьезных структурных диспропорций в экономике, значительно осложнивших последствия системного кризиса. Одним из возможных путей преодоления кризиса выступает политика новой индустриализации, требующая сочетания активной роли государства и рыночных механизмов в реализации промышленной политики.

Критический анализ работ отечественных ученых [1; 2] по проблемам формирования промышленной политики позволяет утверждать, что ее содержание, формы и методы проведения обусловлены многими факторами, важнейшими из которых выступают такие, как стадия развития общества, уровень социально-экономического развития страны, менталитет населения, институциональная среда, структурные пропорции экономики и др. Многое зависит и от системы государственного управления. В плановой экономике роль государства в управлении процессами производства весьма значительна. В условиях рынка роль государства сводится, в основном, к поддержке отрасли, созданию условий (режима) наибольшего благоприятствования национальным производителям промышленной продукции.

Понятие промышленной политики начало формироваться в XIX веке, в эпоху индустриализации. Субъектом проведения промышленной политики выступало государство. Техно-технологические средства производственного сектора рассматривались в качестве основного инструмента для решения важнейших социально-политических задач.

В развитых странах сформировавшаяся еще в XIX веке промышленная политика (*industrial policy*) трактовалась как политика по поддержке отдельных важнейших секторов экономики. В США, например, она называлась «индустриальная политика в АПК» или «индустриальная политика в туристическом бизнесе» и т. п.

Современные трактовки промышленной политики несколько отличаются. По мнению О. Грэм, ее следует рассматривать как заявленные государством официальные действия стратегического характера в целях стимулирования развития отраслей и изменения структуры промышленности [3]. Другой исследователь под промышленной политикой предлагает понимать государственную политику, направленную на поддержку отдельных специфических видов деятельности и способствующих структурным преобразованиям³.

В Российской Федерации сложилось специфическое понимание промышленной

политики. Впервые это понятие было введено в оборот в 1993 году в связи с принятием концепции промышленной политики в оборонно-промышленном комплексе. В отличие от «*industrial policy*» она стала трактоваться как «государственная политика в области промышленности», «государственная поддержка промышленности», «политика промышленного развития» и т. д. Такое понимание промышленной политики также имеет под собой серьезные основания, ибо промышленность является системообразующим сектором отечественной экономики.

Подчеркнем, что в России федеральный закон о промышленной политике был принят только в 2014 году. После дефолта 1998 года региональные органы государственной власти формировали собственные концепции промышленного развития с учетом особенностей конкретных территорий, на уровне страны такого документа не было (*табл. 1*).

Это, безусловно, наложило отпечаток на качество. По мнению д.э.н. О.А. Романовой, эти документы не были основаны на общих принципах, не имели общей цели, не согласовывались с приоритетами федерального уровня и не содержали согласованных механизмов реализации промышленной политики [4].

В научной среде существуют различные оценки этапов развития промышленной политики РФ. Обобщение научных публикаций по данной тематике [4; 5; 6] позволило выделить следующие этапы становления и развития промышленной политики в России (*табл. 2*).

Особое внимание необходимо обратить на период после 2012 года, когда ведущие отечественные ученые-экономисты (С.Ю. Глазьев, С.С. Губанов, Е.Б. Ленчук, О.А. Романова, А.И. Татаркин и др.) в качестве основной цели промышленной политики России провозглашали проведение новой индустриализации. На наш взгляд, это оправдано. Только создание новых секторов экономики, инновационное обновление традиционных производств, создание высокопроизводительных рабочих мест на новых и модернизируемых объектах, формирование конкурентоспособной структурно сбалансированной экономики позволят России выйти в мировые лидеры и успешно решать задачи социально-экономического развития страны.

³ Rodrik D. *Industrial Policy for the Twenty-First Century*. Harvard University, 2004. URL: <http://www.hks.harvard.edu/fs/drodrik/Research%20papers/UNIDOSep.pdf>

Таблица 1. Концепции региональной промышленной политики РФ после дефолта 1998 г.

Регион	Сущность промышленной политики
Республика Якутия	Ставка на стартовый капитал, создание стартового инвестиционного фонда на основе концессий на разработку месторождений полезных ископаемых, привлечения иностранного капитала
Республика Татарстан	Стратегия точек роста. Серьезная поддержка реальному сектору экономики, в промышленности основное внимание уделялось электроэнергетике, нефтяной, химической и нефтехимической промышленности, легкой промышленности
Вологодская область	Политика по ориентации на комбинат «Северсталь», за счет доходов которого формировалось более 80% областного бюджета. После 1996 г. – разработка инвестиционного законодательства, ориентированного на комплексное развитие экономики
Новгородская область	Стратегия стимулирования развития реального сектора экономики. Создание условий для инвестиций в реальную экономику без выделения приоритетных направлений
Ямало-Ненецкий автономный округ, Красноярский край	Стратегия ориентации на внешнего (регионального) монополиста – «Газпром» («Красноярский алюминиевый завод»).
Самарская, Нижегородская, Сахалинская, Камчатская области, Краснодарский, Приморский края, Республика Адыгея	Стратегия моноотраслевого развития (для регионов с развитыми черной, цветной металлургией, машиностроением)

Источники: Согласование политики Федерального центра и субъектов Федерации / Г.М. Татевосян, С.В. Седова, О.М. Писарева, В.Б. Тореев. М.: ЦЭМИ РАН, 2006. 55 с.; Егоров Е.Г. Основные положения Концепции модернизации региональной экономики. «Якутия – XXI век». Якутск, 1996. 33 с.; Татаркин А.И., Романова О.А. Промышленная политика: генезис, региональные особенности и законодательное обеспечение // Экономика региона. 2014. № 2. С. 9–21.

Таблица 2. Этапы развития промышленной политики в России

Период	Содержание промышленной политики	Итоги реализации
1989–1991 гг.	Отсутствие проведения промышленной политики, ибо рынок рассматривается как панацея от всех бед	Деградация технологической и отраслевой структуры производства
1992–1993 гг.	Селективная поддержка приоритетных отраслей	Отсутствие положительной динамики развития наукоемких отраслей, поиск ренты за счет особых отношений бизнеса с государством
1994–1998 гг.	Поддержка коммерчески эффективных проектов (принцип финансирования 4:1)	Отсутствие положительных структурных сдвигов, технологического прогресса
1998–2000 гг.	Лучшая промышленная политика – отсутствие промышленной политики	Консервация сложившейся структуры промышленности
2001–2005 гг.	Мягкая (горизонтальная) промышленная политика, реализующая универсальные методы поддержки в рамках либеральной модели экономического развития	Некоторое улучшение условий развития низкотехнологичных производств, снижение конкурентоспособности и разрушение потенциала развития высокотехнологичных производств
2006–2008 гг.	Дополнение мягкой промышленной политики селективными мерами господдержки приоритетных видов деятельности. Формирование национальной промышленной политики. Начало перехода к конкурентной промышленной политике	Повышение инновационного потенциала, акцент на развитие высокотехнологичных производств, реализация национальных проектов
2009–2011 гг.	Стимулирование внутреннего спроса; выравнивание конкурентных условий для отраслей добывающей и перерабатывающей промышленности. Антикризисная модернизация и диверсификация экономики	Структурная модернизация отечественной экономики с опережающим развитием высокотехнологичных производств, повышение престижности труда в отраслях материального производства
2012 г. – наст. вр.	Новая индустриализация	Создание новых секторов экономики, инновационное обновление традиционных производств, создание высокопроизводительных рабочих мест на новых и модернизируемых объектах, формирование конкурентоспособной структурно сбалансированной экономики

Источники: Романова О.А. Условия и факторы структурной модернизации региональной промышленной системы // Экономика региона. 2011. № 2. С. 40–48; Смирнов Е. Инновационный вектор промышленной политики Европейского Союза // Международная экономика. 2007. № 2. С. 54–59; Согласование политики Федерального центра и субъектов Федерации / Г.М. Татевосян, С.В. Седова, О.М. Писарева, В.Б. Тореев. М.: ЦЭМИ РАН, 2006. 55 с.

Следует сказать, что основоположником теории новой индустриализации (неоиндустриализации) в РФ является С.С. Губанов, рассматривающий неоиндустриализацию как «исторически закономерный процесс развития производительных сил, который разворачивается после завершения в основном первой фазы индустриализации – электрификации. Он представляет собой вторую фазу индустриализации, т. е. автоматизацию и компьютеризацию производственного аппарата»⁴.

Заметим, что теоретический базис новой индустриализации формировался в рамках нескольких теоретических воззрений.

Так, классик экономической теории А. Смит рассматривал индустрию как процесс изготовления машин, позволяющих «одному человеку выполнять работу многих» [7], что соответствует классическому пониманию индустрии как способа замещения трудоемкого производства машиноёмким [8].

Достаточно распространенным является понимание индустриализации как преимущественного развития обрабатывающей промышленности, способствующей заметным структурным сдвигам в экономике, поэтому она часто рассматривается в тесной связи с промышленной революцией⁵.

Научное обоснование индустриального пути развития России дал русский ученый Д.И. Менделеев на основе обобщения зарубежного и отечественного опыта. Тем самым он внес заметный вклад в формирование экономической теории индустриализации⁶.

Необходимость индустриализации социалистической экономики следовала из марксистской теории. Именно в работах К. Маркса была обоснована взаимозависимость между уровнем развития «производительных сил», прежде всего используемых технологий, и производственными отношениями, складывающимися в процессе производства⁷. Большое влияние на

формирование отечественными учеными научных концептуальных подходов к индустриализации оказали также развернувшиеся в 1920-е гг. дискуссии о выборе направлений социально-экономических преобразований⁸. В целом следует заметить, что в советской экономической литературе продолжительное время господствовала точка зрения, согласно которой индустриализация – это развитие преимущественно тяжелой промышленности⁹.

Вторая научная платформа исследования новой индустриализации – теория индустриального общества – зародилась под влиянием научно-технической революции (НТР) в 1950–1960-е гг.¹⁰. В рамках вопросов индустриализации учеными выдвинут ряд теорий, принципов, закономерностей и обоснованы стадии и перспективы промышленного развития. Основную роль в развитии теоретической базы в рамках данной научной платформы сыграли теория стадий экономического роста Уолта Ростоу¹¹, теории единого индустриального общества Раймона Арона [9], нового индустриального общества Джона Гелбрейта [10], теории постиндустриального общества Даниела Белла [11] и другие [12–14]. Важнейшим ресурсом постиндустриального общества признается информация [15–17]. В последние десятилетия этому способствует быстрое распространение компьютерных технологий, а позднее – интернета [18]. Основополагающими характеристиками новой экономики выступают технологический сдвиг и структурные преобразования [8].

Заметим, что в современном информационном пространстве достаточно много говорится о формировании «постиндустриального общества». Сторонники либеральных взглядов относительно перспектив развития общества и экономики активно высказываются за развитие России в этом направлении.

⁴ Губанов С.С. Новая индустриализация в определении профессора // Интернет-портал журнала «Экономист». URL: <http://www.economist.com.ru/neoindustrial.htm>

⁵ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 1992. Т. 3. С. 607.

⁶ Менделеев Д.И. К познанию России. М., 2002. С. 385–386, 430.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 447.

⁸ Эрлих А. Дискуссия об индустриализации в СССР. 1927–1928 гг. М., 2010.

⁹ Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 40. С. 168.

¹⁰ The Social Science Encyclopedia / ed. by A. Kuper, J. Kuper. L., 1985. P. 386. The Encyclopedia of Sociology. New and Updated. Guilford, 1981. Pp. 135–136.

¹¹ Rostow Walt. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Cambridge University Press, 1960. 173 p.

Но, во-первых, материальное производство и в информационной экономике продолжает играть важную роль, хотя нельзя отрицать уменьшение его доли в ВВП. Производство материальных благ остается пока единственной основой удовлетворения первичных потребностей человека, физического существования общества.

Во-вторых, в современной экономической науке и хозяйственной практике распространено суждение о том, что материальное производство теряет свое приоритетное положение в общественном воспроизводстве (согласно марксистской теории), первые позиции сегодня занимает сфера услуг. Однако это связано, прежде всего, с принятой методологией измерения указанных сфер, влияющего на наше восприятие этих пропорций. Современная система национального счетоводства опирается на другой методологический подход, выделяя виды экономической деятельности на основе предложенного английским экономистом Колином Кларком в книге «Условия экономического прогресса» (1940 г.) деления экономики на три сектора: первичный — сельское хозяйство и добывающая промышленность; вторичный — обрабатывающая промышленность; третичный — сфера услуг¹².

В-третьих, без современной, развитой промышленности, включающей станкостроение, электронику и другие высокотехнологичные отрасли, практически невозможно ответить на глобализационные вызовы.

В-четвертых, о значении промышленности в современной мировой экономике говорят многие ведущие ученые. Например, Г.Б. Клейнер отмечает, что «в экономике многих стран промышленность играет роль „маховика”, вращение которого обеспечивает устойчивость функционирования страновой экономики в целом» [19]. А.А. Пороховский, рассматривая роль обрабатывающей промышленности в экономике индустриально развитых стран (в первую очередь США), подчеркивает: «Обрабатывающая промышленность остается основой экономической независимости любой страны и определяет уровень ее конкурентоспособности в мире» [20]. Норвежский экономист Эрик С. Райнерт

аргументированно доказал, что рост экономики, богатство страны и ее жителей напрямую зависят от развитости в национальном хозяйстве обрабатывающей промышленности и «продвинутых» (высокотехнологичных) услуг, которым свойственна возрастающая отдача [21].

Таким образом, обзор исследований позволяет сделать вывод о том, что промышленный сектор играет весьма значимую роль в экономике, определяя темпы ее роста, конкурентоспособность и независимость страны. В связи с этим в условиях перехода к четвертой промышленной революции формирование национальной промышленной политики рассматривается как мера, направленная на постепенное изменение структуры промышленного производства в соответствии с избранными национальными целями и приоритетами, что является крайне актуальной задачей. Стратегически важным приоритетом такой политики Российской Федерации должна стать новая индустриализация, нацеленная на создание новых секторов, базирующихся на автоматизации производств и широком использовании цифровизации процессов, модернизации существующих производств на инновационной основе.

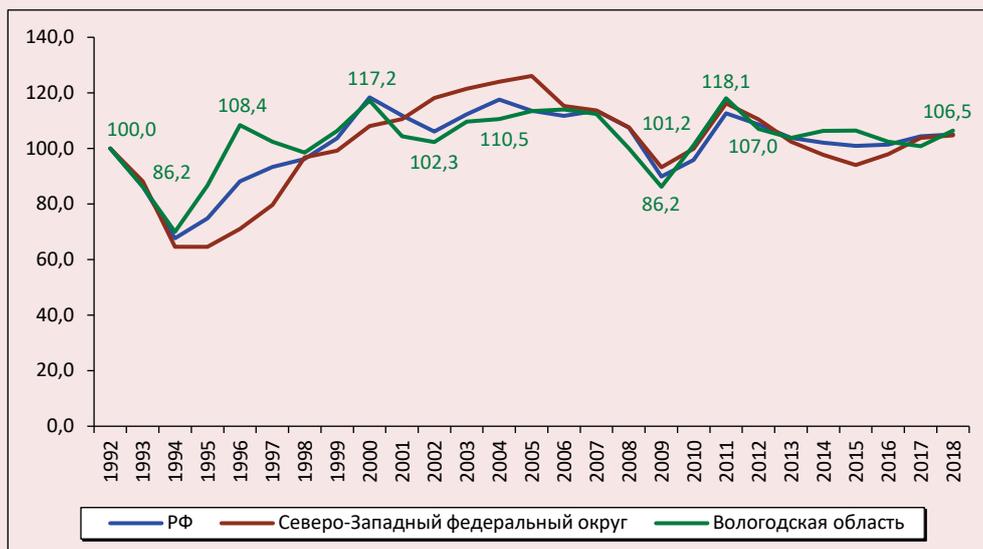
Основные результаты исследования

Тема возвышения материального производства и обрабатывающей промышленности в его структуре имеет важное значение для экономики России. Она особо значима для промышленных субъектов СЗФО, прежде всего Вологодской области. В результате «шоковой терапии» 1990-х гг. и свободной торговли обрабатывающая промышленность региона, как и страны в целом, была практически уничтожена. Масштабная приватизация привела к разрушению производственно-технологических кооперационных связей, следствием которого стало падение объемов и эффективности производства, капиталовложений. В результате объем ВВП России достиг уровня 1990 года только в 2005 году. Либерализация цен, с одной стороны, позволила преодолеть товарный дефицит, а с другой — вызвала рост инфляции, разрушивший хозяйственные механизмы, обесценила оборотные средства предприятий¹³.

¹² Попов А.И. Экономическая теория: учеб. для вузов. 4-е изд. СПб.: Питер. 2006. С. 174.

¹³ Анализируя прошлое, думать о будущем: монография / под науч. рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 336 с.

Рис.1. Индекс промышленного производства, 1992 г. – 100%

Источник: Промышленное производство. URL: https://www.gks.ru/enterprise_industrial

Таблица 3. Индексы промышленного производства Вологодской области по видам экономической деятельности, 1990 г. – 100%

	1992 г.		2000 г.		2005 г.		2010 г.		2016 г.	
	Вологодская обл.	РФ	Вологодская обл.	РФ	Вологодская обл.	РФ	Вологодская обл.	РФ	Вологодская обл.	РФ
Черная металлургия	90,0	82,3	80,9	66,8	112,4	87,5	118,6	92,2	95,4	95,0
Химическая промышленность	72,0	79,0	111,5	69,7	117,1	81,9	114,8	91,2	116,7	122,8
Машиностроение и металлообработка	95,5	84,4	109,3	32,3	150,6	44,9	150,5	48,7	107,4	45,7
Электроэнергетика	–	79,8	414,8	45,2	325,4	116,1	132,0	111,5	106,4	119,2
Лесная, деревообрабатывающая	102,0	78,7	73,3	37,4	129,7	48,5	117,3	47,3	109,8	50,9
Пищевая	78,0	80,0	65,5	54,6	116,5	75,2	117,5	91,4	105,5	106,4

Источники: Россия в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2018. 522 с.; Статистический ежегодник Вологодской области, 2017: стат. сб. / Вологдастат. Вологда, 2018. 389 с.; Промышленность Вологодской области. Итоги за 1990–1999 годы: аналит. материал. Вологда, 2001. 44 с.

Наибольший спад промышленного производства наблюдался в середине 1990-х годов и в 2009 году. Он хорошо виден по динамике индекса промышленного производства РФ и Вологодской области (рис. 1, табл. 3).

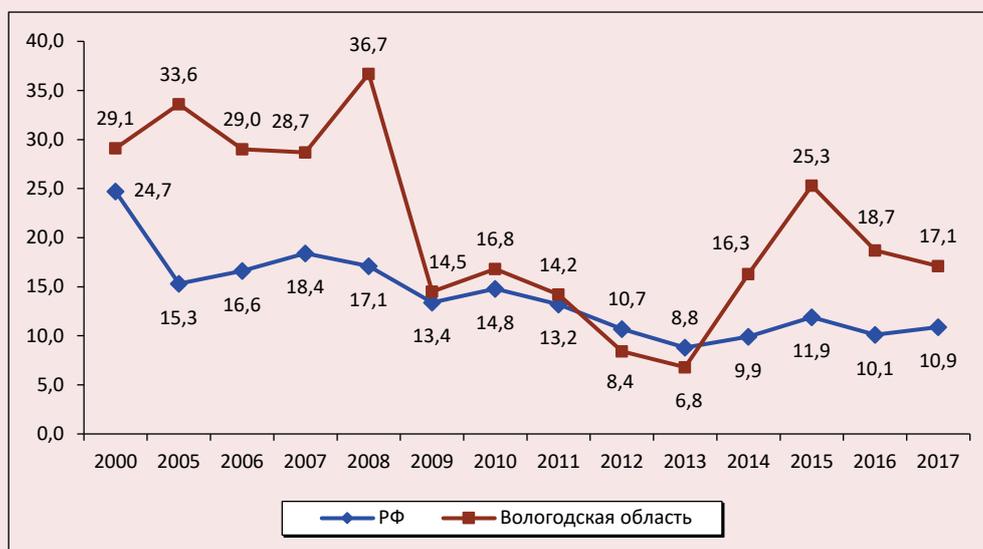
В целом за исследуемый период индекс промышленного производства незначительно превысил уровень 1992 года. Вместе с тем в отраслях, таких как черная металлургия, машиностроение и металлообработка, лесная промышленность, индекс промышленно-

го производства значительно сократился и в настоящее время не превышает уровень 1990 года.

Однако рентабельность продукции промышленных предприятий снизилась существенно, более чем в два раза за период с 2000 по 2017 год (рис. 2).

Спад промышленного производства привел к изменениям в структуре экономики (табл. 4). В Вологодской области торговля и ремонтные услуги развивались опере-

Рис. 2. Рентабельность продукции промышленных предприятий РФ и Вологодской области в 2000–2017 гг., %

Источник: данные Росстата.

Таблица 4. Структура экономики РФ и Вологодской области по доле видов экономической деятельности в валовой добавленной стоимости, %

	Вологодская область			Российская Федерация		
	2005 г.	2010 г.	2017 г.	2005 г.	2010 г.	2017 г.
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	7,5	5,8	4,1	5,2	4,3	4,6
Добыча полезных ископаемых	0,0	0,0	0,0	12,8	10,4	12,1
Обрабатывающие производства	46,6	38,1	38,1	18,5	17,7	17,4
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	3,5	4,7	3,1	3,8	4,5	3,3
Строительство	10,3	7,9	7,1	5,7	6,9	6,2
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	6,6	8,5	12,8	21,8	19,4	16,7
Транспортировка и хранение	11,9	14,3	12,7	10,6	10,5	8,0
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	0,5	0,7	0,6	0,9	1,0	1,0
Деятельность финансовая и страховая	0,5	0,4	0,3	1,1	0,6	0,5
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	3,9	5,1	2,9	9,0	11,4	6,5
Образование	2,2	2,9	2,2	2,8	3,0	3,0
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	3,3	4,2	3,6	3,1	3,7	3,9
Прочая деятельность*	3,2	7,4	12,5	3,2	7,4	12,5

* К прочей деятельности относятся: деятельность в области информации и связи; деятельность профессиональная, научная и техническая; деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги; государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение; деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений; деятельность домашних хозяйств как работодателей; недифференцированная деятельность частных домашних хозяйств по производству товаров и оказанию услуг для собственного потребления.

Источник: данные Росстата.

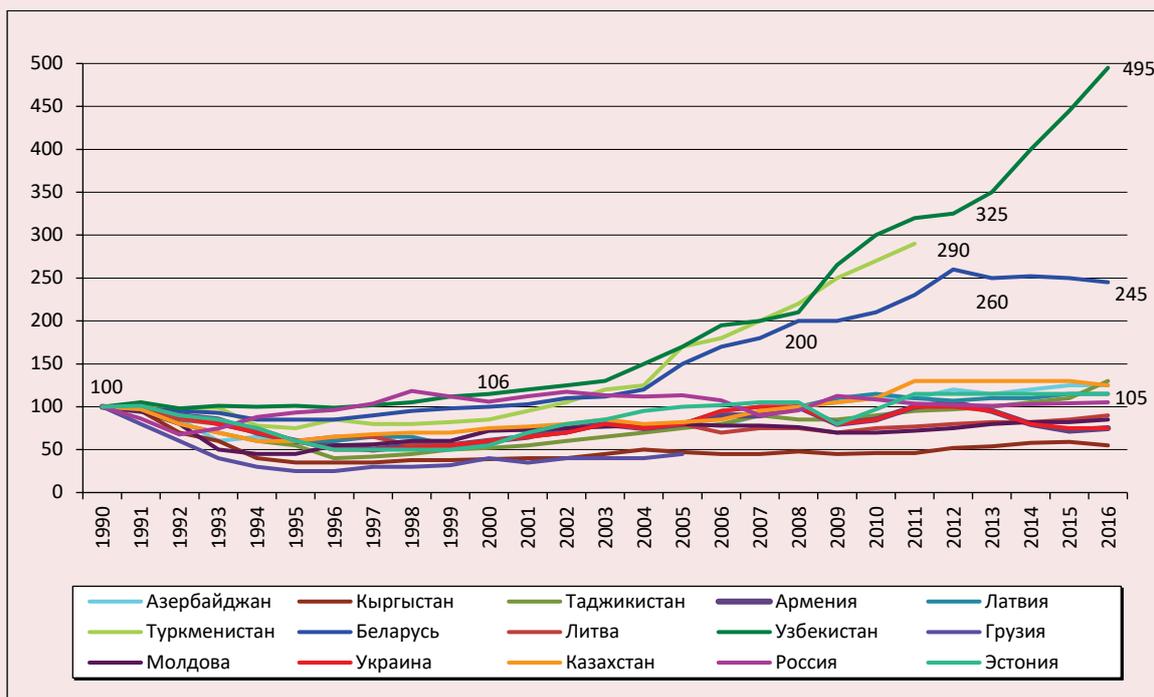
жающими темпами по сравнению с другими видами экономической деятельности. Несмотря на то что доля обрабатывающих производств в ВДС региона составляет более 30%, за период 2005–2017 гг. она существенно сократилась (с 46 до 38%). В РФ доля обрабатывающих производств в ВДС за рассматриваемый период также уменьшилась, в 2017 году составляла 17%.

За годы реформ существенно трансформировалась структура экономики области. Удельный вес высокотехнологических отраслей значительно сократился. В настоящее время в структуре промышленности наибольший удельный вес занимают черная металлургия и химическая промышленность, предприятия которых во многом ориентированы на внешний рынок и на вывоз продукции более

низких стадий производства. Аналогичная ситуация наблюдается и в целом по стране – происходит примитивизация производства.

Вместе с тем динамика индекса промышленного производства стран СНГ и Прибалтики, переживающих, как и Россия, трансформационный период, позволяет заключить, что их траектории за четверть века отчетливо разделились на два кластера. Три республики вырвались вперед. Среди них лидирует Узбекистан, достигший роста в 5 раз относительно уровня 1990 г. Несколько ниже темпы роста промышленности Туркменистана и Беларуси. Остальные государства находятся на уровне или ниже по сравнению с дореформенным. Промышленный сектор России за период реформ вырос незначительно, составив 105% к уровню 1990 года¹⁴ (рис. 3).

Рис. 3. Динамика индекса промышленного производства в странах СНГ и Прибалтики, 1990 г. – 100 %

Источник: Гундаров И. Эффект социогуманизма. Либеральная и евразийская экономические модели – опыт 25-летнего сравнения. URL: http://www.ng.ru/nauka/2019-11-12/11_7724_effect.html

¹⁴ Гундаров И. Эффект социогуманизма. Либеральная и евразийская экономические модели – опыт 25-летнего сравнения. URL: http://www.ng.ru/nauka/2019-11-12/11_7724_effect.html

Один из возможных путей решения обозначенных проблем, а также ответ на вызовы видится в новой индустриализации российской экономики. Однако серьезным препятствием на пути развития промышленности и высокотехнологичных производств на основе информационных технологий является низкая доля внутренних затрат на информационно-коммуникационные технологии в валовом внутреннем продукте страны.

Проведенный анализ свидетельствует, что за период с 2010 по 2017 год данный показатель существенно не изменился (1,1% от ВВП), при этом затраты организаций на информационные и коммуникационные технологии постоянно увеличивались. Темпы роста этих затрат соответствовали темпам роста ВВП (табл. 5).

В развитых экономиках основным мотивом для развертывания новой промышленной и технологической политики послужила необходимость преодолеть замедление темпов роста

производительности труда. Для Российской Федерации эта проблема также остра. За период 2003–2016 гг. производительность труда в России практически не росла (табл. 6), в половине из представленных в таблице отраслей в 2016 году по сравнению с 2003 годом снизилась. Следовательно, для полной реализации потенциала национальной экономики России задача обеспечения устойчивого роста уровня производительности труда не потеряла актуальность.

В качестве одного из основных резервов ее решения видится технологическая модернизация производств, базирующаяся на вводе в эксплуатацию новой техники, модернизации действующего оборудования, внедрении комплексной автоматизации и т. д. Повышение технического уровня производства абсолютное большинство опрошенных руководителей российских промышленных предприятий (84%) считают ключевым внутренним условием для роста производительности труда¹⁵. Однако

Таблица 5. Затраты на информационно-коммуникационные технологии в ВВП за период с 2010 по 2017 год

Показатель	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2010–2017 гг., %
Затраты на ИКТ, млрд руб.	516	843	1175	1153	1249	1012	196,1
ВВП, млрд руб.	46309	68164	79199	83387	86010	92000	198,7
Затраты на ИКТ в ВВП, %	1,11	1,24	1,48	1,38	1,45	1,10	-0,01

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели» 2003–2018 гг. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156

Таблица 6. Индекс производительности труда по основным отраслям экономики России, 2003–2016 гг., 2003 г. – 100%

Отрасль экономики	2003 г.	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2016 г.
В целом по экономике	100,0	103,2	106,6	104,0	100,5
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	100,0	88,3	88,5	103,5	107,3
Рыболовство, рыбоводство	100,0	97,0	106,1	105,1	92,5
Добыча полезных ископаемых	100,0	104,3	104,6	103,1	101,1
Обрабатывающие производства	100,0	105,2	110,2	107,4	103,3
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	100,0	103,0	103,2	100,4	102,3
Строительство	100,0	99,6	101,0	99,8	94,9
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий	100,0	103,6	105,8	100,8	95,6
Гостиницы и рестораны	100,0	101,7	103,6	101,7	95,0
Транспорт и связь	100,0	103,2	105,5	102,6	100,2
Операции с недвижимым имуществом, аренда	100,0	104,0	104,8	99,4	98,9

Источник: Федеральная служба государственной статистики. Эффективность экономики России. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency/# (дата обращения 17.12.2019).

¹⁵ Производительность труда. Результаты опроса 500 руководителей промышленных предприятий / Минпромторг России, фонд «Центр стратегических разработок», «Центр мониторинга развития промышленности», агентство по технологическому развитию, 2017 год.

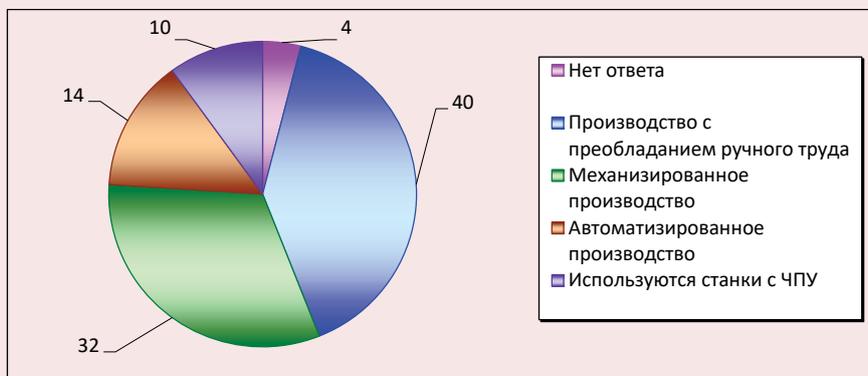
о степени готовности предприятий к модернизации промышленных производств, освоению цифровых технологий позволяют судить результаты опроса руководителей ведущих промышленных предприятий, проведенного Вологодским научным центром РАН¹⁶.

В Вологодской области только 14% руководителей, участвующих в опросе, отметили, что на их предприятии производство автоматизировано. На каждом десятом предприятии имеются станки с числовым программ-

ным управлением. Треть респондентов (32%) указали, что на их предприятии производство полностью механизировано. Однако на большинстве предприятий области преобладают производства с ручным трудом: так ответили 40% участников опроса (рис. 4).

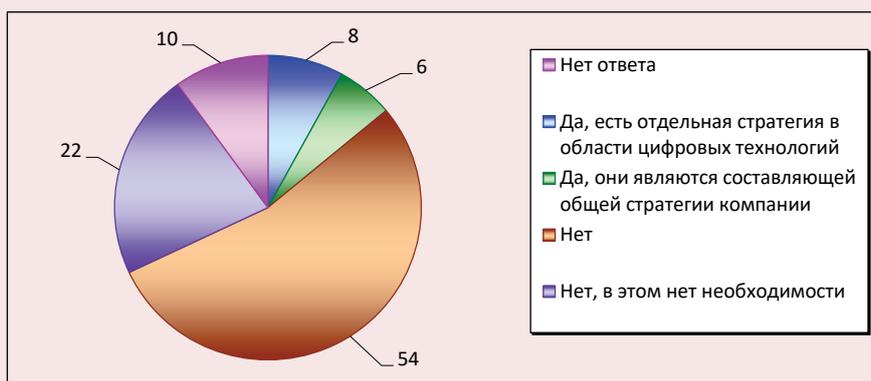
Большинство промышленных предприятий региона (54%) не имеет стратегии развития и внедрения цифровых технологий (рис. 5), при этом 22% респондентов отмечают, что не видят в них необходимости.

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Каким образом Вы можете охарактеризовать Ваше производство согласно предложенному перечню критериев?», % от числа опрошенных

Источник: данные опроса о степени готовности предприятий Вологодской области к развитию промышленности на основе цифровых технологий, ВолНЦ РАН, 2018 г.

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Есть ли в Вашей компании документы в области развития и внедрения цифровых технологий?», % от числа опрошенных

Источник: данные опроса о степени готовности предприятий Вологодской области к развитию промышленности на основе цифровых технологий, ВолНЦ РАН, 2018 г.

¹⁶ Выборочная совокупность составила 50 промышленных предприятий Вологодской области. Ошибка выборки не более 5%.

Результаты мониторинга показали, что на 54% предприятий ведется обучение и повышение квалификации сотрудников с целью начать более активное применение цифровых технологий, 46% респондентов отметили, что изучают передовой опыт других организаций. При этом около 26% не планируют использовать цифровые технологии (табл. 7).

Более половины участников опроса (54%) указали на то, что одним из барьеров, осложняющих процесс использования цифровых технологий, является высокая стоимость проектов. Около 40% говорили о недостаточной квалификации персонала, 26% обратили внимание на отсутствие достаточного собственного опыта по применению цифровых технологий (табл. 8).

Таблица 7. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие шаги Ваша организация предпринимает или планирует предпринять, чтобы начать более активное применение цифровых технологий для бизнеса?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	%
Обучение и повышение квалификации существующих сотрудников	54,0
Изучение передового опыта других предприятий	46,0
Не планируем использовать цифровые технологии в ближайшей перспективе	26,0
Сотрудничество с внешними экспертами и консультантами	8,0
Наем новых сотрудников, имеющих опыт внедрения или использования цифровых технологий	6,0
Покупка готовых активов (компаний) с компетенциями в области цифровизации	4,0
Привлечение капитала для запуска проектов по цифровизации производства	4,0
Создание альянсов с другими компаниями для исследования возможностей цифровых технологий	0,0
Создание рабочих групп и участие в работе внешних рабочих групп для продвижения инициатив цифровых технологий	0,0
Другое	2,0

Источник: данные опроса о степени готовности предприятий Вологодской области к развитию промышленности на основе цифровых технологий, ВолНЦ РАН, 2018 г.

Таблица 8. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие наиболее серьезные барьеры, осложняющие или замедляющие процесс широкого использования цифровых технологий, существуют в Вашей компании?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	%
Высокая стоимость проектов по применению цифровых технологий	54,0
Недостаток квалификации у персонала, использующего цифровые технологии	40,0
Отсутствие достаточного собственного опыта по применению цифровых технологий	26,0
Дефицит цифровых решений, учитывающих специфику бизнеса компании	20,0
Недостаточный уровень развития инфраструктуры	14,0
Экономическая неопределенность в стране	12,0
Недостаток осведомленности о преимуществах цифровых технологий у лиц, принимающих решения в компании	12,0
Высокие затраты на эксплуатацию системы, использующих цифровые технологии	8,0
Отсутствие информации об успешном опыте применения цифровых технологий в других компаниях отрасли	6,0
Недостаток квалификации у персонала, внедряющего и обслуживающего цифровые технологии	6,0
Внедрение цифровых технологий требует изменений и затрат со стороны поставщиков и потребителей	6,0
Отсутствие специальных мер государственной поддержки использования цифровых технологий компаниями	4,0
Нежелание сотрудников менять привычные формы работы	2,0
Недостаточные бюджеты, выделенные на проекты с использованием цифровых технологий	0,0
Приверженность конечного пользователя привычным продуктам (сервисам)	0,0
Нормативные ограничения, отсутствие стандартов по применению цифровых технологий компаниями	0,0
Слабая защищенность цифровых технологий от криминальных посягательств	0,0
Негативный опыт применения цифровых технологий в компании	0,0
Негативный опыт применения цифровых технологий в других компаниях отрасли	0,0
Другое	0,0

Источник: данные опроса о степени готовности предприятий Вологодской области к развитию промышленности на основе цифровых технологий, ВолНЦ РАН, 2018 г.

Таким образом, подавляющее большинство промышленных предприятий региона не имеет планов по развитию и внедрению цифровых технологий, руководитель каждого не видит в них необходимости. Среди цифровых технологий, применяемых предприятиями реального сектора, преобладают технологии интернета вещей. Широкому распространению цифровых технологий препятствуют высокая стоимость проектов, недостаточная квалификация персонала, отсутствие опыта. Недостаток финансовых ресурсов является ключевым фактором, сдерживающим перевооружение производств [22]. Этот вывод можно распространить на промышленный сектор российской экономики в целом, так как практически во всех регионах РФ присутствуют те же проблемы, для них характерны одни и те же тенденции. Как результат – конкурентоспособность большинства российских производств остается низкой.

Предложения

Неблагоприятная геополитическая обстановка, усиление конкуренции на мировых рынках, крайне низкие темпы роста российской экономики еще более актуализируют вопрос о необходимости развития Российской Федерации в рамках глобального тренда – новой индустриализации. Экономике России требуется целенаправленное развитие материального производства, создание высокотехнологической обрабатывающей промышленности и повышение ее доли в структуре промышленности, для того чтобы вернуть былые позиции высокоразвитой в научно-техническом плане страны.

В связи с этим идеи новой индустриализации чрезвычайно важны для РФ. Возвышение роли материального производства в системе общественного воспроизводства, развитие обрабатывающих отраслей следует рассматривать как колоссальное преимущество России в целом и ее отдельных регионов. Соответственно, стоит задача разработать методы и механизмы перетока ресурсов из избыточно развитой сферы товарного обращения (в Вологодской области ее доля достигает более 50% оборота организаций) в сферу производства товаров и оказания нематериальных услуг.

На повестке дня – формирование новой модели развития, включающей в себя структурную перестройку экономики, возрождение реального сектора на основе самых передовых технологических нововведений. В условиях разворачивающейся новой промышленной революции на передний план выходит структурно-технологический фактор, выступающий базисом будущей материальной структуры экономики, способной генерировать новые источники роста, обеспечивать высокий уровень конкурентоспособности продукции. Это возможно лишь при широкомасштабной технологической модернизации отечественного индустриального комплекса [23].

Формируя потенциал глобального технологического лидерства, развитые страны мира особое внимание акцентировали на следующих аспектах. Во-первых, на определении национальных приоритетов научно-технологического развития и развития отдельных секторов экономики в рамках государственной научно-технической, инновационной и промышленной политики; взаимной увязке долгосрочных прогнозов, стратегий, планов и программ в приоритетных секторах экономики. Во-вторых, на формировании соответствующих институтов и механизмов, способствующих реализации целей и задач по достижению технологического лидерства в приоритетных областях. В-третьих, на расширении участия национальных корпораций в глобальных цепочках добавленной стоимости. В-четвертых, на повышении конкурентоспособности экономики и ее устойчивом росте путем селективной поддержки научных исследований и внедрения достижений технологического прогресса.

Передовой зарубежный опыт весьма полезен и для Российской Федерации. Вместе с тем его использование в российской практике невозможно без разработки и реализации адекватной поставленным задачам государственной промышленной политики, нацеленной на существенный вклад производственного сектора в рост экономики страны и формирование ее сбалансированной структуры. Отсутствие адекватной промышленной политики грозит дальнейшим отставанием России в отношении производительности труда и конкурентоспособности продукции на мировых рынках, а в

обозримой перспективе может стать системным и непреодолимым препятствием для развития [24].

В перечне задач промышленной политики приоритетное место необходимо отвести таким как:

- стимулирование технологического перевооружения промышленных предприятий страны;
- модернизация основных производственных фондов;
- создание условий для реализации результатов интеллектуальной деятельности в промышленном производстве;
- расширение производства инновационной продукции;
- развитие не только производственного, но и инновационного потенциала промышленных предприятий.

В условиях научно-технологических изменений и цифровизации экономики промышленная политика подразумевает реализацию комплекса мер, отвечающих современным требованиям общественного развития и национальным интересам роста инновационных производств, устойчивости и социально-экономической сбалансированности страны:

- экономическая и внеэкономическая поддержка научно-технологического развития во всех его гранях;
- сбалансированная структурная политика капитальных вложений в научно-технологическую сферу, государственные вложения на принципах государственно-частного партнерства способствовали созданию инновационной экономики во многих странах мира;
- усиление вертикальных и горизонтальных связей и взаимодействий участников инноваций, в т. ч. межстрановое сотрудничество, обеспечение полноты цикла от изобретения до внедрения НИОКР;
- развитие инновационной инфраструктуры, включая сеть каналов передачи знаний и технологий, обмена опытом, общения исследователей и предпринимателей;
- формирование стимулов для предпринимателей, занимающихся инновациями, направленных на согласование локальных интересов и общесистемных ориентиров движения страны (требуется усиление заинтере-

сованности в инновациях, упорядочивание нормативно-правовой базы, системы распределения доходов и налогообложения и снижение налоговой нагрузки на инновационный бизнес);

- интеграция интересов предпринимателей, целей государства и применение механизмов форсайт-менеджмента;
- институциональные преобразования, включая систему понятных согласованных между собой правил инновационной и научной деятельности, соответствующие фонды и институты развития, создание специальных органов, ответственных за системное стратегическое планирование, координацию и научно-технологическую политику;
- смена модели экономического роста, формирование сценариев технологического лидерства, новых моделей управления процессами научно-технических изменений и механизмов реализации стратегий технологического развития.

Успешной реализации промышленной политики, во-первых, будут способствовать создание благоприятной нормативно-правовой среды, приведение ее в соответствие с требованиями цифровой экономики как нового уклада и качественно новых производственных отношений. Во-вторых, необходимо соответствующее информационное и материально-техническое оснащение для реализации новых технологий и видов деятельности. В-третьих, важно предусмотреть изменения в учебных курсах, системе подготовки и переподготовки кадров, учреждениях повышения квалификации по новым специальностям. Кроме того, нужно разработать подходящие механизмы, направленные на поддержку отечественных компаний, наиболее продвинутых в плане новых технологий.

Важное место в регулировании этих процессов должно быть отведено государству. Ему необходимо взять на себя разработку комплекса мер по реиндустриализации промышленности, внедрению высокотехнологичных производств и инновационно активных предприятий, обеспечивающих повышение уровня инновационного потенциала [25; 26], структурную трансформацию национальной экономики, усиление уровня конкурентоспособности отраслей про-

мышленности и экономики в целом и на этой основе — социально-экономическое развитие всех территорий страны¹⁷. Именно государству принадлежит ведущая роль в определении государственной научно-технологической политики, приоритетов в инвестиционной сфере, финансировании фундаментальных наук и рискованных проектов с целью перевода производств на новую основу [27]. При этом оно располагает весьма широким спектром методов реализации научно-технологической политики, направленной на решение задач неоиндустриализации (табл. 9).

Таким образом, для реализации промышленной политики, нацеленной на неоиндустриализацию, требуется формировать новую парадигму управления, которая станет адекватным методологическим базисом инновационно-технологического развития экономики страны и ее отраслей.

Заключение. Перед Россией стоит задача новой индустриализации на основе современных высокотехнологичных производств. Для ее решения необходимо скорректировать государственную промышленную политику. Объективно требуется повышать роль государства как активного экономического субъекта

и экономического института. В национальной экономической системе России нужно усиливать плановые начала для обеспечения целостности и устойчивости системы, а также более полной реализации общественных интересов, применять комплексный подход к стратегическому развитию страны как в отраслевом, так и в территориальном аспекте.

Сильное государство, реализуя общественные интересы, способно создать условия для роста обрабатывающей промышленности. Развитие же высокотехнологичной обрабатывающей промышленности выступает важным фактором экономического роста, обеспечения конкурентоспособности российской продукции на внутреннем и мировом рынках, повышения уровня жизни населения.

Актуальность и острота проблем требуют продолжения нашего исследования. В частности, следует разработать и апробировать методический инструментарий проведения комплексной оценки уровня научно-технологического развития производственного сектора РФ в рамках перехода к цифровой экономике; оценить эффективность промышленной политики регионов в условиях научно-технологических изменений и цифровизации экономики;

Таблица 9. Методы реализации государственной научно-технологической политики в условиях неоиндустриализации

№	Прямые методы	Косвенные методы
1.	Финансирование НИОКР из федерального и региональных бюджетов	Налоговые кредиты и льготы
2.	Контроль осуществляемых закупок технологий и инноваций за рубежом	Стимулирование предприятий через изменения в ценовой и таможенной политике
3.	Страхование риска, существующего в инновационной деятельности	Ускоренная амортизация
4.	Субсидирование научно-технических разработок	Формирование инновационных научно-технологических центров на базе ведущих вузов страны
5.	Дотационное финансирование отдельных инновационных проектов и выделение средств на создание площадок взаимодействия	Совершенствование законодательства в вопросах патентного права, интеллектуальной собственности
6.	Частичное предоставление государственных гарантий для привлечения в проекты средств разных типов инвесторов: банков, инвестиционных компаний и т. д.	Создание правового механизма покупки или вхождения в капитал малых инновационных компаний крупного бизнеса
7.	Институт специнвестконтрактов	

Источник: составлено автором на основе Ленчук Е.Б., Власкин Г.А. Формирование цифровой экономики в России: проблемы, риски, перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 5. С. 9.

¹⁷ Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России. Экспертно-аналитический доклад. М., 2017. 136 с.

разработать механизм реализации региональной промышленной политики, направленной на регулирование процессов инновационного развития экономики, согласно требованиям четвертой промышленной революции и перехода к цифровой экономике.

Результаты исследования могут быть полезны федеральным и региональным органам государственной власти при корректировке государственной промышленной политики, а также для выработки комплекса мер по активизации экономического роста.

Литература

1. Татаркин А.И., Романова О.А. Промышленная политика: генезис, региональные особенности и законодательное обеспечение // Экономика региона. 2014. № 2. С. 9–21.
2. Романова О.А. Конкурентоспособность и государственная промышленная политика // Вестник УГТУ-УПИ. 2008. № 1. С. 32–40. (Экономика и управление).
3. Graham O.L., Jr. *Losing Time: The Industrial Policy Debate*. Harvard University Press, 1994. 384 p.
4. Романова О.А. Условия и факторы структурной модернизации региональной промышленной системы // Экономика региона. 2011. № 2. С. 40–48.
5. Смирнов Е. Инновационный вектор промышленной политики Европейского Союза // Международная экономика. 2007. № 2. С. 54–59.
6. Татаркин А.И. Промышленная политика. Теоретические основы, региональный опыт разработки и реализации // Промышленная политика в Российской Федерации. 2008. № 7. С. 51–70.
7. Smith A. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith. Oxford, 1979. Vol. II. 1094 p.
8. Губанов С.С. От экспортно-сырьевой модели к неоиндустриальной экономической системе // Экономическое возрождение России. 2015. № 4 (46). С. 49.
9. Арон Р. Этапы развития социологической мысли: пер. с англ. М.: Прогресс-Политика, 1993. 608 с.
10. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество: пер. с англ. М., АСТ, 2004. 602 с.
11. Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. New York: Basic Books, 1973. 507 p.
12. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2002. 776 с.
13. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.
14. Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. 640 с.
15. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. М., 2000. 608 с.
16. Sakaya T. *The Knowledge-Value Revolution or a History of Future*. Tokyo – N.Y., 1991. 379 p.
17. Masuda Y. *The Information Society as Post-Industrial Society*. Washington, 1981. 171 p.
18. Вайбер Р. Эмпирические законы сетевой экономики // Проблемы теории и практики управления. 2003. № 3. С. 86–91.
19. Клейнер Г.Б. Реиндустриализация, ресайентизация, реинституционализация – ключевые задачи экономического возрождения России // Экономическое возрождение России. 2015. № 4 (46). С. 35.
20. Пороховский А.А. Обработывающая промышленность: вызовы и перспективы в современном мире // Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Будущее. Т. I / Сб. пленарных докладов IV Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2018) / под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР, 2018. С. 81–98.
21. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 5-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 384 с.
22. Антипина Н.И. Трансформация российского бизнеса в условиях перехода к цифровой экономике: отраслевой и региональные аспекты // Экономическая наука современной России. 2018. № 2. С. 102.
23. Коровин Г.Б. Цифровизация промышленности в контексте новой индустриализации РФ // Общество и экономика. 2018. № 1. С. 47.
24. Ермак С., Лопатина Т., Толмачев Д. Апгрейд // Эксперт Урал. 2018. № 27. С. 20.

25. Глазьев С.Ю., Харитонов В.В. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике. М.: Тривант, 2009. 304 с.
26. Маевский В. Экономическая эволюция и экономическая генетика // Вопросы экономики. 1994. № 5. С. 58–66.
27. Ленчук Е.Б. Курс на новую индустриализацию – глобальный тренд экономического развития // Проблемы прогнозирования. 2016. № 3. С. 132–143.

Сведения об авторе

Владимир Сергеевич Усков – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: v-uskov@mail.ru)

Uskov V.S.

Problems of the State Industrial Policy Formation within Economic Digitalization

Abstract. Upcoming stage of the Russian economy formation is related to breakthrough toward new technologies that provide accelerated and advanced development of the country. In this situation, organizational and structural changes that meet the growth requirements of the economy and its foundation – industrial base – act as priorities of the socio-economic development. Newly emerging industrial policy, aimed at the deep structural modernization of the production sector of the Russian economy as the main object of this policy and digital transformation, is especially important in this context. The purpose of this work is to study problems of the formation of the industrial policy within scientific and technological changes and economic digitalization, as well as to substantiate areas of the state regulation concerning the industrial sector of the Russian Federation. We sum up theoretical and methodological basics of the industrial policy formation, review theoretical foundations of the industrialization essence and technological changes within economic digitalization, conduct the analysis of the state, trends, and problems of scientific and technological development of the Russian Federation's industrial sector, assess the readiness of the industrial sector to digital transformation, define priorities of the Russian Federation's industrial policy aimed at economic intensification and socio-economic development of the country. The scientific novelty of the study consists of the expansion of methodological approaches to ensuring the growth of the Russian economy and increasing its competitiveness within the new industrialization based on the formation of industrial policy in accordance with scientific and technological changes and economic digitalization.

Key words: industrial policy, new industrialization, digitalization of the economy, economic growth, state, trends, areas of development.

Information about the Author

Vladimir S. Uskov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: v-uskov@mail.ru)

Статья поступила 29.05.2020.

Роль финансовых ресурсов банковского сектора экономики в социально-экономическом развитии регионов России*

Илья Викторович

НАУМОВ

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29

E-mail: Iliia_naumov@list.ru

ORCID: 0000-0002-2464-6266; ResearcherID: U-7808-2017

Аннотация. В условиях дефицита финансовых ресурсов для реализации формируемых на различных уровнях управления пространственных стратегий и решения важнейших проблем социально-экономического развития территориальных систем финансовые возможности банковского сектора становятся важным стратегическим ресурсом. Основная цель работы – обосновать ключевую роль банковского сектора экономики в решении проблемы повышения бюджетной обеспеченности субъектов РФ, а также оценить объем необходимых для этого финансовых ресурсов кредитных учреждений. Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи: исследование бюджетной обеспеченности и структуры государственного долга региональных систем, вклада банковского сектора в его формирование, построение пространственных регрессионных моделей, отражающих зависимость уровня социально-экономического развития регионов и их бюджетной обеспеченности от привлекаемых банковским сектором финансовых ресурсов, определение объема финансовых ресурсов кредитных учреждений, привлечение которых позволит решить проблему бюджетного дефицита субъектов РФ. В ходе работы предполагается использовать методы статистического и регрессионного анализа. В результате исследования было установлено, что инвестиции банковского сектора экономики в государственные и муниципальные долговые ценные бумаги, кредитование субъектов РФ способствуют повышению бюджетной обеспеченности, формируют финансовые основы

* Статья подготовлена в соответствии с утвержденным планом НИР Института экономики УрО РАН на 2019–2021 гг.

Для цитирования: Наумов И.В. Роль финансовых ресурсов банковского сектора экономики в социально-экономическом развитии регионов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 6. С. 152–168. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.9

For citation: Naumov I.V. Role of financial resources of the economy's banking sector in Russian regions' socio-economic development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 6, pp. 152–168. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.9

для реализации стратегий социально-экономического развития, а привлечение инвестиций в акции и ценные бумаги предприятий, кредитование финансовых и нефинансовых предприятий и домашних хозяйств приводит к росту валового регионального продукта территорий. Результаты исследования могут быть интересны органам государственной власти субъектов РФ при реализации разрабатываемых пространственных стратегий социально-экономического развития.

Ключевые слова: финансовые ресурсы, банковский сектор, бюджетная обеспеченность, стратегическое планирование, регрессионное моделирование.

Введение

Банки и кредитные учреждения выполняют одну из важнейших функций в развитии экономики, а именно обеспечивают реальный сектор экономики необходимыми финансовыми ресурсами для модернизации и диверсификации производства. О ключевой роли банковского кредитования в развитии реального сектора экономики, в частности, писали такие исследователи, как С.Ю. Глазьев [1], А.Г. Аганбегян [2], О.С. Сухарев [3], Л.Л. Игонина [4], S. Chung, H. Singh, K. Lee [5], J. Bushee Brian [6], Yafeh Yishay, Yosha Oved [7] и другие. Банковский сектор играет важную роль и в привлечении долгосрочных финансовых ресурсов для реализации инвестиционных проектов, направленных на строительство транспортной, инженерной, энергетической инфраструктуры.

В условиях острой нехватки бюджетных финансовых ресурсов для решения социально-экономических проблем развития территориальных систем на различных уровнях управления все чаще возникают вопросы, связанные с поиском дополнительных финансовых источников для реализации стратегических инициатив. В феврале 2019 года Правительством РФ была утверждена Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 года¹, направленная на сокращение межрегиональных социально-экономических диспропорций, развитие перспективных экономических отраслей специализации, формирование перспективных центров экономического роста, минерально-сырьевых и агропромышленных центров. Наличие бюджетного дефицита у большинства регионов ставит под сомнение возможность реализации формируемых стратегий. Анализируя проблемы бюджетной сбалансированно-

сти, Н.В. Зубаревич утверждала, что политика выравнивания бюджетного дефицита территорий, осуществляемая государством за счет субсидий и государственных кредитов, не эффективна, особенно в условиях кризисного состояния российской экономики [8]. По нашему мнению, привлечение инвестиций банковского сектора в долговые ценные бумаги субъектов РФ и их муниципалитетов, а также банковских кредитов, возможно, является оптимальным направлением при решении указанной проблемы. В связи с этим основной целью данного исследования стало обоснование ключевой роли банковского сектора в решении проблемы сбалансированности региональных бюджетов, в т. ч. оценка объема необходимых для этого финансовых ресурсов кредитных учреждений. Для достижения цели поставлены следующие задачи: провести теоретический обзор работ, посвященных оценке роли банковского сектора экономики в повышении бюджетной обеспеченности территорий, оценить бюджетную обеспеченность региональных систем, исследовать структуру государственного долга региональных систем и вклад финансовых ресурсов банковского сектора в его формирование; построить регрессионную модель зависимости бюджетной обеспеченности регионов и уровня их социально-экономического развития от привлекаемых банками финансовых ресурсов; определить объем финансовых ресурсов кредитных учреждений, привлечение которых может решить проблему бюджетного дефицита субъектов РФ.

Теоретический обзор работ, посвященных оценке роли банков в повышении бюджетной обеспеченности территорий

Теоретический обзор работ по проблемам обеспечения территорий финансовыми ресурсами банковского сектора позволил нам сделать некоторые выводы.

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

1. Существуют *противоположные точки зрения относительно роли банковского сектора в обеспечении территорий финансовыми ресурсами*. О важной роли банковского сектора экономики в решении проблем сбалансированности региональных бюджетов писал А.В. Чернявский, отмечая, что банковский сектор является основным источником покрытия дефицита региональных бюджетов: «В 2012 и 2013 гг. в структуре государственного долга субъектов РФ 58,3% составляли кредиты банков и 13,7% – государственные долговые ценные бумаги, приобретаемые финансовыми учреждениями» [9, с. 22]. В работе «Трансформирование инвестиционной деятельности банковской системы Украины для реализации стратегических проектов» Я.В. Жарий и Ю.В. Краснянская подчеркивали роль банков при реализации стратегий социально-экономического развития территориальных систем, а именно их кредитных и депозитных ресурсов [10]. По мнению Э.Н. Рябининой и А.Ф. Савдеровой, «банковский сектор является важнейшей составляющей финансовой системы территории. В стратегии социально-экономического развития именно ему отводится ключевая роль в обеспечении сбалансированности и инновационного развития экономики». Исследователи утверждали, что «устойчивое развитие регионов невозможно без адекватного объема финансовых ресурсов, и именно кредитные организации осуществляют аккумуляцию и мобилизацию денежного капитала, превращая их в важнейший источник средств для субъектов экономики» [11, с. 25]. С.Ю. Глазьев, В.В. Ивантер, В.Л. Макаров, А.Д. Некипелов, А.И. Татаркин, Р.С. Гринберг и другие ученые отмечают: «Главной причиной хронической нехватки средств для целей развития является ориентация финансовой политики на имеющиеся возможности государственного бюджета, которые не позволяют одновременно решать задачи поддержания текущей социально-экономической стабильности и структурно-технологической модернизации. Решение последней задачи возможно только посредством развития банковского кредита» [12, с. 19]. По мнению Ш.Д. Арсланова, необходимость развития банковской сферы региона связана с тем, что «данная структура социально-экономической

системы является важным механизмом саморазвития и стабилизации всего региона в целом. Банковская сфера региона, обеспечивая перераспределение денежных средств, кредитование и расчеты, способствует росту производительности общественного труда» [13, с. 8]. О ключевой роли банковского сектора в социально-экономическом развитии территориальных систем на макроэкономическом уровне писали А.Г. Аганбегян [2], О.С. Сухарев [3], А.И. Столяров [14], Е.В. Попова [15], а также ряд зарубежных исследователей: А. Belke, U. Haskamp, R. Setzer [16], С. Bernini, P. Brighi [17], M. Gjelsvik [18], S.S. Jha [19] и другие.

Вместе с тем некоторые авторы говорят о негативном влиянии банковского сектора и политики Центрального банка РФ по его регулированию на социально-экономическое развитие и финансовую устойчивость территориальных систем. В частности, критикуя осуществляемую в России денежно-кредитную политику, О.С. Сухарев отмечал: «Наличие финансового сектора с созданными для него институтами сильно снижает темпы роста ВВП». Причина этого, по его мнению, заключается в осуществлении данным сектором «финансово-спекулятивной деятельности, находящейся вне зоны контроля обоснованной макроэкономической политики Правительства и способствующей вымыванию финансовых ресурсов из регионов, приводя, в конечном итоге, к возрастанию дефицита региональных бюджетов» [20, с. 135]. В.А. Федосеева утверждала, что «регионы России с более развитым уровнем сектора региональных банков могут осуществлять абсорбирование капитала из соседних регионов. При этом экономическая безопасность регионов с неразвитым сектором региональных банков всегда будет зависеть от решений, принимаемых за пределами их территорий» [21, с. 57]. Из-за неэффективно организованного надзора за деятельностью финансовых учреждений в субъектах и проводимой политики ЦБ РФ, по мнению А.Г. Аганбегяна, «банковская система практически не занимается кредитным инвестированием ни бизнеса, ни регионов с муниципалитетами» [22, с. 7]. А.И. Татаркин отмечал: «Осуществляемая Центральным банком РФ политика по отзыву лицензий у коммерческих банков лишает население, малый и сред-

ний бизнес накоплений и средств на развитие и инновационное обновление производства» [23, с. 20]. Он писал о том, что многим дотационным регионам недоступны кредитные ресурсы банковского сектора экономики, в их отношении проводится неэффективная финансовая политика: вместо поддержки территорий «госзаказами, банковскими кредитами, инвестиционными программами для модернизации их экономики и перехода на модель устойчивого саморазвития им из года в год выделяются дотации» [23, с. 15]. Негативное влияние проводимой банковским сектором финансово-спекулятивной деятельности на экономическое развитие регионов было отмечено и в наших ранних работах. Исследование особенностей формирования и использования инвестиционного потенциала банков показало, что «имеющиеся финансовые ресурсы у данного сектора экономики используются для спекулятивных операций с иностранной валютой, акциями и долговыми ценными бумагами иностранных эмитентов. Большая часть финансовых ресурсов кредитных учреждений размещается на зарубежных счетах в виде депозитов» [24]. В современных условиях развития экономики «банковский сектор, к сожалению, уже не выполняет традиционные для него функции по аккумуляции, сбережению и воспроизводству денежных ресурсов институциональных секторов экономики» [25]. И этому способствует денежно-кредитная политика Центрального банка РФ. Для привлечения финансовых ресурсов банковского сектора в бюджеты различного уровня с целью реализации генерируемых стратегических идей необходима перестройка не только финансовой политики самих кредитных учреждений, но и, прежде всего, осуществляемой государством денежно-кредитной политики.

2. Второй вывод заключается в ограниченном с точки зрения финансовых инструментов рассмотрении вклада банковского сектора экономики в развитие территориальных систем. Большинство исследователей ограничивают роль банковского сектора исключительно кредитованием инфраструктурных объектов, реализуемых органами государственной власти на региональном и муниципальном уровнях, сферы строительства и ЖКХ. Отмечается

участие банковского сектора и в реализации социальной политики территориальных систем, в частности жилищном и потребительском кредитовании домашних хозяйств. При этом не оценивается вклад банковского сектора в формирование финансовых основ территориальных систем с использованием такого инвестиционного инструмента, как инвестиции в долговые ценные бумаги государственных учреждений, облигации федерального займа, региональных и муниципальных бюджетов. Они наиболее привлекательны для государственного сектора экономики, поскольку в отличие от кредита предоставляют отсрочку в погашении основной части долга, особенно при использовании долговых ценных бумаг с большим сроком погашения. В условиях необходимости долгосрочных инвестиций при реализации стратегий социально-экономического развития территорий данный инвестиционный инструмент банковского сектора экономики становится наиболее эффективным механизмом привлечения финансовых ресурсов. Необходимо отметить, что дискуссии о роли банковского сектора экономики в реализации стратегических программ территориального развития и в целом в прогрессивном социально-экономическом развитии территориальных систем в научном сообществе появились сравнительно недавно. Аспект привлечения финансовых ресурсов банковского сектора в ценные бумаги субъектов РФ и их муниципальных образований еще не изучен основательно.

Методический подход к исследованию роли банковского сектора в повышении бюджетной обеспеченности и социально-экономическом развитии регионов

В научной литературе встречаются три основных методических подхода к исследованию обеспеченности территориальных систем финансовыми ресурсами: статистический, предполагающий сопоставление динамики индикаторов социально-экономического развития территории и финансовых ресурсов кредитных учреждений, балансовый, рассматривающий систему движения финансовых ресурсов между институциональными секторами в территориальной системе в виде равновесной модели, а также эконометрическое моделирование, пред-

ставляющее в виде математических уравнений зависимость социально-экономического развития территорий от привлекаемых банковским сектором ресурсов.

Первый подход является наиболее распространенным, его использовали Н.В. Зубаревич [8], А.Г. Аганбегян [22], А.В. Чернявский [9], Я.В. Жарий и Ю.В. Краснянская [10], Э.Н. Рябина, А.Ф. Савдерева [11], Ш.Д. Арсланов [13] и многие другие. Статистический анализ индикаторов финансового развития территорий помогает установить тенденции и закономерности в динамике исследуемых процессов, однако не позволяет обосновать зависимость развития от привлекаемых банковским сектором финансовых ресурсов, сформировать прогноз социально-экономического развития территориальных систем при изменении объема привлекаемых банковским сектором ресурсов.

Данная проблема характерна и для балансового подхода к исследованию обеспеченности территориальных систем финансовыми ресурсами. Создание матриц движения финансовых потоков между институциональными секторами с использованием методологии Системы национальных счетов (СНС) и формирования матрицы социальных счетов (SAM) позволяет раскрыть взаимосвязи между сектором финансовых корпораций, к которым относятся банки и другие кредитные учреждения, страховые организации, инвестиционные фонды, и сектором нефинансовых корпораций, государственного управления, домашних хозяйств и иностранных учреждений. Этот подход в отличие от других позволяет подробно отразить все процессы движения финансовых ресурсов между указанными секторами по различным инструментам (инвестиции в монетарное золото, иностранную валюту, долговые и долевыми ценные бумаги, операции с депозитами и кредитованием, формирование резервов и др.) и оценить вклад каждого из секторов в социально-экономическое развитие территории. Однако такой инструментарий создает серьезные ограничения для работы, поскольку статистические данные, используемые для его реализации, формируются на макроэкономическом уровне и редко — на региональном, помимо этого, актуализируются раз в пять лет, что затрудняет исследование динамики движения финансовых ресурсов

между финансовыми корпорациями и другими секторами и исключает их анализ на муниципальном уровне. Кроме того, указанный методический подход не позволяет прогнозировать влияние банковского сектора на обеспеченность территориальных систем финансовыми ресурсами. Обзор научной литературы показал, что он не является широко распространенным, его применяли Е.А. Захарчук и А.Ф. Пасынков [26], Д.А. Татаркин, Е.Н. Сидорова, А.В. Трынов [27], И.В. Наумов [24; 25], R. Stone [28], G. Pyatt, J.I. Round [29], Н. Khan, E. Thorbecke [30].

Третий методический подход — эконометрическое моделирование — в отличие от других позволяет с помощью функциональных зависимостей обосновать влияние привлекаемых банковским сектором ресурсов на социально-экономическое развитие территорий, оценить эффективность тех или иных инвестиционных инструментов привлечения ресурсов, сформировать прогноз обеспеченности территорий финансовыми ресурсами, установить размер требующихся для повышения обеспеченности территорий ресурсов кредитных учреждений. В связи с этим для обоснования ключевой роли банковского сектора экономики и его финансовых ресурсов в решении проблем повышения бюджетной обеспеченности субъектов РФ и их социально-экономического развития, определения объема необходимых для этого ресурсов мы будем применять инструменты статистического анализа и регрессионного моделирования. В качестве исходной информации предполагается использовать официальные данные Федеральной службы государственной статистики по объемам доходов и расходов консолидированного бюджета регионов, а также Министерства финансов РФ по изменению государственного долга субъектов РФ за период с 2016 по 2018 год, региональные статистические данные ЦБ РФ по инвестициям банков в долговые и долевыми ценные бумаги, объему и структуре банковского кредитования по 85 субъектам РФ за период с 2008 по 2018 год.

На начальном этапе исследования предполагаем произвести расчет и анализ динамики бюджетной обеспеченности регионов (разницы доходов и расходов консолидированного бюджета субъектов РФ). Для этого осуществим

расчет трехгодичного средневзвешенного показателя бюджетной обеспеченности, охватывающего период с 2016 по 2018 год:

$$\overline{BO}_p = \frac{\sum(D_p - P_p)}{3}, \quad (1)$$

где \overline{BO}_p – средневзвешенный за последние три года показатель бюджетной обеспеченности региона, млн руб.;

D_p – доходы консолидированного бюджета субъекта РФ, млн руб.;

P_p – расходы консолидированного бюджета субъекта РФ, млн руб.

Необходимость использования средневзвешенного показателя обусловлена важностью учета не только текущей финансовой ситуации в регионе, но и сформировавшейся за последние годы тенденции. Анализ данных о бюджетной обеспеченности в динамике показал, что многие регионы на протяжении нескольких последних лет обладали дефицитным бюджетом, а в 2018 году у некоторых из них сформировался профицит бюджета. Для корректной оценки бюджетной обеспеченности субъектов и предлагается расчет усредненного за последние три года показателя. Анализ позволит установить регионы с дефицитом бюджета, для которых вопросы формирования финансовых основ для реализации пространственной стратегии и решения важнейших проблем социально-экономического развития стоят наиболее остро.

На следующем этапе на основе данных Министерства финансов РФ предполагается исследовать структуру государственного долга субъектов РФ и вклад финансовых ресурсов банковского сектора в его формирование с помощью показателя:

$$\overline{BF}_p = \frac{\sum \left(\frac{ГЦБ_p + КСФ_p}{ВД_p} \right) \times 100}{3}, \quad (2)$$

где \overline{BF}_p – средневзвешенный за период 2016–2018 гг. удельный вес финансовых ресурсов банковского сектора в структуре государственного долга субъекта РФ, %;

$ГЦБ_p$ – объем государственных и муниципальных ценных бумаг, выпущенных субъектами РФ и приобретенных финансовыми учреждениями, млн руб.;

$КСФ_p$ – объем выделенных субъектам РФ и их муниципальным образованиям банковских кредитов, млн руб.;

$ВД_p$ – совокупный государственный долг субъекта РФ, млн руб.

Согласно публикуемым Министерством финансов РФ данным государственный долг субъектов РФ формируется в результате выпуска органами власти государственных и муниципальных долговых ценных бумаг и реализации их финансовым учреждениям, привлечения банковских и бюджетных кредитов, государственных гарантий. Расчет и анализ средневзвешенного удельного веса финансовых ресурсов банковского сектора в структуре государственного долга субъекта РФ позволят оценить отмеченную за последние три года тенденцию, а не случайные значения, проявившиеся в 2018 году, и установить вклад финансовых ресурсов банковского сектора в повышение бюджетной обеспеченности регионов.

На третьем этапе для исследования пространственных особенностей при распределении финансовых ресурсов банковского сектора, направляемых для сглаживания дефицита регионального бюджета, предполагается сопоставить бюджетную обеспеченность регионов и долю финансовых ресурсов банковского сектора в формировании их государственного долга методом пространственной группировки. В ходе его реализации в рамках двух групп регионов (с профицитным и дефицитным консолидированным бюджетом) выделены три подгруппы (с низким, средним и высоким уровнем вклада финансовых ресурсов банковского сектора в формирование государственного долга субъектов РФ). Дифференциация территориальных систем по вкладу финансовых ресурсов банковского сектора в формирование государственного долга регионов (\overline{BF}_p) производится с использованием следующих пороговых значений:

1. Территориальные системы с высоким значением \overline{BF}_p , превышающим верхнюю границу среднеквадратичного отклонения показателя от среднего значения по РФ:

$$\overline{BF}_p > (\overline{BF} + \sqrt{\frac{\sum(\overline{BF}_p - \overline{BF})^2}{n}}), \quad (3)$$

где $\overline{БФ}_p$ – средневзвешенный за три года (2016–2018 гг.) удельный вес финансовых ресурсов банковского сектора в структуре государственного долга региона, %;

$\overline{БФ}$ – среднероссийский уровень удельного веса финансовых ресурсов банковского сектора в структуре государственного долга региона, %.

Территориальные системы со значением удельного веса финансовых ресурсов банковского сектора в структуре государственного долга региона выше среднего:

$$\overline{БФ} < \overline{БФ}_p \leq \left(\overline{БФ} + \sqrt{\frac{\sum (\overline{БФ}_p - \overline{БФ})^2}{n}} \right). \quad (4)$$

3. Территориальные системы с низким значением удельного веса финансовых ресурсов банков в структуре государственного долга субъекта РФ ($\overline{БФ}_p \leq \overline{БФ}$).

В результате исследования на этом этапе мы предполагаем выявить центры концентрации финансовых ресурсов банковского сектора экономики, направляемых для повышения бюджетной обеспеченности субъектов РФ, а также территории, с трудом привлекающие ресурсы банков, необходимые для реализации стратегических инициатив и решения важнейших проблем социально-экономического развития. Для обоснования ключевой роли банковского сектора экономики в решении проблем, связанных с повышением сбалансированности региональных бюджетов и обеспечением роста ВРП, на следующем этапе планируется проведение множественного регрессионного анализа с использованием панельных статистических данных, в ходе которого предполагаем построить регрессионную модель влияния привлекаемых банковским сектором инвестиций в государственные долговые ценные бумаги субъектов РФ и их муниципальных образований, а также выделяемых регионам кредитов на уровень доходов консолидированного бюджета субъектов РФ (D_p). Сформированное уравнение регрессионной модели позволит установить размер финансовых ресурсов, которые может привлечь банковский сектор для повышения бюджетной обеспеченности региональных систем. На данном этапе предполагается формирование регрессионной модели зависимости уровня ВРП субъектов РФ от инвестиций кредитных учреж-

дений в государственные и корпоративные ценные бумаги, акции, объема выделенных кредитов домашним хозяйствам, нефинансовым организациям, кредитным организациям и прочим финансовым учреждениям. Такая модель может в дальнейшем использоваться органами государственной власти для прогнозирования динамики изменения ВРП в субъектах РФ, а также выработки управленческих решений.

Новизной предлагаемого методического подхода к исследованию роли банковского сектора экономики в социально-экономическом развитии регионов является комплексное использование статистических и экономико-математических методов анализа данных, пространственного анализа процессов распределения финансовых ресурсов банковского сектора, направляемых для инвестиций в государственные и муниципальные ценные бумаги и кредитования субъектов РФ. Для исследований в данной сфере характерно применение либо статистических методов, либо методов пространственного анализа. Была сделана попытка с помощью регрессионного анализа обосновать ключевое значение финансовых ресурсов банковского сектора в социально-экономическом развитии регионов. Новизна предлагаемого подхода заключается и в системном представлении вклада банковского сектора в социально-экономическое развитие территорий. Мы попытались оценить влияние финансовых ресурсов, привлекаемых для повышения бюджетной обеспеченности, а также банковского кредитования всех хозяйствующих субъектов экономики на уровень экономического развития регионов (ВРП).

Исследование бюджетной обеспеченности регионов и вклада финансовых ресурсов банковского сектора в ее повышение

Исследование динамики бюджетной обеспеченности территорий за период с 2016 по 2018 год показало, что на протяжении всего периода профицитным бюджетом обладали только 18 регионов, среди которых наиболее высокий уровень профицита наблюдался в г. Москве, республиках Башкортостан, Татарстан, Дагестан, Приморском, Алтайском, Краснодарском краях, Челябинской, Воронежской, Ростовской и Тверской областях. В 2018 году дефицитный бюджет был характерен для

15 субъектов РФ, у остальных наблюдалось превышение доходов консолидированного бюджета над его расходами. Однако сделать вывод о высокой бюджетной обеспеченности большинства регионов мы не можем, поскольку 67 субъектов РФ в период с 2015 по 2017 год обладала дефицитным бюджетом. Наиболее остро недостаток бюджетных ресурсов в последние годы ощущался в Московской, Сахалинской, Ярославской, Магаданской областях, Красноярском и Хабаровском краях, Республике Мордовии. Расчет средневзвешенного за последние три года показателя позволил подтвердить вывод о недостаточной бюджетной обеспеченности многих регионов (табл. 1).

Согласно данным таблицы наиболее высокий дефицит бюджетных ресурсов на протяжении трех последних лет наблюдался в Московской области, г. Санкт-Петербурге, регионах с наиболее высоким уровнем деловой активности, высокой концентрацией привлекаемых инвестиций в основной капитал и прямым иностранным инвестициям. Дефицит бюджета большинства субъектов РФ связан с реализацией государством крупных инвестиционных проектов по развитию транспортной, инженерной, энергетической инфраструктуры. Необходимость реализации до 2025 года разрабатываемой в настоящее время в каж-

дом регионе пространственной стратегии формирует дополнительную нагрузку на бюджет субъектов РФ.

В условиях нарастания кризисных явлений в экономике и ограниченности федерального бюджета не все регионы смогут получить государственные кредиты для покрытия дефицита бюджета и реализации стратегических проектов и программ социально-экономического развития. В связи с этим важными направлениями привлечения дополнительных финансовых ресурсов в региональные бюджеты становятся эмиссия субъектами РФ и их муниципальными образованиями долговых ценных бумаг, а также получение банковских кредитов. По состоянию на 1 января 2020 года совокупный государственный долг субъектов РФ составлял 2493,4 млрд руб. По сравнению с 2016 годом его объем сократился незначительно – на 8,2%. Его структура формировалась за счет выделенных субъектам РФ бюджетных кредитов (42%), банковских кредитов (33%) и поступивших от финансовых учреждений инвестиций в долговые ценные бумаги субъектов РФ и их муниципалитетов (25%). Совокупная доля банковского сектора в государственном долге всех субъектов РФ на начало 2020 года составляла 58%. В 34 регионах доля финансовых ресурсов банковского сектора в государственном

Таблица 1. Средневзвешенный показатель бюджетной обеспеченности региона (\bar{B}_p) за период 2016–2018 гг., млн руб.

Регионы с высоким профицитом бюджета (выше среднего уровня)		Регионы с высоким дефицитом бюджета (выше среднего уровня)	
г. Москва	59670	Московская область	-12790
ЯНАО	20238	г. Санкт-Петербург	-17508
Кемеровская область	16901	Красноярский край	-7394
Республика Башкортостан	15471	Республика Мордовия	-7164
Тюменская область	13515	Хабаровский край	-7080
Краснодарский край	11939	Сахалинская область	-6304
Вологодская область	8821	Республика Крым	-5284
Приморский край	8597	Ярославская область	-3347
Челябинская область	6739	Остальные регионы с дефицитом бюджета	
Республика Татарстан	6551	Томская, Орловская, Волгоградская, Тамбовская, Костромская, Курганская, Омская, Магаданская, Калининградская, Ульяновская, Архангельская, Тульская, Кировская, Псковская, Пензенская области	
Воронежская область	6340	Республики Хакасия, Бурятия, Саха (Якутия), Калмыкия, Карелия, Адыгея, Удмуртская, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская	
Республика Дагестан	5811	Забайкальский край, Еврейская АО, Ненецкий АО, г. Севастополь	
Алтайский край	5419		
Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: http://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения 03.08.2020).			

Таблица 2. Структура государственного долга субъектов РФ с наиболее высокой долей финансовых ресурсов банковского сектора по состоянию на 1 января 2020 г.

Субъект РФ	Объем привлеченных средств в результате выпуска и реализации государственных и муниципальных ценных бумаг, млн руб.	Выделенные субъектам РФ и их муниципальным образованиям кредиты от кредитных организаций, иностранных банков, млн руб.	Выделенные субъектам РФ и их муниципальным образованиям бюджетные кредиты от других бюджетов бюджетной системы РФ, млн руб.	Доля финансовых ресурсов банковского сектора в государственном долге субъектов РФ, %
г. Москва	30000	0	0	100
г. Санкт-Петербург	30100	0	0	100
Ненецкий АО	1600	60	0	100
Московская область	82750	89802	16674	91
ХМАО	13000	3294	2311	88
Тамбовская область	8100	10219	3791	83
Псковская область	0	14803	3247	82
Республика Бурятия	0	12734	2753	82
ЯНАО	12961	0	3514	79
Хабаровский край	4074	40216	11621	79
Нижегородская область	50300	20282	20236	78
Орловская область	5000	10619	4709	77
Томская область	19402	8608	8188	77
Красноярский край	60031	11389	24196	75
Республика Коми	18595	2579	7294	74
Свердловская область	25000	34407	21881	73
Республика Саха	33125	5035	14851	72
Самарская область	31965	15010	18384	72
Курганская область	0	12969	5037	72
Новосибирская область	29751	17480	19917	70

Источник: данные Министерства финансов РФ. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/subdbt/ (дата обращения 03.08.2020).

долге существенно превышала это значение (табл. 2). Наиболее ощутим вклад банковского сектора в повышение бюджетной обеспеченности г. Москвы, г. Санкт-Петербурга и Ненецкого автономного округа.

В указанных регионах государственный долг формировался за счет инвестиций банковского сектора в долговые ценные бумаги. Доля финансовых ресурсов банковского сектора в государственном долге субъектов РФ более 70% наблюдалась в Московской, Тамбовской, Псковской, Нижегородской, Орловской, Томской, Свердловской, Самарской, Курганской и Новосибирской областях, ХМАО, ЯНАО, Хабаровском, Красноярском краях, республиках Бурятия, Коми, Саха. Государственный долг большинства из них формировался в результате реализации выпущенных субъектами РФ долговых государственных и муниципальных ценных

бумаг. Банковские кредиты наиболее активно привлекались в Курганской, Псковской областях и Республике Бурятия. Долговые ценные бумаги не использовались ими для повышения бюджетной обеспеченности. Данный инструмент привлечения дополнительных финансовых ресурсов не применялся в 43 регионах. Их государственный долг формировался за счет банковского и бюджетного кредитования, что является негативной тенденцией, поскольку долговые ценные бумаги в отличие от кредитов способствуют привлечению долгосрочных инвестиций, возврат которых осуществляется в конце срока действия ценных бумаг при их погашении. Пространственное распределение средневзвешенного за последние три года значения доли финансовых ресурсов банковского сектора в структуре государственного долга субъектов РФ (рисунок) показало, что банков-

Средневзвешенный за 2016–2018 гг. удельный вес финансовых ресурсов банковского сектора в структуре государственного долга субъектов РФ, %

Источник: данные Министерства финансов РФ. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/subdbt/ (дата обращения 03.08.2020).

ский капитал наиболее востребован в центральных регионах с высоким уровнем экономического развития (г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская, Ленинградская, Нижегородская, Самарская области), а также в минерально-сырьевых центрах России (ХМАО, ЯНАО, Ненецкий АО, Архангельская, Томская области, Красноярский край, Республика Бурятия).

При этом в некоторых из них, несмотря на существенный приток финансовых ресурсов банковского сектора экономики, наблюдается дефицит бюджета² (табл. 3): Ненецкий АО (280 млн руб.), Республика Бурятия (1869 млн руб.), Тамбовская (1853 млн руб.), Томская (2326 млн руб.), Московская области (12790 млн руб.), Красноярский край (7394 млн руб.) и г. Санкт-Петербург (17508 млн руб.).

² По средневзвешенному показателю бюджетной обеспеченности за период 2016–2018 гг.

Согласно Стратегии пространственного развития России до 2025 года г. Санкт-Петербург и города Московской области являются перспективными центрами экономического роста, Красноярский край и Ненецкий автономный округ – перспективными минерально-сырьевыми центрами по добыче нефти и природного газа, Тамбовская область – перспективным агропромышленным центром, Томская область – научно-образовательным центром мирового уровня, а Республика Бурятия – приоритетной геостратегической территорией. В условиях серьезного дефицита бюджета реализация данных стратегических инициатив становится труднодостижимой задачей и привлекаемые в настоящее время в значительном объеме финансовые ресурсы банковского сектора вносят существенный вклад в повышение бюджетной обеспеченности указанных регионов.

Таблица 3. Группировка регионов по уровню бюджетной обеспеченности и вкладу банковского сектора в формирование государственного долга субъектов РФ, %

	Регионы с высокой долей финансовых ресурсов банков в структуре государственного долга		Регионы с долей финансовых ресурсов банков в структуре государственного долга выше среднего уровня		Регионы с долей финансовых ресурсов банков в структуре государственного долга ниже среднего уровня
Регионы с профицитным бюджетом	г. Москва	92,8	Воронежская область	62,6	Вологодская, Челябинская, Тюменская, Астраханская, Тверская, Курская, Брянская, Рязанская, Амурская, Владимирская, Калужская, Ленинградская, Смоленская, Новгородская области Республики Башкортостан, Дагестан, Татарстан, Тыва, Алтай, Северная Осетия, Ингушетия, Чечня Приморский, Камчатский, Алтайский края Чукотский автономный округ
	ЯНАО	79,4	Краснодарский край	52,3	
	ХМАО	88,7	Кемеровская область	48,6	
	Республика Коми	77,6	Республика Марий Эл	59,1	
	Нижегородская область	76,2	Свердловская область	69,7	
	Самарская область	74,4	Новосибирская область	68,5	
			Ставропольский край	58,9	
			Липецкая область	56,5	
			Ивановская область	56,3	
			Ростовская область	56,3	
			Иркутская область	54,8	
			Пермский край	53,1	
			Белгородская область	52,5	
			Мурманская область	51,6	
			Оренбургская область	49,6	
		Чувашская Республика	48,7		
		Саратовская область	52,2		
Регионы с дефицитом бюджета	Ненецкий АО	100	Ульяновская область	68,5	Республики Адыгея, Калмыкия, Крым, Карачаево-Черкесская, Мордовия Калининградская, Сахалинская, Кировская области Забайкальский край г. Севастополь
	Республика Бурятия	78,4	Магаданская область	68,1	
	Тамбовская область	76,4	Курганская область	66,9	
	Томская область	73,9	Омская область	66,3	
	Московская область	79,2	Псковская область	65,4	
	Красноярский край	76,7	Волгоградская область	61,0	
	г. Санкт-Петербург	76,3	Архангельская область	59,7	
			Пензенская область	58,9	
			Республика Карелия	54,9	
			Тульская область	54,7	
			Республика Саха	52,2	
			Кабардино-Балкарская Республика	49,1	
			Хабаровский край	67,2	
			Ярославская область	64,4	
			Орловская область	62,8	
			Удмуртская Республика	58,9	
			Республика Хакасия	54,7	
		Костромская область	54		
		Еврейская АО	52,4		

Примечание: Серым цветом отмечен превышающий 50% уровень соотношения государственного долга и доходов консолидированного бюджета за 2019 год.
Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: http://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения 03.08.2020); данные Министерства финансов РФ. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/subdbt/ (дата обращения 03.08.2020).

Данные таблицы 3 свидетельствуют, что дефицитным бюджетом обладают и формируемые перспективные минерально-сырьевые центры по добыче золота – Магаданская область (1166 млн руб.), алмазов, золота, топливно-энергетических ресурсов – Республика Саха (1148 млн руб.), перспективные агропромышленные центры – Волгоградская (2025 млн руб.) и Пензенская (102 млн руб.) области, приграничные геостратегические территории РФ – Курганская (1809 млн руб.), Омская (1613 млн руб.), Псковская (1008 млн руб.) области, Еврейская АО (677 млн руб.), Кабардино-Балкарская Республика (1241 млн руб.) и Хабаровский край (7080 млн руб.). При этом у отдельных регионов, отмеченных в таблице серым цветом, наблюдается чрезвычайно высокий (больше 50% при среднем по России 29,3%) уровень государственного долга по отношению к доходам консолидированного бюджета по состоянию на 1 января 2020 года. При таком дефиците бюджета без дополнительной финансовой поддержки государства и банковского сектора реализация формируемых в настоящее время пространственных стратегий и стратегий социально-экономического развития в регионах невозможна. В субъектах с низкой бюджетной обеспеченностью и невысоким объемом привлекаемых финансовых ресурсов банковского сектора экономики, за исключением Республики Мордовии, Кировской области и Забайкальского края, долговая нагрузка на бюджет не превышает средний уровень по России. В связи с этим считаем возможным для реализации пространственной стратегии (формирования перспективного минерально-сырьевого центра по добыче угля в Сахалинской области и приграничных геостратегических территорий в Крыму и г. Севастополе, Карачаево-Черкесской Республике, Калининградской области) наращивать государственный долг субъектов РФ путем привлечения финансовых ресурсов банковского сектора.

Для исследования вклада финансовых ресурсов банковского сектора в повышение бюджетной обеспеченности регионов и возможности обоснованно определить размер требуемой эмиссии долговых ценных бумаг с целью привлечения финансовых ресурсов банковского сектора нами был проведен мно-

жественный регрессионный анализ по методу наименьших квадратов с использованием панельных данных. В качестве зависимой переменной выбран показатель «объем доходов консолидированного бюджета субъекта РФ» (Д), а в качестве факторных признаков – «объем государственных и муниципальных долговых ценных бумаг, приобретенных банками и финансовыми учреждениями» (ЦБ), «объем выделенных субъектам РФ и их муниципальным образованиям банковских кредитов» (К) и «объем выделенных субъектам РФ бюджетных кредитов» (БК). В ходе регрессионного моделирования была проведена оценка наличия корреляционных взаимосвязей между факторными признаками, линейности/нелинейности, а также однородности распределения исследуемой выборки наблюдений. После устранения из модели факторов, формирующих мультиколлинеарность, установлена зависимость доходов консолидированного бюджета субъектов РФ от инвестиций банков и финансовых учреждений в их долговые ценные бумаги:

$$Д = 67280,8 + 9,9 \times ЦБ, \quad (5)$$

где Д – объем доходов консолидированного бюджета, млн руб.;

ЦБ – объем государственных и муниципальных долговых ценных бумаг, приобретенных банками и финансовыми учреждениями, млн руб.

Оценка полученной в результате анализа регрессионной статистики свидетельствует, что сформированная модель является достоверной, основные параметры регрессии статистически значимы (коэффициент корреляции $R = 0,87$ превышает значение 0,7; значимость F полученного уравнения и коэффициента детерминации не превышает нормативное значение 0,05; Р-значения коэффициентов регрессии находятся в пределах допустимых значений). Сформированная модель показала первостепенное значение инвестиций банковского сектора экономики в долговые ценные бумаги субъектов РФ и их муниципальных образований при повышении бюджетной обеспеченности регионов. Бюджетное и банковское кредитование является второстепенным фактором привлечения в региональный бюджет дополнительных финансовых ресурсов. Построенная модель с учетом информации о предстоящих

расходах бюджета позволяет спрогнозировать бюджетную обеспеченность регионов при изменении динамики привлекаемых инвестиций в долговые ценные бумаги, а также определить оптимальный объем требующихся инвестиций в ценные бумаги субъектов РФ для решения проблемы дефицита бюджета (табл. 4).

Согласно построенной модели острая проблема дефицита бюджета в Московской области в 2018 году могла быть решена путем дополнительного выпуска и реализации долговых государственных и муниципальных ценных бумаг объемом в 26971 млн руб. (до 64471 млн руб.), в г. Санкт-Петербурге – на 21828 млн руб., Ненецком АО – на 10374 млн руб., Калининградской области – на 3039 млн руб., Хабаровском крае – на 2537 млн руб. и Тульской области – на 717 млн руб. Выпуск ценных бумаг в объеме, представленном в таблице 4, позволил бы привлечь дополнительные финансовые ресурсы в Сахалинскую и Архангельскую области, Республику Крым, Забайкальский край, повысив их бюджетную обеспеченность.

Для обоснования ключевой роли банковских финансовых ресурсов в социально-экономическом развитии регионов нами был проведен регрессионный анализ с использованием

панельных данных по субъектам РФ за 2008–2018 гг. В результате анализа 935 наблюдений построена модель зависимости ВРП субъектов РФ от инвестиций предприятий в основной капитал, прямых иностранных инвестиций и финансовых ресурсов банков и других кредитных учреждений:

$$GRP = 51010,78 + 3,229 \times IFA + 1,054 \times FI + 0,463 \times BL + 0,007 \times BIS, \quad (6)$$

где GRP – валовой региональный продукт (Gross regional product), млн руб.;

IFA – инвестиции в основной капитал (Investments in fixed assets), млн руб.;

FI – прямые иностранные инвестиции (Foreign investment), млн руб.;

BIS – инвестиции банков в государственные и корпоративные долговые ценные бумаги, акции, учтенные векселя (Bank investments in securities), млн руб.;

BL – объем банковского кредитования финансовых, нефинансовых корпораций, физических лиц (Bank lending), млн руб.

На основе результатов регрессионного анализа, представленных в таблице 5, можно сделать вывод о достоверности модели и ее основных параметров.

Таблица 4. Расчет объема требующихся инвестиций в долговые ценные бумаги субъектов РФ для решения проблемы дефицита бюджета, млн руб.

Субъект РФ	Расходы бюджета в 2018 г.*	Дефицит бюджета в 2018 г.*	Выпущенные и реализованные субъектами РФ долговые ценные бумаги в 2018 г.**	Объем инвестиций в ценные бумаги, привлечение которых позволило бы в 2018 году решить проблему бюджетного дефицита субъектов РФ (ЦБ)***	Смоделированный доход бюджета (Д = 67280,8+9,9×ЦБ)***
Регионы с высоким дефицитом бюджета					
Московская обл.	703478	-12790	37500	64471	703478
г. Санкт-Петербург	579701	-17508	30100	51928	579704
Хабаровский край	132509	-7080	4074	6611	132518
Сахалинская обл.	165315	-6304	0	9935	165319
Республика Крым	175471	-5284	0	10964	175473
Остальные регионы с дефицитом бюджета					
Калининградская обл.	123973	-1107	2707	5746	123982
Архангельская обл.	89932	-1055	0	2296	89938
Тульская обл.	89150	-685	1500	2217	89158
Забайкальский край	70424	-501	0	319	70429
Ненецкий АО	189381	-280	2000	12374	189387

Источники: *Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: http://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения 03.08.2020); **данные Министерства финансов РФ. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/subdbt/ (дата обращения 03.08.2020); ***результаты расчета с использованием построенной регрессионной модели (5).

Таблица 5. Результаты регрессионного анализа

Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
C	51010,78	11737,81	4,345852	0.0000
IFA	3,229107	0,062070	52,02324	0.0000
FI	1,053551	0,107138	9,833557	0.0000
BIS	0,463158	0,132272	3,501569	0,0004
BL	0,006531	0,023452	0,278523	0.0425
R-squared	0,962216	Mean dependent var		605794,5
Adjusted R-squared	0,962054	S.D. dependent var		1335497
S.E. of regression	275197,1	Akaike info criterion		27,556
Sumsquared resid	4.13E+13	Schwarz criterion		27,587
F-statistic	5921,045	Durbin-Watson stat		2,159
Prob (F-statistic)	0.000000			

Примечание: представлены результаты регрессионного анализа зависимости ВРП субъектов РФ от инвестиций предприятий в основной капитал, прямых иностранных инвестиций и финансовых ресурсов банков и других кредитных учреждений с использованием панельных данных (935 наблюдений) по субъектам РФ за 2008–2018 гг.
Источник: данные по объему инвестиций банковского сектора заимствованы из регионального раздела статистики кредитных учреждений Центрального банка РФ. URL: <http://cbr.ru> (дата обращения 03.08.2020).

Коэффициент корреляции в модели близок к единице, нулевая гипотеза незначимости коэффициента детерминации отклоняется ($\text{Prob}_{(F\text{-statistic})} < 0,05$), подтверждается статистическая значимость коэффициентов регрессии ($\text{Prob.} < 0,05$), в модели отсутствует мультиколлинеарность, автокорреляция между остатками. В результате моделирования мы пришли к выводу о том, что привлечение дополнительных финансовых ресурсов банков и других кредитных учреждений, инвестиций предприятий в основной капитал и прямых иностранных инвестиций будет способствовать росту ВРП рассматриваемых территориальных систем. Банковский сектор экономики обладает значительными финансовыми ресурсами, которые могут использоваться для повышения бюджетной обеспеченности регионов и их муниципальных образований, решения острых проблем социально-экономического развития и реализации формируемых в настоящее время пространственных стратегий. К сожалению, сегодня банковский сектор экономики проводит спекулятивную политику управления финансовыми ресурсами: кредитные учреждения инвестируют средства в акции и ценные бумаги иностранных эмитентов, иностранную валюту, курс которой в настоящее время сильно волатилен, рискованные производные финансовые инструменты (фьючерсы, опционы и другие деривативы). Высокая волатильность на фи-

нансовых, товарных рынках, неопределенность развития отечественной экономики способствуют активному оттоку финансовых ресурсов банковского сектора за рубеж. Для привлечения таких ресурсов в российскую экономику считаем необходимым изменение проводимой государством денежно-кредитной политики в части регулирования ключевой ставки, использования механизмов государственной поддержки кредитных учреждений, таких как субординированное кредитование, субсидирование части процентной ставки по банковским кредитам и инвестициям, привлекаемым в долговые ценные бумаги субъектов РФ и их муниципальных образований. Осуществляемая государством денежно-кредитная политика должна быть подчинена целям развития экономики, стимулировать финансовые институты, создавать условия для прогрессивного социально-экономического развития территориальных систем.

Выводы

В предлагаемой статье представлен методический подход к обоснованию роли банковского сектора экономики в повышении бюджетной обеспеченности регионов и их социально-экономического развития. Он предполагает: 1) расчет и анализ динамики бюджетной обеспеченности субъектов РФ с целью поиска территориальных систем, для которых вопросы, связанные с формированием финансовых основ для реализации пространствен-

ной стратегии и решения важнейших проблем социально-экономического развития, стоят наиболее остро; 2) исследование структуры государственного долга субъектов РФ и вклада финансовых ресурсов банковского сектора в его формирование; 3) изучение пространственных особенностей распределения финансовых ресурсов банковского сектора, направляемых для сглаживания дефицита регионального бюджета; 4) построение регрессионной модели влияния привлекаемых банковским сектором финансовых ресурсов на повышение бюджетной обеспеченности регионов; 5) определение объема финансовых ресурсов кредитных учреждений, привлечение которых позволит решить проблему бюджетного дефицита субъектов РФ; 6) рассмотрение вклада в экономическое развитие регионов и других финансовых ресурсов банковского сектора с помощью пространственно-временного регрессионного моделирования.

Исследование динамики бюджетной обеспеченности регионов за период с 2016 по 2018 год показало, что на протяжении всего периода профицитным бюджетом обладали только 18 из них. В условиях недостаточной бюджетной обеспеченности и ухудшающейся экономической ситуации подавляющее большинство регионов не обладает финансовыми ресурсами для реализации разрабатываемых в настоящее время пространственных стратегий.

Анализ структуры государственного долга субъектов РФ свидетельствует о значительной роли банковского сектора в его формировании. В настоящее время 58% государственного долга субъектов РФ формируют банковские кредиты и реализованные финансовым учреждениям государственные, муниципальные долговые ценные бумаги. Пространственное распределение средневзвешенного за последние три года значения доли финансовых ресурсов банковского сектора в структуре государственного долга субъектов РФ показало, что банковский капитал наиболее востребован в центральных регионах с высоким уровнем экономического развития (г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская, Ленинградская, Нижегородская, Самарская области) и минерально-сырьевых центрах России (ХМАО, ЯНАО, Ненецкий АО, Архангельская, Томская области, Красноярский край, Республика Бурятия). Построенные регрессионные модели позволили обосновать гипотезу о существенном вкладе привлекаемых финансовых ресурсов банковского сектора в повышение бюджетной обеспеченности субъектов РФ и их муниципальных образований, а также социально-экономическом развитии данных территориальных систем. Сформированная модель помогла определить объем финансовых ресурсов кредитных учреждений, привлечение которых будет способствовать решению проблемы бюджетного дефицита субъектов РФ.

Литература

1. Глазьев С.Ю. Приоритеты опережающего развития российской экономики в условиях смены технологических укладов // Экономическое возрождение России. 2019. № 2 (60). С. 12–16.
2. Аганбегян А.Г. Как возобновить социально-экономический рост в России? // Экономическое возрождение России. 2017. № 3 (53). С. 11–20.
3. Сухарев О.С. Изменение доктрины денежно-кредитной и бюджетной политики в условиях рецессии // Федерализм. 2015. № 1. С. 93–110.
4. Игонина Л.Л. Роль банков в финансовом обеспечении инвестиций в основной капитал // Финансы и кредит. 2015. Т. 626. № 2. С. 2–13.
5. Chung S., Singh H., Lee K. Complementarity, status similarity and social capital as drivers of alliance formation. *Strategic Management Journal*, 2000, vol. 1 (21), pp. 1–22.
6. Bushee V. J. Do institutional investors prefer near-term earnings over long-run value? *Contemporary Accounting Research*, 2001, vol. 2 (18), pp. 207–246.
7. Yafeh Yishay, Yosha Oved. Industrial organization of financial systems and strategic use of relationship banking. *European Finance Review*, 2001, vol. 1–2 (5), pp. 63–78.
8. Зубаревич Н.В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. 2017. № 2. С. 46–57.
9. Чернявский А.В. Проблемы сбалансированности региональных бюджетов // Финансы. 2014. № 8. С. 21–26.

10. Жарий Я.В., Краснянская Ю.В. Трансформирование инвестиционной деятельности банковской системы Украины для реализации стратегических проектов // Проблемы и перспективы экономики и управления. 2017. № 3. С. 125–134.
11. Рябина Э.Н., Савдерова А.Ф. Банковский сектор в развитии экономики региона // *Oeconomia et Jus*. 2015. № 3. С. 24–33.
12. О стратегии развития экономики России / С.Ю. Глазьев [и др.] // *Экономическая наука современной России*. 2011. № 3 (54). С. 7–31.
13. Арсланов Ш.Д. Вопросы развития региональной системы оказания банковских и финансовых услуг // *Научное обозрение. Экономические науки*. 2018. № 3. С. 5–9.
14. Столяров А.И. Тенденции в развитии государственного долга субъектов Федерации и муниципальных образований // *Управление корпоративными финансами*. 2015. № 5–6. С. 308–327.
15. Попова Е.В. Современное состояние банковского кредитования бюджетов субъектов РФ // *Экономика и предпринимательство*. 2019. № 11 (112). С. 390–393.
16. Belke A., Haskamp U., Setzer R. Regional bank efficiency and its effect on regional growth in ‘normal’ and ‘bad’ times. *ROME Discussion Paper Series*, 2015, vol. 15-07, pp. 1–39.
17. Bernini C., Brighi P. Bank branches expansion, efficiency and local economic growth. *Regional Studies*, 2018, vol. 52, pp. 1332–1345.
18. Gjelsvik M. Economic transformations of regions: The role of banks. *Managing the Banking System*, 2017, vol. 26, pp. 35–51.
19. Jha S.S. Regional rural bank: An important mechanism for the financial inclusion. *International Journal of Advance and Innovative Research*, 2018, vol. 5, pp. 159–165.
20. Сухарев О.С. Вопросы стратегии развития России // *Федерализм*. 2016. № 1 (81). С. 133–154.
21. Федосеева В.А. К вопросу о влиянии сектора региональных банков на уровень экономической безопасности регионов России // *Вестник Пермского университета*. 2016. № 1 (28). С. 54–64.
22. Аганбегян А.Г. Размышления о финансовом форсаже // *Деньги и кредит*. 2015. № 8. С. 5–10.
23. Татаркин А.И. Региональная направленность экономической политики Российской Федерации как института пространственного обустройства территорий // *Экономика региона*. 2016. Т. 12. № 1. С. 9–27.
24. Наумов И.В. Сценарное моделирование процессов движения финансовых потоков между институциональными секторами в региональной территориальной системе // *Финансы: теория и практика*. 2018. Т. 22. № 1. С. 32–49. DOI: 10.26794/2587-5671-2018-22-1-32-49
25. Наумов И.В. Динамическая балансовая модель движения финансовых потоков между институциональными секторами в региональной системе // *Известия УГГУ*. 2018. № 3 (51). С. 155–164. DOI: 10.21440/2307-2091-2018-3-155-164.
26. Захарчук Е.А., Пасынков А.Ф. Региональная балансовая модель финансовых потоков на основе секторального подхода системы национальных счетов // *Экономика региона*. 2017. Т. 13. № 1. С. 318–330.
27. Татаркин Д.А., Сидорова Е.Н., Трынов А.В. Методические основы оценки мультипликативных эффектов от реализации общественно значимых инвестиционных проектов // *Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление*. 2015. Т. 14. № 4. С. 574–587.
28. Stone R. Functions and criteria of a system of social accounting. *Review of Income and Wealth*, 1951, vol. 1, pp. 1–74. DOI: 10.1111/j.1475-4991.1951.tb01036.x
29. Pyatt G., Round J.I. Accounting and fixed price multipliers in a social accounting matrix framework. *The Economic Journal*, 1979, vol. 89, pp. 850–873. DOI: 10.1007/BF00395871
30. Khan H., Thorbecke E. Macroeconomic effects of technology choice. Multiplier and structural path analysis within a SAM framework. *Journal of Policy Modeling*, 1989, vol. 11, pp. 131–156.

Сведения об авторе

Илья Викторович Наумов – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: Iliia_naumov@list.ru)

Naumov I.V.

Role of Financial Resources of the Economy's Banking Sector in Russian Regions' Socio-Economic Development

Abstract. Financial capacities of the banking sector become an important strategic resource during the deficit of financial resources for the implementation of administrative multi-level spatial strategies and solution of important issues related to the territorial systems' socio-economic development. The purpose of the study is to justify the key role of the economy's banking sector in the solution of the issue concerning the increase of the RF entities' fiscal capacity and to assess a volume of credit institutions' necessary financial resources. To achieve this goal, the following objectives were set: to study fiscal capacity and structure of the regional systems' government debt and the banking sector's contribution to its formation, to construct spatial regression models showing the dependence of the regions' socio-economic development level and their fiscal capacity on financial resources attracted by the banking sector, to define the volume of credit institutions' financial resources, attraction of which will solve the problem of the RF entities' budget deficit. We use the methods of statistical and regression analysis in this work. As a result, it was revealed that the banking sector's investments in government and municipal debt securities and lending of the RF entities contribute to the increase of fiscal capacity, form financial foundation for the implementation of socio-economic development strategies. Attraction of investments in enterprises' shares and securities, loans to financial and non-financial business and households lead to an increase of the territories' gross regional product. The results of this study may be useful for the government authorities of the RF entities while implementing the developed spatial socio-economic development strategies.

Key words: financial resources, banking sector, fiscal capacity, strategic planning, regression modelling.

Information about the Author

Il'ya V. Naumov – Candidate of Sciences (Economics), Head of Laboratory, Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: Ilia_naumov@list.ru)

Статья поступила 31.07.2020.

Проблемы асимметрии структурных сдвигов в региональной экономике*

Никита Михайлович

РУМЯНЦЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: rumnik.95@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5660-8443; ResearcherID: AAC-2818-2019

Екатерина Георгиевна

ЛЕОНИДОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: eg_leonidova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9206-6810; ResearcherID: I-8400-2016

Аннотация. В условиях, связанных с отсутствием существенной динамики темпов роста экономики в Российской Федерации и ее регионах, исчерпанием потенциала восстановительного подъема, особенно остро проявляются негативное влияние экономических кризисов и сложившаяся экспортно-сырьевая направленность производства. В результате актуализируется необходимость поиска новых драйверов развития. В контексте достижения роста экономики страны велика значимость структурного фактора экономического роста, в том числе на региональном уровне. В связи с этим целью исследования выступает анализ структурных сдвигов в региональной экономике на различных фазах экономической динамики. Новизна работы состоит в

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Грант № 19-010-00709 «Моделирование и проектирование межрегиональных цепочек добавленной стоимости на основе методологии межотраслевого баланса».

Для цитирования: Румянцев Н.М., Леонидова Е.Г. Проблемы асимметрии структурных сдвигов в региональной экономике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 6. С. 169–183. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.10

For citation: Rumyantsev N.M., Leonidova E.G. Asymmetry problems of structural shifts in regional economy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 6, pp. 169–183. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.10

определении вклада структурных сдвигов в экономический рост региона на различных фазах экономической динамики. Методология основывается на расчете индикаторов структурных сдвигов – величины, индекса, скорости и интенсивности. На материалах Вологодской области за 2005–2018 гг. проведен анализ отраслевых структурных преобразований региональной экономики. Выявлены низкие диверсификация и эффективность включения экономики в глобальные цепочки добавленной стоимости. Рассчитано влияние структурного фактора на увеличение валового регионального продукта в зависимости от роста или спада в экономике. Перспективной видится активизация потенциала сельского хозяйства, машиностроения и электронной промышленности. Рассчитаны мультипликаторы влияния стимуляции предложенных отраслей на основе модели межотраслевого баланса. Рассмотрена структурно-инвестиционная политика как важный инструмент преобразований народнохозяйственных пропорций. Обоснована идея о формировании системы бенчмаркинга эффективности проводимой структурной политики. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов органами власти при формировании региональной структурной политики. В дальнейшем будут продолжены работы, связанные с определением зависимости темпов динамики региональной экономики от структурных изменений в инвестиционном процессе, проведением факторного анализа отраслевых сдвигов и экономического роста, а также формированием системы оптимальных показателей бенчмаркинга структурной политики.

Ключевые слова: структурный сдвиг, экономический рост, регион, инвестиции, региональная экономика, отраслевая структура.

Введение

В современных динамично меняющихся мировых геополитических и геоэкономических условиях устойчивый экономический рост – ключевая цель экономической политики Российской Федерации. Однако с учетом многоуровневой экономики России данный вопрос должен решаться не только на федеральном уровне, но и на субфедеральном. Именно регионам следует стать флагманами экономической политики государства в рамках укрепления народного хозяйства.

В качестве направлений интенсификации развития экономики регионов выделяются развитие межрегиональной кооперации, активное внедрение политики импортозамещения, стимуляция предпринимательской активности и формирование крепких связей «бизнес – власть» [1]. Тем не менее необходим и новый драйвер экономического развития ввиду зависимости регионов от внешнеэкономической конъюнктуры, стагнации технико-технологического развития производства, основанного на производственной базе Советского Союза, а также снижения потребительского спроса [2]. Таким драйвером могут стать управляемые структурные преобразования, в особенности необходимые для отраслевой структуры региональной экономики [3]. Это связано с рядом

причин: во-первых, снижаются темпы экономического роста из-за значительного влияния мировых финансовых кризисов и зарубежных санкций. Во-вторых, структура российской экономики и большинства регионов неэффективно вписывается в глобальную экономику из-за сырьевой направленности и промышленности первичных переделов. В-третьих, низкая инвестиционная и научно-инновационная активность экономики не позволяет навязывать конкурентную борьбу импортной продукции.

Немаловажно отметить, что ввиду слабой диверсификации российской экономики и ее сырьевой ориентации включение региональных экономик в межрегиональные и международные цепочки добавленной стоимости (ЦДС) довольно затруднительно. На данный момент участие экономики страны в ЦДС связано с ее интеграцией в качестве поставщика сырьевых ресурсов, что не способствует росту высокотехнологичных и конкурентоспособных производств, а лишь раздувает экспортный сырьевой сектор. В связи с этим возрастает роль исследований структурных сдвигов по отраслям экономики в целях встраивания национальной и региональных экономик в мировые производственные цепочки.

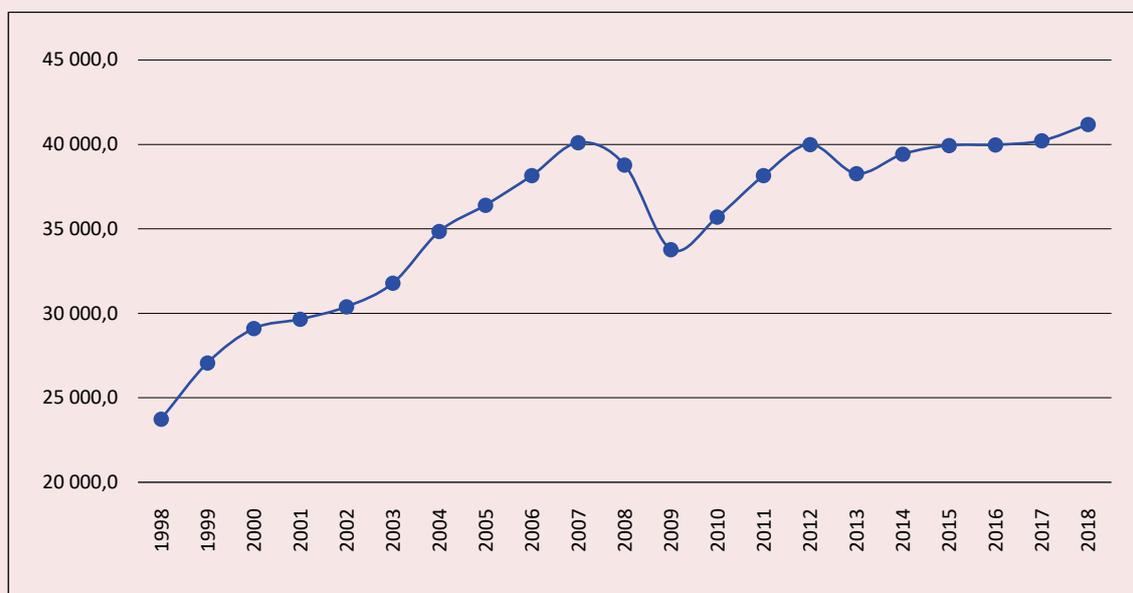
Актуальность нашего исследования связана с необходимостью получить количественные оценки структурных преобразований, происходящих в экономике регионов, что дает возможность сформировать аналитический базис для исследования цепочек добавленной стоимости с помощью методологии межотраслевого баланса, который строится, в том числе, и на основе народнохозяйственных пропорций.

Оценка структурных сдвигов проведена на примере Вологодской области – старопромышленного региона Европейского Севера России с экспортоориентированной моноструктурной экономикой [4]. Выбор субъекта для анализа обусловлен тем, что трансформация именно старопромышленных регионов может стать локомотивом экономического роста ввиду их значительного научно-технического и производственного потенциала [5–7]. В то же время ряд острых проблем, характерных для развития этих регионов на данный момент, может превратить их в стопор национальной экономики.

Вологодская область во время перехода к рынку не смогла перестроиться полностью, превратившись из донора в один из дотационных регионов. Демонстрируя стабильный первоначальный рост, экономика области болезненно отреагировала на мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. и валютный кризис 2014–2015 гг. Это можно отследить по изменениям в объеме производимого валового регионального продукта в сопоставимых ценах 1998 года (рис. 1).

Анализируя поведение кривой объема ВРП, можно выделить пять периодов экономической динамики: 1998–2007 гг., 2008–2009 гг., 2010–2012 гг., 2013–2014 гг. и 2015–2018 гг. Учитывая это, целью исследования стал анализ структурных сдвигов в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости (ВДС) на различных фазах экономической динамики. Достижение цели исследования потребовало решения следующих задач: количественная оценка структурных преобразований, определение их влияния на экономическую динамику, разработка направлений корректировки структурной политики.

Рис. 1. Динамика ВРП экономики Вологодской области за 1998–2018 гг. (в сопоставимых ценах 1998 г.), млн руб.

Источник: данные Росстата.

Теоретико-методологические аспекты исследования

Вопросы структурной перестройки экономики и ее влияния на экономический рост все чаще становятся темой научных изысканий как российских, так и зарубежных ученых. В работе член-корреспондента РАН В.А. Ильина обоснована необходимость прорывных изменений в экономической стратегии страны, основным драйвером которых может стать структурная перестройка экономики России [8]. Т.В. Ускова и Е.В. Лукин, оценив структурные изменения региональной экономики, отметили, что структурная политика является важным инструментом экономической политики для достижения сбалансированного и устойчивого развития [9]. Коллективом американских ученых эмпирически обосновано, что структурная политика даже в краткосрочной перспективе может нарастить темпы экономического роста [10], а, по утверждению А.А. Широ́ва, изменение ВДС может быть обеспечено одной лишь трансформацией экономической структуры даже при нулевом изменении выпуска¹. Ученые выделяют важность структурной политики в инвестициях и социальном капитале, называют проблемы экономической структуры на разных фазах экономической динамики в стране [11; 12]. Взаимосвязь структурного фактора и развития цепочек добавленной стоимости в экономике отражена в работе Е.В. Лукина [13]. М. Peneder и J. Faderberg называют локомотивами роста структурные преобразования в сторону диверсификации производства с акцентом на высокотехнологические обрабатывающие производства [14; 15]. Однако в целом научное сообщество уделяет недостаточно внимания структурным сдвигам на региональном уровне, а также взаимосвязи экономической динамики и изменений пропорций народного хозяйства.

Определение структурного сдвига, принимаемое за основу в исследовании, достаточно четко сформулировано в работах О.С. Сухарева, внесшего значительный вклад в изучение структурных трансформаций народного хозяйства. Под структурным сдвигом понимается

¹ Широ́в А.А. Многоуровневые структурные исследования как инструмент обоснования экономической политики: дис. ... докт. экон. наук: 08.00.01. М., 2015. 335 с.

видимое по масштабу структурное изменение, произошедшее на ограниченном интервале времени и по этой причине хорошо идентифицируемое и регистрируемое [16].

Методическая база исследования основывается на методических подходах таких ученых, как О.Ю. Красильников, Ю.С. Харин, В.И. Малюгин, С.А. Суспицын, Б.А. Зама́раев, Т.Н. Маршова, И.К. Шевченко, Ю.В. Разва́довская, и ряде зарубежных работ по структурному анализу [17–24]. Несмотря на значительное число научных трудов по данному направлению, вопросы, связанные с влиянием структурных сдвигов на экономический рост региона, с помощью количественной оценки исследованы не в полной мере.

Достоверность выводов обеспечена применением таких общенаучных методов, как системный подход, анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия, а также специальных методов экономических исследований: группировки, сравнения, структурного анализа экономических показателей. Информационную базу работы составили сведения территориальных органов Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области, данные Единой межведомственной информационно-статистической системы, а также труды ведущих исследователей в области региональной экономики.

Для анализа структурных трансформаций в экономике применяется совокупность разнообразных индексов как для количественной, так и для качественной оценки. Для количественного анализа структурных сдвигов в экономике региона нами использован ряд индикаторов – величина, индекс, скорость и интенсивность структурных сдвигов [19].

Величина структурного сдвига (M) рассчитывается как разность долей отрасли в структуре экономики за базовый и текущий период (1).

$$M_i = d_i - d_{i_0}, \quad (1)$$

где i – отрасль, d_{i_0} – удельный вес i -й отрасли за базовый период, d_i – удельный вес i -й отрасли за текущий период.

Показатель величины демонстрирует, насколько и в какую сторону изменились отраслевые пропорции в экономике региона, а также позволяет оценить их равномерность.

Однако представление о значимости структурного сдвига как для экономики, так и для отрасли в целом он не дает, поэтому его необходимо дополнить индексом структурного сдвига (2).

$$I_i = \frac{d_i - d_{i0}}{d_{i0}} = \frac{M_i}{d_{i0}}, \quad (2)$$

где I_i – индекс структурного сдвига, M_i – величина структурного сдвига в исследуемом периоде.

Данный показатель позволяет определить значимость структурной динамики отраслевых пропорций народного хозяйства, по содержанию напоминая коэффициент вариации.

Показатель скорости (V), определяемый как изменение величины структурного сдвига в единицу времени (T), дает представление о среднегодовых темпах преобразований пропорций народного хозяйства (3):

$$V_i = \frac{M_i}{T}. \quad (3)$$

Результирующим показателем количественного анализа структурных сдвигов в экономике будет являться показатель интенсивности структурного сдвига (P), рассчитываемый по формуле (4). Чем больше показатель интенсивности сдвига, тем большее влияние происшедшие изменения оказывают на структурные пропорции экономики региона.

$$P_i = M_i \cdot V_i. \quad (4)$$

Вышеназванные индикаторы будут рассчитаны для структуры образования валовой добавленной стоимости. Структурные изменения рассматриваются в промежутке с 2005 по 2018 год, статистические данные по отраслям приведены к ОКВЭД-2007 для сопоставимости используемых показателей.

Для того чтобы измерить влияние структурных изменений на экономику, использована метрика, применяемая в работе Р.М. Узякова [25]. Под влиянием на экономическую динамику понимается положительный либо отрицательный сдвиг в приросте ВРП за счет изменения отраслевых пропорций. При этом на фазе роста учитывается вклад положительного роста доли отрасли в структуре, а на фазе спада, соответственно, – отрицательного. С учетом этих положений вклад структурного фактора рассчитывается как отношение суммарного прироста

долей отраслей, которые выросли (сократились) по отношению к общему темпу прироста ВРП. Формула (5) описывает расчет метрики на фазе роста экономики, формула (6) – на фазе спада.

$$S^+ = \sum_{i=1}^n \Delta sh_i^+ / (X^t / X^{t-1} - 1), \quad (5)$$

где S^+ – доля структурного фактора в увеличении темпов роста экономики, Δsh_i^+ – положительные величины структурных сдвигов i -ой отрасли, X^t – ВРП в t -ом году.

$$S^- = \sum_{i=1}^n \Delta sh_i^- / (X^t / X^{t-1} - 1), \quad (6)$$

где S^- – доля структурного фактора в снижении темпов роста экономики, Δsh_i^- – отрицательные величины структурных сдвигов i -ой отрасли.

Как отмечает Е.В. Лукин [26], для сохранения единообразия расчетов необходимо иметь период роста или спада. Следовательно, 2016 год стоит исключить из анализа, ввиду того что динамика экономического роста в нем фактически нулевая.

Для отбора отраслей-приоритетов структурной политики использована модель межотраслевого баланса. Она содержит укрупненные виды экономической деятельности: сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство и рыболовство, добыча полезных ископаемых, промышленность (без добывающей), строительство, финансовые и нефинансовые услуги.

Исследуемые отрасли вычленены на основании агрегирования расширенного перечня разнесенных по видам экономической деятельности данных, отражающих выпуск товаров, проведение работ и оказание услуг российскими предприятиями.

Модель основывается на базовом уравнении межотраслевого баланса, которое в матричной форме имеет вид (7):

$$x = A_x + y, \quad (7)$$

где x – вектор суммарного объема продукции; A – матрица коэффициентов прямых затрат; y – вектор конечного продукта.

При моделировании использовано уравнение (8):

$$(E - A)^{-1} \cdot y = x, \quad (8)$$

где E – единичная матрица; $(E - A)^{-1}$ – матрица коэффициентов полных затрат.

На основании полученной матричной зависимости можно рассчитать, каким должен быть объем реализации x во всех отраслях экономики, если планируется изменение конечного спроса y^2 .

В рамках текущего исследования необходимо провести три аналитических этапа: ретроспективная оценка социально-экономического развития региона, изучение структурных изменений в отраслевых пропорциях хозяйства Вологодской области, и расчет метрики влияния структурных сдвигов на экономическую динамику.

Основные результаты исследования

Преобладающими отраслями народного хозяйства в Вологодской области являются черная металлургия и химические производства, также развиты пищевая промышленность и лесопромышленный комплекс. Эти же отрасли выступают основными направлениями инвестиционной деятельности в регионе. Среднегодовые темпы роста основных показателей, характеризующих социально-экономическое развитие области, за исследуемые отрезки времени представлены в *таблице 1*.

До 2008 года происходил активный экономический рост, увеличился выпуск промышленного производства на фоне сокращения транспортной деятельности и сельского хозяйства, наблюдался рост потребительского сектора. В эти годы промышленность действительно выступала драйвером экономики Вологодской

области, регион был одним из немногих субъектов-доноров в народном хозяйстве страны.

Однако мировой экономический кризис 2008 года сильно ударил по экономике области. Его следствием стала отрицательная динамика экономического роста. Из-за снижения спроса и падения цен значительно сократились основные виды деятельности, особенно это коснулось «локомотива» вологодской экономики – черной металлургии. Ярко выражена рецессия, сопровождавшаяся потерей устойчивости рубля, спадом на рынке труда и заморозкой инвестиционных проектов по причине недостатка финансирования.

Посткризисное восстановление, начиная с 2009 года, происходило тяжело, преодоление спада началось только с первого полугодия 2010 года, но последующий кризис 2013–2014 гг. дал экономике возможность вернуться к уровню 2007 года только в 2018 году.

При этом на протяжении всего изучаемого отрезка времени значительно снизились темпы роста промышленного производства, наблюдался спад в сельском хозяйстве. Сектор потребительского спроса в целом демонстрировал рост, но существенно замедленный по сравнению с докризисным периодом. Сокращались объемы грузо- и пассажироперевозок. В результате экономика Вологодской области находится в состоянии стагнации, так как ее рост на исследуемом нами промежутке по большинству параметров значительно замедлился.

Таблица 1. Среднегодовые темпы роста основных показателей социально-экономического развития Вологодской области, %

Показатель	2005–2007	2008–2009	2010–2012	2013–2014	2015–2018	2005–2018
Валовой региональный продукт (ВРП)	104,8	91,8	105,8	99,3	101,1	101,2
Промышленное производство	106,2	92,9	106,1	103,1	102,3	102,6
Продукция сельского хозяйства	98,1	97,8	97,9	95,6	100,6	98,3
Инвестиции в основной капитал	111,1	78,4	127,9	69,9	108,1	101,2
Ввод в действие общей площади жилых домов	117,7	100,1	92,6	141,1	91,2	104,2
Перевезено грузов транспортом	97,4	89,5	103,3	100,0	100,6	98,7
Перевезено пассажиров транспортом общего пользования	85,7	89,3	106,4	100,3	100,3	96,6
Оборот розничной торговли	113,0	98,5	114,4	101,8	98,6	105,3
Платные услуги населению	109,3	102,9	100,1	100,2	98,7	102,0

Источник: данные Росстата и Вологдастата.

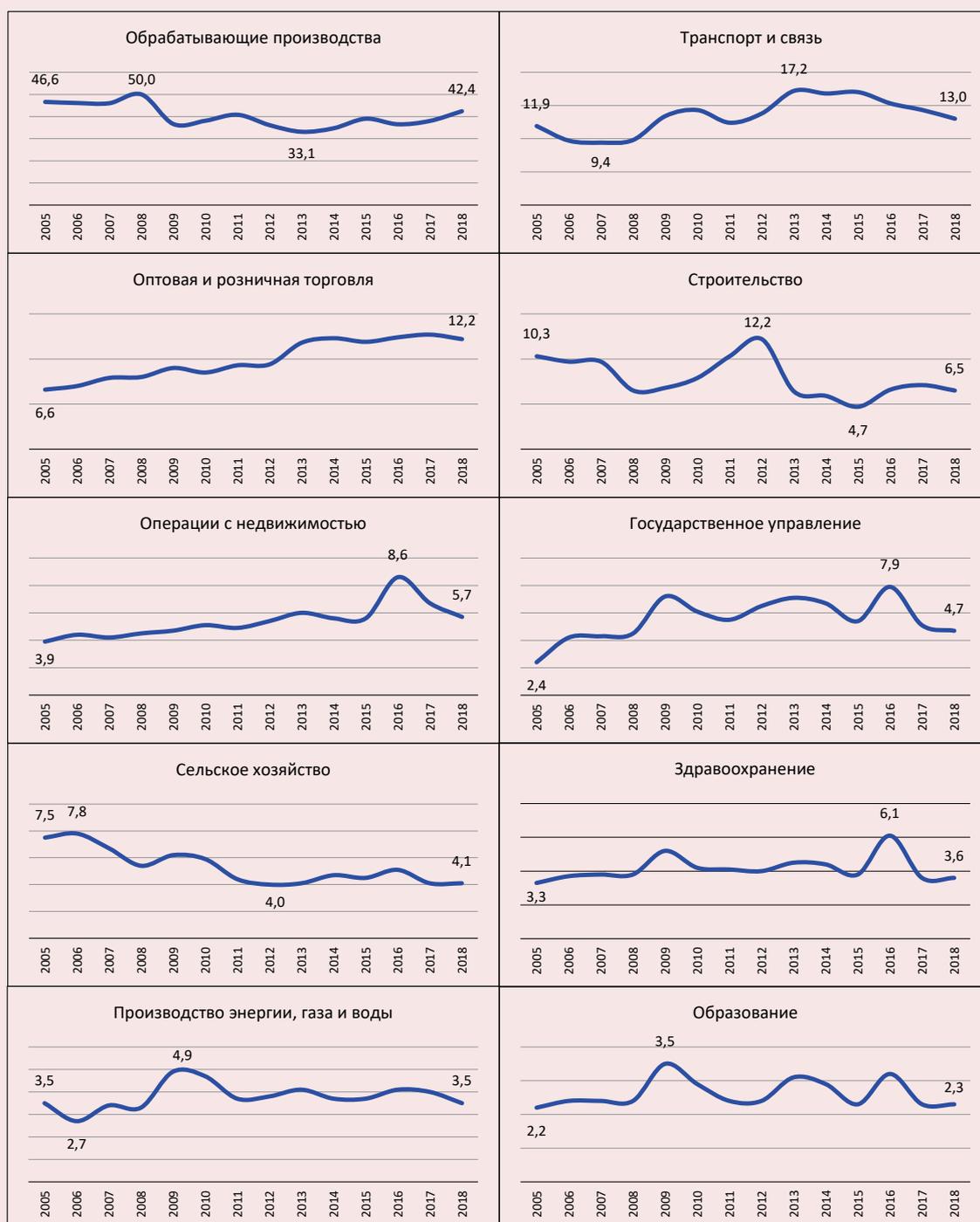
² Более подробно использование модели межотраслевого баланса и расчетов на ее основе представлено в [27].

Описанные процессы динамики народного хозяйства региона сопровождались структурными преобразованиями, определяющими как количественные, так и качественные параметры экономического роста. Для анализа про-

исходящих деформаций рассмотрим изменения отраслевой структуры образования ВДС.

На рисунке 2 представлены изменения в удельном весе формирования добавленной стоимости наиболее значимых видов деятель-

Рис. 2. Динамика изменения удельного веса основных видов экономической деятельности в структуре образования ВДС в экономике Вологодской области за 2005–2018 гг., %

Источник: данные Росстата.

ности в экономике Вологодской области с 2005 по 2018 год. Выявлено, что произошло общее сокращение доли сектора товарного производства³ (67,9% в 2005 г. против 56,9% в 2018 г.), но увеличился удельный вес сектора услуг. Доля оптовой и розничной торговли увеличилась в структуре образования ВДС практически вдвое. Выросла значимость отрасли финансовых услуг и государственного сектора. В целом темпы роста доли сектора услуг значительно превышают темпы роста удельного веса сектора материального производства. Для Вологодской области сокращение доли товарного производства вкупе с неблагоприятной внешнеэкономической ситуацией опасно, ввиду того что экспорт региона построен на выпуске промышленности (металлопродукция, удобрения, продукция промежуточного потребления). Системообразующие отрасли, теряя доходы, сильно подрывают региональный бюджет, снижают возможности региональных властей по стимуляции преобразования экономики. Заметно теряет позиции сельское хозяйство, важное для пищевой промышленности региона — одной из значимых отраслей переработки.

Переходя к индексному анализу структурных сдвигов в проанализированных компонентах экономической структуры, стоит сказать о том, что трансформации внутри структур образования ВДС не являются синхронными. Это положение целесообразно учесть органам власти региона.

Расчет количественных показателей (табл. 2) демонстрирует, что трансформация структуры образования ВДС с наибольшей интенсивностью происходила в обрабатывающей промышленности, торговле, строительстве и сельском хозяйстве.

Обрабатывающие производства на кризисные фазы экономической динамики отреагировали по-разному: кризис 2008 года значительно сократил их удельный вес в структуре образования ВДС, в 2009 году объемы выпуска продукции в области по сравнению предыдущим годом уменьшились в машиностроении на 31,4%, металлургии — на 22,4%, целлюлозно-бумажном производстве — на 14,9%, деревообрабатывающем производстве — на 7,8%. После кризиса в промышленности не восстановилась. Однако кризис 2013–2014 гг. ударил по экономике не так

Таблица 2. Количественные показатели структурных сдвигов отраслевой структуры образования ВДС в экономике Вологодской области*

Отрасль	Величина структурного сдвига, п. п.						Индекс структурного сдвига, п. п.					
	2005–2007	2008–2009	2010–2012	2013–2014	2015–2018	2005–2018	2005–2007	2008–2009	2010–2012	2013–2014	2015–2018	2005–2018
Обрабатывающие производства	-0,6	-13,4	-2,0	1,6	3,4	-4,2	0,0	-0,3	-0,1	0,0	0,1	-0,1
Транспорт и связь	-2,5	3,6	-0,5	-0,4	-4,0	1,1	-0,2	0,4	0,0	0,0	-0,2	0,1
Оптовая и розничная торговля	1,3	1,0	0,9	0,5	0,3	5,6	0,2	0,1	0,1	0,0	0,0	0,8
Строительство	-0,6	0,3	4,3	-0,5	1,8	-3,8	-0,1	0,0	0,5	-0,1	0,4	-0,4
Операции с недвижимостью	0,3	0,2	0,3	-0,4	0,1	1,8	0,1	0,0	0,1	-0,1	0,0	0,5
Государственное управление	1,9	2,7	0,4	-0,4	-0,7	2,3	0,8	0,6	0,1	-0,1	-0,1	1,0
Сельское хозяйство	-0,8	0,8	-1,9	0,6	-0,4	-3,4	-0,1	0,1	-0,3	0,1	-0,1	-0,5
Здравоохранение	0,5	1,4	-0,2	-0,1	-0,2	0,3	0,2	0,4	0,0	0,0	-0,1	0,1
Производство энергии, газа и воды	-0,1	1,6	-0,9	-0,4	-0,2	0,0	0,0	0,5	-0,2	-0,1	-0,1	0,0
Образование	0,2	1,1	-0,5	-0,2	0,0	0,1	0,1	0,5	-0,2	-0,1	0,0	0,0

³ К отраслям, производящим товары, относятся сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство, добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, а также строительство. В этих отраслях могут оказываться и услуги, однако их удельный вес в общем объеме производимой добавленной стоимости невелик [4].

Окончание таблицы 2

Отрасль	Скорость структурного сдвига, п. п. в год						Интенсивность структурного сдвига, п. п.					
	2005–2007	2008–2009	2010–2012	2013–2014	2015–2018	2005–2018	2005–2007	2008–2009	2010–2012	2013–2014	2015–2018	2005–2018
Обрабатывающие производства	-0,2	-6,7	-0,7	0,8	0,9	-0,3	-0,2	-6,7	-0,7	0,8	0,9	-0,3
Транспорт и связь	-0,8	1,8	-0,2	-0,2	-1,0	0,1	-0,8	1,8	-0,2	-0,2	-1,0	0,1
Оптовая и розничная торговля	0,4	0,5	0,3	0,3	0,1	0,4	0,4	0,5	0,3	0,3	0,1	0,4
Строительство	-0,2	0,2	1,4	-0,3	0,5	-0,3	-0,2	0,2	1,4	-0,3	0,5	-0,3
Операции с недвижимостью	0,1	0,1	0,1	-0,2	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1	-0,2	0,0	0,1
Государственное управление	0,6	1,4	0,1	-0,2	-0,2	0,2	0,6	1,4	0,1	-0,2	-0,2	0,2
Сельское хозяйство	-0,3	0,4	-0,6	0,3	-0,1	-0,3	-0,3	0,4	-0,6	0,3	-0,1	-0,3
Здравоохранение	0,2	0,7	-0,1	0,0	0,0	0,0	0,2	0,7	-0,1	0,0	0,0	0,0
Производство энергии, газа и воды	0,0	0,8	-0,3	-0,2	-0,1	0,0	0,0	0,8	-0,3	-0,2	-0,1	0,0
Образование	0,1	0,6	-0,2	-0,1	0,0	0,0	0,1	0,6	-0,2	-0,1	0,0	0,0

* Происходящие структурные сдвиги в отраслевых пропорциях экономики Вологодской области будем рассматривать с позиции знака массы структурного сдвига, то есть знак «+» – сдвиг положительный. В то же время его влияние на экономику региона может быть иным.
Источник: рассчитано авторами.

сильно, и обрабатывающие производства смогли превзойти уровень 2009 года, но в целом доля промышленности в ВДС за 2005–2018 гг. заметно сократилась (среднегодовые темпы сокращения составили 0,32 п. п.). Эта тенденция в условиях слабой диверсификации экономики Вологодской области опасна падением реальных доходов населения и доходов бюджета, снижением уровня жизни и темпов экономического роста.

Отрицательный сдвиг в строительстве обусловлен снижением платежеспособного спроса на жилье во время неблагоприятной экономической ситуации в мире. В то же время в посткризисный период 2009–2012 гг. при сокращении ввода жилых домов в эксплуатацию удельный вес строительства в экономике вырос.

Отдельно стоит отметить негативные процессы, происходящие в сельском хозяйстве. Несмотря на то что оно объявлено одним из приоритетов экономической политики Вологодской области и направлением диверсификации отраслевой структуры региона, на большей части исследуемого промежутка времени этот вид экономической деятельности имеет отрицательное значение величины сдвига. Отрасль находится в состоянии стагнации, объем производимой продукции сокращается год за годом.

Одной из основных проблем отрицательных структурных сдвигов является необходимость модернизации основных фондов производственного сектора. Об этом же говорят структурные диспропорции между сектором товарного производства и сектором услуг. Для их устранения, а также для совершенствования производственной базы следует привлекать значительные капиталовложения.

Позитивные сдвиги отмечены в оптовой и розничной торговле. Они стали следствием того, что остальные отрасли демонстрировали более быструю отрицательную динамику в кризисные периоды, в то же время вырос оборот розничной торговли. При этом в кризисные периоды сектор услуг в целом значительно расширил свою долю в производстве ВДС, более мягко реагируя на неблагоприятную макроэкономическую ситуацию. Однако в посткризисные периоды сектор товарного производства начал догонять уровень докризисного развития за счет антикризисных мер управления, удельный вес сектор услуг в производимой добавленной стоимости сократился (масса сдвига в 2012–2009 гг. по большинству видов экономической деятельности, производящих услуги, оказалась отрицательной).

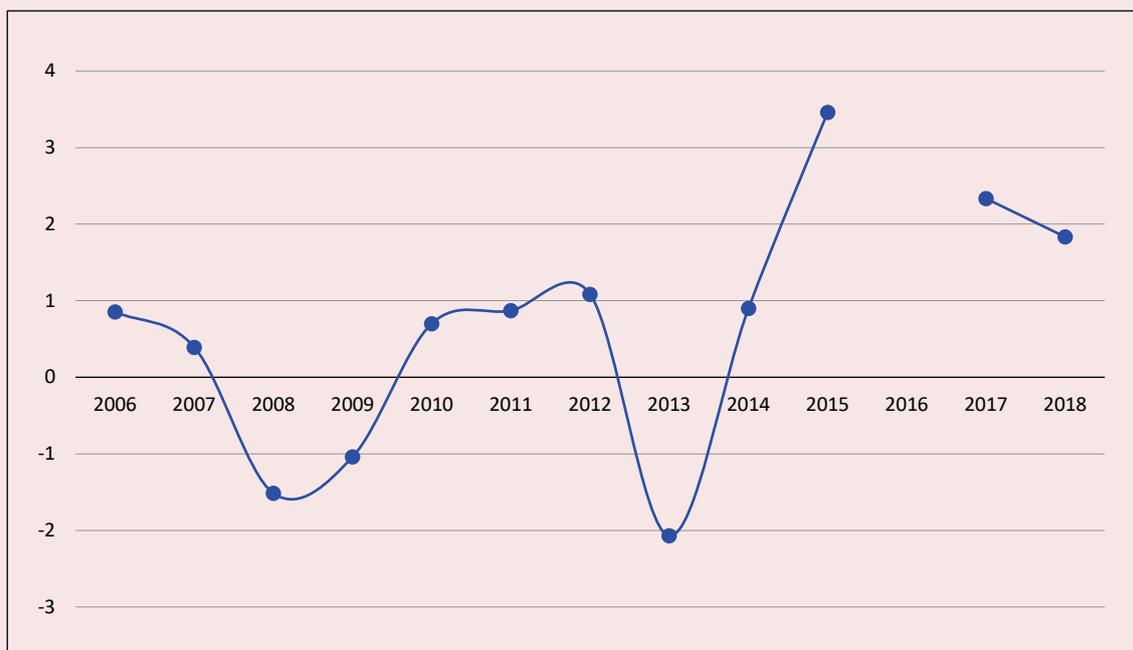
Положительный сдвиг в доле транспорта и связи в ВДС определяется тем, что значительную долю формирования добавленной стоимости создают крупные инфраструктурные проекты федеральных компаний (ПАО «Газпром», ПАО «РЖД», ПАО «ФСК ЕЭС» и ПАО «МРСК Северо-Запада»). Ввиду стагнации промышленности большую долю экономики как региона, так и страны в целом составляют компании – экспортеры сырья, которые активно наращивают транспортно-коммуникационные мощности.

Наиболее значительные изменения, согласно рассчитанному индексу структурных сдвигов, происходили в секторе государственного управления, оптовой и розничной торговле, сельском хозяйстве. Активность подобных колебаний – скорее результат динамики других видов экономической деятельности, чем структурных преобразований внутри отрасли. Крупные же «игроки» экономики региона характеризуются меньшими колебаниями в пропорциях народного хозяйства.

Среднегодовые темпы структурных сдвигов имеют четко выраженную зависимость от фазы экономической динамики – в кризисный период 2008–2009 гг. скорость изменений пропорций народного хозяйства заметно увеличивается по сравнению с темпами трансформаций во время экономического роста либо восстановления. В то же время кризис 2013–2014 гг. не столь заметно повлиял на структурные преобразования. Об этом же свидетельствуют данные по интенсивности структурных сдвигов в отраслевой структуре образования ВДС в экономике Вологодской области.

Расчет метрики влияния структурных изменений на динамику ВРП на разных фазах экономического цикла показал, что переломы в интенсивности структурных преобразований и резкие изменения влияния структурного фактора на экономический рост происходят в момент кризиса. Такими точками стали 2008 и 2013 гг. (рис. 3).

Рис. 3. Динамика измерения вклада структурных изменений в динамику изменения ВРП за 2006–2018 гг., п. п.

Примечание: значение рассчитываемой метрики за 2016 год отличается на несколько порядков и вносит искажения в график.

Источник: рассчитано авторами.

Такая динамика рассчитываемого показателя может служить индикатором для прогнозирования возможных значимых изменений в функционировании народного хозяйства. Однако для полного и объективного моделирования ситуации в экономике в зависимости от структурных преобразований необходим значительно более широкий набор индексов и метрик, а также комплексный анализ структурных изменений в экономике, основанный на рассмотрении не только отраслевой структуры, но и структуры цен и затрат, спроса и доходов.

Заключение

Для отраслевой структуры экономики Вологодской области с 2005 по 2018 год были характерны неоднородные структурные сдвиги, во многом обусловленные экономическими кризисами и их результатами. Эти изменения вызывают значительные последствия для экономической и социальной сфер, в частности снижается инвестиционная активность в отраслях – лидерах экономики, что влечет за собой колебания уровней экономического роста.

Неблагоприятной перспективой может оказаться не обеспеченный производственным базисом рост доли сектора услуг на фоне снижения ничем не компенсируемого влияния производственного сектора на экономику региона ввиду устаревания основных фондов. Сектор производства товаров сокращает свой удельный вес в экономике, в том числе из-за отрицательных сдвигов в сельском хозяйстве. Темпы роста валового продукта региона обусловлены состоянием обрабатывающей промышленности, связанным и со слабой диверсификацией экономики.

Все эти деформации сказываются на уровне экономического роста области и ее конкурентоспособности как субъекта национальной и мировой экономики. Без управляемых структурных трансформаций возможности включения Вологодской области в межрегиональные и международные цепочки производства добавленной стоимости будут в дальнейшем все больше ограничены, поэтому меры структурной политики следует направить на устранение отраслевых диспропорций и усиление диверсификации экономики, в том числе и вертикальной.

Гибкость региональной структурной политики на основе дифференцированного подхода к субъектам РФ должна стать важным шагом к формированию устойчивой региональной экономики. Структурная политика именно на субфедеральном уровне более эффективна ввиду близости органов власти региона к компаниям, особенно малому и среднему бизнесу [2].

Определенные управляющие воздействия по данным направлениям структурной экономической политики региональным правительством предпринимаются. В частности, большое внимание абсолютно справедливо уделяется диверсификации экономики области. Эта идея получила отражение сначала в Концепции стратегии (2004 г.), затем в Стратегии социально-экономического развития области (2010 и 2016 гг.). Целью развития региона выбрано народосбережение, в рамках ее реализации обозначены такие приоритеты, как семейная политика, охрана здоровья населения, развитие физической культуры, спорта, образования и т. д.

На данный момент в Вологодской области основным документом, определяющим структурную политику, является «Стратегия социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года»⁴. Именно этот документ определяет, в том числе, и структурную политику в регионе. Однако из-за отсутствия четкого разделения макроэкономической и структурной политики стандартные мероприятия первой часто могут нейтрализовать вторую [28]. Это положение необходимо принимать во внимание региональным органам власти как при принятии оперативных и тактических решений, так и при стратегическом планировании.

Оптимизация структурной политики, исходя из результатов анализа, должна осуществляться в следующих направлениях:

1. Стимулирование модернизации и диверсификация производственного сектора с целью формирования отраслевого каркаса экономики региона.

В качестве перспективных секторов, на которые стоит сделать акцент структурной поли-

⁴ Постановление Правительства Вологодской области от 17 октября 2016 г. № 920 (в ред. 10.08.2020 г.) «О стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года»

тики, можно назвать агропромышленный комплекс (в частности сельское хозяйство), электронику и машиностроение. Помимо диверсификации экономики и структурных изменений, эти отрасли вносят вклад как в укрепление национальной безопасности, так и в обеспечение пространственного развития сельских и урбанизированных территорий.

Несмотря на то, что одним из приоритетов макроэкономической политики, заявленным в Стратегии, является усложнение структуры экономики, в частности поддержка сельского хозяйства, лесной промышленности и пищевых производств, темпы их роста недостаточны, а в случае с агропромышленным комплексом – даже отрицательны. Пищевая промышленность региона может обеспечивать стабильный спрос на продукцию растениеводства и животноводства, что говорит о значительном потенциале стимулирования развития сельского хозяйства. К тому же этот вид экономической деятельности назван одним из перспективных как инструмент внедрения российской экономики в мировую [26]. При этом вологодская продукция агропромышленного комплекса может составить серьезную конкуренцию многим мировым лидерам в этой отрасли.

Значительный вклад в экономический рост может внести активизация машиностроения и электроники. Эти наукоемкие отрасли с высокой добавленной стоимостью – значимый инструмент политики импортозамещения, их развитие будет способствовать более глубокому встраиванию региональной экономики в глобальные цепочки добавленной стоимости.

Согласно нашим расчетам, активизация названных отраслей имеет значительный мультипликативный эффект. Так, каждый рубль спроса на продукцию сельского хозяйства создаст 2,064 рубля ВРП, продукция электроники принесет 2,368 рубля, а машиностроение – 2,758 рубля. Для сравнения: такой же мультипликатор в добыче полезных ископаемых равен 1,700 рубля на рубль спроса на продукцию, на финансовые услуги 1,495 рубля [27].

2. Разработка структурно-инвестиционной политики в рамках стратегического планирования.

Требования к управлению инвестиционными аспектами структурных преобразований экономики обусловлены рядом имеющихся

проблем в экономике: значительное устаревание основных фондов и необходимость их модернизации, низкая инновационная активность и инвестиционный «голод» из-за недостаточно высокой нормы валового накопления основного капитала [4].

Следует формировать механизм перераспределения инвестиционных ресурсов из экспортно-сырьевого сектора, совершенствовать средства конвертации сбережений в валовое накопление, а также снижать объемы вывода капитала из региона в офшоры. Важно также привлекать и бюджетные инвестиции, которые могли бы стать локомотивом инвестиционного процесса в экономике региона [29]. Имеет смысл повышать инвестиционную привлекательность Вологодской области как для российских, так и для иностранных инвесторов. Учитывая остро стоящую проблему низкой инновационной активности, немаловажным шагом будет инвестиционная поддержка науки и образования, которая позволит увеличить как технологический, так и кадровый потенциал экономики.

3. Формирование системы бенчмаркинга для контроля эффективности мер структурной политики.

Ввиду существования названной выше проблемы, связанной с отсутствием четкого разделения региональной экономической и структурной политики, важно сформировать систему бенчмаркинга проводимой структурной политики с целью отслеживания ее эффективности и внесения по необходимости корректив. При этом оценка должна быть независимой, с привлечением внешних аудиторов. Имеет смысл обмен опытом с другими регионами и даже странами для селекции лучших механизмов реализации структурной политики.

К тому же система бенчмаркинга содержит в себе не только ключевые ориентиры результатов структурной политики (как, например, КРІ или ССП⁵, уже применяемые в менеджменте, в том числе и государственном), но и оценку лучших существующих практик регионального управления структурной трансформацией эко-

⁵ КРІ – ключевые показатели эффективности (Key Performance Indicators), ССП – система сбалансированных показателей.

номики, а также возможности по их адаптации к объекту бенчмаркинга. Однако объективно определить критерии такой системы оценки на данном этапе исследования не представляется возможным.

Дальнейшие научные изыскания будут связаны с выявлением зависимости структурных сдвигов в образовании валовой добавленной стоимости от пропорций распределения инвестиций в основной капитал внутри отраслей региональной экономики, проведением факторного анализа влияния изменений отраслевых пропорций на экономический рост. К ограничениям нашего исследования можно отнести недостаточную разработанность системы критериев, позволяющей проводить бенчмаркинг структурной политики.

В рамках работы по моделированию и проектированию межрегиональных цепочек добавленной стоимости на основе методологии межотраслевого баланса выявление изменений

пропорций народного хозяйства дает возможность скорректировать модели с учетом влияния структурного фактора. Соответственно, этим определяется проведение подобных исследований в отношении регионов – партнеров Вологодской области в цепочках добавленной стоимости. Также одним из пунктов научной новизны выступает апробация методики исследования вклада структурных сдвигов в экономический рост на региональном уровне.

Новизна исследования, обуславливающая его вклад в развитие науки, заключается в раскрытии современных тенденций, отражающих процессы трансформации отраслевой структуры экономики на разных фазах экономической динамики. Практическая значимость состоит в предоставлении аналитических выводов для органов региональной власти с целью формирования эффективных мер структурной политики при обеспечении экономического роста и устойчивого развития региона.

Литература

1. Проблемы экономического роста территории: монография / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 170 с.
2. Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка (доклад НИУ ВШЭ) / Ю.В. Симачев [и др.] // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 5–28.
3. Kucera D., Jiang X. Structural transformation in emerging economies: Leading sectors and the balanced growth hypothesis. *Oxford Development Studies*, 2019, vol. 47, pp. 188–204.
4. Лукин Е.В., Ускова Т.В. Межрегиональное экономическое сотрудничество: состояние, проблемы, перспективы. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 148 с.
5. Мельников А.Е. Инвестиционные процессы и структурные изменения в экономике старопромышленных регионов СЗФО // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 91–102. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.5
6. Birch K., Mackinnon D., Cumbers A. Old industrial regions in Europe: A comparative assessment of economic performance. *Regional Studies*, 2010, vol. 44, pp. 35–53.
7. Henderson S.R. Transforming old industrial regions: Constructing collaboration within the Black Country, England. *Geoforum*, 2015, vol. 60, pp. 95–106.
8. Ильин В.А., Морев М.В. Тревожное будущее 2024 года // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 9–24. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.1
9. Лукин Е.В., Ускова Т.В. Проблемы структурной трансформации региональной экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 26–40. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.2
10. Eicher T.S., Schreiber T. Structural policies and growth: Time series evidence from a natural experiment. *Journal of Development Economics*, 2010, vol. 91, pp. 169–179. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2009.05.003
11. Ивантер В., Порфирьев Б., Широков А. Структурные аспекты долгосрочной экономической политики // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С. 27–34.
12. Аганбегян А. Почему экономика России топчется на месте? // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С. 11–27.

13. Лукин Е.В. Структурные сдвиги в региональной экономике (на материалах Вологодской области) // Вопросы территориального развития. 2018. № 5 (45). DOI: 10.15838/tdi.2018.5.45.2
14. Fagerberg J. Technological progress, structural change and productivity growth: A comparative study. *Structural Change and Economic Dynamics*, 2000, vol. 11, no. 4, pp. 393–411.
15. Peneder M. Industrial structure and aggregate growth. *Structural Change and Economic Dynamics*, 2003, vol. 14, no. 4, pp. 427–448.
16. Сухарев О.С. Структурная политика в экономике России: условия формирования // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 3 (240). С. 2–8.
17. Суспицын С.А. Развитие методов измерения пространственных трансформаций экономики // Регион: экономика и социология. 2007. № 4. С. 3–18.
18. Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива. М.: ИЛА РАН, 1992. 76 с.
19. Красильников О.Ю. Структурные сдвиги в экономике: теория и методология. Саратов: Научная книга, 1999. 74 с.
20. Харин Ю.С., Малюгин В.И. Статистический анализ и прогнозирование макроэкономических процессов с использованием ППП СЭМП // Актуальная статистика. 2000. Т. 2. С. 13–20.
21. Кевеш П. Теория индексов и практика экономического анализа. М.: Финансы и статистика, 1990. 303 с.
22. Замараев В., Маршова Т. Инвестиционные процессы и структурная перестройка российской экономики // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 40–62.
23. Шевченко И.К., Развадовская Ю.В. Модели анализа структурных сдвигов в промышленном секторе экономики: специфика и параметрические характеристики // Известия ЮФУ. Технические науки. 2013. № 6. С. 153–159.
24. Isard W. *Methods of Regional Analysis: an Introduction to Regional Science*. M.I.T. Press, 1960. 784 p.
25. Узяков Р.М. Метрики структурных сдвигов и необходимость учета межотраслевых связей // Проблемы прогнозирования. 2020. № 2. С. 25–35.
26. Лукин Е.В. Отраслевая и территориальная специфика цепочек добавленной стоимости в России: межотраслевой подход // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 129–149. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.7
27. Сидоров М.А., Румянцев Н.М. Стимулирование роста фонда оплаты труда на основе развития отраслей экономики // Экономика. Социология. Право. 2020. № 2. С. 42–51.
28. Сухарев О.С. Теория структурной динамики экономики: монография. М.: ЛЕНАНД, 2020. 200 с.
29. Making public investment more efficient. *Staff Report of IMF*. International Monetary Fund, 2015. 67 p.

Сведения об авторах

Никита Михайлович Румянцев — инженер-исследователь, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: gumnik.95@yandex.ru)

Екатерина Георгиевна Леонидова — научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: eg_leonidova@mail.ru)

Rumyantsev N.M., Leonidova E.G.

Asymmetry Problems of Structural Shifts in Regional Economy

Abstract. In the absence of a significant dynamics of economic growth rates in the Russian Federation and its regions and the exhaustion of the recovery increase potential, a negative impact of economic crises and existing export-raw production orientation manifest themselves especially clearly. As a result, a necessity to find new development drivers, which includes a great significance of the structural factor of the economic growth at the regional level in the context of achieving economic

growth of the country, becomes relevant. In this regard, the purpose of the research is the analysis of structural shifts in regional economy at different phases of the economic dynamics. The novelty of the research is the definition of the contribution of structural shifts in the region's economic growth at different phases of the economic dynamics. The methodology is based on the calculation of structural shifts' indicators – magnitude, index, velocity, and power. We conducted the analysis of sectoral structural transformations of the regional economy on the basis of the Vologda Oblast's materials for 2005–2018. The research revealed a low diversification and efficiency of adding economy into global chains of value added. We calculated the impact of the structural factor on the growth of gross regional product depending on an increase or decline in the economy. The activation of the potential of agriculture, mechanical engineering, and electronic industry sectors is seen as very promising. We calculated the multipliers of the impact of the stimulation of the proposed sectors on the basis of the inter-sectoral balance model. We reviewed the structural-investment policy as an important instrument of changing national economic proportions. The idea of forming the benchmarking system, concerning the efficiency of conducted structural policy, was substantiated. A practical importance of the research is an opportunity to use its results by authorities for the formation of regional structural policy. We will continue the studies related to the determination of the dependence of regional economy's growth dynamics on structural dynamics in the investment process, organization of the factor analysis of the industry shifts and economic growth, and formation of the system of optimal indicators of the structural policy benchmarking.

Key words: structural shift, economic growth, region, investments, regional economy, sectoral structure.

Information about the Authors

Nikita M. Rumyantsev – Research Engineer, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: rumnik.95@yandex.ru)

Ekaterina G. Leonidova – Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: eg_leonidova@mail.ru)

Статья поступила 26.11.2020.

Оценка реакции циклической безработицы на экономический спад и восстановительный рост в России*

**Татьяна Викторовна
БЛИНОВА**

Институт аграрных проблем Российской академии наук
Саратов, Российская Федерация, 410012, ул. Московская, д. 94
E-mail: ruandre@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6144-7314; Researcher ID: Q-1612-2016

**Виктор Александрович
РУСАНОВСКИЙ**

Саратовский социально-экономический институт РЭУ им. Г.В. Плеханова
Саратов, Российская Федерация, 410003, ул. Радищева, д. 89
E-mail: v.rusanovsky@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9785-4525; Researcher ID: U-8818-2018

**Владимир Александрович
МАРКОВ**

Саратовский социально-экономический институт РЭУ им. Г.В. Плеханова
Саратов, Российская Федерация, 410003, ул. Радищева, д. 89
E-mail: markov.saratov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6478-3823; Researcher ID: Q-1661-2016

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-010-00681.

Для цитирования: Блинова Т.В., Русановский В.А., Марков В.А. Оценка реакции циклической безработицы на экономический спад и восстановительный рост в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 6. С. 184–198. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.11

For citation: Blinova T.V., Rusanovskii V.A., Markov V.A. Assessment of the reaction of cyclical unemployment to the economic decline and recovery growth in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 6, pp. 184–198. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.11

Аннотация. Цель исследования – провести эконометрическое моделирование взаимосвязи изменения объемов производства и уровня безработицы в России, дезагрегировав периоды спада и экономического роста. Методы исследования основаны на модифицированной модели Оукена, отражающей влияние изменения объемов производства на динамику уровня безработицы. В выборку включены 79 российских регионов, используются годовые (2000–2019 гг.) и квартальные (2010–2019 гг.) данные. Полученные результаты свидетельствуют, что в каждой из рассмотренных спецификаций модели коэффициент Оукена является отрицательным, что соответствует теоретическому содержанию взаимодействия макроэкономических параметров. Среднесрочные (2010–2019 гг.) значения коэффициента Оукена (-0,105) получены на основе оценки Generalized Linear Model, которая свободна от возмущений, связанных с квартальными колебаниями параметров. Значение коэффициента Оукена, рассчитанного по квартальным данным, составляет около -0,05. Выполнен статистический анализ «эффекта асимметрии» на рынке труда в условиях экономического спада и восстановительного роста на основе годовых данных (2000–2019 гг.). Оценки эконометрических моделей показали, что коэффициент Оукена отражает более сильную реакцию безработицы на спад (-0,167), чем на восстановительный рост (-0,090). Новизна полученных результатов заключается в построении эконометрических моделей, отражающих влияние изменения объемов производства на динамику уровня безработицы в России в 2000–2019 гг. и дезагрегированные периоды экономического спада и восстановительного роста. Дальнейшее развитие этого направления исследований будет связано с оценкой влияния экономической рецессии на уровень безработицы в регионах России. Полученные данные могут быть использованы при проведении антикризисной политики на рынке труда в период экономической рецессии.

Ключевые слова: модель Оукена, уровень безработицы, циклический спад, экономический рост.

Введение

В системе макроэкономических взаимодействий одной из важнейших выступает взаимосвязь изменения объемов производства и уровня безработицы. Фундаментальной основой исследования влияния спада производства на рост безработицы является закон Оукена (Okun's law), который измеряет циклический отклик на экономические шоки. Отрицательная макроэкономическая взаимозависимость между уровнем безработицы и ростом (спадом) производства, описанная Оукеном, отражает реакцию циклической безработицы на циклические экономические изменения в стране [1]. В литературе обсуждается и обратная зависимость для оценки потенциальных резервов роста экономики и достижения «полной занятости» (full employment) или определения рисков и масштабов сокращения выпуска при росте уровня безработицы. Следует отметить, что оригинальная модель Оукена изначально предназначалась именно для оценки потенциального валового национального продукта (potential gross national product) при условии полной занятости (full employment), обеспечивающей максимально возможное использо-

вание ресурсов труда и капитала при целевом уровне безработицы 4% [1]. Средние оценки, выполненные для 1947–1960 гг., показали, что дополнительный процентный пункт, превышающий целевой уровень безработицы, означает примерно 3% снижение фактического ВВП [1]. Для взаимосвязи макропараметров, исследуемых в нашей статье, важен другой вывод автора, а именно предположение, что в периоды, когда экономический рост превышает 2,25%, увеличение реального объема производства на 1% приводит к снижению уровня безработицы на 0,5% [1].

В научной литературе представлены и обсуждаются дифференцированные по странам значения коэффициента Оукена, которые отражают институциональные, экономические, социальные и культурные особенности развития национальных рынков труда [2–12]. Разными авторами сравнивалось действие закона Оукена в развитых и развивающихся экономиках. Полученные оценки свидетельствуют, что в среднем коэффициент Оукена, измеряющий краткосрочную чувствительность рынка труда к колебаниям объема производства, в раз-

витых странах примерно в два раза выше, чем в развивающихся [9]. Существуют различия по времени оценок или в зависимости от выбора периода исследования, сигнализирующие о силе экономических шоков, степени чувствительности индикаторов рынка труда и циклическом отклике уровня безработицы на циклические изменения выпуска на разных этапах развития экономики. Кроме того, доказано, что оценки чувствительны к выбору спецификаций модели Оукена [10]. Однако наиболее значительные различия отмечены в ситуации, когда исследуются периоды экономического спада и восстановительного роста в рамках развития национальной экономики любой страны. Особенности поведенческих реакций региональных и национального рынков труда на циклическую рецессию всегда интересовали исследователей и управленцев, участвующих в принятии решений. Российские ученые отмечают: «В периоды кризисов особенно важно понимать, какое действие спад производства окажет на уровень безработицы, поскольку это — один из важнейших не только экономических, но и социальных показателей» [13, с. 28].

Закон Оукена, как подчеркивают многие исследователи, дает понимание «циклических эффектов» во взаимосвязи «выпуск–безработица», теоретически обосновывая и эмпирически проверяя механизмы взаимодействия рынка труда, с одной стороны, и рынка товаров и услуг — с другой. Эконометрические оценки циклического роста уровня безработицы особенно актуальны в настоящее время, когда многие страны переживают последствия пандемии коронавируса: сокращение спроса на товары и услуги, падение доходов, увольнение персонала, в особенности малых предприятий и сферы услуг. Кроме того, в ближайшей перспективе эксперты прогнозируют циклическую экономическую рецессию, при которой падение производства и рост безработицы окажутся более значительными. Результаты нашего исследования, проведенного с использованием модифицированной модели Оукена, показывают зависимость характера взаимосвязи «выпуск–безработица» от фазы бизнес-цикла.

Основная цель работы — выполнить количественную оценку коэффициента Оукена, отражающего взаимосвязь изменения валового

внутреннего продукта (ВВП) и уровня безработицы в периоды спада и экономического роста в России. Научная новизна состоит в теоретическом обосновании и формализованном представлении механизмов взаимодействия безработицы и выпуска в период спада и восстановительного роста экономики. Выборка состоит из 79 субъектов РФ, исследуемый период включает 2000–2019 гг., при этом квартальные данные используются для 2010–2019 гг., периоды спада и экономического роста дезагрегированы.

Теоретические основы исследования

В научной литературе существует немало работ, посвященных эмпирическому анализу циклических экономических колебаний, где анализируются особенности поведения индикаторов рынка труда. Так, А. Эванс оценил влияние изменения выпуска на динамику уровня безработицы на примере экономики Австралии. Чувствительность «разрыва безработицы» к «разрыву выпуска» он интерпретировал как меру коэффициента Оукена [14]. Разделение цикла и тренда А. Эванс провел по уровню безработицы и логарифму фактического ВВП, а циклические компоненты интерпретировались в терминах разрыва выпуска и безработицы. Методология декомпозиции тренда и цикла привела к завышенным абсолютным оценкам коэффициента Оукена, на что обращалось особое внимание. Однако это позволило дифференцировать значения коэффициента Оукена по возрасту, полу и сделать вывод о том, что мужчины среднего возраста участвуют в рабочей силе на протяжении всего бизнес-цикла, тогда как участие женщин является проциклическим [14].

Для экономики России одними из первых зависимость между изменениями выпуска и уровня безработицы с использованием модели Оукена исследовали ученые Института народнохозяйственного прогнозирования, рассмотрев особенности ее проявления на российском рынке труда. Выполненные расчеты позволили сделать вывод: краткосрочный «прирост выпуска на 1% приводит к снижению уровня безработицы приблизительно на 0,06 проц. п. в течение трех кварталов после того, как произошло изначальное изменение» [15]. Значения коэффициента Оукена зависят не только от состояния экономики различных стран, но и от

периода оценки, а также объема выборки. Так, авторы заметили, что до 2000 года среднесрочный коэффициент Оукена в России по модулю был ниже (-0,12), чем после 2000 года (-0,25), когда «прирост реального ВВП на 1% приводил к сокращению уровня безработицы на четверть процента», проявляя более высокую чувствительность [15, с. 494]. При этом акцентировалось внимание на отсутствии мгновенной реакции безработицы на изменение выпуска. В итоге ученые сделали вывод о том, что исследуемые макропараметры проявляют высокую инерционность и в значительной степени зависят от своих прошлых значений, демонстрируя слабое взаимное влияние. Объясняя низкую чувствительность безработицы к изменению выпуска, авторы замечают: адаптация, как правило, проходит преимущественно не за счет изменения числа занятых, а за счет изменения реальной заработной платы, количества отработанных часов, продолжительности рабочей недели и т. п.» [15, с. 477].

Другие ученые справедливо считают, что более низкие значения коэффициента Оукена в России «могут отражать не столько специфику отечественного рынка труда, сколько условия, в которых развивалась российская экономика в рассматриваемый период» [16, с. 21–22]. По их мнению, и с этим следует согласиться, в России закон Оукена выполняется так же, как и в других странах, однако значения коэффициента ниже, чем в большинстве экономически развитых государств. Авторы считают, что различия между странами и временными периодами определяются не только институтами рынка труда, которые влияют на степень защищенности работников, но и характером шоков. Расчеты авторов показывают, что реакция рынка труда на ускорение роста экономики на 1 п. п. означает сокращение безработицы на 0,1 п. п. в краткосрочном периоде, а также приводит к увеличению темпа снижения на 0,15 п. п. в среднесрочном периоде [16].

Зарубежными и отечественными исследователями тестировалась и неоднократно обсуждалась гипотеза об асимметричности реакции безработицы на экономические шоки. В частности, оценки влияния экономических колебаний на уровень безработицы в США периода 1947–1999 гг. показали, что во время спада оно было

более значительным [11]. Сильная связь между экономическими колебаниями и безработицей в период спада обнаружена и в других исследованиях [12]. Российские ученые также получили данные, подтверждающие, что в период экономического спада реакция уровня безработицы является более сильной, чем в условиях экономического роста. «Коэффициент Оукена при спаде темпов роста существенно больше по модулю (-0,18 против -0,07), т. е. в периоды спада производства реакция уровня безработицы гораздо больше, чем в периоды роста» [13, с. 37]. На основе выполненных оценок авторами сделан следующий вывод: в России, как и в зарубежных странах, в периоды экономических спадов связь «выпуск-безработица» усиливается, но с началом роста ослабевает. Однако в дальнейшем, когда ученые анализировали влияние межрегиональной мобильности на взаимодействие валового регионального продукта (ВРП) и уровня безработицы в регионах РФ, различия не были обнаружены. Напротив, расчеты показали, что асимметричность подстройки уровня безработицы к росту и падению ВРП не проявляется, если учитывать пространственные взаимодействия [13, с. 30]. В дополнение был сделан вывод о том, «что без учета пространственных эффектов значения коэффициента Оукена по региональным данным оказываются заниженными» [13, с. 30]. Эконометрические оценки модели Оукена выполнены не только для России, но и для других государств СНГ, при этом расчеты свидетельствуют, что прирост квартального темпа роста ВВП на 1% связан со снижением уровня безработицы в России на 0,06% по сравнению с предыдущим кварталом, в Украине – на 0,05%, Беларуси – на 0,0057%, Казахстане – на 0,0073 [17; 18].

Научный интерес представляют оценки коэффициента Оукена, выполненные для 20 стран ОЭСР за период 1985–2013 гг., рассматривающие влияние институтов рынка труда и демографических факторов. Их результаты говорят о том, что коэффициент Оукена различается для всех исследуемых возрастных групп, уменьшаясь с увеличением возраста [19]. Исходя из этого, стимулирование темпов роста экономики приведет не только к повышению общего уровня занятости, но и значительному сокращению молодежной безработицы. Исследование учи-

тывало изменяющиеся во времени равновесные уровни безработицы и смогло зафиксировать изменение значения коэффициента Оукена с течением времени [19]. Позиции молодежи на рынке труда европейских стран во время «Великой рецессии» (2007–2009 гг.) и роль институтов, определяющих межстрановые различия, рассматриваются и другими учеными. Например, с использованием модели Оукена выявлены особенности краткосрочных отношений между экономическим ростом и показателями рынка труда молодежи [20]. Отличие состояло лишь в том, что ключевой зависимой переменной выступал уровень занятости, а не уровень безработицы [20]. В литературе представлена и другая точка зрения, согласно которой «закон Оукена является только приближением к фактическому соотношению между внутренним выпуском и безработицей, так как не учитывает влияния других факторов на взаимосвязь этих переменных» [21, с. 84]. Авторы убеждены, что, поскольку значения коэффициента Оукена различаются по странам и изменяются от одного периода времени к другому, они не могут рассматриваться как универсальные [21, с. 84].

Таким образом, обобщая разные позиции ученых, можно заключить, что закон Оукена действует в большинстве стран, включая Россию. Теоретические предпосылки и гипотезы модели Оукена объясняют важные взаимосвязи макропараметров, вместе с тем оценки чувствительны к особенностям национальных рынков труда, характеру и силе экономических шоков, выбору эконометрических моделей. Наше исследование также показывает чувствительность оценок к фазам бизнес-цикла.

Методы исследования и база данных

Модели зависимости безработицы от бизнес-цикла. Влияние роста и спада производства на изменение уровня безработицы анализируется с позиций совокупного спроса, расширение которого мотивирует рост производства. Это, в свою очередь, увеличивает спрос на рабочую силу, повышая уровень занятости и сокращая безработицу. В то же время спад производства понижает спрос на рабочую силу, уменьшая уровень занятости и формируя предпосылки роста безработицы. Другими словами зависимость «выпуск-безработица» является обратной, а коэффициент регрессии всегда имеет

отрицательный знак. Как уже было отмечено, отрицательная взаимосвязь между изменением объемов производства и динамикой уровня безработицы была описана и эмпирически исследована американским экономистом Артуром Оукеном (Okin, 1962). Для того чтобы понять особенности действия закона Оукена в российской экономике и оценить специфику поведенческих реакций индикаторов рынка труда на экономические колебания, нами применялась модифицированная модель Оукена, в разное время использовавшаяся многими учеными [20].

База данных. Сформирована панельная выборка, включающая 79 из 85 регионов России, по которым удалось получить данные за 2000–2019 гг. Показатели, характеризующие рынок труда и изменения в экономике автономных округов (Ненецкого, Ямало-Ненецкого, Ханты-Мансийского) учтены в составе соответствующих регионов страны (*табл. 1*).

Республика Крым и город Севастополь не включены в выборку из-за отсутствия данных до 2014 года, Чеченская Республика – из-за отсутствия данных до 2007 года. Основу информационной базы исследования составили данные, представленные на официальном сайте Росстата, включающие, во-первых, численность и уровень безработицы, измеренных по методологии Международной организации труда (МОТ)¹, во-вторых, показатели валового регионального продукта (ВРП) и валового внутреннего продукта (ВВП), оценка которых соответствует системе национальных счетов (СНС)². Исследуемый период включает 2000–2019 гг. для годовых данных и 2010–2019 гг. для квартальных. Динамика ВВП и ВРП определялась на основе индексов физического объема производства, взятых в годовом и квартальном измерениях за те же периоды, что и уровень безработицы. Изменение выпуска оценивалось на основе расчета цепных индексов роста.

¹ Единая межведомственная информационная статистическая система Росстата. Уровень безработицы (по методологии МОТ). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43062#> (дата обращения 15.03.2020).

² Единая межведомственная информационная статистическая система Росстата. Индекс производства (оперативные данные). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43048#> (дата обращения 15.03.2020).

Таблица 1. Состав исследуемых регионов РФ,
уровень безработицы (U), индекс производства (G), 2019 г.

Регион	U, %	G, %	Регион	U, %	G, %
Адыгея	8,2	73,5	Пермский край	5,2	78,2
Алтайский край	5,9	93,4	Приморский край	5,2	97,9
Амурская область	5,4	105,3	Псковская область	5,1	81,0
Архангельская область	6,3	42,8	Республика Алтай	11,0	91,5
Астраханская область	7,6	95,9	Башкортостан	4,4	84,6
Белгородская область	3,9	104,6	Республика Бурятия	9,2	60,9
Брянская область	3,8	86,1	Республика Дагестан	13,0	116,1
Владимирская область	4,0	100,3	Республика Ингушетия	26,8	81,8
Волгоградская область	5,3	73,9	Республика Калмыкия	9,2	75,0
Вологодская область	4,5	97,9	Республика Карелия	7,5	109,6
Воронежская область	3,6	104,0	Республика Коми	6,8	77,2
Еврейская АО	6,2	125,5	Республика Марий Эл	4,6	97,9
Забайкальский край	8,9	80,9	Республика Мордовия	4,2	137,6
Ивановская область	3,8	90,4	Республика Саха	7,2	106,3
Иркутская область	6,6	83,3	Республика Тыва	12,4	104,3
Кабардино-Балкария	10,8	91,9	Республика Хакасия	6,0	101,1
Калининградская область	4,5	114,6	Ростовская область	4,8	60,5
Калужская область	3,7	105,5	РСО-Алания	12,2	89,5
Камчатский край	3,8	67,3	Рязанская область	4,0	92,8
Карачаево-Черкессия	11,8	84,4	Самарская область	3,9	90,2
Кемеровская область - Кузбасс	5,5	91,8	Санкт-Петербург	1,4	115,9
Кировская область	4,8	96,0	Саратовская область	4,4	84,1
Костромская область	4,1	88,4	Сахалинская область	5,2	96,5
Краснодарский край	4,8	98,9	Свердловская область	4,2	95,5
Красноярский край	4,5	91,0	Смоленская область	5,3	88,1
Курганская область	7,8	54,9	Ставропольский край	4,9	94,2
Курская область	4,0	99,5	Тамбовская область	3,9	123,3
Ленинградская область	3,9	107,3	Татарстан	3,3	88,6
Липецкая область	3,7	100,6	Тверская область	4,0	83,2
Магаданская область	4,6	118,6	Томская область	5,5	94,1
Москва	1,4	141,3	Тульская область	3,8	104,7
Московская область	2,7	129,6	Тюменская область	3,0	107,7
Мурманская область	5,5	93,6	Удмуртская Республика	4,3	76,7
Нижегородская область	4,1	78,9	Ульяновская область	3,8	75,8
Новгородская область	3,7	85,4	Хабаровский край	3,8	33,1
Новосибирская область	6,1	111,8	Челябинская область	5,1	88,1
Омская область	6,5	109,2	Чувашия	4,7	94,4
Оренбургская область	4,4	90,8	Чукотский автон. округ	3,8	97,2
Орловская область	5,4	99,5	Ярославская область	5,4	138,1
Пензенская область	4,3	84,4			

Источник: данные Росстата.

Для годовых данных индексы получены перемножением квартальных значений, они показывают темпы роста производства относительно предыдущего года. Необходимо учитывать, что российский рынок труда отличается высокой гетерогенностью [22–24], межрегиональные различия снижаются в период кризиса и повышаются в условиях экономического роста.

Результаты исследования

Анализ взаимосвязи изменения объемов производства и уровня безработицы

Анализ эмпирических данных за 2000–2019 гг., отражающих экономические колебания и связанные с ними изменения на рынке труда, показывает нелинейную взаимосвязь и сложное взаимовлияние безработицы и выпуска. На *рисунке 1* представлены среднегодовые темпы прироста производства в сравнении с колебаниями безработицы в России. Видно, что интенсивность этих процессов различна, всплески или падения производства визуально не коррелируют с изменением уровня безработицы, для которой характерна устойчивая тенденция снижения в

2000–2007 и 2010–2019 гг. с незначительным ростом, продолжавшимся со второй половины 2014 года до первого квартала 2016 года.

Если говорить о накопленной динамике за период 2000–2019 гг., то заметно, что экономический рост (G) сопровождался плавным снижением безработицы (U). Для выявления цикличности в динамике уровня безработицы и выпуска, а также поиска их взаимозависимостей рассмотрена квартальная детализация за 2010–2019 гг. На *рис. 2, 3* динамика производства и безработицы изображена на разных осях: шкала темпов прироста выпуска расположена по левой оси Y, а изменение уровня безработицы – по правой оси Y.

Как видим, экстремальные точки в динамике производства – как роста, так и снижения – сопутствуют аналогичным по направлению колебаниям уровня безработицы. Часто лаг, отражающий запаздывание безработицы, отсутствует, и колебания уместаются в один и тот же квартал. При этом, начиная с 2015 года, повышение уровня безработицы происходит не в самой острой фазе спада производства, а раньше, в предыдущем квартале.

Рис. 1. Среднегодовой темп прироста производства (G) и уровня безработицы (U), в среднем по выборке, 2001–2019 гг., %

Источник: данные Росстата.

Рис. 2. Накопленная квартальная динамика темпа роста производства (G) и уровня безработицы (U) в среднем по выборке, 2010–2019 гг., %

Источник: данные Росстата.

Рис. 3. Колебания уровня безработицы (U) и темпа прироста производства (G) по кварталам, 2010–2019 гг., %

Источник: данные Росстата.

Оценка модели Оукена. Используя закон Оукена, который выражает отрицательную связь между изменениями уровня безработицы и темпами роста ВВП, мы сравниваем наличие и силу чувствительности рынка труда к бизнес-циклу [25]. Известно, что существует несколько версий модели Оукена, включая динамические [26]. В настоящей работе применяется модифицированная модель Оукена для анализа чувствительности уровня безработицы к изменению темпов роста производства в России на примере выборки, включающей 79 регионов.

$$\ln(U_{it}) = a + \beta \ln(G_{it}) + e, \quad (1)$$

где U_{it} – уровень безработицы в регионе i и в год t , G_{it} – темп роста производства (цепной индекс) в регионе i и в год t ; β_i – коэффициент Оукена, который должен иметь отрицательное значение, то есть снижение выпуска сопровождается ростом уровня безработицы; a – параметр размерности, подлежащий оценке. Мы можем оценить эту модель с помощью метода наименьших квадратов (OLS), используя значения логарифма для переменных.

В соответствии с поставленными задачами оцениваются спецификации модели по стране в целом с применением квартальных данных в среднесрочном периоде (2010–2019 гг.). Эффекты времени и региона включаются в модель как фиктивные (дамми) переменные. Это дает возможность контролировать наличие общих для всех регионов глобальных шоков. Проведено сопоставление трех моделей: во-первых, с фиксированными эффектами регионов (модель 1), во-вторых, случайными эффектами регионов (модель 2), в-третьих, фиксированными

эффектами периодов (модель 3). Панельная регрессия строилась с использованием квартальных данных (табл. 2), зависимая переменная в логарифмической форме ($\ln U$).

В каждой из рассмотренных моделей коэффициент Оукена является отрицательным, что подтверждает обратную зависимость прироста выпуска и уровня безработицы.

Выбирая между моделью с фиксированными или случайными эффектами, мы выяснили, что сами коэффициенты Оукена значимы в обоих случаях. Однако модель с фиксированными эффектами регионов (модель 1) имеет наибольший коэффициент детерминации, составляющий 0,819, а с учетом пространственных эффектов регионов – 0,845. Эконометрическая оценка качества модели 2 со случайными эффектами показывает низкую значимость по критерию Фишера и коэффициенту детерминации. Оценку качества модели 3 также нельзя назвать удовлетворительной. Результаты теста Хаусмана подтвердили, что при любых спецификациях модель с фиксированными эффектами предпочтительнее модели со случайными эффектами. Оценка модели панельной регрессии с фиксированными пространственными эффектами и ее спецификация выглядят следующим образом:

$$\ln U = 2,02 - 0,05 \ln G + [CX=F]. \quad (2)$$

Значение коэффициента Оукена, рассчитанного по квартальным данным, составляет около -0,05. Дополнительно была выполнена оценка доверительных интервалов для коэффициента Оукена при разном проценте вероятности ошибки в модели.

Таблица 2. Результаты оценки панельной регрессии с квартальными данными, 2010–2019 гг.

Параметры	Модель 1		Модель 2		Модель 3	
	a	$\ln G$	a	$\ln G$	a	$\ln G$
Переменные						
Коэффициенты β	2,021	-0,050	2,055	-0,058	2,108	-0,069
Стандартные ошибки	0,067	0,015	0,097	0,018	0,162	0,033
t-статистики	30,065	-3,440	21,125	-3,123	13,014	-2,055
p-значения	0,000	0,001	0,000	0,002	0,000	0,040
R^2 (коэфф. детерминации)	0,819		0,003		0,090	
Скорректированный R^2	0,815		0,003		0,079	
F-статистики	213,06		9,75		7,74	
Взвешенные статистики	0,845		–		0,090	
Невзвешенные статистики	0,819		–		0,082	
Источник: данные Росстата.						

Таблица 3. Параметры GLM-модели с логарифмами переменных, 2010–2019 гг. (квартальные данные)

Параметр	Коэффициенты β	Станд. ошибки	z-статистики	Вероятности
a	2,274	0,197	11,560	0,000
$\ln G$	-0,105	0,043	-2,467	0,014
Mean dependent var	1,79	S.D. dependent var		4,71
Akaike info criterion	15,14	Schwarz criterion		15,15
Hannan-Quinn criter	15,14	Pearson statistic		22,07
Источник: данные Росстата.				

Относительно низкое значение коэффициента Оукена объясняется рядом причин. Прежде всего, необходимо учитывать, что вместе с ростом или спадом объемов производства изменяется поведение всех индикаторов рынка труда, которые, обладая разной степенью чувствительности к шокам, адаптируются к новой ситуации в экономике. Так, спад производства помимо роста безработицы сопровождается неравномерным уменьшением уровня занятости, изменением участия в рабочей силе (экономической активности), сокращением рабочего времени, задержками выплат заработной платы, падением производительности и реальных доходов населения. Российскими и зарубежными авторами неоднократно указывалось, что «в периоды замедления роста выпуска или его падения среднее количество отработанных человеко-часов падает более резко» [15, с. 474]. Показатели «продолжительности рабочей недели» или «отработанных человеко-часов» более чувствительны к изменению выпуска, а их реакция на спад является нелинейной. По степени чувствительности к экономическим шокам реальная заработная плата, так же как и количество рабочего времени, опережает поведенческие реакции уровня безработицы и занятости, отражая нелинейную реакцию на шоки. Зависимость, эмпирически доказанная Оукеном, затрагивает только циклическую взаимосвязь изменения выпуска и безработицы (занятости), поведение остальных параметров рынка труда в механизме подстройки к экономическим шокам формирует сценарные условия. Важно также подчеркнуть наличие неформальной занятости и скрытой безработицы, которые опосредуют воздействие спада производства на изменение уровня безработицы, влияя на чувствительность безработицы к экономическим колебаниям. Как отмечают исследователи, «существование скрытой безработицы, производства и занятости населения в теневом секторе

ведет к искажениям в исследуемой зависимости динамики ВВП и уровня безработицы» [15, с. 484]. Вместе с тем влияние теневой экономики, которая изучена в меньшей степени, сложно оценить количественно из-за проблем, связанных с измерением ее вклада в экономический рост [18]. Для устранения квартальных колебаний параметров и возможных искажений модели была построена панельная регрессия на основе обобщенной линейной модели (Generalized Linear Model; табл. 3).

Видно, что оценка коэффициента Оукена, выполненная на основе Generalized Linear Model (GLM), имеет более высокое значение (-0,105), чем полученное ранее (-0,05). Обе оценки моделей выполнены на квартальных данных (2010–2019 гг.). Однако GLM-модель, во-первых, сглаживает квартальные колебания, влияющие на отклонение формы распределения данных от нормальной, во-вторых, не учитывает индивидуальные региональные кросс-эффекты. Указанные различия в оценке коэффициента Оукена в значительной степени вызваны внутригодовой циклическостью квартальных данных, которая сглаживается в GLM-модели. Таким образом, представленная в таблице 3 оценка коэффициента Оукена (-0,105) является более устойчивой и свободной от возмущений, связанных с квартальными колебаниями параметров в течение года.

Перейдем к оценке коэффициента Оукена для России по субпериодам экономического спада и восстановительного роста с использованием годовых данных.

Оценка коэффициента Оукена для отдельных субпериодов бизнес-цикла. В зарубежной литературе описаны асимметричные реакции уровня безработицы на экономический спад и рост [11; 27–29]. В результате эконометрического анализа установлено, что чувствительность безработицы к спаду значительно выше, чем к росту, о чем свидетельствуют значения

коэффициента Оукена. В отечественной литературе даются противоречивые оценки, свидетельствующие как о наличии, так и отсутствии асимметричности подстройки уровня безработицы к спаду и росту. В одних работах асимметричность подстройки уровня безработицы к росту и падению ВВП подтверждается [15; 16], в других опровергается [13]. Придерживаясь позиции исследователей, считающих, что коэффициенты Оукена значительно различаются для положительных и отрицательных темпов прироста выпуска, мы дезагрегировали период 2000–2019 гг. на субпериоды, включающие годы спада и экономического роста. Панельные регрессии оцениваются методом наименьших квадратов (МНК) с использованием годовых данных и свидетельствуют о значимой зависимости между уровнем безработицы и экономическим ростом (спадом) в каждом субпериоде (табл. 4).

Данные таблицы 4 свидетельствуют о значимости как самих моделей, так и коэффициентов Оукена. Оценки модели с фиксированными эффектами показывают, что в периоды спада экономики коэффициент Оукена отражает более сильную зависимость изменения уровня безработицы от падения производства, чем в годы роста. Коэффициент Оукена, отражающий зависимость безработицы от темпов изменения выпуска в годы экономического спада, составляет $-0,167$. В то же время в период посткризисного роста проявляется более слабая чувствительность безработицы к экономическим колебаниям, а коэффициент Оукена составляет $-0,090$. Вместе с тем в обоих случаях фиксированные эффекты региональных экономик значимо влияют на характер связи между безработицей и производством.

Обсуждение результатов исследования

В работе теоретически обоснована и эмпирически подтверждена зависимость взаимосвязи «выпуск-безработица» от фазы бизнес-цикла. На основе данных Росстата для выборки, включающей 79 регионов России, проведена количественная оценка значений коэффициента Оукена, который измеряет циклическую реакцию уровня безработицы на экономические шоки. Исследования выявили более низкое значение (по модулю) коэффициента Оукена в краткосрочном периоде по сравнению со среднесрочным. Период 2000–2019 гг. был дезагрегирован, выделены годы спада и экономического роста. Результаты эконометрического моделирования показали, что отрицательная зависимость уровня безработицы от объемов выпуска существует как на протяжении исследуемого периода, так и выделенных субпериодов. Вместе с тем оценки значений коэффициента Оукена для субпериодов свидетельствуют о более сильной реакции (отклике) безработицы на спад производства, чем на восстановительный рост. Другими словами, подтверждается «эффект асимметрии», который объясняется абсолютной чувствительностью безработицы к фазам бизнес-цикла, измеренной с использованием коэффициента Оукена.

Полученные результаты согласуются с данными других авторов. Так, анализируя экономику США, исследователи выяснили, что влияние изменения выпуска на уровень безработицы наиболее значительным было во время экономического спада [11; 12]. Оценивая коэффициенты Оукена для девяти стран с переходной экономикой, ученые определили, что в большинстве из них циклическая безработица более чувствительна к циклическому спаду,

Таблица 4. Оценка коэффициента Оукена для субпериодов по годовым данным регионов РФ, 2000–2019 гг.

Субпериоды	Спад, G (-)	Рост, G (+)
α (фиксированный кросс-эффект региона)	1,059	1,607
Коэффициенты регрессии β	-0,167	-0,090
Стандартные ошибки	0,03	0,04
t-статистики	-4,74	-2,26
P-значимости	0,00	0,02
Статистики Durbin-Watson	1,667	0,845
Коэффициент детерминации (взвешенные статистики)	0,857	0,758
F-статистики	36,019	37,539
Коэффициент детерминации (невзвешенные статистики)	0,794	0,720
Источник: данные Росстата.		

чем росту [28]. Результаты показали, что наиболее значительная асимметрия характерна для Чехии, Венгрии, Латвии и России [28]. В зарубежной литературе зафиксированы гендерные и возрастные различия коэффициента Оукена, обусловленные разной чувствительностью сегментов рынка труда и социально-демографических групп к макроэкономическим изменениям. Так, результаты исследований показывают, что молодежные когорты на рынке труда проявляют более сильную реакцию на шоки и в период рецессии оказываются наиболее уязвимыми на рынке труда, чем лица старшего возраста [14]. Асимметричная поведенческая реакция циклической безработицы на спад производства и восстановительный рост представляет особый интерес для политиков [14].

Выполненные в статье эконометрические оценки также подтверждают зависимость характера взаимосвязи «выпуск-безработица» от фазы бизнес-цикла, когда в период спада и потери рабочих мест отклик уровня безработицы на экономические колебания становится более значительным, чем в условиях восстановительного роста. Важно отметить, что существуют концептуальные различия в интерпретации поведенческих реакций уровня безработицы в период экономической рецессии и восстановительного роста. Так, если реакция уровня безработицы на спад и потерю рабочих мест является сильной, что подтверждается высокими значениями коэффициента Оукена, то оценка реакции на восстановительный рост незначительна из-за отсутствия (или слабого) циклического отклика безработицы. Низкая циклическая чувствительность уровня безработицы к темпам прироста выпуска в первые посткризисные годы, когда рост производства не сопровождается созданием рабочих мест и увеличением занятости, объясняется природой восстановительного роста, его принципиальным отличием от инвестиционного роста. Восстановительный рост характеризуется высокими темпами, но по своей природе является краткосрочным и затухающим, не создает дополнительный спрос на труд и работников, потому что базируется на внутренних ресурсах, оставшихся «в резерве» после экономического спада. Как только внутренние источники оказываются исчерпанными, происходит затухание роста. Дополнительный спрос на работников обеспечивается

инвестиционным ростом, когда создаются новые рабочие места, увеличивается занятость, сокращается безработица. В связи с этим стимулирование инвестиций и создание благоприятного бизнес климата выступают важными компонентами механизма формирования новых рабочих мест. Не менее значимую роль для сбалансированного посткризисного роста играют инвестиции в человеческий капитал, направленные на развитие образования, укрепление здоровья, повышение продолжительности и улучшение качества жизни населения. Исследователи справедливо обращают внимание на недооценку «человеческого капитала в качестве главного фактора развития российской экономики на современном этапе» [30, с. 57]. Масштабы расширения спроса на рабочую силу зависят от модели экономического развития, степени обновления производства, внедрения современных технологий, объема и структуры инвестиций в человеческий капитал.

Уровень безработицы испытывает влияние факторов со стороны не только спроса, но и предложения на рынке труда, поэтому нельзя не учитывать, что экономические колебания объясняют лишь часть изменения уровня безработицы. Другими источниками изменений могут быть демографические, социальные, институциональные факторы. В частности, сдвиги в возрастной структуре населения, увеличение числа лиц трудоспособного возраста, оказывающих демографическое давление на рынок труда, повышают риски роста безработицы. Влияние на рынок труда и колебания уровня безработицы оказывает трудовая миграция. Изменение масштабов неформальной занятости, проявление эффектов «отчаявшегося» и «дополнительного» работников, выход на рынок труда лиц пенсионного возраста, а также другие факторы, которые не учитываются в модели Оукена, могут воздействовать на уровень безработицы.

Заключение

В статье проведено моделирование влияния бизнес-цикла на поведение национального рынка труда Российской Федерации. Методология основана на модифицированной модели Оукена, отражающей влияние изменения объемов производства на динамику уровня безработицы. Исследуемый период включает 2000–2019 гг., при этом спецификации оцениваются

с использованием как годовых, так и квартальных панельных данных. Выполнен статистический анализ «эффекта асимметрии» в условиях экономического спада и восстановительного роста для России в целом. Результаты эконометрического моделирования показали, что в каждой из рассмотренных моделей коэффициент Оукена является отрицательным, что соответствует теоретическому содержанию взаимодействия макроэкономических параметров, отражая чувствительность уровня безработицы к изменению темпов экономического роста. Сопоставлены коэффициенты Оукена в период спада и экономического роста. Выявлено, что в период экономического спада коэффициент Оукена отражает более сильную циклическую реакцию уровня безработицы (-0,167), чем в годы восстановительного роста (-0,090). Причины отсутствия симметричного циклического отклика безработицы и ее низкая чувствительность к посткризисному росту экономики, по нашему мнению, кроются в природе восстановительного роста, основанного на «внутренних резервах» и потому имеющего краткосрочный и затухающий характер. Другими словами, вос-

становительный рост не сопровождается созданием рабочих мест, повышением занятости, базируется на имеющихся не задействованных ранее ресурсах и не формирует дополнительный спрос на рабочую силу. Растущий спрос на труд и работников обеспечивается инвестиционным ростом, который увеличивает число рабочих мест и занятость населения, понижая уровень безработицы. Важно отметить, что специфические особенности региональных экономик значимо влияют на характер связи между изменением уровня безработицы и динамикой выпуска.

Дальнейшее развитие исследования может быть связано с оценкой влияния экономической рецессии на уровень безработицы различных социально-демографических и гендерных групп в регионах России. Наиболее сложным направлением может стать анализ факторов и причин, определяющих различия коэффициента Оукена между странами и регионами. Полученные данные могут использоваться при проведении антикризисной политики на рынке труда в период экономической рецессии.

Литература

1. Okun A.M. Potential GNP: its measurement and significance. *Proceedings of the Business and Economic Statistics Section. American Statistical Association*, 1962, reprinted in Cowles Foundation, Yale University.
2. Ball L., Leigh D., Loungani P. Okun's law: Fit at fifty. *NBER Working Paper*, 2013, no. w18668.
3. Özel H.A., Sezgin F.H., Topkaya Ö. Investigation of Economic Growth and Unemployment Relationship for G7 Countries Using Panel Regression Analysis. *International Journal of Business and Social Science*, 2013, vol. 4 (6), pp. 163–171.
4. Cazes S., Verick Sh., Hussami F. A. Why did unemployment respond so differently to the global financial crisis across countries? Insights from Okun's law. *IZA Journal of Labor Policy*, 2013, vol. 2 (1), pp. 1–18.
5. Kargi B. Okun's law and long term co-integration analysis for OECD countries (1987–2012). *International Research Journal of Finance and Economics*, 2014, vol. 119, pp. 77–85.
6. Kangasharju, A., Tavera, C., Nijkamp, P. Regional growth and unemployment: The validity of Okun's Law for the Finnish regions. *Spatial Economic Analysis*, 2012, vol. 7 (3), pp. 381–395.
7. Habees M.A., Rumman M.A. The relationship between unemployment and economic growth in Jordan and some Arab countries. *World Applied Sciences Journal*, 2012, vol. 8 (5), pp. 673–680.
8. Tombolo G., Hasegawa M. Okun's law: Evidence for the Brazilian economy. *The Economic Research Guardian*, 2014, vol. 4 (1), pp. 2–12.
9. Ball L., Furceri D., Leigh D. and Loungani P. Does One Law Fit All? Cross-Country Evidence on Okun's Law. *Open Economies Review*, 2019, vol. 30 (5), pp. 841–874.
10. Lee J. The Robustness of Okun's law: Evidence from OECD countries. *Journal of Macroeconomics*, 2000, vol. 22 (2), pp. 331–356.
11. Silvapulle P., Imad A.M., Silvapulle M.J. Asymmetry in Okun's law. *Canadian Journal of Economics*, 2004, vol. 37 (2), pp. 353–374.
12. Owyang M., Sekhposyan T. Okun's law over the business cycle: Was the great recession all that different? *Federal Reserve Bank of St. Louis Review*, 2012, vol. 94 (5), pp. 399–418.

13. Вакуленко Е.С. Анализ связи между региональными рынками труда в России с использованием модели Оукена // Прикладная эконометрика. 2015. № 40 (4). С. 28–48.
14. Evans A. Okun coefficients and participation coefficients by age and gender. *IZA Journal of Labor Economics*, 2018, vol. 7 (5), pp. 1–22. DOI:10.1186/s40172-018-0065-8
15. Ахундова О.В., Коровкин А.Г., Королев И.Б. Взаимосвязь динамики ВВП и безработицы: теоретический и практический аспект // Научные труды ИНИ РАН / под ред. А.Г. Коровкина. 2005. С. 471–497.
16. Вакуленко Е.С., Гурвич Е.Т. Взаимосвязь ВВП, безработицы и занятости: углубленный анализ закона Оукена для России // Вопросы экономики. 2015. № 3. С. 5–27. DOI:10.32609/0042-8736-2015-3-5-27
17. Ibragimov M., Ibragimov R. Unemployment and output dynamics in CIS countries: Okun's law revisited. *Applied Economics*, 2017, vol. 49 (34), pp. 3453–3479.
18. Ibragimov M., Karimov J., Permyakova E. Unemployment and output Dynamics in CIS countries: Okun's law revisited. *EERC Working Paper Series*, 2013, no. 13/04.
19. Dixon R., Lim G.C., van Ours J.C. Revisiting the Okun relationship. *Applied Economics*, 2017, vol. 49 (28), pp. 2749–2765. DOI: 10.1080/00036846.2016.1245846
20. O'Higgins N. This Time It's Different? Youth Labour Markets During 'The Great Recession'. *Comparative Economic Studies*, 2012, vol. 54 (2), pp. 395–412. DOI: 10.1057/ces.2012.15
21. Промахина И.М., Ван Лулу. Эконометрический анализ взаимосвязи экономического роста и безработицы в Китае (1978–2006 гг.) // Вестник РУДН. Серия Экономика. 2008. № 3. С. 82–94.
22. Молодежный рынок труда: оценка и моделирование межрегиональных различий. М.: Университетская книга, 2016. 178 с.
23. Blinova T., Markov V., Rusanovskiy V. Empirical study of spatial differentiation of youth unemployment in Russia. *Acta Oeconomica*, 2016, vol. 66 (3), pp. 507–526.
24. Blinova T.V., Markov V.A., Rusanovskiy V.A. Interregional differences of the youth unemployment in Russia: Models of convergence. *Ponte*, 2017, vol. 73 (8), pp. 202–216.
25. Boulhol H., Sicari P. Labour market performance by age groups: A focus on France. *OECD Economics Department Working Papers*, 2013, no. 1027.
26. Knotek E.S. How useful is Okun's law? *Economic Review, Federal Reserve Bank of Kansas City*, 2007, vol. 92 (Q IV), pp. 73–103.
27. Harris R., Silverstone B. Testing for asymmetry in Okun's law: A cross-country comparison. *Economics Bulletin*, 2001, vol. 5 (2), pp. 1–13.
28. Cevik E.I., Dibooglu S., Barisik S. Asymmetry in the unemployment–output relationship over the business cycle: Evidence from transition economies. *Comparative Economic Studies*. 2013, vol. 55, pp. 557–581.
29. Boeri T., Jimeno J.F. Learning from the great divergence in unemployment in Europe during the crisis. *Labour Economics*, 2016, vol. 41, pp. 32–46. DOI:10.1016/j.labeco.2016.05.022
30. Базуева Е.В., Радионова М.В. Эконометрическая оценка влияния социальных индикаторов на динамику регионального экономического роста (на примере субъектов Приволжского федерального округа) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 56–70. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.4

Сведения об авторах

Татьяна Викторовна Блинова – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт аграрных проблем Российской академии наук (410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Московская, д. 94; e-mail: ruandre@mail.ru)

Виктор Александрович Русановский – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Саратовский социально-экономический институт РЭУ им. Г.В. Плеханова (410003, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Радищева, д. 89; e-mail: v.rusanovsky@mail.ru)

Владимир Александрович Марков – кандидат экономических наук, доцент, Саратовский социально-экономический институт РЭУ им. Г.В. Плеханова (410003, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Радищева, д. 89; e-mail: markov.saratov@mail.ru)

Blinova T.V., Rusanovskii V.A., Markov V.A.

Assessment of the Reaction of Cyclical Unemployment to the Economic Decline and Recovery Growth in Russia

Abstract. The purpose of the research is to conduct the econometric modeling of the interconnection between changes of the output and unemployment levels in Russia by disaggregating the periods of the decline and economic growth. Research methods are based on a modified Okun's model which reflects the impact of changes in the output volumes on the dynamics of the unemployment level. The sample includes 79 Russian regions and uses annual (2000–2019) and quarterly (2010–2019) data. The results obtained showed that the Okun's coefficient is negative in each studied specification, which corresponds to the theoretical content of the interaction between macro-economic parameters. Middle-term (2010–2019) values of the Okun's coefficient (-0.105) are acquired on the basis of the Generalized Linear Model assessments, which is free from perturbations associated with quarterly parameter fluctuations. The Okun's coefficient value, calculated according to quarterly data, is around -0.05 . We statistically analyzed the "asymmetry effects" on the labor market during the economic decline and recovery growth on the basis of annual data (2000–2019). Assessments of the econometric models showed that the Okun's coefficient displays stronger reaction of the unemployment to the decline (-0.167) in comparison with the recovery growth (-0.090). The novelty of the research results is related to the construction of the econometric models reflecting the impact of changes in the output models on the dynamics of the unemployment level in Russia in 2000–2019 and disaggregated periods of the economic decline and recovery growth. The following development of this research will be related to the assessment of the impact of the economic recession on the unemployment level in Russian regions. The results may be used for conducting anti-crisis policy in the labor market during the economic recession.

Key words: Okun's model, unemployment level, cyclical decline, economic growth.

Information about the Authors

Tat'yana V. Blinova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Leading Researcher, Institute of Agricultural Problems of the Russian Academy of Sciences (94, Moskovskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation; e-mail: ruandre@mail.ru)

Viktor A. Rusanovskii – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Leading Researcher, Saratov Socio-Economic Institute of Plekhanov Russian University of Economics (89, Radishcheva Street, Saratov, 410003, Russian Federation; e-mail: v.rusanovsky@mail.ru)

Vladimir A. Markov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Saratov Socio-Economic Institute of Plekhanov Russian University of Economics (89, Radishcheva Street, Saratov, 410003, Russian Federation; e-mail: markov.saratov@mail.ru)

Статья поступила 12.05.2020.

© Эскиндаров М.А., Грузина Ю.М., Фирсова И.А., Мельничук М.В.

Компетенции человеческого капитала в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики*

**Мухадин Абдурахманович
ЭСКИНДАРОВ**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация, 125993, Ленинградский пр-т, д. 49
E-mail: priemnaya@fa.ru
ORCID: 0000-0003-2841-7337

**Юлия Михайловна
ГРУЗИНА**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация, 125993, Ленинградский пр-т, д. 49
E-mail: YMGruzina@fa.ru
ORCID: 0000-0002-6656-1156; ResearcherID: F-4662-2019

**Ирина Анатольевна
ФИРSOVA**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация, 125993, Ленинградский пр-т, д. 49
E-mail: Ifirsova@fa.ru
ORCID: 0000-0002-5681-0673

**Марина Владимировна
МЕЛЬНИЧУК**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация, 125993, Ленинградский пр-т, д. 49
E-mail: MVMelnichuk@fa.ru
ORCID: 0000-0002-7720-7443

* Работа основана на результатах исследования, финансируемого из средств бюджета, выполненного Финансовым университетом в рамках государственного задания «Цикличность науки и образования в развитии человеческого капитала».

Для цитирования: Компетенции человеческого капитала в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики / М.А. Эскиндаров, Ю.М. Грузина, И.А. Фирсова, М.В. Мельничук // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 6. С. 199–214. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.12

For citation: Eskindarov M.A., Gruzina Yu.M., Firsova I.A., Melnichuk M.V. Human capital competencies in high-tech and knowledge-intensive sectors of the economy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 6, pp. 199–214. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.12

Аннотация. Современное общество по праву является экономикой знаний. На первый план выходит личность, способная усваивать, анализировать и преобразовывать в знания информацию, поступающую извне. Требования к профессиональным и общекультурным компетенциям личности руководителя предопределяются его положением в системе двух типов отношений: формальных, обусловленных властной вертикалью ответственной зависимости, и неформальных, связанных с межличностными симпатиями и антипатиями и межгрупповыми отношениями при выполнении прямых служебных и общественных функций. В рамках оценки личностных качеств лидера в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики существуют критерии показателей и уровней развития его компетентности. Успешный лидер в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики должен не только иметь ценностные представления об организации труда и обладать высокими профессиональными компетенциями, но и уметь эффективно и правомерно управлять человеческим капиталом, знать механизмы экономики труда. Знание становится ведущим сегментом производства, товарного обмена. В ведущих странах от 75 до 90% валового внутреннего продукта создается за счет научно-технического прогресса, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Запущен механизм производства знаний, который представляет собой совокупность фундаментальной науки, университетов, бизнес-школ, трансфера знаний, информационных потоков и др. В связи с этим и у лидера организации, и у персонала должны быть сформированы компетенции для работы в условиях количественной перегруженности данными, нерелевантности и размытости информации, информационной и эмоциональной перегруженности. Эффективный управленческий стиль лидера предполагает формирование компетенций локализации информационного прессинга, который направлен на развитие информационной культуры в организации. Мы ставим цель определить доминирующие характеристики качеств личности лидера – управленца, работающего в области высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики, разработать модель формирования и развития компетенций лидера в сфере управления человеческим капиталом в процессе его профессиональной деятельности, а также модель развития института лидерства. Авторы придерживались основной идеи о необходимости провести анализ полученных и сформированных в вузе умений, знаний и навыков и оценить общепрофессиональные и личностные качества выпускников, которые требуются работодателям. В качестве основных методов использовались кабинетное и социологическое исследования на основе системного и интегративного подходов.

Ключевые слова: человеческий капитал, лидерство, высокотехнологичный и наукоемкий секторы экономики, компетенции лидера, управление человеческим капиталом.

Введение

Современное общество характеризуется, прежде всего, ключевым развитием высоких технологий, основным отличительным признаком которых является высокий уровень затрат на научные исследования, разработки и развитие человеческого капитала. В связи с этим организации и рынок труда предъявляют высокие требования к человеческому капиталу [1–5], а именно: высокий уровень технических знаний, навыков и компетенций для реализации бизнес-процессов и инновационной деятельности; высокий уровень деловой подготовки для реализации инновационных проектов; креативность и профессиональные творческие способности в создании инновационных продуктов и технологий; умение рабо-

тать в команде; технические знания и навыки как главный элемент развития инноваций на предприятии для повышения его конкурентоспособности; инновационная активность как ключевое качество развития инноваций; способность принимать быстрые нестандартные решения.

Отправной точкой эффективного управления организацией в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики кадровые службы считают детерминирование и функционирование лидеров нового типа – обладающих цифровыми компетенциями и командно ориентированными умениями [6–10]. Среди всех компаний-лидеров в данной сфере 48% отмечают, что инвестиции в человеческий капитал

явились одним из ключевых элементов роста доходов за два последних отчетных периода. Так, например, в сфере IT-технологий на сайте Международной консалтинговой компании IDC представлена шестиступенчатая структура, дающая возможность определить уровень развития цифрового лидерства организаций в высокотехнологичных отраслях экономики. Критерии, с помощью которых выводится заключение, отдельно оценивают деятельность IT-директоров и директоров по проектам (CDO). Совершенствование рынка заставляет лидеров находить способы для привлечения новых цифровых талантов – цифровых разработчиков, исследователей баз данных, экспертов в сфере UX (User Experience) и UI (User Interface), а также консультантов по проектированию [11]. Такие кадры в организации будут способствовать быстрому и эффективному превращению опыта использования цифровых данных в цифровые возможности, приносящие прибыль. Это подтверждают исследования SAP: в настоящее время в компаниях-лидерах гораздо чаще создаются ранее не существовавшие вакансии, необходимые для того, чтобы занять лидирующие позиции на конкурентном рынке. Компания Deloitte разработала модель цифровой зрелости, которая предоставляет уникальную возможность определить уровень развития лидерства в организациях.

Становление новых технологических укладов (пятого и шестого) выступает трамплином в появлении и развитии новых специальностей. Мировые тенденции на рынке наукоемкой продукции представлены в *таблице 1*.

Организации приспосабливаются к изменениям рынка труда и экономики в целом, что влечет за собой необходимость формирования новых

компетенций, современных квалификаций, отвечающих требованиям среды, и, следовательно, развития человеческого капитала [12; 13]. Следует подчеркнуть, что в современной России наиболее конкурентными направлениями экспорта товаров высокотехнологичных отраслей являются неэлектронные машины, оборудование для электрических и атомных станций.

Таким образом, в статье рассматриваются подходы к оценке развития ключевых компетенций лидера и предлагаются рекомендации по их формированию в сфере управления человеческим капиталом в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики (телекоммуникациях, автомобильном производстве, медицине, производстве компьютерного оборудования и бизнес-производстве, фармакологии, химической, авиакосмической и оборонной промышленности). Качества лидера характеризуются на основе матрицы ролей менеджера. Предложена авторская схема по формированию управленческих компетенций руководителя организации в сфере высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики, представлена модель процесса развития института лидерства.

Теоретические материалы и методы

Приоритеты общественного развития в условиях современной наукоемкой экономики, в основе которой лежит знание и носитель этого знания – человеческий капитал, требуют нового видения относительно формирования компетенций у лидеров, которые способны к трансформациям и могут задать вектор перемен, стать катализаторами и проводниками трансформационных процессов [14–16]. В связи с этим необходимо отметить важность подходов и методов в развитии человеческого капитала:

Таблица 1. Мировые тенденции на рынке наукоемкой продукции

№ п/п	Тенденция	Последствия
1.	Рост значения наукоемкой продукции	Появление межотраслевых технологических комплексов, рост межрегионального и межнационального научного и инновационного сотрудничества
2.	Смещение внимания на процессы создания систем и системного использования инноваций	Корректировка методов государственного регулирования инновационного развития
3.	Расширение взаимодействия науки, образования, производства и бизнес-структур	Рост значения высокотехнологичных комплексов, инновационного предпринимательства, инновационной инфраструктуры в экономике
4.	Инновационный тип развития национальной экономики	Эффективное использование ресурсов в приоритетных направлениях научно-технологического и инновационного развития экономики
Источник: составлено авторами.		

– системный подход: процесс развития человеческого капитала связан с его совершенствованием в профессиональной сфере, т. е. трудом. Любая деятельность (умственная или физическая) зависит от мыслительных процессов, подводящих человека к определенным действиям. В процессе мышления человек соотносит практический опыт с полученными знаниями и компетенциями, которыми он владеет и которые развивает, что позволяет ему еще глубже проникать в суть деятельности. В этом состоит сущность системного подхода как высшего уровня деятельности алгоритмизации в развитии познания мира и приращения знаний;

– мотивационный подход в развитии человеческого капитала позволяет раскрыть творческий потенциал, способный справляться с вызовами современного мира, ценность которого определяется навыками критического мышления, наличием прикладных знаний и компетенций, востребованных быстро меняющейся экономикой. Поскольку в структуре личности доминирует социальная сторона (мировоззрение, потребности, интересы, идеалы, нравственные качества и т. п.), основная цель развития человеческого капитала – свободное развитие личности;

– интегративный подход формирует целостную картину в развитии человеческого капитала (ядро интеграции) и способствует рассмотрению процесса развития в совокупности;

– синергетический подход рассматривается в контексте организационных изменений по достижению качественно новой синергетической модели человеческого капитала. В данном

контексте применение синергетического подхода позволяет понимать, что и как изменить;

– компетентностный подход: важность ключевых компетенций оспорить невозможно, так как они необходимы для любой профессиональной деятельности, поскольку связаны с самосовершенствованием личности в быстро меняющейся экономике. Владение ключевыми компетенциями позволяет решать профессиональные задачи любого уровня;

– информационный и цифровой подходы, сущность которых в сфере развития поливалентности знаний человеческого капитала определяется на уровне объектной, функциональной ориентации его целей, заключающихся в многомерном динамичном развитии пространственной образовательной компоненты информационных знаний.

Таким образом, успешное формирование необходимых компетенций зависит от того, как будут определены их состав, структура и детерминация с точки зрения практического применения, функционирования и развития [17]. В настоящее время рассматривается несколько принципиальных направлений:

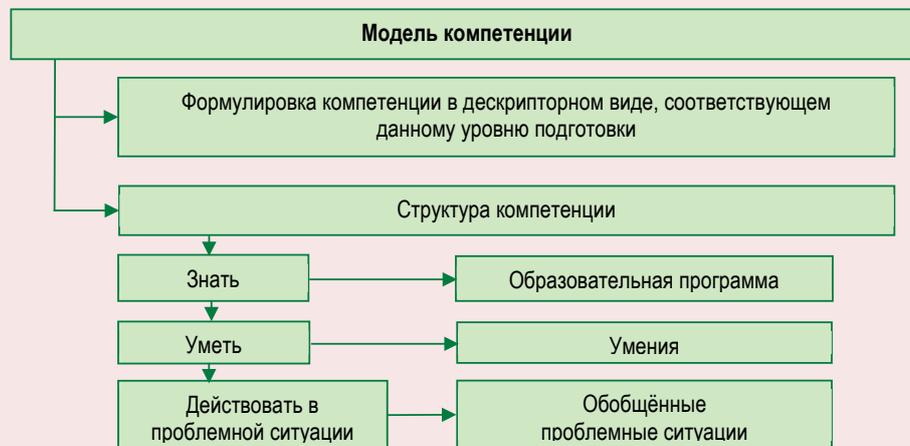
– возможные парадигмальные изменения в области применения цифровых технологий;

– интериоризация навыков, призванных совершенствовать цифровую деятельность;

– анализ многоаспектности процессов, связанных с приобретением опыта массовой дигитализации образования.

Рассмотрим общую структуру модели компетенции (рис. 1).

Рис. 1. Общая структура модели компетенции

Источник: разработано авторами.

Таблица 2. Характеристика качеств личности лидера в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики

Качества	Характеристика
Системные навыки: профессионально-интеллектуальные в сфере управления процессами	Креативное использование программно-ролевой концепции научного и производственного коллектива, использование теоретической образовательной базы, профессионального интеллекта и логичности мышления для выстраивания многоуровневой структуры групповых процессов, внедрение прикладных научных концепций, имеющих инновационный характер и необходимых для достижения высоких производственных результатов, стратегическое мышление, высокий уровень профессиональных компетенций
Системообразующие навыки: ситуативно-коммуникативные и организаторские	Применение концепции развития личности в общественно полезной деятельности – в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики, наличие ответственности и проявление инициативности на базе принципа деятельностного опосредования при решении практических задач, высокий коммуникативно-личностный потенциал, внедрение высоких стандартов планирования и контролирования деятельности руководящего звена и подчиненных, чувство ответственности за ожидаемые результаты, умение создавать внутренние и внешние сети влияния
Индивидуально-психологические: эмоционально-волевые	Использование концепции интегральной индивидуальности при определении типа личности в коллективообразующей производственной и научной деятельности, наличие самомотивации к развитию личности и установления высоких стандартов для себя и подчиненных, высокий уровень решительности и незаурядной силы воли, содержательная мотивация научно-производственного коллектива к достижению поставленной цели, нацеленность на формирование высокоинтеллектуального человеческого капитала организации, умение управлять собственными эмоциями, стрессо- и конфликтоустойчивость, эмпатия, толерантность
Индивидуально-позиционные: духовно-нравственные	Личная вовлеченность в научный или производственный процесс, высокая нравственность с точки зрения коллектива и общества, активная гражданская позиция, сформированная этическая культура, наличие моральных ценностей
Источник: составлено авторами на основании матрицы ролей менеджера (по И. Адизесу). URL: https://tavalik.ru/tipologiya-rukovoditelej-po-i-adizesu/	

Высокая компетентность лидера, которая проявляется в его концептуально-позиционной форме управления персоналом, основывается на оптимальных способах организации совместной деятельности, целенаправленном применении различных психолого-управленческих факторов, повышающих групповую и индивидуальную производственную эффективность, умении использовать нужный тип взаимодействия и избегать социокогнитивных личностных конфликтов. С учетом такого понимания функции и деятельность лидера в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики в условиях цифровизации с психологической точки зрения можно отразить в виде следующих качеств личности (табл. 2).

Лидер в учреждениях и на производствах, относящихся к высокотехнологичным и наукоемким отраслям экономики, является объектом активной коммуникации и выполняет важную коммуникативную функцию, организует профессиональные действия через систему различных социальных связей в форме непосредственного общения участников внутренних и внешних социальных сетей через плани-

рование, анализ и рефлексию собственных действий, действий партнеров, их взаимной адекватности и адекватности возможных совместных действий для достижения поставленной цели. Таким образом, укрепляются связи между личными и коллективными интересами, и следовательно, можно говорить о синтезе, а также возможности качественного преобразования лидерского стремления к самоутверждению, которое в конечном итоге должно принять форму самореализации в достижении коллективных целей и решении групповых стратегических задач.

В дополнение к указанной характеристике личностных качеств лидера в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики необходимо выделить критерии, показатели и уровни развития компетентности лидера.

Полагаем, что лидеров высшего звена необходимо дополнительно оценивать по таким критериям, как:

- делегирование прав и обязанностей;
- стратегическое мышление;
- умение выстраивать обратную связь;
- сложность и ответственность выполняемых управленческих задач;

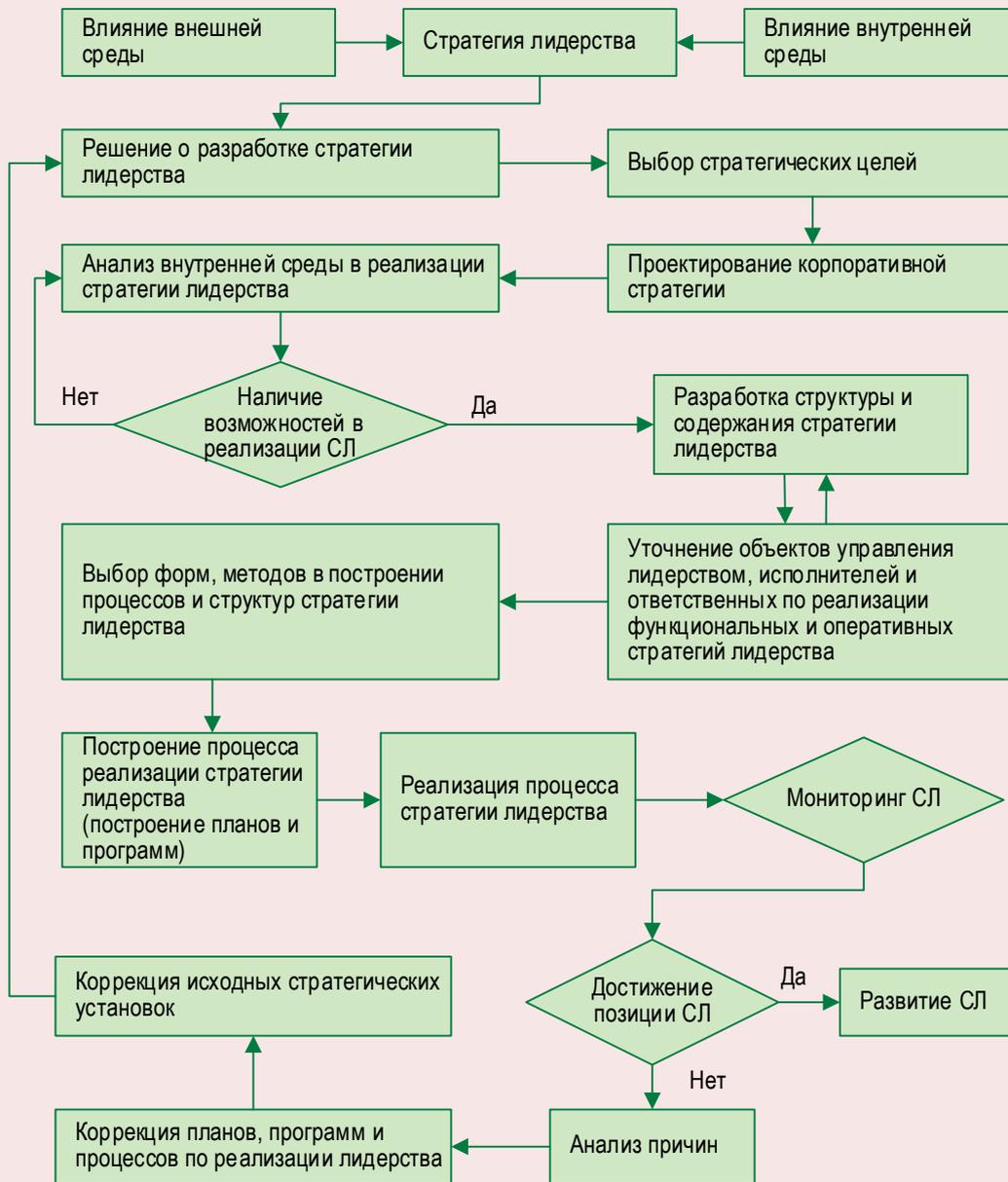
- высокий уровень профессиональных компетенций;
- стремление к развитию человеческого капитала организации;
- умение работать в соответствии с провозглашенными ценностями.

Исходя из данного перечня, можно сказать, что главным критерием оценки лидера в высокотехнологичных и наукоемких отрас-

лях экономики выступает уровень проявления интеллектуального потенциала, управленческих компетенций и лидерских качеств.

Ниже представлена модель формирования и развития компетенций лидера в процессе его профессиональной деятельности. Их развитие должно проводиться в несколько этапов (рис. 2).

Рис. 2. Модель формирования и развития компетенций лидера человеческого капитала в процессе его профессиональной деятельности

Источник: разработано авторами.

На первом этапе необходимо разработать стратегию лидерства для всех уровней управления организацией. Она должна выбираться на один год и затем корректироваться в соответствии с перспективными планами и стратегическими целями организации. При этом предложены следующие рекомендации для реализации стратегии лидерства (табл. 3).

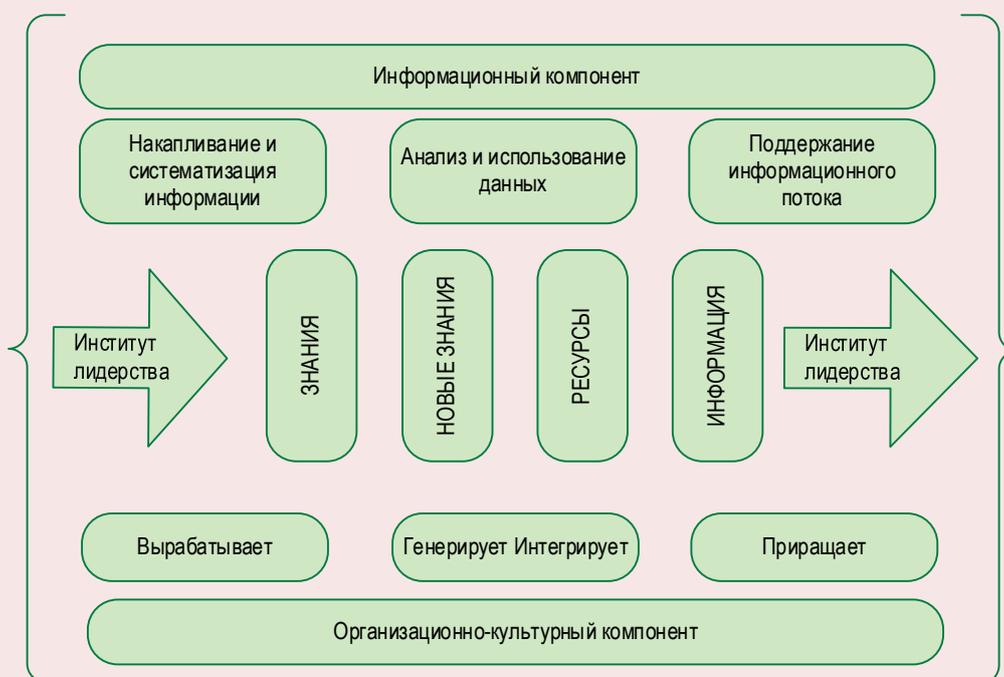
На втором этапе следует развивать процесс управления лидерством. Организация эффективного лидерства в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики требует информационного обеспечения управления. В первую очередь необходимо накапливать информацию, конвертируемую по единому шаблону в информационную систему (рис. 3).

Таблица 3. Мероприятия по реализации стратегии лидерства

Содержание деятельности	Продукты деятельности	Ожидаемый результат
Создание системы организационно-управленческого лидерства	Программы по эффективному использованию интеллектуального потенциала; оценка стоимости объектов интеллектуальной собственности и гудвилла	Развитие форм и методов, построенных на основе широкого применения IT-технологий, развитие сетевых виртуальных структур, технологий; аутсорсинг рутинных операций
Формирование информационной культуры в организации	Система индикаторов лидерства, современные деловые и управленческие бизнес-процессы, основанные на сложных виртуализированных IT-инфраструктурах	Формирование графика и режимов труда для работников, обладающих лидерскими компетенциями в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики
Формирование системы мотивации и стимулирования персонала	Структура компетенций	Формирование информационной и интеллектуальной культуры для развития лидерских качеств персонала и др.

Источник: составлено авторами.

Рис. 3. Процесс развития института лидерства в организации

Источник: разработано авторами.

Как видно из модели, развитие лидерства организации, проявляющееся в результатах приращенных компетенций сотрудников, может стать «институтом лидерства», интеллектуальный потенциал которого используется для развития организации и завоевания лидерских позиций, в том числе на мировой арене.

На третьем этапе необходимо выбрать и развить эффективную систему оценки лидерских компетенций сотрудников, которую может осуществлять центр оценки профессиональных компетенций сотрудников, созданный в организации.

Процесс реализации лидерских позиций основан на заинтересованности как внешних, так и внутренних сторон, партнеров, потребителей, персонала, государственных и общественных структур, однако существуют и незаинтересованные стороны – это прежде всего конкуренты. Рассмотрим модель процесса достижения лидерских позиций (рис. 4).

Рассмотрим алгоритм оценки стратегии лидерства организации в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики. Для этого необходимо определить критерии, которые будут отражать степень достижения миссии и поставленных стратегических целей. Критерии и показатели связаны, во-первых, с анализом динамики в достижении и удержании лидерских позиций в целом и по отдельным направлениям деятельности организации; во-вторых, статикой и динамикой по отношению к конкурентам; в-третьих, достижением стратегических целей и задач.

Индикаторы лидерства – это показатели, предназначенные для оценки отдельных аспектов лидерства в достижении заявленных позиций [18].

Структура методики оценки лидерства представлена на рисунке 5.

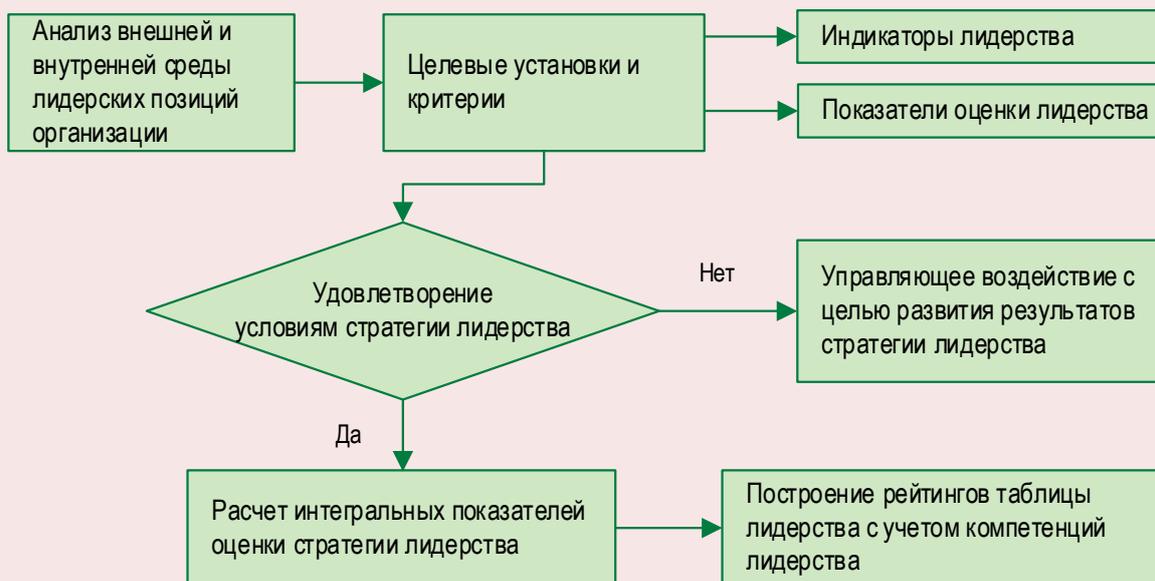
В качестве сравнения с требованиями к компетенциям лидера в высокотехнологичных

Рис. 4. Модель процесса достижения лидерских позиций

Источник: разработано авторами.

Рис. 5. Структура методики оценки лидерства

Источник: разработано авторами.

и наукоемких отраслях экономики следует рассмотреть число ключевых компетенций топ-менеджера в отдельно взятой отрасли. К ним относятся умение работать с целями и ценностями компании, способность к эффективным внешним и внутренним коммуникациям, умение точно подбирать ключевых сотрудников и использовать в бизнесе их наиболее сильные стороны [19].

Проведение комплексной оценки лидеров в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики позволит решить следующие задачи:

- формирование компетенций в сфере управления, в том числе через прохождение обучения и получение обратной связи от экспертов;
- создание коммуникационной площадки для обмена опытом между специалистами в данной сфере;
- содействие дальнейшему развитию и распространению лучших практик в области управления.

Оценка общепрофессиональных компетенций и личностных качеств

Современная экономика требует от высшего образования формировать человеческий капитал нового формата, имеющий способности и

компетенции, связанные с созданием и производством инноваций, поэтому структура активности человеческого капитала в современном обществе, в зависимости от которой и должен строиться процесс образования, меняется [20]. Очень важно понимать, что формирование компетенций лидерства в обучении студентов является значимым этапом дальнейшего развития компетенций в профессиональной сфере.

На основе статистических данных исследований, осуществленных Фондом развития промышленности¹ и Агентством стратегических инициатив², а также отчета Компании «РЕСМАРК» о проведении маркетингового исследования «Опрос работодателей выпускников» и ряда других источников³ [21], где ставилась цель выявить уровень сформированности компетенций при подготовке будущих руководите-

¹ Фонд развития промышленности: сайт. URL: <https://frprf.ru/> (дата обращения 01.05.2020).

² Агентство стратегических инициатив: сайт URL: <https://asi.ru/> (дата обращения 01.05.2020).

³ Отчет Компании «РЕСМАРК» о проведении маркетингового исследования «Опрос работодателей выпускников». URL: https://www.hse.ru/data/2013/06/27/1285966609/RESMARK_OTCH_%D0%9A%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BA%D0%BE_060413.pdf (дата обращения 01.05.2020).

лей в сфере цифрового лидерства в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики с внесением соответствующих корректировок в процесс образования, были проанализированы показатели оценки компетенций выпускника работодателем (рис. 6–8).

Оценка общепрофессиональных компетенций и личностных качеств ($n = 162$).

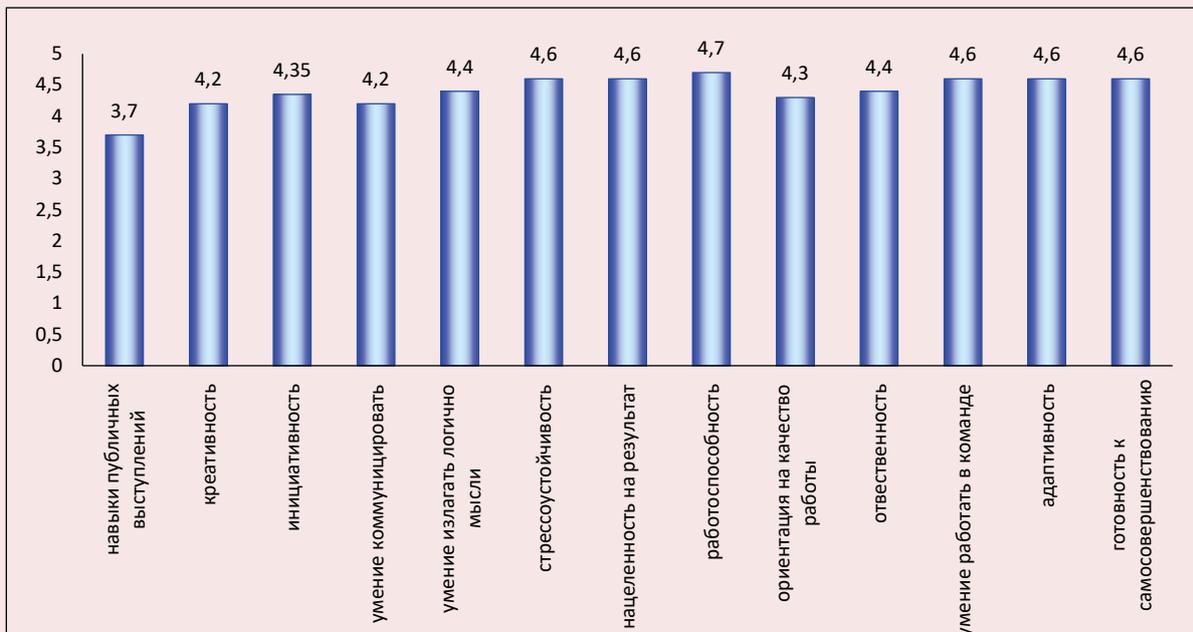
Формулировка вопроса респонденту: оцените основные общепрофессиональные и личностные – важные для специалиста – компетенции по пятибалльной шкале, чтобы понять, в какой степени тестируемому выпускнику присущи эти умения. Поставьте оценку от 1 до 5 баллов (или 0). Результаты опроса указывались в баллах или в процентном соотношении.

В целом оценка компетенций и личностных качеств выпускников работодателями составила 4,5 балла по пятибалльной шкале. Наименьший балл (3,7) составляют навыки публичного выступления. Это говорит о том, что студенты не готовы или не умеют в полном объеме представлять свои проекты и результаты исследований или презентовать себя.

В рамках бакалавриата по определенным направлениям (менеджмент, государственное и муниципальное управление (ГМУ), экономика, информационные технологии (ИТ), бизнес-информатика (БИ), статистика, прикладная информатика (ПИ), мехатроника и робототехника (МиР), право) представлены данные по оценке общепрофессиональных компетенций и личностных качеств (см. рис. 7).

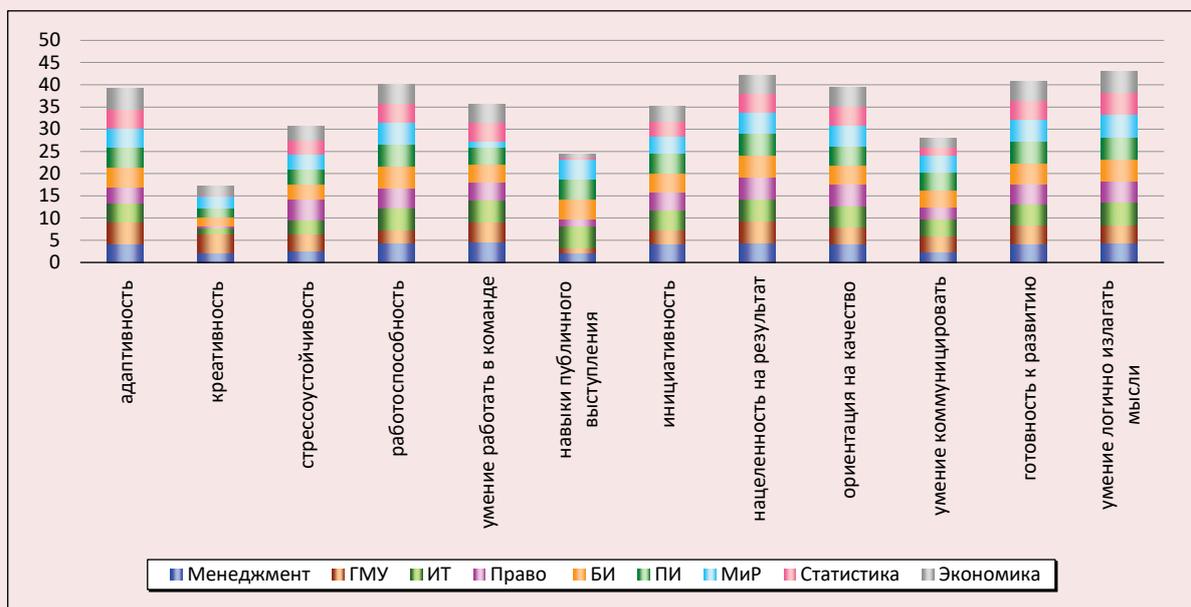
Как видим, определенные навыки – креативность и творчество (16%), коммуникационные (27%), стрессоустойчивость (29%) – недостаточно развиты. Более высокая оценка дана формированию таких компетенций, как умение работать в команде (36%), инициативность (37%), адаптивность (38%), ориентация на качество (38%). Самый высокий показатель востребованности и оценки профессиональных компетенций находится в следующих областях: работоспособность (39%), готовность к развитию (40%), нацеленность на результат (41%), умение четко излагать свои мысли (42%). На рисунке 8 дана оценка профессиональных компетенций.

Рис. 6. Оценка общепрофессиональных компетенций и личностных качеств выпускника работодателем, 2019 год

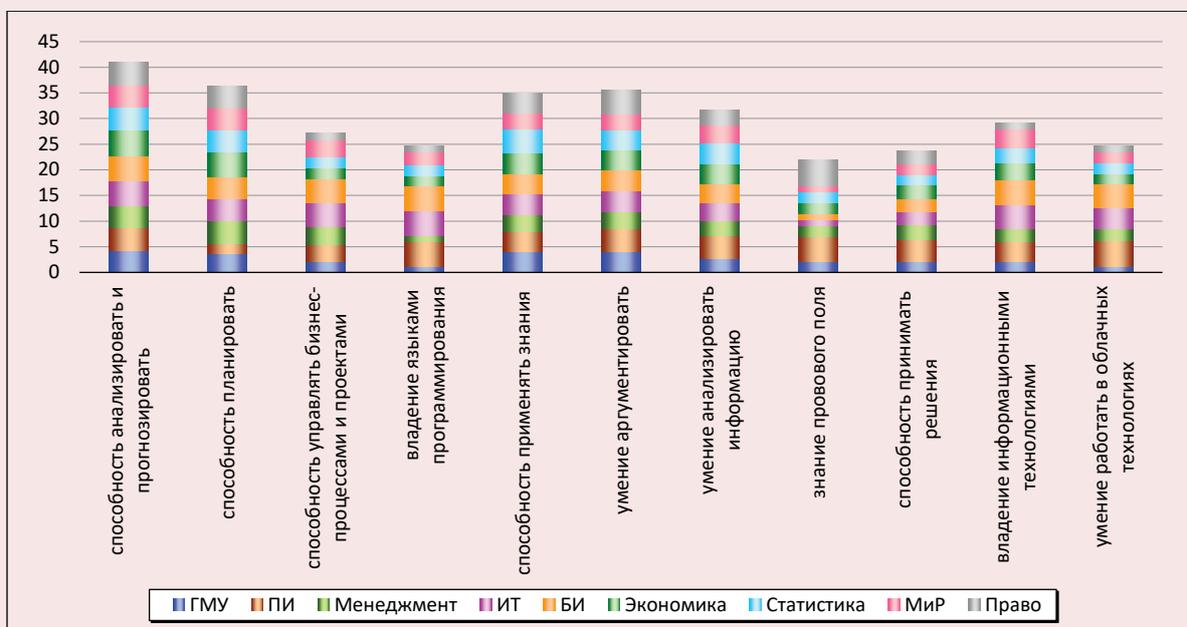
Источник: Отчет Компании «РЕСМАРК» о проведении маркетингового исследования «Опрос работодателей выпускников». URL: https://www.hse.ru/data/2013/06/27/1285966609/RESMARK_OTCH_%D0%9A%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BA%D0%BE_060413.pdf (дата обращения 01.05.2020).

Рис. 7. Оценка общепрофессиональных компетенций и личностных качеств выпускника по направлениям бакалавриата работодателем, 2019 год, %

Источник: Отчет Компании «РЕСМАРК» о проведении маркетингового исследования «Опрос работодателей выпускников». URL: https://www.hse.ru/data/2013/06/27/1285966609/RESMARK_OTCH_%D0%9A%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BA%D0%BE_060413.pdf (дата обращения 01.05.2020).

Рис. 8. Оценка профессиональных качеств выпускника по направлениям бакалавриата работодателем, 2019 год, %

Источник: Отчет Компании «РЕСМАРК» о проведении маркетингового исследования «Опрос работодателей выпускников». URL: https://www.hse.ru/data/2013/06/27/1285966609/RESMARK_OTCH_%D0%9A%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BA%D0%BE_060413.pdf (дата обращения 01.05.2020).

Основываясь на данных рисунков 6–8, можно выделить слабые и сильные стороны выпускников по итогам опроса работодателей по каждому направлению бакалавриата. В целом, рассматривая итоги владения общепрофессиональными компетенциями (см. рис. 6), необходимо отметить средний уровень от 3,5 до 4 баллов (высший балл 5). Однако показатели по отдельным направлениям выявили проблемные зоны (см. рис. 7): достаточно низкие показатели креативности, коммуникативности, навыков публичного вступления и представления информации, стрессоустойчивости. Оценка профессиональных навыков также дает повод для размышления. Уровень владения информационными технологиями, навыками работы в структуре облачных технологий, программным обеспечением недостаточен у выпускников не только непрофильных специальностей, но и профильных (см. рис. 8).

Проведенное исследование показало, что в настоящее время рынок труда и рынок образовательных услуг слабо взаимодействуют друг с

другом, хотя попытки построить взаимодействие на основе сотрудничества имеют место. Работодатели заинтересованы в специалистах высокого качества и готовы к сотрудничеству на взаимовыгодных условиях.

Обсуждение

На основе осуществленного анализа систематизируем ключевые компетенции для наукоемкой экономики. Уровни профессиональных и надпрофессиональных компетенций в условиях развития пятого и шестого технологических укладов представлены на *рисунке 9*.

Как свидетельствуют данные рисунка 9, первенство отдается техническому направлению и широте кругозора. Человеческий капитал организации, с одной стороны, является ее ресурсом, с другой стороны – это ее человеческое богатство.

На основе анализа компетенций, необходимых в условиях современной экономики, выделено пять основных типов компетенций, которые востребованы в развитии человеческого капитала: базовые, информационные, цифровые, предпринимательские и личностные.

Рис. 9. Структура основных профессиональных и надпрофессиональных компетенций в рамках пятого и шестого технологических укладов

Источник: разработано авторами.

Лидерство завоевывается в любом виде деятельности и во всех процессах: производственных, управленческих, обеспечивающих, маркетинговых и др., поэтому для оценки лидерства организации необходимы индикаторы и показатели, позволяющие обосновать процесс достижения лидерства и в дальнейшем управлять им. В рамках дискуссии необходимо рассмотреть такие понятия, как устойчивость и гибкость процесса развития компетенций. Гибкость будет являться ключевым свойством, которое должно достигаться при формировании модели компетенций. Перспективными направлениями дальнейшей деятельности в данной области должны стать следующие мероприятия: оценка российских организаций в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики, их ранжирование и разработка мер поддержки. Как следствие, нужно создать центры оценки уровня компетенций в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики на базе вузов в каждом регионе, а также разработать стратегию внедрения инновационных технологий в организациях. Это однозначно подчеркивает высокий коэффициент коммерческого потенциала проведенных исследований.

Выводы

Концепция создания высокотехнологичных производств формирует конкурентоспособность и перспективы роста национальных экономик, основой которых выступают современные наукоемкие технологии и продукция с высокими затратами интеллектуального труда на их производство. Спрос на современном рынке высокотехнологических и наукоемких технологий ориентирован на высококвалифицированных специалистов, умеющих самостоятельно принимать эффективные управленческие решения и обладающих набором определенных знаний и компетенций, способствующих развитию деятельности компании [22; 23]. Именно подготовленный человеческий капитал, владеющий современными технологиями обучения, умеющий оперативно решать поставленные задачи, способен разрабатывать прорывные технологии.

Получены следующие результаты:

1. Определены системные, системообразующие, коммуникативные, организаторские, индивидуально-психологические и индивидуально-позиционные качества личности лидера

в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики, дана их характеристика на основании матрицы ролей менеджера. Выделены критерии и уровни развития компетентности лидера.

2. Представлена модель формирования и развития компетенций лидера в сфере управления человеческим капиталом в процессе его профессиональной деятельности, позволяющая организации разрабатывать варианты стратегии лидерства, предложены мероприятия по их реализации. Дано авторское видение процесса развития института лидерства в организации и, как следствие, модель процесса достижения лидерских позиций.

3. На основе данных статистических исследований проанализированы показатели оценки работодателями компетенций выпускников бакалавриата современных вузов и определены «болевые» точки сформированности профессиональных и личностных качеств будущих специалистов в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики. Сделан вывод о необходимости более тесного взаимодействия рынка труда и рынка образовательных услуг.

Проведенные исследования показывают, что получение знаний и умений с помощью системы образования поможет людям улучшить когнитивные способности и стать более продуктивными. Люди с большим интеллектуальным капиталом смогут эффективнее пользоваться своими потенциальными возможностями и будут более продуктивными на рабочих местах. Требуется прорывной подход и изменение структуры взаимодействия образовательных организаций и профессиональных сообществ, более гибкое реагирование всех ведомств при согласовании необходимых документов для реализации образовательных процессов.

Многие экономисты подтверждают тот факт, что инвестиции в развитие человеческого капитала могут повлиять на будущие реальные доходы государства за счет формирования необходимых знаний и навыков у отдельно взятых членов общества. Исследования показывают, что подобно финансовому капиталу человеческий капитал является интеллектуальным национальным ресурсом и создает кумулятивный эффект, который будет давать положительный результат в течение длительного периода времени.

Литература

1. Актуальные проблемы психологического обеспечения практической деятельности силовых структур: сб. матер. III Всероссийской научно-практической конференции специалистов ведомственных психологических и кадровых служб с международным участием. СПб.: Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал РТА, 2014. 462 с.
2. Deci E.L., Ryan R.M. *Motivation, Personality, and Development within Embedded Social Contexts: An Overview of Self-Determination Theory: The Oxford Handbook of Human Motivation*. 2012. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780195399820.013.0006
3. Nie Y., Chua B.L., Yeung A.S., Ryan R.M., Chan W.Y. The importance of autonomy support and the mediating role of work motivation for well-being. Testing self-determination theory in a Chinese work organisation. *International Journal of Psychology*, 2014, no. 50. DOI: 10.1002/ijop.12110
4. Капелюшников Р.И. Экономические очерки: методология, институты, человеческий капитал. М.: НИУ ВШЭ, 2016. 576 с.
5. Чаран Р., Бартон Д., Кэри Д. Талант побеждает: О новом подходе в реализации HR-потенциала: пер. с англ. М.: Олимп-Бизнес, 2019. 224 с.
6. Goldstein J., Hazy J.K., Lichtenstein B.B. *Complexity and the Nexus of Leadership. Leveraging Nonlinear Science to Create Ecologies of Innovation*. Palgrave Macmillan, 2010. 213 p.
7. Brennan J., King R., Lebeau Y. *The Role of Universities in the Transformation of Societies*. The Open University Report. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/e42f/ab64590cb909b311269.pdf>
8. Hazy J.K., Goldstein J.A., Lichtenstein B.B. Complex Systems Leadership Theory: New Perspectives from Complexity Science on Social and Organizational Effectiveness. In: *Exploring Organizational Complexity Series*. V. 1. Mansfield, MA: ISCE Publishing, 2007. 496 p.
9. Schyns B., Kiefer T., Kerschreiter R., Tymon A. Teaching implicit leadership theories to develop leaders and leadership: How and why it can make a difference. *Academy of Management Learning Education*, 2011, vol. 10, no. 3, pp. 397–408.
10. Фасхиев Х.А. Интеллектуальный капитал как фактор новаторской активности // Менеджмент в России и за рубежом. 2020. № 1. С. 17–28.
11. Модель оценки уровня развития цифрового лидерства организаций в ведущих научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях / Ю.М. Грузина, Е.С. Волкова, А.В. Варнавский и др. // Самоуправление. 2019. Т. 2. № 4 (117).
12. Плужникова А.А., Седова Т.В. Человеческий капитал в условиях высшего образования // NovaInfo.Ru. 2018. Т. 1. № 77. С. 202–205.
13. Манеров Г.Н., Денисенко Е.А. Инвестиции в человеческий капитал – основа развития современной экономики // Инновационные технологии в машиностроении, образовании и экономике. 2018. Т. 13. № 1-1 (7). С. 11–14.
14. Crevani L., Ekman M., Lindgren M., Packendorff J. Leadership cultures and discursive hybridization: On the cultural production of leadership in higher education reforms. *International Journal of Public Leadership*, 2015, no. 11 (3–4). DOI: 10.1108/IJPL-08–2015–0019 24
15. O'Reilly D., Reed M. 'Leaderism': An evolution of managerialism in UK public service reform. *Public Administration*, 2010, no. 88 (4). DOI: 10.1111/j.1467–9299.2010.01864.x
16. Péladeau P., Herzog M., Acker O. The new class of digital leaders. *Tech & Innovation*, 2017, no. 88. Available at: <https://www.strategy-business.com/article/The-New-Class-of-Digital-Leaders?gko=a250f> (accessed 14.09.2020).
17. Кончакова Л.Н., Чугунова С.В. Человеческий капитал и инвестиции в человеческий капитал предприятия // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2017. Т. 3. № 13. С. 48–50.
18. Сербиновский Б.Ю., Оздоева А.М. Стратегия интеллектуального лидерства университета нового типа на рынке образовательных и научных услуг / Юж. федеральный ун-т. Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2010.
19. Сергеева М.Г., Визаулина В.В. Развитие компетенции социального взаимодействия при подготовке современного специалиста // Проблемы современного педагогического образования: сборник научных трудов. Ялта: РИО ГПА, 2019. Вып. 65. Ч. 3.

20. Лавренюк К.И., Мазелис Л.С., Крюков В.В. Оптимизационные модели инвестирования в человеческий капитал кафедры университета. Владивосток, 2016. 161 с.
21. Эскиндаров М.А., Масленников В.В., Масленников О.В. Риски и шансы цифровой экономики России // *Финансы: теория и практика*. 2019. Т. 23. № 5 (113).
22. Goffee R., Jones G. *Clever: Leading Your Smartest, Most Creative People*. Boston, MA: Harvard Business Press, 2009.
23. Black S.A. Qualities of effective leadership in higher education. *Open Journal of Leadership*, 2015, no. 4. Available at: <http://dx.doi.org/10.4236/ojl.2015.42006>

Сведения об авторах

Мухадин Абдурахманович Эскиндаров – доктор экономических наук, профессор, ректор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125993, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49; e-mail: priemnaya@fa.ru)

Юлия Михайловна Грузина – кандидат экономических наук, доцент, доцент департамента, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, (125993, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49; e-mail: YMGruzina@fa.ru)

Ирина Анатольевна Фирсова – доктор экономических наук, доцент, профессор департамента, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125993, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49; e-mail: Ifirsova@fa.ru)

Марина Владимировна Мельничук – доктор экономических наук, профессор, профессор департамента, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125993, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49; e-mail: MVMelnichuk@fa.ru)

Eskindarov M.A., Gruzina Yu.M., Firsova I.A., Melnichuk M.V.

Human Capital Competencies in High-Tech and Knowledge-Intensive Sectors of the Economy

Abstract. Modern society is a knowledge economy. A person who is able to assimilate, analyze, and transform information, received from outside, into knowledge comes to the fore. The requirements for professional and general cultural competencies of the leader's personality are determined by his position in the system of two types of relations: formal ones, due to the power vertical of responsible dependence, and informal ones, related to interpersonal likes and dislikes and intergroup relations in the performance of direct official and public functions. Within the framework of assessing the personal qualities of a leader in high-tech and knowledge-intensive sectors of the economy, there are criteria for indicators and development levels of his/her competence. A successful leader in high-tech and knowledge-intensive sectors of the economy should not only have value-based ideas about the organization of labor and have high professional competencies but also be able to effectively and lawfully manage human capital and know the mechanisms of the labor economy. Knowledge becomes the leading production segment, commodity exchange. In the leading countries, from 75 to 90% of the gross domestic product is created at the expense of scientific and technological progress, research and development work. The mechanism of knowledge production has been launched, which is a combination of fundamental science, universities, business schools, knowledge transfer, information flows, etc. In this regard, a leader of an organization and staff should have formed competencies for working in conditions of quantitative data overload, irrelevant and blurry information, information and emotional overload. Effective management style of a leader involves the formation of competencies for localization of information pressure, which is aimed at developing information culture in the organization. Our purpose is to determine the dominant characteristics of the qualities of a leader – a manager, working in the field of high-tech and knowledge-intensive industries,

to develop a model of the formation and development of competences of a leader in the field of human capital management in the process of his professional activity, as well as the model of the leadership institute development. The authors adhere to the basic idea of the need to analyze abilities, knowledge, and skills, acquired and formed at an university, and to assess general professional and personal qualities of graduates that are required by employers. The main applied methods include desk and sociological research based on systematic and integrative approaches.

Key words: human capital, leadership, high-tech and knowledge-intensive sector of the economy, leadership competencies, human capital management.

Information about the Authors

Mukhadin A. Eskindarov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Rector, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky Prospekt, Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: priemnaya@fa.ru)

Yulia M. Gruzina – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Associate Professor at the Department, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky Prospekt, Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: YMGruzina@fa.ru)

Irina A. Firsova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Professor at the Department, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky Prospekt, Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: Ifirsova@fa.ru)

Marina V. Melnichuk – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Professor at the Department, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky Prospekt, Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: MVMelnichuk@fa.ru)

Статья поступила 23.10.2020.

Жизнедеятельность молодежи в изменяющейся реальности: противоречия саморегуляции*

Юлия Альбертовна

ЗУБОК

Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
Москва, Российская Федерация, 119333, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1

E-mail: uzubok@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3108-2614

Владимир Ильич

ЧУПРОВ

Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
Москва, Российская Федерация, 119333, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1

E-mail: chuprov443@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7881-9388

Аннотация. В статье обосновывается социокультурный подход к исследованию противоречий саморегуляции жизнедеятельности молодежи. В разрабатываемом подходе рассматривается процесс образования смыслов, определяющих содержательную направленность противоречий саморегуляции в изменяющейся реальности. Как источник развития молодежи анализируются противоречия между культурным и социальным, бессознательным и осознанным, традиционным и современным, объективным и субъективным. Эмпирическая апробация разрабатываемой концепции осуществлялась на основе результатов исследований применительно к

* Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 20-011-00585 «Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в изменяющейся социальной реальности».

Для цитирования: Зубок Ю.А., Чупров В.И. Жизнедеятельность молодежи в изменяющейся реальности: противоречия саморегуляции // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 6. С. 215–231. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.13

For citation: Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Youth's activity in changing reality: self-regulation contradictions. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 2020, vol. 13, no. 6, pp. 215–231. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.13

сферам образования, труда и семьи. В столкновении культуры и социального проявляется как консервативная, так и конструктивная составляющая. Консервативная связана с ситуациями разных форм экономических ограничений, а конструктивная — с рационализацией отношения молодежи к образованию, труду и семье, поиском альтернативных путей разрешения противоречий. Противоречие между бессознательным и осознанным проявляется как противоборство смыслов — терминального, самоценного и инструментального, рационального отношения к объектам реальности. Противоречие традиционного и современного по-разному проявляется в образовании, труде и семье. В сфере образования происходит девальвация традиционных ценностей образования, отсутствуют условия для укрепления современных; в сфере труда сохраняется исторически сложившееся противоречие его инструментального и терминального смысла; в семейных отношениях — острое несоответствие стремления молодежи к современным формам организации семьи доминирующим в обществе традиционным формам. В противоречии объективного и субъективного в различных сферах отражаются существующие проблемы объективной действительности и субъективное отношение к ним молодежи. Эмпирически противоречия анализируются на основе результатов сравнительного социологического исследования, проведенного авторами в 2014 и 2017 гг.

Ключевые слова: молодежь, жизнедеятельность, саморегуляция, изменяющаяся реальность, противоречия, культурное и социальное, бессознательное и осознанное, традиционное и современное, объективное и субъективное.

Введение

Жизнедеятельность любой социальной группы, в том числе молодежи, — во многом саморегулируемый процесс. Саморегуляция проявляется в способности разных групп молодежи воздействовать на условия своей жизнедеятельности, приспособлявая социальную реальность к своим потребностям. В основе саморегуляции лежат конструируемые молодыми людьми образы реальности, т. е. формирующиеся в процессе социализации смыслы и значения, которыми они наделяют объекты реальности. Формирование смыслов происходит в культурном пространстве посредством реализации социальных функций культуры, важнейшей среди которых является регулятивная, направленная на регулирование социальных взаимодействий.

Процесс смыслообразования сопровождается противоречиями, представляющими «определенный тип взаимодействия различных и противоположных сторон, свойств, в составе той или иной системы или между системами, процесс столкновения противоположных стремлений и сил» [1, с. 241–242]. Противоречия в жизнедеятельности молодежи возникают во взаимодействии противоположных сторон элементов механизма ее саморегуляции: культурных и социальных, осознанных и бессознательных, традиционных и современных, объек-

тивных и субъективных [2, с. 114–123]. В связи с этим для изучения жизнедеятельности молодежи и противоречий, возникающих в процессе ее саморегуляции в условиях изменяющейся социальной реальности, необходимо решить следующие задачи.

Во-первых, нуждается в теоретическом обосновании *соотношение культурного и социального* в организации социальной жизни молодежи. Во-вторых, требуется обосновать *связь архетипических и ментальных структур коллективного бессознательного с рациональными основаниями саморегуляции* социальных взаимодействий. В-третьих, необходимо определить устойчивые типы социальных *связей между традиционным и современным* в организации социальной жизни молодежи. В-четвертых, важно иметь представление о соотношении *объективного и субъективного* в конструировании молодежью социальной реальности. Решение перечисленных задач направлено на обоснование целостного подхода к социокультурной саморегуляции жизнедеятельности молодежи. Он обеспечивается общей методологической направленностью теоретической разработки противоречий как источника развития в различных сферах жизнедеятельности молодежи: образовании, труде, семейных отношениях.

Методология исследования

В современном обществе процесс выстраивания жизнедеятельности молодежи подвержен постоянным изменениям. Базовые отличия, характеризующие условия жизни и способы ее регулирования, обусловлены нарастанием неопределенности, продолжительным взрослением, пролонгацией маргинального состояния и, как следствие, ростом социальных противоречий внутри разных групп молодежи. Если в условиях относительно устойчиво развивающегося общества наиболее подверженными социальным проблемам были отдельные, локальные группы молодежи с заведомо низким социальным статусом и ограниченными ресурсами для саморазвития, то в условиях глобальных трансформаций социальная база противоречий расширяется. Эскалация противоречий характерна для всех типов обществ, что находит отражение в особенностях жизнедеятельности молодежи и механизмах ее саморегуляции [3–8]. Перспективы их разрешения связаны с выстраиванием индивидуальных и групповых социальных и культурных стратегий транзисии, преодолением новых видов неравенства, появившихся из-за изменений в сфере труда, образования, цифровой реальности [9–13].

Глобальные социально-экономические и социокультурные трансформации закрепляются в «социальном поколении» [14], в образах реальности и способах жизнедеятельности. Среди них – постепенное закрепление ненадежной работы, совмещение работы и учебы в течение длительного времени, принятие стратегии гибкости (флексibility) и мобильности, непредсказуемости и риска как имманентных составляющих жизнедеятельности. Эти условия и соответствующие им установки ложатся в основу феномена «*новой взрослости*» (new adulthood) [4, с. 20; 15; 16] и говорят о нарастании различных типов противоречий в жизнедеятельности молодежи, основанных на широком контексте социальных и культурных изменений условий жизнедеятельности, объективных условий реальности и их субъективного восприятия, ожиданий молодых людей, их интенциональных стремлений и переживаний, способов организации жизнедеятельности.

При обосновании противоречий мы опираемся на теоретические подходы, содержащиеся

в трудах М. Вебера, К. Юнга, А.С. Ахиезера, Н.И. Лапина, А.Б. Гофмана.

Теоретическое обоснование *противоречия культурного и социального* в жизнедеятельности содержится в социокультурной теории А.С. Ахиезера. Он доказывает существование «вечного раскола» между социальными отношениями и культурой, противоречивость которых рассматривает как фундаментальную атрибутивную характеристику, видит больше инновационной сущности в культуре, чем в социальных отношениях. Культура рассматривается им как «сфера творчества и фантазии, а социальные отношения всегда должны оставаться функциональными уже в силу своей воплощенности в массовый воспроизводственный процесс» [17; 3, с. 22–23]. Приданию культуре человека в большей степени преобразующих, а не консервативных, функций способствует новая, формирующаяся с конца XX века, социокультурная реальность. Происходит переориентация социокультурной истории. На передний план исследовательских интересов выходит проблема реализации субъективных представлений, мыслей, способностей, интенций индивидов в пространстве возможностей, ограниченных объективными условиями. Представляется, что именно в такой постановке социокультурный подход выражен наиболее явно: культура — способ реализации субъективных представлений, мыслей, способностей, интенций индивидов, а социальное отражает объективные условия, рамки, границы, структуру в целом [18, с. 130]. Отсюда вытекает противоречие между культурой как способом и социальным как условиями жизнедеятельности молодежи.

В основе социокультурного подхода Н.И. Лапина содержится не дуальная оппозиция социального и культурного, а тройственная. Вводится актер как носитель культурных и социальных отношений, его субъективная роль проявляется и в традиции, и в инновации. Эти три основные компоненты социума паритетны по отношению друг к другу, однако они взаимопроникают друг в друга и поэтому неразделимы: нет социальности вне культуры и индивидов, нет культуры вне социальности и индивидов, нет индивидов вне социальности и культуры.

Противоречие бессознательного и осознанного возникает между представлениями, взглядами, образами, сохраняющимися в коллективном бессознательном и воспроизводимыми молодежью, с одной стороны, и рационально осмысленными ориентациями на достижение конкретных целей, с другой.

Базовые элементы образов реальности формируются исторически в механизме саморегуляции в форме архетипов коллективного бессознательного и менталитета, закрепляясь в групповом и индивидуальном сознании молодых людей. *Архетипы*, как культурные первообразы¹, отражая опыт прежних поколений, обеспечивают формирование и унаследование смысловых оснований отношения к объектам социальной реальности. В *ментальных структурах* отношение к объектам социальной реальности закрепляется в бессознательных и неотрефлексированных формах, как свойство личности, группы, общества, нации, проявляющееся в чертах национального характера. Во взаимодействии обеих форм (бессознательного и осознанного) обеспечивается их единство в процессе саморегуляции.

Противоречие традиционного и современного в способах организации социальной жизни молодежи раскрывается исходя из понимания сущности этих феноменов.

В самом общем виде под традицией в социологии понимается «социальное и культурное наследие, передающееся от поколения к поколению и воспроизводящееся в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени»². Обобщая существующие подходы к проблеме соотношения традиций и инноваций и осмысливая в этом ключе наследие Ю.А. Левады, В.В. Колбановский приводит следующее определение: «*традиция* — механизм воспроизводства социальных институтов и норм, при котором поддержание последних обосновывается, узаконяется самим фактом их „существования в прошлом”» [19, с. 11]. Тради-

ции сохраняются в исторической памяти людей в виде культурных образцов, и «каждое поколение, — пишет А.Б. Гофман, — не просто усваивает их в неизменном и готовом виде. Оно неизбежно, так или иначе, осуществляет среди них отбор, по-своему их интерпретирует, приписывает им новые значения и смыслы, которых до него не было» [20, с. 19]. Возникающие на основе традиций новые смыслы и инновации преобразуются в новые культурные образцы (традиционализируются), становясь составной частью культурного наследия.

Универсальной формой поддержания социальной организации традиция может служить преимущественно в относительно простых и стабильных социальных структурах. В более развитых обществах она лишь *дополняет* систему идеологических и других институтов. Но наряду с традицией, а зачастую *внутри* нее возникает и набирает силу *инновация*, связанная с современным изменением социальных отношений и институтов, поэтому определенная степень воспроизводства традиций не означает неизменность, а предполагает их обновление (инновацию) путем надления новыми смыслами или преобразования в новые формы («модернизация традиционности», по определению А. Гофмана). Более того, «сегодня в большей степени, чем когда-либо, традиции являются объектом выбора, интерпретации и актуализации, индивиды и социальные акторы выбирают не только свое настоящее, не только свое будущее, но и прошлое. Традиционные культурные образцы нередко содержатся внутри самых разных инноваций» [19, с. 27].

В отличие от традиционного современный тип организации общественной жизни строится на основе целерациональной мотивации социальных действий. «Целерационально действует тот индивид, чье поведение ориентировано на цель, средства и побочные результаты его действия... то есть действует, во всяком случае, не аффективно (прежде всего не эмоционально) и не традиционно» [21, с. 629]. Иначе говоря, современная организация общественной жизни основана как на традиции, так и на принципе рациональности, предполагая достижение действующими субъектами своей цели, соотносенной с рационально осмысленными средствами.

¹ Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного. М.: Директ-Медиа, 2007. 77 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=36246> (дата обращения 30.09.2020).

² Гофман А.Б. Традиции // Культурология. XX век. Энциклопедия / гл. ред. С.Я. Левит. Т. 2. СПб.: Университетская книга, 1998. С. 265.

Н.И. Лапин ввел понятие «неполной (относительной) респонсивности (соответствия)» между этими компонентами. Респонсивность вырабатывается как естественно-исторический процесс общественного воспроизводства [19; 22, с. 143; 23].

Воспроизводство традиционной культуры происходит в процессе смены поколений. Каждое новое поколение застаёт культуру, созданную предыдущими поколениями, изменяет ее путем собственной деятельности и передает в измененной форме последующим поколениям. В этом процессе молодое поколение обретает собственное качество как социальная группа, основными функциями которой являются воспроизводственная, направленная на унаследование образцов культуры; инновационная, предполагающая их обновление, и трансляционная, обеспечивающая передачу обновленных образцов будущим поколениям. В связи с этим противоречия в механизме саморегуляции жизнедеятельности молодежи *возникают между традицией и инновацией в процессе становления ее субъектности.*

Противоречие объективного и субъективного обосновывается в парадигме феноменологической социологии знания, на основе которой рассматривается вся социальная реальность. По мере освоения комплекса знаний о сущности и особенностях проявлений всего, с чем сталкивается молодой человек в ходе социальных взаимодействий, раскрывается объективный аспект социальной реальности – социальная действительность. Познавая объективную действительность, он непосредственно воспринимает ту ее часть, о которой располагает собственными знаниями, то есть субъективно реальность проявляется в уверенности человека в достоверности собственных знаний о наблюдаемых объектах. А сущность социальной реальности коренится *в соотношении объективного и субъективного* в социальной действительности.

Знания распределены в обществе, молодежь конструирует в своем сознании объекты реальности в соответствии с доступностью знаний, зависящей от собственного социального положения, когда молодой человек осознает себя в качестве члена определенной социальной группы, обладателя определенного социального статуса. Конструирование собственной жиз-

ни зависит и от качества приобретаемых знаний, насколько оно соответствует ожиданиям, связанным с выполнением конкретных социальных ролей. Результатом осознания своего социального положения становятся, с одной стороны, ожидания от реальности, а с другой – социальные смыслы, которыми наполняется конструируемая реальность, поэтому в процессе саморегуляции жизнедеятельности возникает противоречие между объективной и субъективной сторонами социальной реальности.

Для анализа рассматриваемых противоречий в статье используются результаты двух исследований, проведенных Центром социологии молодежи ИСПИ РАН под руководством авторов: 1) в 2014 году среди населения РФ в возрасте старше 15 лет в 13 субъектах РФ, в 65 населенных пунктах; опрошено 1459 чел., выборка молодежи в возрасте 15–29 лет составила 401 чел.; 2) в 2017 году в 7 субъектах РФ, в 28 населенных пунктах; выборка молодежи в возрасте 15–29 лет составила 803 чел.

Противоречие культурного и социального в организации социальной жизни молодежи

Позиция актора в противоречии между культурой и социальными отношениями играет важную роль в механизме саморегуляции жизнедеятельности молодежи. В ней отражаются не только коллизии, но одновременно и субъективные возможности преодоления несоответствия культурных и социальных оснований в реализации ожиданий молодых людей. Это находит отражение в различных сферах жизнедеятельности.

В сфере *образования* – это противоречие между ценностью знаний и доступностью платного образования. На эмпирическом уровне ценность знания содержится в ответах на вопрос об отношении молодежи к знаниям: как главному достоянию человека или чему-то не обязательно, что легко компенсируется наличием денег (*табл. 1*).

Как видим, полностью платное образование доступно лишь незначительной части молодежи (8,6%), а для каждого второго (47,2%) оно практически не доступно. Однако среди респондентов, относящихся к знаниям как к главному достоянию, выше доля оценивающих доступность платного образования, признающих, что придется отказываться себе во

Таблица 1. Связь отношения к знанию с доступностью платного образования

Отношение к знаниям	Доступность платного образования, % от числа ответивших		
	Полностью доступно	Доступно, но для этого придется отказывать себе во многом	Практически не доступно
Знания – это главное достояние человека	9,0	46,1	44,9
В наше время без знаний можно обойтись, были бы деньги	8,0	41,6	50,4
В целом среди молодежи	8,6	44,2	47,2

Источник: исследование авторов.

многом (46,1%), а также ниже доля оценивающих его недоступность (44,9%) по сравнению с теми, кто считает, что без знаний можно обойтись при наличии денег (соответственно 41,6 и 50,4%). При этом доля малообеспеченных в обеих группах примерно одинаковая (61,2 и 63,6%). То есть налицо противоречие между ценностью знаний и доступностью платного образования, которое проявляется в несоответствии социальных условий в сфере образования когнитивным ценностям молодежи.

В сфере *труда* – противоречие между ценностью труда и возможностями самореализации в труде (табл. 2).

Терминальная ценность труда определялась набором следующих смысловых значений: ощущение своей полезности, внутренняя потребность, творчество, а инструментальная – возможность заработать, вынужденная необходимость, общение. Из таблицы 2 следует, что связь и терминальной, и инструментальной ценности труда с самооценкой респондентами возможности самореализации в данной сфере по большинству направлений самореализации

не превышает 5 баллов по семибалльной шкале оценок. При этом респонденты, выделяющие терминальную ценность труда, оценивают свои возможности во всех направлениях самореализации, кроме бизнеса, существенно выше, по сравнению со сторонниками инструментальной ценности. Следовательно, противоречие возникает между ценностями труда, в которых во многом отражаются отношение молодежи к экономической политике, проводимой в стране, и ожидания от труда. А нереализованные ожидания приводят к протестным настроениям. Как видим, преодолению данного противоречия с большим успехом способствует терминальное отношение к труду со стороны его акторов, с меньшим успехом – инструментальное.

В *семейной* сфере – между ценностью семьи и неудовлетворенностью своим материальным положением (табл. 3).

Терминальная ценность семьи определялась набором следующих смысловых значений: потребность (невозможно представить свою жизнь без семьи); цель (т. е. просто должна быть); любовь. Инструментальная – необхо-

Таблица 2. Связь ценности труда с возможностями самореализации в труде

Ценность труда	Самооценка возможностей самореализации, К*					
	Найти работу	Повысить квалификацию	Повысить зарплату	Сделать карьеру	Защитить свои права	Сделать свой бизнес
Терминальная	4,93	5,38	4,66	4,59	5,24	3,33
Инструментальная	4,65	4,84	4,07	3,94	4,82	4,89

* К – средневзвешенный коэффициент по семибалльной шкале оценок.
Источник: исследование авторов.

Таблица 3. Связь ценности семьи с удовлетворенностью материальным положением

Ценность семьи	Самооценка удовлетворенности материальным положением, % от числа ответивших	
	Не удовлетворены	Удовлетворены
Терминальная	62,7	37,3
Инструментальная	80,2	19,8

Источник: исследование авторов.

димось (чувство долга или чувство неловкости без семьи); средство (для карьеры, комфорта); обуза. Большинство респондентов в обеих группах не удовлетворены своим материальным положением, причем среди разделяющих мнение о терминальной ценности семьи доля неудовлетворенных заметно ниже, чем среди сторонников инструментальной ценности (62,7% против 80,2). Следовательно, неудовлетворенность своим материальным положением является значимым основанием анализируемого противоречия в сфере семейных отношений молодежи. И вновь в качестве потенциала его преодоления в большей степени выступает терминальное отношение к семье, в меньшей — инструментальное.

Таким образом, в процессе саморегуляции жизнедеятельности молодежи возникающие противоречия культуры с социальными условиями способствуют достижению *приемлемого соответствия* между социокультурными способами реализации субъективных ожиданий молодых людей в различных сферах жизнедеятельности и объективными условиями их реализации. Вступая в противоречия с социальными условиями, ценности, как основополагающие элементы культуры, выполняют в саморегуляции одновременно и консервативную, и конструктивную функцию. Эти противоречия реализуются молодыми людьми, т. е. акторами противоречий. *Консервативная функция* проявилась во всех анализируемых сферах жизнедеятельности в формировании смысловой направленности саморегуляции на обеспечение устойчивости, стабильности жизнедеятельности и реализовалась в более эффективном преодолении сторонниками терминальных ценностей целого ряда препятствий, возникающих в связи с недоступностью плат-

ного образования, ограниченными возможностями самореализации в труде, неудовлетворенностью материальным положением в сфере семейных отношений. *Конструктивная функция* реализовалась в результате инструментализации отношения молодежи к образованию, труду, семье, способствуя поиску альтернативных способов для преодоления возникающих препятствий, в т. ч. обходных путей.

Противоречие бессознательного и осознанного в саморегуляции жизнедеятельности молодежи

Процесс взаимодействия бессознательных и осознанных форм по существу представляет собой переход бессознательных форм в осознанные. В связи с этим противоречие между бессознательным и осознанным носит опосредованный характер, поскольку в нем отражаются противоположности не в бессознательном, а в тех системах, которые проявились в групповом и индивидуальном сознании. В качестве таких систем в сфере *образования* выступают ценности знаний и ценности образования, противоположные стороны которых и лежат в основе противоречий с архетипами и менталитетом.

На основе разработанной ранее структуры архетипов [10, с. 194–196] проанализируем связь архетипов судьбы, добра, совести, спасителя, идеализации прошлого, разделяемых молодыми людьми, с противоположными позициями в их отношении к знаниям: «Знания — это главное достояние человека» или «В наше время без знаний можно обойтись, были бы деньги», а также терминальной и инструментальной ценностями образования. Смысл образования как терминальной ценности определялся набором смысловых значений — развитие способностей, потребность в познании, общая культура, инструментальной ценности — диплом, престиж, карьера (*табл. 4*).

Таблица 4. Связь архетипов коллективного бессознательного с ценностями знаний и образования

Архетип	Ценности знания, % от числа ответивших		Ценности образования, % от числа ответивших	
	Терминальная	Инструментальная	Терминальная	Инструментальная
Судьбы	52,7	47,3	64,3	35,7
Добра	61,3	38,7	73,0	27,0
Совести	59,4	40,6	65,1	34,9
Спасителя	58,3	41,7	47,6	52,4
Идеализации прошлого	57,0	43,0	77,0	23,0
Средние значения	57,7	42,3	65,4	34,6
Источник: исследование авторов.				

Данные, представленные в таблице 4, свидетельствуют о наличии связи архетипов коллективного бессознательного с отношением молодежи к знаниям и образованию. Среди респондентов, полностью согласных с пословицами, отражающими перечисленные архетипы, присутствуют сторонники и терминальных, и инструментальных ценностей, причем значения терминальных ценностей заметно выше, чем инструментальных. Отмечается наиболее высокое значение связи с терминальными ценностями знаний и образования с архетипом добра (соответственно 51,3 и 73%). Соглашаясь со смыслом пословицы «Добро не умрет, а зло пропадет», молодые люди выразили оптимизм, сохраняющийся в коллективном бессознательном россиян, что повлияло на их отношение к знанию и к образованию преимущественно как к терминальной ценности. Видимо, вера в добро и самоценное отношение к образованию занимают общую позицию в коллективном бессознательном большинства молодежи. Это подтверждается ответами и на вопрос «Верите ли Вы, что добро всегда вознаградится?». Среди респондентов, положительно ответивших на него, для 56,7% знания являются терминальной ценностью, для 43,3% — инструментальной. Однако под влиянием жизненных ситуаций картина меняется. Ответы на вопрос «Верите ли Вы, что недобрым людям живется лучше, чем добрым?» показали, что среди тех, кто верит, уже 47,1% респондентов считают знания главным достоянием человека, а 52,9% придерживаются мнения, что в наше время без знаний можно обойтись, были бы деньги. То есть в современной реальности связь архетипа добра с отношением к образованию наполняется новыми смыслами.

Наименее значимая связь с терминальной ценностью знания отмечается у архетипа судьбы (52,7%), выразившегося в согласии с поговоркой «Чему быть — того не миновать». Смыслы, заложенные в данном архетипе, отражая зависимость от стечения обстоятельств и предполагая возможность отстраниться от ответственности за неудачи в жизни, в т. ч. и в учебе, не одинаково трактуются молодыми людьми в разных жизненных ситуациях. Для подтверждения этого вывода респонденту было предложено определить свою жизненную позицию, выбрав одну из двух альтернативных пословиц:

«От судьбы не убежишь» и «На Бога надейся, а сам не плошай». Со второй пословицей, отражающей важность собственной позиции, согласились 58,2% респондентов, разделяющих терминальную ценность знания, и 41,8% — инструментальную.

Аналогично прослеживаются противоречия между остальными архетипами коллективного бессознательного и отношением молодежи к знаниям и образованию, выявленные и описанные нами прежде [10, с. 291–295]. Средние суммарные значения связи архетипов с терминальными и инструментальными ценностями знания составляют соответственно 57,7 и 42,3%, с ценностями образования — 65,4 и 34,6%. В этих противоречиях отражается противоборство смыслов образования и знаний, возникающее в процессе их рационализации при переходе от бессознательного в групповое и индивидуальное сознание.

Данная тенденция также прослеживается в противоречии между менталитетом и отношением молодежи к знаниям и образованию. Суммарные средневзвешенные коэффициенты связи ментальных черт национального характера (любовь к своему отечеству, милосердие, честь, достоинство, любовь к ближнему, подозрительность в отношении к иностранцам), оцениваемые по семибалльной шкале, с терминальными и инструментальными ценностями знания составили соответственно 4,99 и 4,93, с ценностями образования — 5,02 и 4,88. Следовательно, в противоречии между ментальностью, восходящей к бессознательному слою духовной жизни, и ценностными структурами в сфере образования также отражаются противоположности рационального отношения молодежи к знаниям и образованию.

В сфере *труда* в качестве основы противоречия между бессознательным и рациональным выступает, с одной стороны, архетип труда (вопрос «Какая из перечисленных пословиц больше соответствует Вашей жизненной позиции?»), с другой — рассмотренные выше терминальные и инструментальные ценности труда. Анализировались следующие пословицы, содержащие альтернативные представления об отношении к труду: «Без труда не вынешь и рыбку из пруда», «Работа дураков любит», «Труд человека кормит, а лень портит», «Ешь — потей, работай — зябни».

Таблица 5. Связь архетипов с ценностью труда

Архетип	Связь с ценностью труда, % от числа ответивших	
	Терминальная ценность труда	Инструментальная ценность труда
Позитивная направленность	26,0	74,0
Негативная направленность	11,2	88,8

Источник: исследование авторов.

Проанализируем связь позитивно и негативно направленных архетипов (средние значения связи по каждой поговорке) с ценностью труда (табл. 5).

Из таблицы 5 следует, во-первых, что значение терминальной ценности труда в группах с позитивной направленностью архетипов (26%) более чем в два раза превышает ее значение в группах с негативной направленностью (11,2%). Во-вторых, в настоящее время явно выражена тенденция инструментализации труда, в которой отражается влияние нарастающего динамизма, изменчивости, неопределенности в данной сфере. В этих условиях усиливается противоречие исторически сформировавшегося двойственного отношения к труду. С одной стороны, возрастает доля сторонников терминальной ценности труда среди разделяющих позитивную направленность архетипа, с другой – повышается доля сторонников инструментального отношения к труду среди приверженцев негативной направленности архетипа.

Анализ связи ментальных черт национального характера с отношением к труду подтверждает вывод о противоречии между бессознательным и рациональным в этой сфере. Суммарные средневзвешенные коэффициенты связи ментальных черт с терминальными и инструментальными ценностями труда составили, соответственно, 4,96 и 4,83. Это свидетельствует о достаточно высоком уровне связи (выше среднего, равного четырем баллам) ментальных черт, присущих молодежи, и с терминальными, и с инструментальными ценностями труда. Следовательно, противоречие между менталитетом и ценностями труда представляет собой взаимодействие противоположностей терминального и инструментального отношения молодежи к труду.

В семейной сфере противоречие между бессознательным и рациональным также отражает процесс раздвоения ценностей семьи на терминальные и инструментальные. При этом все

анализируемые архетипы более тесно связаны с терминальными ценностями (среднее значение связи равно 88,9%) по сравнению с инструментальными (10,9%). Это свидетельствует, во-первых, о доминирующей роли архетипов в воспроизводстве молодежью традиционных терминальных ценностей семьи, во-вторых, о влиянии современных инструментальных ценностей семьи как диалектической противоположности в противоречии с бессознательным на развитие форм семейных отношений в изменяющейся реальности.

Об устойчивости этих процессов можно судить, проанализировав связи ментальных черт национального характера, оцениваемые молодежью на основе семибалльной шкалы, с отношением к семье. Суммарные средневзвешенные коэффициенты связи ментальных черт с терминальными и инструментальными ценностями семьи составили, соответственно, 5,05 и 4,51. Отсюда следует, что противоречие, формирующееся в архетипических структурах коллективного бессознательного, закрепляется в ментальных чертах, определяя специфику терминального и инструментального в семейных отношениях нынешнего поколения молодежи.

Таким образом, в результате анализа было подтверждено наличие связи архетипических и ментальных структур коллективного бессознательного с рациональными основаниями саморегуляции в различных сферах жизнедеятельности молодежи. В качестве значимого основания саморегуляции выступает раздвоение ценностей образования, труда, семьи на терминальные и инструментальные, образующие диалектические противоположности противоречий саморегуляции. Как показал анализ, эти противоположности определяют, хотя и в разной степени, содержание терминального и инструментального отношения молодежи к образованию, труду, семье. Если в образовании и, особенно, в семейной сфере доминируют терминальные смыслы, то в труде соче-

таются и терминальные, и инструментальные. То есть противоречие между бессознательным и рациональным проявляется как противоборство смыслов, терминального, самоценного и инструментального, рационального отношения к объектам социальной реальности.

Противоречие традиционного и современного в организации социальной жизни молодежи

В саморегуляции *образования* противоречие традиционного и современного прослеживается в столкновении терминальной (традиционной) и инструментальной (современной) ценности образования. Как отмечалось, смысл образования как терминальной ценности определялся набором смысловых значений — развитие способностей (21,4%), потребность в познании (12,7%), общая культура (5%), а инструментальной — диплом (17,3%), престиж (5,9%), карьера (37,8%). В целом образование как терминальную ценность воспринимают 31,9% респондентов, как инструментальную — 60,9%. Тенденция инструментализации отношения молодежи к образованию характерна для всего постсоветского периода, прежде всего она связана с реформами, осуществленными в стране в данной сфере. Эту тенденцию подтвердили итоги ранее проведенных исследований [24, с. 129–132]. В результате реформирования системы образования в сознании молодых людей деформируются исторически сложившиеся смысловые основания, традиционно определяющие самоценное значение процесса познания. Они вытесняются рациональными смыслами, в которых образование рассматривается в качестве средства достижения других целей, не связанных с познанием. В связи с этим противоречие терминальной (традиционной) и инструментальной (современной) ценности образования проявляется как взаимное отрицание смыслов, отражающих, с одной стороны, стремление к познанию, с другой — к получению статуса.

Это подтверждается анализом ценности знания. Терминальный смысл знания, содержащийся в суждении «К получению знаний нужно стремиться всегда для общего развития, даже если они не востребованы в практической жизни», близок 54,5% респондентов, а инструментальный, содержащийся в суждении «Знания не самоцель, а средство решения поставленных задач» — 45,5%. Следовательно, знания остаются доминирующей ценностью молодых

людей, которая под влиянием инструментализации отношения к образованию, вследствие его реформирования, входит в противоречие со стремлением к получению статуса, уступая ему свое место.

В саморегуляции *труда* анализируемый процесс проявляется в противоречии между терминальным и инструментальным отношением молодежи к труду. Труд как терминальная ценность определялся набором следующих смысловых значений: ощущение своей полезности (13,3%), внутренняя потребность (6,2%), творчество (4,6%), в сумме 24,1%. Инструментальная — заработок (61,9%), вынужденная необходимость (12,4%), общение (1,5%), в сумме 75,9%. Следовательно, противоречие выражается в доминировании инструментальной ценности труда.

Многочисленные исследования позволяют говорить об укорененности этого противоречия в культуре, что связано не только с актуальным противостоянием традиций и модерна, но и с особенностями исторически сложившихся трудовых отношений, воспроизводившихся в российском обществе в исторической ретроспективе [24, с. 261–269; 25]. С одной стороны, в них утверждался приоритет «благоговейного отношения к труду, необходимого для души и тела», основанного на православной культуре. Традиция самоценного отношения к труду продолжилась в советский период в провозглашении труда первой жизненной потребностью. А с другой стороны, в России во все времена прослеживалось влияние эксплуатации труда, формирующее инструментальное отношение к нему. Противоречивое отношение к труду отразилось в фольклоре: «Работа дураков любит» и «Работа человека кормит, а лень портит». То есть в пословицах присутствует двойственное отношение к труду (и инструментальное, и терминальное), которое воспроизводится в жизненной позиции современного поколения российской молодежи.

Следовательно, противоречие традиционного и современного в сфере труда не сводится к противоположностям смыслов между терминальным и инструментальным отношением к нему. Наоборот, терминальные и инструментальные смыслы присутствуют и в традиционном, и в современном отношении к труду. Противоречие формируется в результате раз-

двоения ценностей, образующего диалектические противоположности в форме традиционных и современных ценностей труда, которые выступают источником развития и труда, и отношения к нему молодежи.

В сфере *семейных* отношений анализируемое противоречие еще более наглядно проявляется в раздвоении отношения к семье на терминальное (традиционное) и инструментальное (современное). Семья традиционно считается терминальной ценностью, что подтверждается результатами исследования. Самоценное отношение к семье характерно для 86,3% молодежи, а инструментальное – для 13,7%. Противоречие возникает между традиционным и современным отношением к семье как диалектическими противоположностями, проявляясь в различных формах ее организации – типах брачных отношений, способах гендерного распределения ролей, желаемом количестве детей, отношении к детям и др. Рассмотрим, как связано терминальное и инструментальное отношение молодежи к семье с различными формами ее организации (табл. 6).

Анализируемые формы организации семьи подразделяются на традиционные и современные. К традиционным формам относятся «церковный («венчанный») и гражданский официально зарегистрированный брак», «муж – глава семьи», «многодетная семья», «авторитарное отношение к детям», к современным – «незарегистрированный брак (сожительство)», «равноправное распределение ролей в семье», «однородная семья», «либеральное отношение к детям». Среди молодежи, разделяющей терминальное отношение к семье, 86,2% являются сторонниками традиционных форм ее органи-

зации, 75,0% – современных, инструментальное – соответственно 13,8 и 25,0%. Как видим, терминальное отношение к семье, присущее традиционной культуре россиян, способствует преимущественному воспроизводству молодежью традиционных форм ее организации, а инструментальное – современных, поэтому базовое противоречие в данной сфере проявляется в борьбе традиционных и современных форм отношения молодежи к семье, что в повседневной жизни зачастую приводит к семейным конфликтам. По признанию многих социологов, такая борьба стала причиной кризиса семьи как социального института. На вопрос «Согласны ли Вы с утверждением, что современное российское общество переживает кризис семьи?» утвердительно ответили 21,4% респондентов, скорее согласны – 52,3% молодежи.

Таким образом, проведенный анализ позволил определить общее и особенное в противоречиях традиционного и современного в саморегуляции различных сфер жизнедеятельности молодежи. Общее состоит в том, что в основе анализируемых противоречий лежит раздвоенные отношения к образованию, труду и семье, образующее диалектические противоположности в форме традиционных и современных ценностей. Особенное отражается в способах разрешения противоречий, притом что противоречия, не получившие разрешения, не приводят к развитию. В сфере образования это проявилось в его неэффективном реформировании, следствием которого стала девальвация традиционных ценностей образования. В сфере труда исторически сложившаяся тенденция инструментализации его ценности в нынешних условиях усилила противоречие между тради-

Таблица 6. Связь терминального и инструментального отношения к семье с формами ее организации

Отношение к семье	Формы организации семьи, % от числа ответивших							
	По типу брачных отношений		По распределению ролей в семье		По желаемому количеству детей в семье		По отношению к детям	
	Официально зарегистрированный брак	Незарегистрированный брак	Муж – глава семьи	Равноправное распределение ролей в семье	Однородная семья	Многодетная семья	Авторитарное отношение к детям	Либеральное отношение к детям
Терминальное	86,2	75,0	85,3	57,1	80,4	90,6	82,7	69,7
Инструментальное	13,8	25,0	14,7	42,9	19,6	9,4	17,7	30,3
Источник: исследование авторов.								

ционным и современным отношением к труду. В семейной сфере противоречие проявилось в несоответствии стремления молодежи к современным формам организации семьи доминирующим в обществе традиционным формам, что привело к перерастанию противоречий в конфликт. То есть особенное в разрешении противоречий состоит в разных формах нарушения гармонии между традиционным и современным в саморегуляции жизнедеятельности в различных ее сферах. Учитывая особую роль молодежи в общественном воспроизводстве, противоречия в механизме саморегуляции ее жизнедеятельности возникают между традицией как простым воспроизводством и инновацией как основанием для социальных изменений.

Противоречие объективного и субъективного в конструировании молодежью социальной реальности

В сфере *образования* противостояние объективного и субъективного выражается в противоречии между образовательным статусом (уровнем образования) и удовлетворенностью полученными знаниями (табл. 7).

Данные в таблице 7 свидетельствуют о противоречии между достигнутым молодыми людьми уровнем образования и неудовлетворенностью полученными знаниями. Не удовлетворены в разной степени средним общим образованием 21,7% респондентов, средним профессиональным образованием – 35,2%, высшим образованием первого уровня – 23,2%, высшим второго уровня – 21,4%. То есть субъективные представления и ожидания молодых людей входят в противоречие с их объективным положением в сфере образования. Оно проявляется, с одной стороны, в реальном снижении качества образования, связанном с последствиями реформирования, что отражается в снижении приобретенного образовательного статуса,

а с другой – в неудовлетворенности полученными знаниями, что становится стимулом активизации молодежи для преодоления противоречия.

В сфере *труда* противоречие возникает между условиями, характером, содержанием труда в различных сферах производства (объективная сторона) и ожиданиями молодежи (субъективная сторона). По существу, это противоречие между реальным положением молодых людей, занятых в разных сферах производства, и конструируемым ими образом труда. Проанализируем, как связаны объективные условия труда в материальном, духовном производстве, социальном обслуживании, сфере распределения и обмена с ожиданиями молодежи от труда в этих сферах, а также оценкой собственных возможностей в реализации этих ожиданий (табл. 8).

Из анализа данных, представленных в таблице 8, следует, что в зависимости от реальных условий труда в различных сферах производства существенно различаются и ожидания молодежи от собственного труда, и возможности их реализации. Противоречия возникают во всех сферах, где ожидания не совпадают с оценкой возможностей, о чем свидетельствует высокая доля респондентов, оценивших их по семибалльной шкале ниже среднего уровня. В наибольшей степени – в сфере социального обслуживания в связи с ожиданиями повышения зарплаты (71,4%) и оценками возможностей их реализации ниже среднего уровня (60,1%). В сфере материального производства – в связи с ожиданиями повышения своей профессиональной квалификации (38,8%) и оценкой возможностей ниже среднего уровня (46,9%). В духовном производстве – в связи с ожиданиями получить интересную творческую работу (84,0%) и низкой оценкой возможностей

Таблица 7. Связь уровня образования с удовлетворенностью знаниями

Уровень образования	Удовлетворенность знаниями, % от числа ответивших				
	Полностью удовлетворен	Скорее удовлетворен	Скорее не удовлетворен	Не удовлетворен	Затрудняюсь ответить
Среднее общее	12,3	48,6	15,9	5,8	17,4
Среднее профессиональное	12,0	32,8	24,0	11,2	20,0
Высшее бакалавриат	17,9	39,3	16,1	7,1	19,6
Высшее магистратура	11,8	56,9	15,7	5,7	10,0

Источник: исследование авторов.

Таблица 8. Связь объективных условий труда в различных сферах производства с ожиданиями молодежи и возможностями их реализации

Сфера производства	Ожидания, %*				Оценка возможностей, % от числа ответивших							
	Получить интересную работу	Повысить квалификацию	Повысить зарплату	Продвигнуться по службе	Получить интересную работу		Повысить квалификацию		Повысить зарплату		Продвигнуться по службе	
					В**	Н***	В	Н	В	Н	В	Н
Материальное производство (промышленность, сельское хозяйство, транспорт)	20,0	38,8	85,0	22,5	58,8	41,2	53,1	46,9	53,2	46,8	66,9	33,1
Духовное производство (культура, образование, наука)	84,0	48,0	68,0	24,0	78,0	22,0	82,0	18,0	62,0	38,0	64,0	36,0
Социальное обслуживание (здравоохранение, юриспруденция, правоохранительная деятельность)	22,9	37,1	71,4	34,3	51,5	48,5	59,9	40,1	39,9	60,1	49,9	50,1
Распределение и обмен (финансово-банковская деятельность, сфера услуг, торговля)	31,6	34,2	78,9	34,2	59,2	40,8	61,9	38,1	56,6	43,4	56,4	43,6

*В сумме больше 100%, т. к. допускался выбор нескольких вариантов ответа.
В – возможности выше среднего уровня; *Н – возможности ниже среднего уровня.
Источник: исследование авторов.

(22,0%). В сфере распределения и обмена – в связи с ожиданиями продвигнуться по службе (34,2%) и низкой оценкой возможностей (43,6%). Таким образом, противоречия между объективным положением молодежи в сфере труда и ее субъективными ожиданиями отражают наиболее актуальные и значимые аспекты саморегуляции ее трудовой деятельности.

В *семейной* сфере данное противоречие проявляется в наиболее общей форме – между желаемым и действительным. В частности, его можно проанализировать, сравнив желаемое молодежью количество детей (субъективная сторона противоречия), с реально существующим (объективная сторона). Как показало исследование, среди молодежи в возрасте 25–29 лет ориентированы на бездетную семью 5,7%, однодетную – 23,6%, двухдетную – 57,9%, на трехдетную и более – 12,9%. В действительности в данной возрастной группе отмечается следующий состав семьи: ни одного ребенка (39,3%), один ребенок (45%), два (15%), три и более (0,7%). Следовательно, планирование се-

мьи не реализовалось, причем и в более старшей возрастной группе (30–39 лет), в которой 19,9% бездетных семей, 41,9% – однодетных, 34,3% – двухдетных и 3,8% – многодетных. То есть реальность вносит свои коррективы, усиливая противоречие в саморегуляции отношений в семье.

Таким образом, анализ противоречий объективного и субъективного в различных сферах жизнедеятельности молодежи показал, что в них отражаются, с одной стороны, существующие проблемы объективной действительности, которые являются значимыми факторами саморегуляции жизнедеятельности, с другой стороны, субъективное отношение молодежи к этим проблемам, от степени адекватности которого зависит выбор средств и способов реализации возникающих противоречий. Несмотря на различие проблем, общим в реализации данного типа противоречий является формирование активной жизненной позиции молодежи как условия становления ее социальной субъектности.

Противоречия как источник развития в механизме саморегуляции

Проведенный анализ позволил представить саморегуляцию как развивающийся процесс, определив фундаментальные противоречия, являющиеся источниками развития жизнедеятельности молодежи. Понимание сущности развития содержится в противоположностях, образованных в результате раздвоения взаимосвязанных элементов социокультурного механизма саморегуляции. В соответствии с законом единства и борьбы противоположностей «...все формы человеческой активности осуществляются путем раздвоения единого на различное и противоположное, а взаимодействие противоположных сил, с одной стороны, характеризует определенную систему как нечто единое, а с другой — составляет внутренний импульс ее изменения, развития» [1, с. 241].

Противоречия возникают в структурах, образованных в процессе взаимодействия элементов механизма социокультурной саморегуляции. Эти структуры представляют собой единство различных по функциональной направленности и противоположных по смысловому содержанию элементов механизма. Во взаимодействии различных и противоположных сторон элементов в образованных структурах содержится источник развития, определяющий направленность саморегуляции молодежью жизнедеятельности в образовании, труде, семейной и других сферах.

В противоречии культурных и социальных сторон элементов механизма выделяются противоположности, отражающие реализацию консервативной и конструктивной функций культуры во взаимодействии с социальными условиями в различных сферах жизнедеятельности молодежи. В зависимости от социальных условий молодые люди выбирают жизненные стратегии, направленные на устойчивое развитие (реализация консервативной функции культуры) или изменения (реализация конструктивной функции).

В противоречии между структурами коллективного бессознательного и рациональными основаниями саморегуляции противоположные стороны образуются посредством раздвоения ценностей, формирующихся в процессе перехода от бессознательных к осознанным фор-

мам, на терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства). В связи с этим источником развития становятся противоположности, в качестве которых, с одной стороны, выступают смыслы, воспроизводимые молодежью в архетипических и ментальных чертах коллективного бессознательного и закрепленные в сознании в терминальных ценностях, а с другой — смыслы, представленные в инструментальных ценностях, являющиеся следствием повседневного опыта, накопленного в многообразных взаимодействиях молодых людей. Если в первом случае ценностью выступает сам объект саморегуляции (он же — цель саморегуляции), то во втором объект оценивается как средство достижения этих целей. В противоборстве противоположных смыслов определяется соответствующая направленность развития молодежи, основанная на самоценном (терминальном) или инструментальном отношении к объектам окружающей действительности в различных сферах ее жизнедеятельности.

Раздвоение ценностей на терминальные и инструментальные также лежит в основе *противоречия традиционного и современного* в саморегуляции различных сфер жизнедеятельности молодежи. Унаследова культуру, созданную предыдущими поколениями, молодежь воспроизводит и традиции, присущие ей. Традиционное терминальное отношение к объектам социальной реальности обусловлено самим фактом существования самоценного отношения к семье, знаниям, труду в прошлом, воспроизводство которого молодежью подтверждается результатами исследований. Вместе с тем исследования свидетельствуют о нарастающей тенденции инструментализации отношения к различным объектам реальности в современных условиях, являющейся следствием реализации инновационной социально-групповой функции. Следовательно, в противоречии между традиционным и современным в качестве противоположных сторон выступают традиции и инновации. Доминирование традиций способствует направленности процесса саморегуляции на простое воспроизводство основных сфер жизнедеятельности молодежи, инноваций — на расширенное, обеспечивающее ее социальное развитие.

Противоречие объективного и субъективного в саморегуляции жизнедеятельности молодежи с позиций феноменологической социологии знания рассматривается как раздвоение сущности социальной реальности на объективную действительность и конструируемую молодыми людьми собственную реальность. В процессе образующихся при этом противоположностей выступают, с одной стороны, социальное положение молодежи в различных сферах ее жизнедеятельности, а с другой – конструируемый образ реальности в этих сферах. Источником развития в данном случае становится несоответствие ожиданий молодежи, связанных с реальным и конструируемым социальным

статусом. В своих крайних проявлениях оно приобретает одинаково деструктивные формы, как в завышенных ожиданиях, приводящих к разочарованиям, так и в недооцененных ожиданиях, ограничивающих возможности их реализации.

Все рассмотренные противоречия выступают источником развития не сами по себе, а в процессе их разрешения, необходимыми условиями которого являются достижение согласия, разумного компромисса, поиск альтернативных решений, направленных на гармонизацию противоположных сторон противоречий, обеспечивающую развитие в саморегуляции жизнедеятельности молодежи.

Литература

1. Спиркин А.Г. Основы философии. М.: Политиздат, 1988. 594 с.
2. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М.: Норма, 2020. 304 с.
3. Зубок Ю.А. Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 4–12.
4. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 13–41.
5. Furlong A., Evans K. Metaphors of youth transitions. *Youth, citizenship and social change in a European context*. J. Bynner, L. Chisholm and A. Furlong (eds.). Ashgate, 1997.
6. Furlong A., Stalder B., Azzopardi A. *Vulnerable Youth: Perspectives on Vulnerability on Education, Employment and Leisure in Europe*. International Expert report. Council of Europe Publishing, 2000.
7. Williams C., Chuprov V., Zubok J. *Youth, Risk and Russian Modernity*. Aldershot, Eng.: Ashgate, 2003.
8. Mitev P.-E., Kovacheva S. *Young people in European Bulgaria. A Sociological Portrait*. 2014.
9. Kelly P. and Kamp A. eds. *A Critical Youth Studies for the 21 st Century*. Brill Leiden, 2014.
10. Carabelli G., Lyon D. Young people's orientations to the future: navigating the present and imagining the future. *Journal of Youth Studies*, 2016, vol. 19, no. 8, pp. 1110–1127. DOI: 10.1080/13676261.2016.1145641
11. Bessant J., Farthing R., Watts R. *The Precarious Generation: A Political Economy of Young People*. London: Routledge, 2017.
12. Zaremohzazzabieh Z., Ahrari S., Krauss S.E., Samah A.A., Omar S.Z. *Youth Work in a Digital Society*. IGI Global, 2020.
13. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи. 50 лет исследования / Д.Л. Константиновский, М.А. Обрамова, Е.Д. Вознесенская [и др.]. М.: ЦСП и М, 2015. 232 с.
14. Woodman D., Wyn J. *Youth and Generation: Rethinking Change and Inequality in the Lives of Young People*. Sage, 2014.
15. Crofts J., Cuervo H., Wyn J., Smith G., Woodman D. *Life Patterns Ten years following Generation Y*. Youth Research Centre. Melbourne Graduate School of Education. The University of Melbourne. Available at: https://www.academia.edu/28899479/Life_Patterns_Ten_years_following_Generation_Y. (дата обращения 29.04.2020).
16. Wyn J., Cahill H., Woodman D., Cuervo H., Leccardi C., Chesters J. *Youth and the New Adulthood: Generations of Change*. Springer Singapore, 2020.
17. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 2. Теория и методология. Новосибирск, 1998. 600 с.

18. Темницкий А.Л. Традиции и инновации в трудовой культуре российских рабочих // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. С. 115–181.
19. Колбановский В.В. Социальные традиции и инновации: (исторический контекст, теоретические подходы и определение понятий) // Вестник Института социологии. 2012. № 4. С. 1–23.
20. Традиции и инновации в современной России: социологический анализ взаимодействия и динамики: монография / [А.Б. Гофман и др.]; под ред. А.Б. Гофмана. М.: РОССПЭН, 2008. 541 с.
21. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
22. Колбановский В.В. Антропосоциетальная теория и её значение для теоретической социологии: размышления над «Общей социологией» Н.И. Лапина // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 136–152.
23. Лапин Н.И. Социетальная социология. Узловые проблемы и программа курса // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 112–129.
24. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М.: Норма, 2014. 352 с.
25. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Саморегуляция образа труда в культурном пространстве молодежи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 243–259.

Сведения об авторах

Юлия Альбертовна Зубок – доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социологии молодежи, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Институт социально-политических исследований (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1; e-mail: uzubok@mail.ru)

Владимир Ильич Чупров – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Институт социально-политических исследований (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1; e-mail: chuprov443@yandex.ru)

Zubok Yu.A., Chuprov V.I.

Youth's Activity in Changing Reality: Self-Regulation Contradictions

Abstract. The article substantiates the socio-cultural approach to the study of self-regulation contradictions of youth's activity. The developed approach considers the process of forming the meanings that determine the content orientation of self-regulation contradictions in changing reality. As a source for youth's development, the authors analyze contradictions between cultural and social, unconscious and conscious, traditional and modern, objective and subjective. The researchers carry out the empirical testing of the developed concept on the basis of the study results in relation to education, labor and family. Both conservative and constructive components become evident in the clash of culture and the social. The conservative component is associated with situations of various forms of economic restrictions, while the constructive one is related to rationalizing youth's attitude to education, labor and family, and searching for alternative ways to resolve contradictions. The contradiction between the unconscious and the conscious manifests itself as a conflict of essences – terminal, self-valuable, instrumental and rational attitude to the objects of reality. The contradiction between the traditional and the modern appears in different ways in education, labor, and family. In education, traditional educational values are devalued; there are no conditions for strengthening the modern ones. In labor, the historically formed contradiction of its instrumental and terminal essence persists. In family relations, there is a sharp discrepancy between the youth's desire for modern forms of family creation and the traditional forms that dominate in

the society. The contradiction between the objective and the subjective in various spheres reflects the existing problems of objective reality and the subjective youth's attitude toward them. Empirically, the authors analyze the contradictions based on the results of comparative sociological studies conducted in 2014 and 2017.

Key words: youth, activity, self-regulation, changing reality, cultural and social, unconscious and conscious, traditional and modern, objective and subjective.

Information about the Authors

Yulia A. Zubok – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Head of Center of Youth Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Institute of Socio-Political Research (6, Korpus 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: uzubok@mail.ru)

Vladimir I. Chuprov – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Leading Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Institute of Socio-Political Research (6, Korpus 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: chuprov443@yandex.ru)

Статья поступила 07.10.2020.

Социологический анализ факторов и ресурсов человеческого капитала*

**Гульнара Фатыховна
РОМАШКИНА**

Тюменский государственный университет
Тюмень, Российская Федерация, 625003, ул. Володарского, д. 6
E-mail: g.f.romashkina@utmn.ru
ORCID: 0000-0002-7764-5566; ResearcherID: O-7221-2017

**Марина Владимировна
ХУДЯКОВА**

Тюменский государственный университет
Тюмень, Российская Федерация, 625003, ул. Володарского, д. 6
E-mail: m.v.khudyakova@utmn.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена отсутствием в научном, государственном и общественном дискурсе единой позиции по вопросам накопления, развития и реализации человеческого капитала. В статье рассмотрены теоретические концепты человеческого и социального капитала, его основные составляющие. Представлены результаты изучения динамики и структуры компонентов социально-экономического самочувствия, ресурсов человеческого капитала. Социологический анализ проведен через измерение социального самочувствия населения (на примере Тюменской области), а именно его ключевых компонентов: степени удовлетворенности жизнью, социального оптимизма и защищенности от основных социальных опасностей, обобщенного доверия и доверия к институтам. Ресурсы человеческого капитала рассматривались

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 19-29-07131 «Моделирование и измерение человеческого капитала и формы его проявления в контексте цифровизации экономики: ресурсы, потоки, институты»).

Для цитирования: Ромашкина Г.Ф., Худякова М.В. Социологический анализ факторов и ресурсов человеческого капитала // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 6. С. 232–251. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.14

For citation: Romashkina G.F., Khudyakova M.V. Sociological analysis of human capital factors and resources. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 6, pp. 232–251. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.14

через самооценки здоровья, материального благосостояния, образования, статуса, трудовой мотивации. В качестве эмпирической базы использованы данные мониторинговых исследований (2006–2019 гг.), проводимых в рамках всероссийского проекта «Социокультурные портреты регионов России». Для анализа применялись индексный метод, метод корреляции, факторный и дисперсионный анализы. Полученные результаты позволили дать общую оценку процессам развития ресурсов человеческого капитала, выявить противоречия в общественном сознании, определить связь между ресурсами человеческого капитала и социальным капиталом. В частности, показано, что социальный капитал связан с ощущением защищенности граждан от основных проблем-опасностей и слабо (но статистически устойчиво) – с компонентами социального самочувствия и материального благополучия. Отмечено, что удовлетворенность жизнью, социальный оптимизм, самооценка защищенности от проблем-опасностей и доверие к институтам возрастают с ростом материальной обеспеченности семьи. Достижительная мотивация, являющаяся необходимым условием для развития ресурсов человеческого капитала, в настоящее время не связана со статусом респондента, его материальным достатком и социальным капиталом.

Ключевые слова: человеческий капитал, социальный капитал, социальное самочувствие, удовлетворенность жизнью, социальный оптимизм, социальная защищенность.

Введение

Вопросы накопления, развития и реализации человеческого капитала сегодня входят в число самых обсуждаемых на всех уровнях: научном, государственном, общественном. Внимание к человеческому капиталу исторически относят к работам Д. Минсера [1], Т. Шульца [2], Г. Бэккера [3], где он рассматривался через инвестиции в человека, повышающие способность к труду (включая образование, профессиональные навыки и здоровье) [4; 5; 6].

В концепт человеческого капитала включают также потребительские расходы (затраты на питание, одежду, жилище, образование, здравоохранение, культуру) и расходы государства на эти цели¹, обозначая указанный корпус исследований как «затратный» или «инвестиционный» подходы.

В статье мы опираемся на ресурсный подход к измерению человеческого капитала, когда для достижения экономических и иных важных результатов ключевыми считаются ресурсы, которыми обладают люди. И это обуславливает важность микроуровневых измерений [7]. Человеческий капитал, в свою очередь, служит ресурсом развития и конкурентоспособности, как обосновывает Н. Олимпиа в обзоре по странам ЕС [8].

В экономико-социологических концепциях человеческий капитал трактовался в качестве совокупности профессиональных знаний, умений и навыков, полученных в процессе образования и повышения квалификации. При этом П. Бурдые не выделял концепт человеческого капитала из форм культурного капитала [9]; Д. Коулман рассматривал его через призму рационального выбора, а М. Грановеттер – в социологии рынков труда [10].

Российские исследователи не оставались в стороне от дискуссии. По версии В. Радаева, в ситуации с человеческим капиталом наука имеет дело с рефлексивным знанием, призванным транслировать выработку новых навыков, институционально подкрепляемых системой формальных сертификатов, дипломов, разрядов и т. д. Это знание связано с социально-профессиональной стратификационной системой, например, сертификаты открывают доступ к определенным видам хозяйственной деятельности [11, с. 26–27]. Рынок труда через инструменты человеческого капитала систематически изучали Р.И. Капелюшников и В.В. Потапенко [12; 13; 14]. В.Е. Гимпельсон сделал вывод о том, что структурные особенности российского рынка труда выявляются в рамках инвестиционной концепции оценки стоимости человеческого капитала [15].

¹ World Bank World Development Report: The Changing Nature of Work, 2019. <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2019>

Человеческий капитал рассматривался как интегральная сумма нескольких составляющих, таких как здоровье, знание, культура и свобода личности на микроуровне [16], а также как ресурс развития и модернизации экономики [11; 17]. Полученные исследователями результаты отличались разной степенью успешности и востребованности. Однако мы снова обнаруживаем условные полюса: микро-/макроуровневые по источнику данных и мягкие/жесткие по способу построения моделей.

Указанные подходы не свободны от недостатков. Например, не получены устойчивые эмпирические доказательства теоретических предположений о том, что накопление индивидуальных атрибутов человеческого капитала приводит на определенном уровне агрегации к ожидаемой экономической и социальной отдаче. П. Райт и Г. МакМахан предположили, что мотивация может преодолеть разрыв между навыками и поведением [18]. Нам представляется наиболее перспективным, с одной стороны, рассмотрение стабильных характеристик, таких как интеллект, личность и физические атрибуты, с другой стороны, не менее важны характеристики гибкие, обычно измеряемые через человеческое поведение, с учетом знаний и навыков, которые могут изменяться, но после приобретения остаются достаточно стабильными [19]. Значимым представляется и динамический аспект проблематики, включающий понятия «изменение», «накопление», «развитие», «отдача».

Согласно мнению Е. Рори, А. Крокер, изучение ресурсов человеческого капитала должно быть обогащено рассмотрением социальных отношений. Здесь особенно полезен концепт социального капитала. Авторы поясняют, что социальный капитал единичного (внутреннего) уровня сосуществует с ресурсами человеческого капитала (знаниями, навыками, умениями и другими характеристиками), а для своего стратегического использования люди могут получать доступ к внешнему социальному капиталу [20].

Значительный объем литературы по теории социального капитала не создает единства практических применений концепции. В структуралистском конструктивизме П. Бурдые социальный капитал характеризуется через совокупность всех видов реальных или потенциальных

ресурсов, связанных с принадлежностью к группе и вовлечением в устойчивую сеть социальных связей [9]. Социальный капитал в этом случае создается во взаимодействиях акторов в социальных полях и структурируется в соответствии с их актуальными преимуществами и ресурсами. При этом Р. Патнэм подчеркнул важность доверия, сетей и связанных с ними норм взаимности [21], а Ф. Фукуяма включил в концепт систему неформальных правил и социальных норм [22]. Д. Коулман сделал акцент на рациональности актора при выборе доверительных отношений как блага [23].

Множество последующих исследований, проведенных по различным методикам, подтверждает неоднородность социального капитала [24; 25; 26]. Более того, в науке нет общепризнанной структуры социального капитала для его измерения, однако в нее всегда входит доверие, обобщенное и/или институционализированное.

Мы не будем дискутировать по поводу возможностей измерения социального капитала, включая доверие в качестве фактора человеческого капитала, одновременно соглашаясь с ограниченной достаточностью этого измерителя. Сделаем замечание, что обобщенное доверие, понимаемое как доверие к незнакомым людям, часто трактуют как индивидуальный ресурс [27], а институциональное — как социальный результат [21]. В данном случае нами принят принцип минимальности для создания поисковых моделей.

Таким образом, анализ корпуса мировых и российских исследований человеческого капитала обнаруживает непреодоленные разрывы между теоретическими и эмпирическими результатами. Кроме того, неясным остается способ рассмотрения динамического аспекта; форма выявления отдачи от человеческого капитала также не очевидна. На обнаружение указанных проблем и был направлен фокус нашего исследования.

Многоуровневый подход подразумевает, что в индивидуальные ресурсы человеческого капитала включены накопленные образование, здоровье, статус на работе, доход и трудовая мотивация как готовность трудиться, прикладывая максимальное количество усилий. Накопление человеческого капитала на мезоуровне (фирмы, регион) происходит под воздействием различ-

ных внешних факторов. Непосредственно измерение человеческого капитала в виде единого индекса не было целью нашей работы. Мы показываем, что единый индекс человеческого капитала не станет информативным ввиду несвязности его отдельных составляющих. Для развития ресурсов человеческого капитала благоприятную среду создает социальный капитал как актив, заложенный во взаимоотношениях отдельных лиц, сообществ и сетей. Концепт социального самочувствия на мезоуровне рассмотрен в качестве социальной отдачи. Предполагается, что в благополучном обществе возрастают средние оценки социального самочувствия и доверия к институтам власти, но не всегда эта связь имеет микроуровневый эффект.

Цель работы: выявление особенностей и значимых факторов развития ресурсов человеческого капитала. **Задачи:** анализ основных ресурсов человеческого капитала; измерение базовых компонентов социального самочувствия; определение уровня доверия к социальным институтам и обобщенного доверия, влияющих на ресурсы человеческого капитала; объяснение факторного структурирования составляющих социального самочувствия и ресурсов человеческого капитала.

Научная проблематика

От прямого измерения объемов накопленного богатства в денежных единицах наука перешла к изучению конкретных качеств и аспектов человеческого капитала, примером чему являются результаты исследований, представленные А.О. Акуловым и Н.А. Шепелевой [28]. Экономические, квалификационные, властные, символические, культурные и личностные виды ресурсов человеческого капитала выделяет Н.Е. Тихонова [29]. О.И. Шкаратан разделяет человеческий и иные виды капитала [30]. Согласно В.А. Давыденко, теория человеческого капитала привлекается при изучении стратификации общества через индикативный, комплексный или интегральный подходы [31].

В российском научном дискурсе актуален вопрос, кто отвечает за накопление ресурсов человеческого капитала. С одной стороны, государство обязано обеспечивать для этого необходимые условия. Н.И. Лапин, В.А. Ильин, М.В. Морев сделали вывод о «застойной слабости российского государства как социального» и необходимости перехода к «гуманистически

ориентированному социальному государству» [32, с. 15]. С другой стороны, граждане, самостоятельно отвечая за удовлетворение своих базовых потребностей, должны быть активными и мотивированными на работу. В.В. Карачаровский и О.И. Шкаратан показали, что люди по-разному воспринимают потребность в основных благах. Основной выступает потребность в «благах гуманитарного характера» и «охранительных благах», которые обеспечивают государственные функции, также важны «индустриальные блага», обеспечивающие функционирование и развитие общества [33, с. 27]. Результаты нашего исследования косвенно подтверждают верность указанных постулатов.

Согласно общепринятой точке зрения, основным каналом развития человеческого капитала является образование [18; 34; 35]. Многочисленные реформы системы образования, направленные на ее «осовременивание», так и не привели к системным улучшениям. В настоящее время российская система образования слабо выполняет функции формирования современного человеческого капитала [36, с. 150].

Исследуя уровень и качество жизни россиян в условиях периодических кризисов, ученые Института социологии РАН отмечают способность ресурсно обеспеченных слоев выдерживать давление экономических колебаний, которая основана на вложениях в развитие человеческого капитала (при сохранении уровня удовлетворения своих базовых потребностей) [37, с. 15–17]. Этот вывод также важен для целей нашего анализа.

Методология и методы

Исследование опирается на данные, полученные в течение 15 лет в рамках всероссийского проекта «Социокультурные портреты регионов России», методики и результаты которого опубликованы ранее [38, с. 243–250, 305–310]. Подробная методика исследований, обоснование структуры выборок приведены, например, в коллективной монографии [39, с. 67–74], ряд характеристик выборок представлен в *приложении 1*.

Структура основных компонентов описана в *приложении 2*. Исследование включало самооценки материально-имущественного благополучия (1) (далее – материальное благополучие), оценки социального самочувствия: удовлетворенность жизнью (2), социальный

оптимизм (3) и степень защищенности от основных социальных опасностей (4). В социальный капитал входят обобщенное доверие (5.1), уровень доверия граждан к основным социальным институтам (институциональное доверие) (5.2). Концепт социального капитала не исчерпывается доверием, включая плотность и охват социальных связей, но в данной статье эти важные показатели не привлекались.

Оценка ресурсов человеческого капитала (далее – ЧК) проведена через показатели образования (6), самооценки здоровья (7), количества подчиненных (8) и тип трудовой мотивации (9). Ресурсы ЧК на микроуровне включают косвенные оценки дохода, для определения уровня которого применяется условная шкала, фиксирующая самооценки материального благополучия респондентов (табл. 1 прил. 3). Использованы измерения социального самочувствия населения, интерес к этим вопросам постоянно находится в фокусе работ российских социологов. Способы вычисления метрик существенно зависят от целей исследователей [40; 41, с. 66; 42; 43, с. 59; 44]. Мы понимаем под социальным самочувствием интегральную характеристику, объединяющую удовлетворенность жизнью в целом, социальный оптимизм и ощущение защищенности (см. прил. 2).

Для анализа применены индексный метод, корреляция (по Спирмену), проверка значимости по таблице ANOVA, факторный анализ, классификации на основе дисперсионного анализа.

Наша главная гипотеза заключается в том, что существует механизм накопления и развития человеческого капитала, который предполагает создание среды с открытыми социальными лифтами, а доверительные отношения подкрепляются обществом. Факторами человеческого капитала на мезоуровне выступают социальное самочувствие и социальный капитал. Однако в общественных отношениях трудно разделить факторы и эффекты. Мы предполагаем, что имеет место их взаимовлияние. На ресурсы ЧК воздействует уровень обобщенного доверия, понимаемого как доверие к незнакомым людям в целом. Уровень доверия к системе институтов выступает в качестве результата хорошо работающих общественных отношений. Гипотеза второго уровня заключается в том, что в действительности обозначенного меха-

низма важную роль играют ресурсы, которыми непосредственно обладают люди (образование, возраст, здоровье и достижительная трудовая мотивация).

Научные результаты и дискуссия

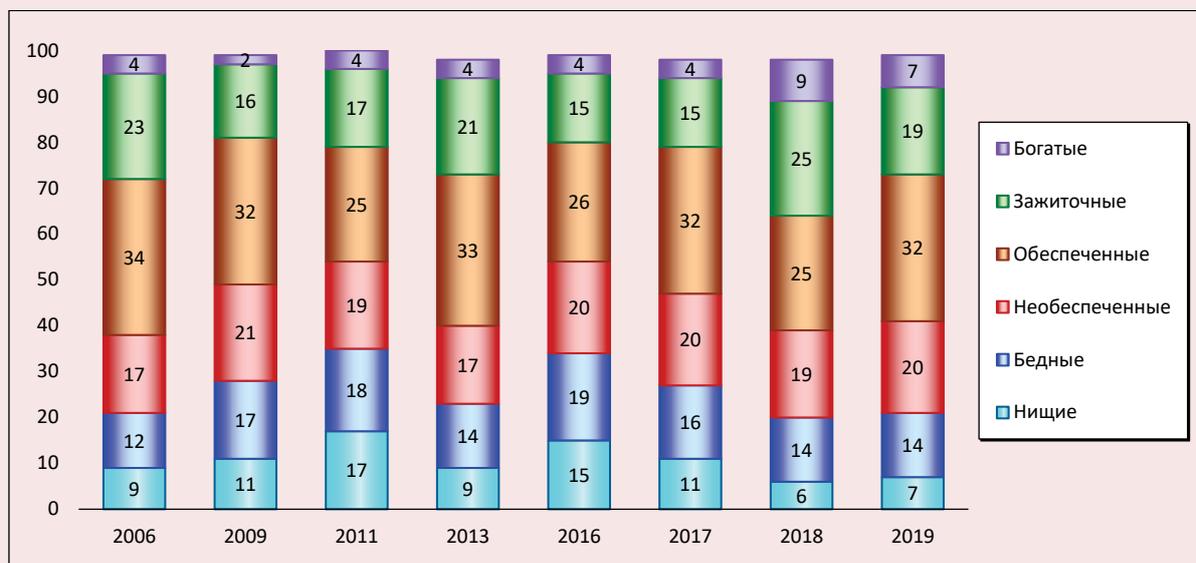
Основные составляющие человеческого капитала, социального самочувствия и социального капитала в динамике за период с 2006 по 2019 год. На основании глубокого изучения социальной стратификации в России Л.А. Беляева сделала вывод (приводятся данные 2016 года) о том, что «условно неблагоприятные слои общества» (первые три нижние страты) аккумулируют 51% населения страны, благополучные – 44% [45, с. 95]. В Тюменской области по самооценкам населения нижний слой значительно уже: малообеспеченные слои составляют 42%, тогда как 58% оценивают свои ресурсы как достаточные (рис. 1). Динамика материального уровня жизни в регионе на протяжении всего периода наблюдений более благополучна, чем в среднем по России. В кризисно-застойные годы (2011, 2016) слой материально неблагоприятных включал 54% жителей региона. Но даже в самые «зажиточные годы», когда бюджет России «захлебывался» от «нефтяных денег», этот слой не был уже 38%, то есть более трети жителей относительно благополучного региона России практически ничего не выиграли от «нефтяного бума».

Рассматривая ресурсы человеческого капитала по обозначенным выше компонентам, отметим следующее.

Общероссийская тенденция старения населения характерна и для Тюменской области. За десять лет доля людей трудоспособного возраста в регионе сократилась на 7,6% (2006 г. – 65,1%; 2016 г. – 57,5%), доля старшего поколения увеличилась почти на 4% (2006 г. – 17,6%; 2016 г. – 21,4%)². По самооценкам населения чуть более 40% жителей Тюменской области воспринимают свое здоровье как «нормальное», не жалуются на заболевания, причем этот показатель мало изменяется на протяжении всего периода (рис. 2).

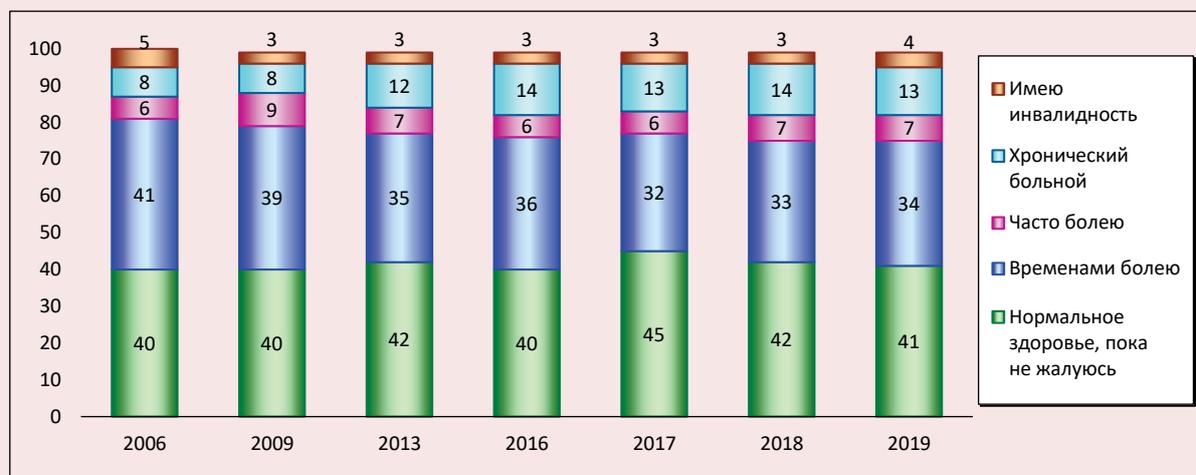
² Тюменская область (кроме Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа): стат. сб. В 2-х ч. Ч. I (I) (1990–2016) / Управление ФСГС по Тюменской области, ХМАО – Югре и ЯНАО. Тюмень, 2019. С. 121.

Рис. 1. Динамика самооценок материально-имущественных слоев, 2006–2019 гг., % от числа опрошенных

Источник: данные социокультурного мониторинга в Тюменской области.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете состояние своего здоровья?», 2006–2019 гг., % от числа ответивших

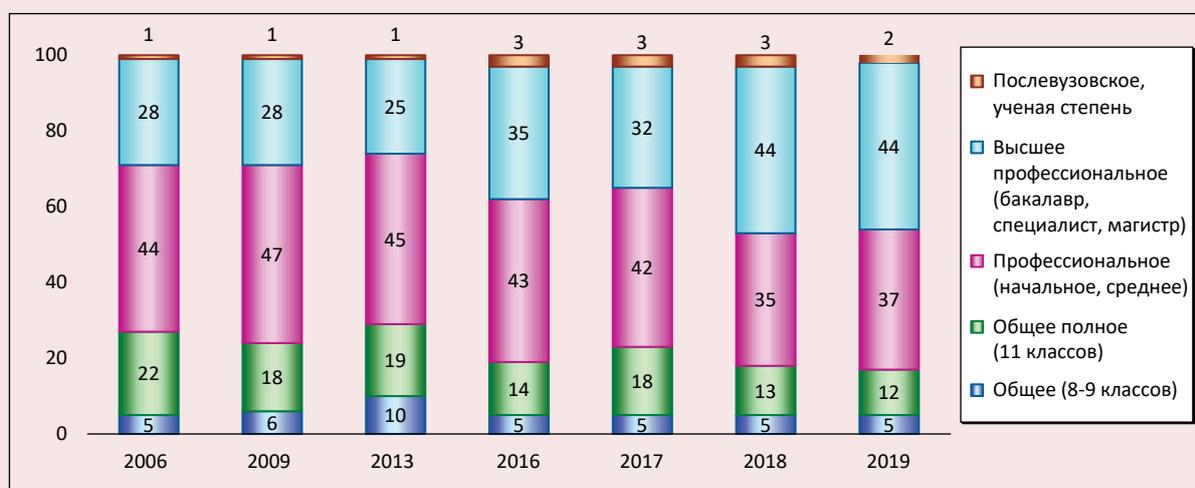
Источник: данные социокультурного мониторинга в Тюменской области.

Статистические данные подтверждают результаты эмпирических исследований. В течение 2018 года не обращались в медицинские учреждения менее 40% взрослого населения. Существенно (на 22%) сократилось количество

заболеваний, выявленных впервые. Если в 2006 году на 1000 жителей было выявлено 824 случая заболеваний, установленных впервые, то в 2018 году этот показатель составил 639. На 7% сократилось количество инвалидов³.

³ Тюменская область (кроме Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа): стат. сб. В 2-х ч. Ч. I (I) (1990–2016) / Управление ФГС по Тюменской области, ХМАО – Югре и ЯНАО. Тюмень, 2019. С. 284–290.

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос об уровне образования жителей Тюменской области, 2006–2019 гг., % от числа опрошенных

Источник: данные социокультурного мониторинга в Тюменской области.

Современное развитие экономики требует более высокого уровня профессиональной подготовки на большинстве рабочих мест. Данной тенденцией обусловлен рост доли людей с высшим образованием при одновременном снижении тех, кто ограничился более низким уровнем образования и профессиональной подготовки (рис. 3).

Так, по сравнению с началом периода (2006 год) почти в 1,5 раза увеличилось количество жителей региона, имеющих высшее и послевузовское образование⁴. Положительное влияние на ресурсы ЧК оказывает наличие у большей части работающих достижительной трудовой мотивации. Если по результатам мониторингового исследования 2006 года 48% респондентов отнесены к группе по типу мотивации «достижение успеха», то к 2019 году их доля увеличилась до 70%. Большинство (83%) людей удовлетворены своей работой (46% – вполне довольны, 37% – скорее довольны). Немногим более трети от числа опрошенных (32%) хотели бы остаться на прежней должности (заметьте, что треть респондентов имеет подчинен-

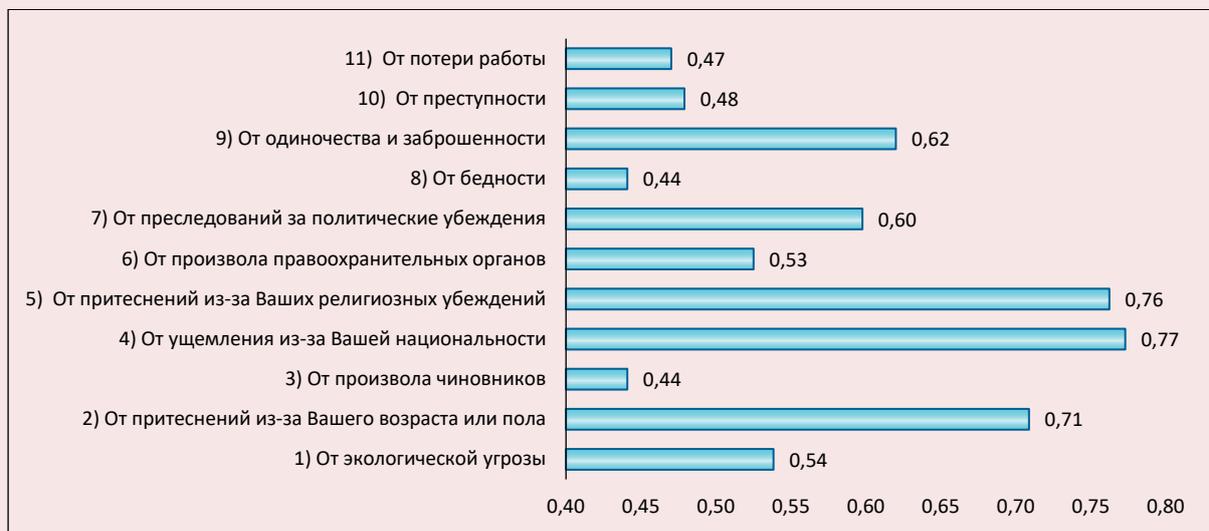
ных на основной работе); пятая часть (21%), по собственным оценкам, готовы к повышению в должности и принятию большей ответственности, еще столько же (21%) хотели бы начать собственный бизнес. Экономическая нестабильность порождает в людях стремление к наличию определенных гарантий. Так, в течение периода исследования увеличивается доля тех, кто предпочел бы иметь небольшой, но твердый заработок и уверенность в будущем (с 42% в 2006 г. до 51% в 2019 г.), и сокращается доля людей, готовых много зарабатывать без гарантий на будущее (28 и 19% в 2006 и 2019 гг. соответственно).

Перейдем к характеристике социального самочувствия. Первая составляющая индекса социального самочувствия – степень удовлетворенности своей жизнью в целом. В Тюменской области данный показатель увеличился: доля удовлетворенных своей жизнью (варианты ответов «полностью удовлетворен» и «скорее удовлетворен») выросла с 49% в 2006 году до 68% в 2019 году, а средний индекс удовлетворенности жизнью Иуж = 0,69.

Рассмотрим структуру индекса защищенности жителей региона, основой для расчета которого являются ответы респондентов на вопросы (4, прилож. 2) об 11 наиболее актуальных проблемах-опасностях (рис. 4).

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели 2019. Приложение к сборнику. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения 18.09.2020)

Рис. 4. Структура индекса защищенности, 2019 г. (Изащ) по шкале от 0 (все совершенно не защищены) до 1 (все полностью защищены)

Источник: данные социокультурного мониторинга в Тюменской области.

Главная проблема российских граждан, фиксируемая во всех исследованиях после 1990-х годов, это бедность. Однако в 2000-е годы к ней добавился произвол чиновников: в Тюменской области уровень остроты этой проблемы достиг показателя 0,44. Далее по актуальности следуют проблемы преступности (Изащ = 0,48) и утраты работы (Изащ = 0,47). Последняя важна для дальнейшего анализа.

В среднем индекс защищенности по 11 приведенным проблемам равен 0,58. Таким образом, актуализация проблем первого уровня (обеспечение жизни) снижает для людей важность проблем гуманитарного характера. Эти аспекты мы рассмотрим в следующих работах.

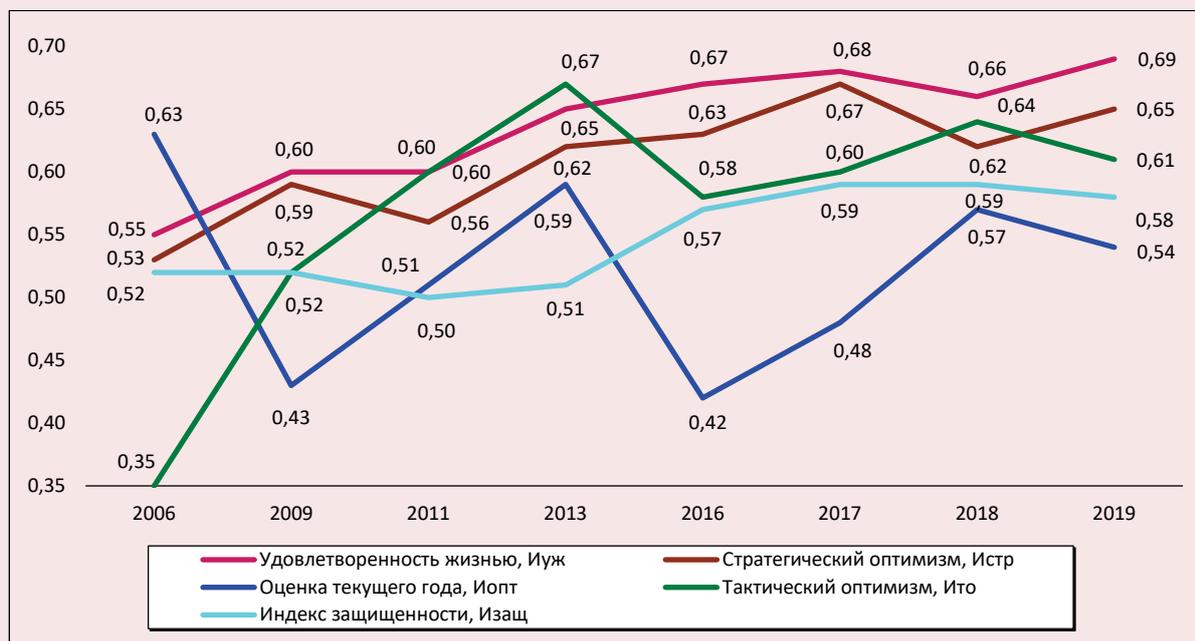
Самыми незащищенными считают себя малообеспеченные слои населения («нищие» и «бедные»), для которых Изащ = 0,48, а также люди старше 54 лет (Изащ = 0,46). Самыми защищенными ощущают себя «богатые» люди (Изащ = 0,7). По сравнению с прошлыми годами существенно увеличился разброс в оценках между крайними нижними и верхними слоями по уровню материального благополучия (0,15 в 2018 и 0,22 в 2019 году). То есть растет разброс в оценках компонентов социального самочувствия между нижними и верхними слоями социальной пирамиды.

По нашим данным, самые низкие оценки динамики текущей ситуации были даны в 2009 (0,43) и 2016 (0,42) годах, одновременно возрастает доля тех, кто надеется на улучшения в следующем году. Но, как только экономическая ситуация выравнивается, люди перестают ожидать улучшения своего положения в ближайшее время. Стратегический оптимизм наших граждан остается высоким, он схож с динамикой общей удовлетворенности жизнью в целом (рис. 5).

Различий по типу поселения и гендерному фактору в структуре индексов социального оптимизма и удовлетворенности жизнью практически не наблюдается. Самый эластичный по социальной структуре индекс удовлетворенности жизнью резко возрос в группе самых богатых (Иуж = 0,88) и снизился в группе наименее обеспеченных (Иуж = 0,48). Наименее эластичен индекс защищенности, но и он повышается с ростом материального уровня жизни.

Статистически значимо падение уровня образования и квалификации человека, влияющее на снижение его социального самочувствия. Здесь проявляется связь ресурсов ЧК и социального самочувствия. Как и следовало ожидать, индекс социального самочувствия достигает наивысшего значения в верхней

Рис. 5. Динамика составляющих индекса социального самочувствия, 2006–2019 гг.

Источник: данные социокультурного мониторинга в Тюменской области.

социальной группе. Эти различия в основном обусловлены уровнями стратегического оптимизма и удовлетворенности жизнью в целом. Тест ANOVA⁵ подтверждает максимальную статистическую устойчивость различий по социальной структуре (материальное благополучие) индексов защищенности ($F = 21,5$, $p < .001$), социального оптимизма ($F = 65,7$, $p < .001$), социального самочувствия ($F = 61,3$, $p < .001$).

Отметим устойчивое снижение всех составляющих социального самочувствия с увеличением возраста (рис. 6). Особенно резко падают удовлетворенность жизнью и социальный оптимизм у мужчин после 60 лет, у женщин после 55 лет, при этом несколько повышается удовлетворенность жизнью в целом. Провал индекса защищенности для женщин соответствует периоду предпенсионного возраста (51–55 лет); у мужчин таких колебаний не наблюдается и индекс защищенности стабильно равен 0,56, кроме самой старшей возрастной группы.

Согласно гипотезе первого уровня, на ресурсы ЧК влияет уровень обобщенного дове-

рия, а уровень доверия системе институтов выступает в качестве социального результата.

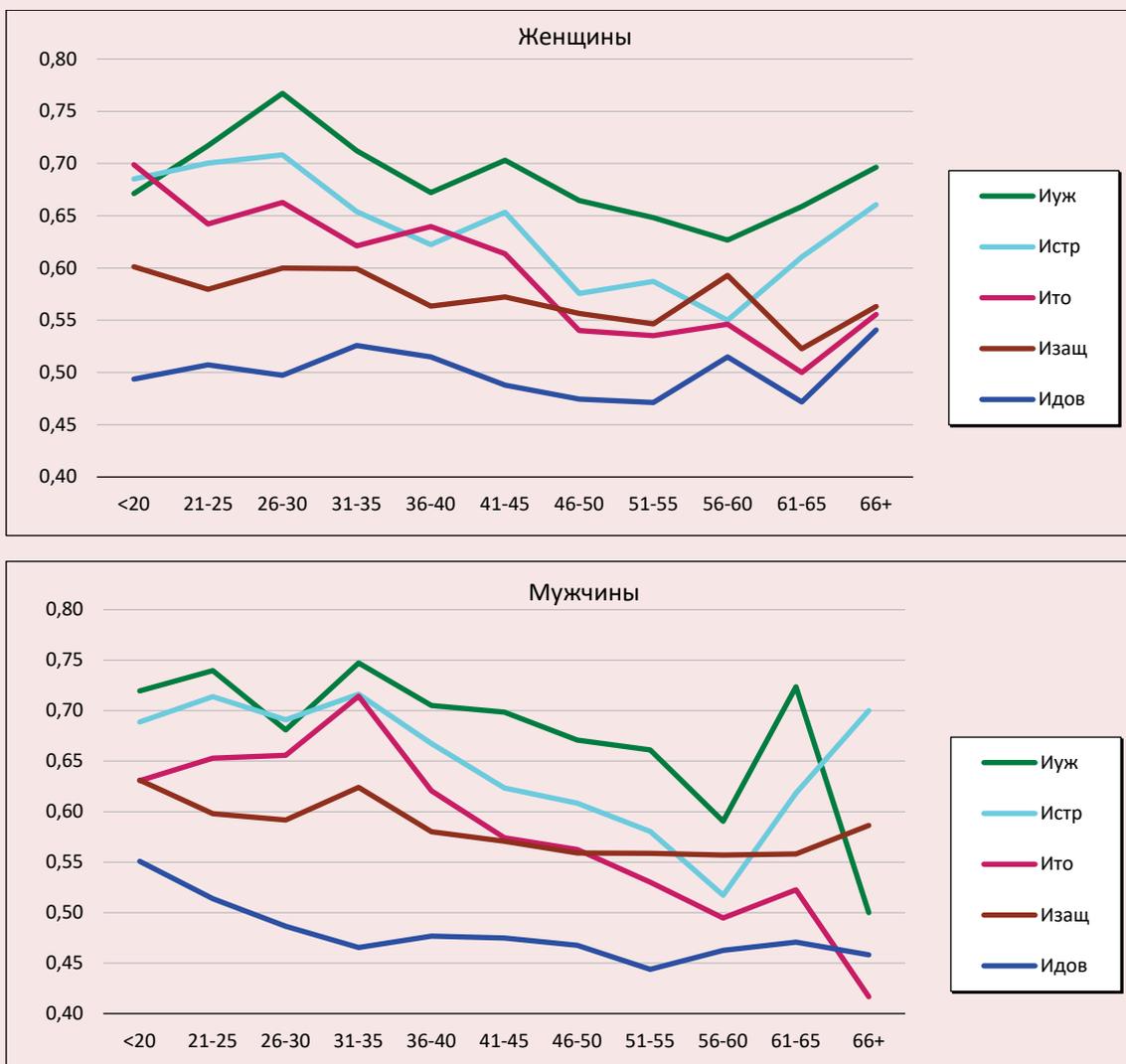
Динамика уровней обобщенного доверия и доверия к институтам (измерялись по вопросам 5.1 и 5.2 приложения 2) представлена в таблице 1.

Доверие в обществе в динамике меняется очень медленно, однако «не доверяющих» в нашем социуме больше, чем «доверяющих». Наиболее тесно связаны с уровнем обобщенного доверия самооценка материального положения, возраст и самооценка здоровья. Так, по данным 2019 года, уровень обобщенного доверия в среднем равен 0,54 в группе «богатые» против 0,41 в группе «нищие». Наиболее высокий уровень обобщенного доверия представители старших возрастных групп (0,54 в когорте 61–65 лет, 0,43 в группе старше 70 лет). Но самое быстрое снижение обобщенного доверия происходит по шкале самооценки здоровья (0,37 в группе «имею инвалидность»).

Уровень доверия к институтам значительно ниже уровня обобщенного доверия. Напомним, что последний показатель включает оценку доверия 16 институтам гражданского общества (рис. 7).

⁵ Тест ANOVA (дисперсионный анализ) подтверждает статистическую устойчивость различий средних, если $F > 10$, $p < 0,05$.

Рис. 6. Динамика составляющих индекса социального самочувствия (Исс): удовлетворенность жизнью в целом (Иуж), индекс защищенности (Изащ), составляющие социального оптимизма (Истр, Ито, Иопт), доверия к институтам (Идов) по возрасту для мужчин и женщин, 2019 г.

Источник: данные социокультурного мониторинга в Тюменской области.

Таблица. 1. Динамика средних значений оценок доверия, Тюменская область, 2006–2019 гг., % от числа опрошенных

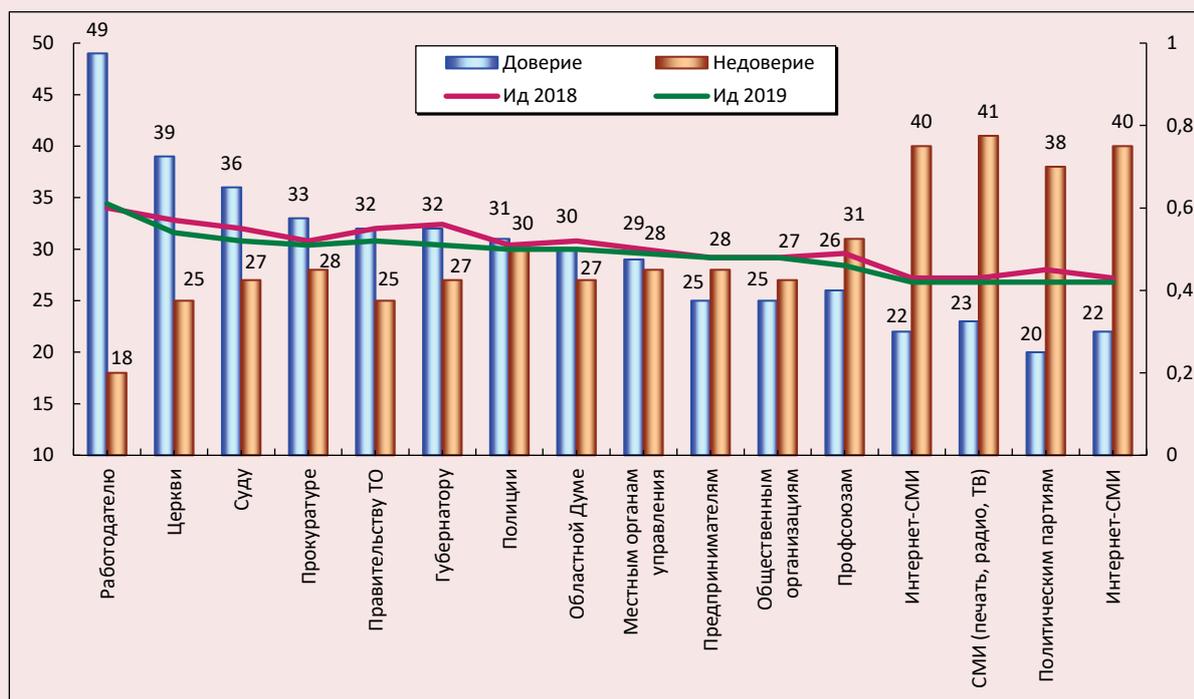
	2006	2010	2011	2013	2016	2017	2018	2019
Обобщенное доверие*	-	-	-	0,46	0,45	0,47	0,47	0,47
Доверие к институтам**	0,27	0,31	0,26	0,29	0,35	0,35	0,34	0,30

* Средний уровень обобщенного доверия показан по шкале от 0 – «даже излишняя осторожность не мешает» до 1 – «большинству людей можно доверять».

** Средний уровень доверия к институтам показан как сумма вариантов «полностью доверяю» и «пожалуй доверяю», далее они усреднялись по 16 институтам (см. рис. 7).

Источник: данные социокультурного мониторинга в Тюменской области.

Рис. 7. Структура индекса доверия к институтам, значения индексов в 2018, 2019 гг.

Источник: данные социокультурного мониторинга в Тюменской области.

В структуре доверия выходят вперед работодатели. Эта тенденция характерна для всего мира. В «хвосте» доверия находятся интернет-СМИ и политические партии, что также вполне соответствует данным исследований мировых социологических агентств.

Рассмотрим результаты факторного анализа, направленного на выявление взаимосвязи между компонентами человеческого капитала, социального самочувствия, обобщенного и институционального доверия (всего 14 компонент, см. прил. 3). Кроме вышеперечисленных, в анализе использован концепт достижительной мотивации. Выделение типов мотивации было обосновано ранее [46, с. 152]. Выбран метод К-средних с вращением, нормализацией исходных показателей, выделением главных компонент по Кайзеру. Алгоритм факторного анализа построен таким образом, что структура латентных факторов в исходном многомерном пространстве далее подвергается процедуре вращения для достижения максимального приближения к ортогональности (например, см. [47, с. 87]). Таким образом,

главные компоненты фактически отражают внутренние (латентные) взаимозависимости между показателями, включенными в анализ, ранжирование их по степени значимости в итоговой факторной структуре. Ортогональность доказывается отсутствием взаимосвязи между главными компонентами. Погрешность метода проявляется в остаточной дисперсии (остатке) и наличии пусть слабых, но взаимосвязей между факторами. Количественные меры погрешности метода (мера адекватности и критерий Барлета) подтверждают удовлетворительную пригодность данных для факторного анализа при уровне значимости $p < 0,001$ (табл. 2 прил. 3). Методом главных компонент с нормализацией по Кайзеру алгоритмически были выделены четыре главных компоненты (фактора) (табл. 1, табл. 3 прил. 3). Полученный результат объясняет 54,87% общей дисперсии. Одним из вторичных итогов факторной процедуры является возможность интерпретировать полученный фактор через регрессию с соответствующими компонентами и весовыми нагрузками.

По итогам факторного анализа компоненты, которые принято включать в ЧК (самооценка здоровья, уровень образования, тип трудовой мотивации, самооценка материального благополучия), были отнесены к разным факторам – первому, третьему и четвертому (табл. 2).

Заметим, что полученные факторы оставляют необъясненной 45,13% дисперсии и полностью ортогональными не являются. Наибольшую долю ошибки дают самооценки материального благополучия, уровень образования и статус на работе (количество подчиненных).

Фактор 1 отражает все три компонента социального оптимизма (0,748, 0,736, 0,683), удовлетворенность жизнью в целом (0,64) и самооценку уровня здоровья (90,55). Считается, что это самый «толстый» (главный) фактор, объясняющий наибольшую долю совокупной изменчивости, в данном случае 19,69%. В наибольшей степени первый фактор связан с уровнем социального оптимизма. Для целей нашей работы важно отметить, что из традиционных составляющих человеческого капитала в него попали только самооценки уровня здоровья, то есть первый индивидуальный ресурс ЧК. Самооценка материального благополучия (второй индивидуальный ресурс ЧК) коррелирует с главным фактором на уровне 0,438. При этом возраст и уровень образования противоположны по отношению к первому фактору. Другими

словами, первый фактор отразил признаки более высокого социального самочувствия, удовлетворенности жизнью, а также самооценок здоровья, он принимает большие значения для молодых и менее образованных респондентов.

Фактор 2, прежде всего, выявляет восприятие людьми компонентов социального капитала (обобщенное, институциональное доверие и защищенность от проблем-опасностей), объясняя 13,17% совокупной дисперсии. Этот фактор не ортогонален первому, поскольку имеются взаимосвязи с со стратегическим оптимизмом (0,387) и удовлетворенностью жизнью в целом (0,324). Важно заметить, что очень слаба связь фактора 2 с ресурсами ЧК.

В рамках фактора 3 сгруппировались переменные, характеризующие тип трудовой мотивации и возраст респондента, включающие 12,46% совокупной дисперсии. Поскольку с возрастом фактор 3 связан отрицательно, достижительный тип трудовой мотивации в большей степени характерен для молодых респондентов, тогда как для более старших когорт в большей степени проявляется мотивация избегания неудач [48]. С фактором 3 положительно связан уровень образования (0,324). То есть достижительный тип трудовой мотивации возрастает для более молодых и образованных респондентов. Этот фактор не связан со вторым и первым фактором. Последнее означает,

Таблица 2. Главные компоненты факторного анализа с нормализацией по Кайзеру

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
3.3. Ито	0,748	0,102	0,146	
3.2. Иопт	0,736			
3.1. Истр	0,683	0,387		0,211
2. Иуж	0,640	0,324		0,230
7. Оценка здоровья	0,550		0,182	-0,175
5.2. Доверие к институтам	0,188	0,743		
4. Иззщ	0,280	0,712		
5.1. Обобщенное доверие		0,644	-0,184	
9.2. Если представится возможность сменить работу, что выбираете	0,140		0,763	
9.1. Какую работу бы предпочли		-0,116	0,704	0,230
Группы по возрасту	-0,262		-0,646	0,324
8. Имеете ли Вы на основной работе подчиненных	0,179	-0,180	-0,191	0,666
6. Образование	-0,218	0,160	0,324	0,570
1. Материальное благополучие	0,438	0,171	0,113	0,515
Источник: данные социокультурного мониторинга в Тюменской области.				

что возрастание достижительного типа трудовой мотивации не отражается на более высоком уровне социального оптимизма, социального капитала и самооценок материального благополучия.

Фактор 4 связывает социальный статус (количество подчиненных и уровень образования) и материальное благополучие, объясняя 9,55% совокупной дисперсии. Кроме того, он положительно связан с возрастом (0,324) и слабо коррелирует с фактором оптимизма.

Таким образом, латентная структура человеческого капитала в рассматриваемом кейсе распадается на три слабосвязанных компонента. Самооценки здоровья, попав в первый фактор, тесно связаны с такими показателями, как позитивное социальное самочувствие и удовлетворенность жизнью в целом. Статус, образование и материальное благополучие, входя в фактор 4, оказались ортогональны фактору 3, который аккумулировал составляющие трудовой достижительной мотивации. Этот негативный факторный синдром смягчается позитивными тенденциями роста среднего уровня жизни, удовлетворенности жизнью в целом, стратегического оптимизма вместе с составляющими фактора 4. Одновременно с ростом фактора 4 снижаются самооценки уровня здоровья.

Результаты факторного и корреляционного анализа подтверждают истинность гипотез лишь частично.

Заключение

В работе была осуществлена попытка раскрыть основные противоречия эмпирических исследований человеческого капитала. Выше мы обратили внимание на то, что к ресурсам человеческого капитала традиционно относят накопленные образование, здоровье, статус на работе, доход и трудовую мотивацию как готовность трудиться, прикладывая максимальное количество усилий. На мезоуровне нами была подтверждена позитивная динамика ресурсов человеческого капитала. При этом различные ресурсы человеческого капитала на микроуровне демонстрируют различные структурные взаимосвязи.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в апробации алгоритма, позволяющего агрегировать ресурсы чело-

веческого капитала, полученные на микроуровне. А это, в свою очередь, имеет ценность для дальнейшего анализа и интерпретации результатов прикладных исследований.

Теоретические концепции отражают уверенность в том, что развитый человеческий капитал дает шансы на более высокие экономические и социальные результаты. Если результаты рассматривались на макроуровне, речь шла о различиях в развитии стран, регионов в зависимости от запасов (или ресурсов) ЧК. Если исследование опиралось на микроуровень, теоретические конструкты предполагали, что накопление ресурсов человеческого капитала дает их носителям, гражданам, конкурентные преимущества в борьбе за редкие ресурсы. Мы предполагали, что механизм развития человеческого капитала заключается в положительной взаимосвязи между ресурсами человеческого капитала, социального капитала и социального самочувствия как кумулятами самооценок удовлетворенности жизнью в целом, оптимизма и защищенности, что можно назвать социальным результатом для мезоуровня.

Если рассматривать социальное самочувствие как социальный результат накопления ЧК, логично было предполагать, что повышение уровня социального самочувствия для мезоуровня (в динамике за годы мониторинга) находит свое отражение и в микроуровневых взаимосвязях.

Позитивная динамика самооценок материального благосостояния, уровня образования и достижительной трудовой мотивации социума за последние 13 лет позволила предположить, что в рассмотренном относительно благополучном по российским меркам регионе (Тюменской области) увеличивались ресурсы человеческого капитала. На мезоуровне одновременно с ресурсами человеческого капитала возрастали социальное самочувствие, потребность в защите от потери работы, преступности, бедности и произвола чиновников, слабо вырос уровень доверия к институтам при неизменности обобщенного доверия.

За период наблюдений существенно увеличилось социальное расслоение, в связи с чем было важно проверить, как выражены рассмотренные ресурсы и факторы по социальным слоям в различные годы мониторинга.

Вместе с уровнем материального благополучия возрастают удовлетворенность жизнью, социальный оптимизм, ощущение защищенности от основных проблем-опасностей и институциональное доверие, особенно резко — в группе наиболее материально обеспеченных («богатых»). Не связаны с материальным благополучием индекс обобщенного доверия и тип трудовой мотивации.

Уровень образования повышает самооценки уровня дохода. Устойчивые связи уровня образования с компонентами социального самочувствия не были выявлены ни в одной из волн мониторинга. Слабые взаимосвязи носили скорее обратный характер, но они колебались в зависимости от волны, то есть образование в нашем кейсе не работает в качестве социального лифта в той мере, как диктуют нам теоретические конструкции.

Результаты факторного анализа отчасти подтверждают вышеизложенные выводы, отчасти расширяют картину, учитывая, что итогом является конструирование латентных факторов. Ресурсы человеческого капитала не выстраиваются в виде однонаправленного фактора. Социальный оптимизм, удовлетворенность жизнью в целом, здоровье, образование (обратная связь) и самооценка материального благополучия взаимосвязаны, однако связи различны по силе.

Первые три компонента попали в первый фактор латентной факторной структуры. В первый фактор из ресурсов ЧК однозначно включены только самооценки здоровья. Во второй фактор встроились ресурсы социального капитала.

Трудовая мотивация отнесена к третьему фактору, при этом для молодых респондентов достижительная мотивация существенно более выражена. Третий фактор слабо связан с тактическим оптимизмом (относительно ближайшего будущего), самооценками здоровья. То, что здоровые и молодые люди более оптимистичны, достаточно тривиальный результат, работающий, скорее, на подтверждение валидности нашего инструментария. Содержательный вывод заключается в том, что показатели социального капитала, такие как обобщенное доверие, доверие к институтам и ощущение защищенности, очень слабо связаны с социальным

оптимизмом и материальным благополучием, что подтверждает фактическое разведение этих групп переменных на различные факторы. Практический вывод заключается в том, что объединение рассмотренных компонентов в единый индекс человеческого капитала эмпирически не обосновано. Кроме того, показано, что социальный капитал в рассматриваемом социуме не работает как социальный результат на мезоуровне.

Получила частичное подтверждение главная гипотеза работы. В благополучные периоды социальное самочувствие, социальный и человеческий виды капиталов в регионе растут, но имеются определенные ограничения, не позволяющие говорить об общем характере такого повышения. По общим оценкам на примере социума Тюменской области в процессы накопления социального и человеческого видов капиталов вовлечено 40–50% населения. Частичное подтверждение гипотезы второго уровня демонстрирует, что высокие уровни части ресурсов ЧК соответствуют росту ощущения социального самочувствия, защищенности и доверия к институтам. Однако последнее не относится к обобщенному доверию.

Ограничениями выступают слабая связанность динамики ресурсов ЧК, уровня защищенности и социального оптимизма, что также обуславливает частичное подтверждение гипотезы второго уровня. Рассмотренные взаимозависимости не однонаправлены, свидетельствуют о существенных перекосах в общественном сознании и процессах поддержки накопления человеческого капитала. Основное наблюдаемое противоречие — несвязанность компонентов достижительной трудовой мотивации и других ресурсов человеческого капитала, таких как материальное благополучие и профессиональный статус на работе, измеряемый через количество подчиненных. Достижительная мотивация, согласно теоретическим представлениям являющаяся необходимым условием развития человеческого капитала, в настоящее время слабо связана со статусом респондента и обобщенным доверием. Одна из важных проблем России состоит в том, что потребность в развитии достижительной трудовой мотивации не находит подтверждения в реальных практи-

ках. Накопление социального капитала сильно связано с ощущением защищенности граждан от основных проблем-опасностей и слабо (но статистически устойчиво и достоверно позитивно) – с социальным самочувствием и материальным благополучием.

Литература

1. Mincer J. Investment in human capital and personal income distribution. *Journal of Political Economy*, 1958, vol. 66, no. 4, pp. 281–302.
2. Schultz T. W. Investment in human capital. *Am. Econ. Rev.*, 1961, no. 5, pp. 1–17.
3. Becker G. Investment in human capital: A theoretical analysis. In: *NBER special conference 15, supplement to J Polit Econ*, 1962, no. 70 (5), part 2, pp. 9–49.
4. Mincer J. *Studies in Human Capital: Collected Essays of Jacob Mincer*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 389 p.
5. Barney J. B. *Gaining and Sustaining Competitive Advantage* (4th ed.). Boston, MA: Pearson, 2011. 520 p.
6. Hatch N.W., Dyer J.H. Human capital and learning as a source of sustainable competitive advantage. *Strategic Management Journal*, 2004, no. 25, pp. 1155–1178.
7. Lutz W., Butz W.P., Samir K.C. (ed.). *World Population & Human Capital in the Twenty-First Century: An overview*. Oxford University Press, 2017. 168 p.
8. Olimpia N. Disparities regarding competitiveness, human capital and inclusive development in the EU: A cluster analysis. *Annals of Constantin Brancusi University of Targu-Jiu. Economy Series*, 2019, no. 1, pp. 61–71.
9. Bourdieu P. *Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital*. Kreckel R. (Hrsg.). In: *Soziale Ungleichheiten: Sonderband 2 der «Sozialen Welt»*. Göttingen, 1983, pp. 183–196.
10. Granovetter M. *Society and Economy: Framework and Principles*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2017. 256 p.
11. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Экономическая социология*. 2002. № 4. С. 20–32. URL: https://ecsoc.hse.ru/2002-3-4/annot.html#doc_26593609 (дата обращения 05.05.2020).
12. Капелюшников Р.И. Записка об отечественном человеческом капитале. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2008. 56 с.
13. Капелюшников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России? М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2012. 76 с.
14. Потапенко В.В., Широков А.А. Рынок труда и качество человеческого капитала // *ЭКО*. 2018. № 2. С. 18–35.
15. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Шарунина А.В. Низкооплачиваемые рабочие места на российском рынке труда: есть ли выход и куда он ведет? М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2018. 58 с.
16. Римашевская Н. Человеческий потенциал России и проблемы «сбережения населения» // *Российский экономический журнал*. 2004. № 9–10. С. 22–40.
17. Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления и модернизации рыночной экономики. М.: Норма, 2008. 366 с.
18. Wright P.M., McMahan G.C. Exploring human capital: Putting “human” back into strategic human resource management. *Human Resource Management Journal*, 2011, no. 21 (2), pp. 93–104.
19. Wright P.M., Coff R., Moliterno T.P. Strategic human capital crossing the great divide. *Journal of Management: Special Issue: Strategic Human Capital*, 2013, vol. XX, no. X, pp. 1–18.
20. Rory E., Crocker A., Ahn Y. (ed.). Reflections on the micro-macro divide: Ideas from the trenches and moving forward. *Strategic Organization*, 2019, vol. 17(3), pp. 385–402.
21. Putnam R.D. Social Capital: Measurement and Consequences. *Canadian Journal of Policy Research*, 2001, no. 2 (1), pp. 41–51. Available at: <https://smg.media.mit.edu/library/putnam.pdf>
22. Fukuyama F. Social capital, civil society and development. *Third World Quarterly*, 2001, no. 22 (1), pp. 7–20. DOI: 10.1080/713701144
23. Coleman J.S. *Grundlagen der Sozialtheorie*. Bd. 1. München: Oldenburg, XVI, 1991. Available at: https://www.suz.uzh.ch/dam/jcr:fffff-fad3-547b-0000-0000269bb1f5/12.13_coleman_90.pdf
24. Lin N. *Social Capital: A Theory of Social Structure and Action*. Cambridge University Press, 2001. 292 p.

25. Leana C.R., Pil F.K. Social capital and organizational performance: Evidence from urban public schools. *Organization Science*, 2006, pp. 353–366.
26. Panda D.K. Trust, social capital, and intermediation roles in microfinance and microenterprise development. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 2016, vol. 27, pp. 1242–1265. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11266-015-9678-8>
27. Siegelman B., Haenn N., Basurto X. Lies build trust: Social capital, masculinity, and community-based resource management in a Mexican fishery. *World Development*, 2019, vol. 123. DOI: 10.1016/j.worlddev.2019.05.031
28. Акулов А.О., Шепелева Н.А. Специфика развития человеческого капитала в индустриальном регионе (на примере Кемеровской области) // Вестник НГУЭУ. 2016. № 4. С. 253–266.
29. Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 11–27.
30. Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. 560 с.
31. Междисциплинарный контекст изучения человеческого капитала. Программа исследований / В.А. Давыденко, Е.В. Андрианова, Г.Ф. Ромашкина, Р.Р. Хузяхметов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Т. 5. № 4 (20). С. 30–51. DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-30-51
32. Лапин Н.И., Ильин В.А., Морев М.В. Экстремальные неравенства и социальное государство (часть 1) // Социологические исследования. 2020. Т. 46. № 1. С. 4–17. DOI: 10.31857/S013216250008378-8
33. Карачаровский В.В., Шкаратан О.И. Когда благо благу рознь: две грани социального выбора // Социологические исследования. 2020. Т. 46. № 3. С. 27–39. DOI: 10.31857/S013216250008810-4
34. Becker G. *Human Capital: a Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. New York: National Bureau of Economic Research, 1964. 187 p.
35. Judge T.A., Cable D.M., Boudreau J.W., Bretz R.D. An empirical investigation of the predictors of executive career success. *Personnel Psychology*, 1995, no. 48 (3), pp. 485–519.
36. Андрианова Е.В., Давыденко В.А., Ромашкина Г.Ф. О последствиях реформ в сфере образования (по итогам конференции «Образование: молодежь, конкурентоспособность») // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 150–152. DOI: 10.31857/S013216250003757-5
37. Российское общество и вызовы времени. Кн. 5 / [М.К. Горшков и др.]; под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. 427 с.
38. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь мир, 2016. 360 с.
39. Новая индустриализация: возможности, ограничения и противоречия социокультурного пространства: монография / Е.В. Андрианова, В.А. Давыденко, Е.П. Данилова [и др.]. Тюмень, 2018. 226 с.
40. Кученкова А.В. Социальное самочувствие и субъективное благополучие: соотношение понятий и способов измерения // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 2 (4). С. 27–37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-samochuvstvie-i-subektivnoe-blagopoluchie-sootnoshenie-ponyatiy-i-sposobov-izmereniya> (дата обращения 02.05.2020).
41. Латова Н.В. Динамика и факторы удовлетворенности жизнью россиян (1997–2017) // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 65–78. DOI: 10.7868/S0132162517120078
42. Шклярчук В.Я. Сохранение здоровья как фактора социального самочувствия производственного персонала // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 139–141.
43. Соболева И.В. Социальное самочувствие предпринимателей и наемных работников в малом бизнесе // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 57–69. URL: <http://ras.jes.su/socis/s013216250004586-7-1> (дата обращения 02.05.2020). DOI: 10.31857/S013216250004586-7
44. Симонович Н.Е., Киселева И.А. Экономическая и социально-психологическая безопасность современного общества // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 45. С. 53–57.
45. Беляева Л.А. Доходное неравенство в российском обществе: социальные последствия и проблемы // Вестник Института социологии. 2018. № 3. С. 84–100. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jid=526&jn=vestnik (дата обращения 04.05.2020). DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.526
46. Андрианова Е.В., Ромашкина Г.Ф. Трудовая мотивация: проблемы, состояние, перспективы // Научный потенциал регионов на службе модернизации. 2011. № 1 (1). С. 154–160.

47. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Трудовые ценности самостоятельной и организационной занятости // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 81–93.
48. Ромашкина Г.Ф., Андрианова Е.В. Структура ценностей жителей российских регионов по материалам социокультурного мониторинга // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 8. С. 93–105.

Приложения

Приложение 1. Структура выборок

Привлекаются результаты социокультурного мониторинга (2006–2019 гг.) в Тюменской области. Выборки квотные, репрезентативные по территории и половозрастной структуре, со случайным отбором внутри групп с контролем по уровню образования респондента. В 2019 году: 33% сельские жители, 67% городские; 47% мужчин, 53% женщин.

Объем выборок данных, чел.

Год	2006	2009	2011	2013	2016	2017	2018	2019
Кол-во человек	1715	1560	1271	2335	1422	1640	1610	1642

Приложение 2. Структура индексов

(1) Самооценки материального благополучия: *Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует материальное положение сегодня – Ваше, Вашей семьи?* См. приложение 3, табл. 1.

А. Компоненты социального самочувствия

(2) Удовлетворенность жизнью: *Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?* Кодировка: 1 Полностью удовлетворены. 0,75 Скорее удовлетворены. 0,5 Затрудняюсь сказать точно. 0,25 Не очень удовлетворены. 0 Совсем не удовлетворены. Индекс удовлетворенности жизнью в целом (Иуж) считается как средневзвешенная баллов.

(3) Социальный оптимизм вычислялся как среднее от трех составляющих – уверенность в будущем или стратегический оптимизм (3.1), оценка текущего периода (3.2) и тактический оптимизм (3.3).

(3.1) Стратегический оптимизм, Истр: *Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?* Кодировка: 1 Вполне уверены. 0,75 Скорее уверены, чем нет. 0,5 Не могу сказать точно. 0,25 Скорее не уверены, чем уверены. 0 Совсем не уверены.

(3.2) Оценка текущего года, Иопт: *Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?* Кодировка: 1 Стали жить намного лучше. 2 Стали жить несколько лучше. 3 Ничего не изменилось. 4 Стали жить несколько хуже. 0 Стали жить намного хуже.

(3.3) Тактический оптимизм, Ито: *Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня, или хуже?* Кодировка: 1 Будем жить значительно лучше. 0,75 Будем жить несколько лучше. 0,5 Ничего не изменится. 0,25 Будем жить несколько хуже. 0 Будем жить значительно хуже.

(4) Защищенность от основных проблем-опасностей: *Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей?* (11 категорий). Кодировка: 1 Защищен. 0,75 Пожалуй, защищен. 0,5 Трудно сказать. 0,75 Пожалуй не защищен. 0 Совсем не защищен. Индекс защищенности (Изащ) вычислялся как среднее от 11 составляющих.

Б. Компоненты социального капитала

(5) 5.1. Обобщенное доверие (Ид): *Вы считаете, что большинству людей можно доверять, или Вы склоняетесь к мнению, что даже излишняя осторожность не помешает?* Ответы по шкале

Лайкерта, 11-членной: 0 – даже и излишняя осторожность не помешает; 1 – большинству людей можно доверять.

5.2. Доверие к социальным институтам: *Скажите, пожалуйста, в какой мере Вы доверяете или не доверяете* (перечень включал 15 наименований)? Кодировка – пятичленная шкала Лайкерта: 1 – полностью доверяю; 0 – совсем не доверяю. Индекс (Идов) вычислялся как среднее арифметическое от 16 институтов.

В. Компоненты человеческого капитала (образование, здоровье, трудовая мотивация)

(6) Уровень образования: 1 – послевузовское, ученая степень; 0,75 – высшее (бакалавр, специалист, магистр); 0,5 – среднее специальное (профессиональное); 0,25 – среднее общее (11 классов); 0 – неполное среднее (8–9 классов).

(7) *Как Вы оцениваете состояние своего здоровья?* 1 – нормальное здоровье, пока не жалуясь; 0,75 – временами болею; 0,5 – часто болею; 0,25 – имею хроническое заболевание; 0 – инвалид.

(8) *Имеете ли Вы на основной работе подчиненных?* Кодировка – пятичленная шкала Лайкерта: 1 – более 100 человек, 0 – нет, не имею.

(9) 9.1. *Какую работу Вы бы предпочли сегодня, если бы могли выбирать?* 1 – иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск; 0,5 – много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее; 0 – иметь небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне.

9.2. *Если представится возможность сменить работу, что бы из перечисленного Вы предпочли?* 1 – начать собственный бизнес; 0,75 – стать начальником среднего или верхнего звена; 0,5 – повышение в должности с большей ответственностью; 0,25 – остаться в этой же должности; 0 – вообще не работать.

10. Возраст респондента.

Приложение 3. Таблицы для интерпретации результатов

Таблица 1. Самооценки материального благополучия, Тюменская область, 2019 год, % от числа ответивших (без учета уклонившихся от ответа)

	Распределение	Условные обозначения
Денег не хватает на повседневные затраты	7	«Нищие»
На повседневные затраты уходит вся зарплата	14	«Бедные»
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна	20	«Необеспеченные»
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	32	«Обеспеченные»
Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи	19	«Зажиточные»
Практически ни в чем себе не отказываем	7	«Богатые»
Нет ответа	1	
Итого	100	Итого
Источник: данные социокультурного мониторинга в Тюменской области (см. приложение 1)		

Таблица 2. Мера адекватности и критерий Бартлетта

Мера выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина	.883
Критерий сферичности Бартлетта, хи-квадрат	1355.302
Ст. св.	91
Значимость (p)	.000

Таблица 3. Корреляции (по Спирмену) между составляющими социального самочувствия, социального и человеческого видов капитала

	1	2	3.1	3.2	3.3	4	5.1	5.2	6	7	8	9.1	9.2
1 Материальное благополучие	1												
2 Иуж	.339	1											
3.1 Истр	.376	.649	1										
3.2 Иопт	.353	.361	.417	1									
3.3 Ито	.291	0,401	.476	.516	1								
4 Изащ	.249	.312	.389	.235	.245	1							
5.1 Обобщенное доверие		.15	.176				1						
5.2 Доверие к институтам	.201	.29	.348	.154	.186	.503	.24	1					
6 Образование	.163								1				
7 Оценка здоровья	.178	.267	.252	.209	.334	.165		.105		1			
8 Имеете ли Вы на основной работе подчиненных	.181	.148	.144								1		
9.1 Какую работу бы предпочли	.156				0,11							1	
9.2 Если представится возможность сменить работу, что выбираете			.101	.153	.202							.388	1
10 Возраст		-.11		-.174	-.207		.101			-.227	.132	-.252	-.388

Матрица приведена к диагональному виду, подавлены незначимые корреляции ниже 0.1 по модулю.
 Источник: данные социкультурного мониторинга в Тюменской области.

Сведения об авторах

Гульнара Фатыховна Ромашкина – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры, Тюменский государственный университет (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru)

Марина Владимировна Худякова – кандидат социологических наук, доцент кафедры, Тюменский государственный университет (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: m.v.khudyakova@utmn.ru)

Romashkina G.F., Khudyakova M.V.

Sociological Analysis of Human Capital Factors and Resources

Abstract. The relevance of the study is due to the lack of a single position in the scientific, state, and public discourse on the accumulation, development, and implementation of human capital. The article deals with the theoretical concepts of human and social capital, its main components; it presents the results of studying the dynamics and structure of socio-economic well-being and human capital resources. The sociological analysis is carried out by measuring social well-being of the population (the case of the Tyumen Oblast), namely its key components: the degree of life satisfaction, social optimism and protection from the main social dangers, generalized trust and trust in institutions. The authors have considered human capital resources through self-assessments of health, material well-being, health, education, status, and work motivation. As an empirical base, we used data from monitoring studies (2006–2019) conducted within the framework of the all-Russian project “Socio-Cultural Portraits of the Russian Regions”. We used the index method, correlation method, factor and variance analysis in the study. The results obtained made it possible to give a general assessment of the processes of human capital resources development, to identify the contradictions in the public consciousness, to determine the relationship between human capital resources and social capital. In particular, the research showed that social capital is associated with the citizens’ feeling protection from the main problems and dangers, and it has a weak but statistically stable connection with the components of social and material well-being. The authors note that life satisfaction, social optimism, self-esteem of protection from problems and dangers and trust in institutions increase with the growth of family’s material security. Achievement motivation, which is a necessary condition for the development of human capital resources, is currently not related to the status of a respondent, his or her material wealth and social capital.

Key words: human capital, social capital, social well-being, life satisfaction, social optimism, social security.

Information about the Authors

Gul'nara F. Romashkina – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Head of Department, University of Tyumen (6, Volodarskogo Street, Tyumen, 652003, Russian Federation; e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru)

Marina V. Khudyakova – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor of the Department, University of Tyumen (6, Volodarskogo Street, Tyumen, 652003, Russian Federation; e-mail: m.v.khudyakova@utmn.ru)

Статья поступила 08.05.2020.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.15

УДК 378, ББК 74.48

© Каро-Гонсалес А., Анабо А.Ф.

За пределами преподавания и исследований: взгляд на меняющиеся роли высшего образования изнутри

**Антония
КАРО-ГОНСАЛЕС**
Университет Деусто
Бильбао, провинция Бискайя, Испания, 48007, Avenida de las Universidades, 24
E-mail: tcarogon@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8048-6941; ResearcherID: AAC-9687-2019

**Айси Фресно
АНАБО**
Университет Деусто
Бильбао, провинция Бискайя, Испания, 48007, Avenida de las Universidades, 24
E-mail: icy.anabo@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7204-3064; ResearcherID: AAV-2742-2020

Аннотация. Многие ученые замечают, что к классическим функциям обучения и исследований, которые традиционно относят к сфере высшего образования, прибавляется большее количество задач и участников из-за меняющихся внутренних и внешних требований. Однако в литературе по указанной теме не хватает мнений участников процесса высшего образования. Цель статьи – исправить этот недостаток, проанализировав содержание 12 полуоткрытых интервью с европейскими и международными экспертами в данной области. В частности, исследование позволит узнать их взгляды на роль учреждений высшего образования в связи с нынешними и будущими задачами, проблемами и противоречиями, возникающими из-за эволюции классических функций. Согласно полученным результатам, учреждения высшего образования имеют несколько

Для цитирования: Каро-Гонсалес А., Анабо А.Ф. За пределами преподавания и исследований: взгляд на меняющиеся роли высшего образования изнутри // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 6. С. 252–266. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.15

For citation: Caro-González A., Anabo I.F. Beyond teaching and research: stakeholder perspectives on the evolving roles of higher education. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 6, pp. 252–266. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.15

основных функций: помощь в получении умений и навыков, содействие в генерации знаний и их использовании, посредничество между социальными субъектами, инициация общественных изменений и активное участие в собственных преобразованиях. Эти выводы аналогичны выводам из научной литературы в отношении многообразного и родственного характера деятельности современных учреждений высшего образования. Однако могут присутствовать некоторые проблемы и противоречия: например, стоит ли реагировать на глобальные или региональные тренды, привыкать к гибкости или стандартизации, стремиться к совершенству и конкурентоспособности или инклюзивности, конкурировать с закономерностями или управлять институциональной инерцией. Результаты нашей работы могут быть полезны менеджерам и исследователям в области образования. Предлагаются новые идеи для создания сетевых взаимодействий и экосистем, поскольку высшее образование «перенастраивает» свои функции, для того чтобы не затеряться в меняющихся социальных и экономических условиях.

Ключевые слова: третья миссия, высшие учебные заведения, экосистема, вовлечение.

Введение

Сфера высшего образования за последние десятилетия значительно трансформировалась ввиду меняющихся социоэкономических условий. Из-за глобализации учреждения высшего образования (далее – УВО) теперь должны не просто участвовать в международном сотрудничестве, но и соревноваться за ресурсы и получать позиционное преимущество [1]. Быстрое развитие современных технологий также побудило университеты провести педагогические и учебные корректировки в целях реагирования на новые требования рынка труда. Цифровые технологии позволили улучшить трудовую сферу, рынки и возможности ведения бизнеса, однако из-за них возросли требования к навыкам и специализации рабочей силы¹. Они вызвали беспрецедентный рост объема данных и вычислительных мощностей, что потребовало от образовательных учреждений разработки более сложных процессов генерации знаний и управления ими. К тому же в последние десятилетия распространилась социальная мобильность, заставившая УВО отреагировать на проблемы социальной справедливости, связанные с доступом к образованию и равенством [2].

Европейская политика хорошо приспособлена к подобным трендам. К началу XXI века в ходе подготовки к созданию международной экономики знаний, основанной на обработке информации, производстве знаний и специализированных услугах, УВО активно стремились к проведению заметных реформ. Европа

настаивала на разработке консолидированной стратегии, для того чтобы не только адаптироваться, но и конкурировать на мировом рынке. С момента принятия Лиссабонской стратегии в 2000 году директивные органы подчеркивали многообразную роль высшего образования и необходимость использовать его вклад в экономический и социальный рост².

По наблюдениям ученых, указанные политические изменения проходили параллельно с эволюцией и расширением роли УВО – помимо преподавания и исследований. Преподавание, пожалуй, является самой древней и главной функцией высшего образования, поскольку университеты выступали учебными центрами для элиты и квалифицированных специалистов [2]. В XIX веке после того как профессор Вильгельм Гумбольдт инициировал важные реформы в Берлинском университете [3], ключевой чертой университетской деятельности стали исследования. Недавно появился дополнительный аспект, часто называемый «третьим потоком» или «третьей миссией» (далее – ТМ), который заставил вузы обеспечивать общественную ценность и взаимодействовать с более широким кругом участников [4–6].

Согласно Laredo [7], ТМ возникла в середине 1970-х годов под влиянием коммерческих потребностей. До тех пор генерация знаний в университетах, по существу, ограничивалась

¹ World Economic Forum. *The Future of Jobs Report*, 2018.

² European Commission. *Communication from the Commission: The Role of the Universities in the Europe of Knowledge*. COM (2003). 58 p.

фундаментальными исследованиями. По мере того как ученые начинали по-новому осмысливать скрытый элемент знания и важность внешних знаний для инновационных процессов, становилось все очевиднее, что между бизнесом и научными кругами устанавливаются более тесные отношения. Этот сдвиг стал результатом переосмысления инноваций как продукта сетевого сотрудничества и, следовательно, дополнительной ценности других заинтересованных сторон, таких как научные исследователи.

Экономические истоки ТМ высшего образования продолжают отражаться в современных интерпретациях функций вузов. Кроме того, его экономические выгоды формируются в рамках более широкой необходимости содействия национальному и региональному развитию, а также укреплению финансового потенциала университетов посредством модели «предпринимательского университета». Согласно Chatterton и Goddard [8], этот феномен обусловлен глобализацией, ростом стоимости нематериальных активов, таких как знания, и всеохватывающим представлением о регионах как о местах, имеющих политическое и экономическое значение. Предпринимательский университет «предполагает академическую структуру и функции, которые пересматриваются через согласование экономического развития с исследованиями и преподаванием в качестве научных миссий» [9, с. 314]. Такое развитие в дальнейшем привело к появлению модели тройной спирали, в которой университеты вносят вклад в общество, основанное на знаниях, посредством формирования человеческого капитала и создания новых деловых предприятий [9]. Лицензирование технологий, сопутствующие университетские учреждения и стартапы, научные парки, инкубаторы, бизнес-ангелы и венчурный капитал – вот лишь несколько примеров деятельности, ставшей результатом этого сдвига [10].

Некоторые ученые считают, что набирающая в последние десятилетия обороты ТМ вузов выходит за рамки коммерциализации и включает в себя более широкое понятие взаимодействия с ненаучными субъектами [11]. С учетом того что проблемы устойчивого развития и планетарные угрозы становятся все более заметными, некоммерческая ориентация университетов и способность к долго-

срочному планированию являются особенно ценными [12]. Этот призыв к действию носит как глобальный, так и региональный характер, поскольку сотрудничество университетов выступает частью ряда социальных действий в области стратегического планирования, устойчивого развития, возрождения городов и расширения доступа к высшему образованию [13]. Некоторые авторы также утверждают, что университеты привлекаются не только для коммерциализации, что предполагалось в предыдущих определениях ТМ и «предпринимательского университета», но и по ряду нефинансовых причин [8; 14]. В результате появилась новая терминология, шире рассматривающая деятельность УВО и включающая такие термины, как «вовлеченный» и «устойчивый» университет [15]. Другие модели, например «реляционный» университет [16], университеты как соавторы и трансформаторы [12; 17], также связаны с расширенным списком задач УВО. В соответствии с этим коммерческая направленность инновационной модели «тройная спираль» в значительной степени была расширена, в нее включены социальный, демократический и экологический аспекты, что нашло отражение в разработке моделей «четверная спираль» [18] и «пятеричная спираль» [19].

Меняющийся характер двойных ролей³ УВО оказался интересен для научных исследований. Предпринимались попытки показать масштаб исследований путем систематических обзоров литературы [4; 14; 15; 20; 21], исторического анализа [7; 22] и кейс-стади [10; 23]. Такая работа дала ценную информацию для определения диапазона ролей УВО, лучшего понимания необходимости изменений и приведения критических мнений при определении разнообразия задач. Впрочем, на данный момент недостаточно исследований, в которых раскрывались бы взгляды участников сферы образования на характер ролей УВО и их последствия [24; 25]. Наша статья призвана восполнить этот пробел, представив европейскую и международную точки зрения участников сферы образования на роли УВО, круг вовлеченных субъектов и проблемы, которые могут возникнуть в процессе эволюции традиционных функций УВО.

³ Термин «роли» используется в статье наравне с понятиями «миссия» и «функции».

Мы не стремимся охватить всю сферу ответственности университетов, скорее, стремимся использовать экспертные знания для освещения информации, характеризующей современные интерпретации наиболее заметных ролей вузов и очерчивающей возникающие проблемы и противоречия.

Такой анализ является частью более широкого проекта, посвященного влиянию инициативы European Pillar of Social Rights⁴ на политику и практику образования. Он опирается на качественные данные 12 подробных полуструктурированных интервью с ведущими европейскими и международными экспертами в области образования и профессиональной подготовки. Начиная с 1990-х годов, эксперты становятся все более важным источником данных, что отражает переход к гибридным формам генерации знаний [26]. Хотя нет единого мнения о том, кого можно считать экспертом, мы опираемся на широкое определение, предложенное Vogner и Menz. В нем эксперт рассматривается как человек, обладающий «техническими, технологическими и интерпретационными знаниями, относящимися к конкретной предметной области» [27, с. 54]. Научный интерес к подобным данным основывается не столько на авторитете знаний, сколько на «социальной значимости экспертов в современной жизни и их способности в значительной степени влиять на деятельность людей» [28, с. 655]. В частности, речь идет об интерпретативном знании экспертов, которое «включает в себя не только (субъективные) восприятия и описания действительности, но и нормативные диспозиции» [28, с. 658]. Мы считаем, что с помощью указанного метода сбора данных можно изучать объект исследования — меняющиеся роли УВО, поскольку они сами по себе являются продуктом смыслообразования и согласованных интерпретаций. Используя знания экспертов в этой области, мы получим информацию, которая может служить основой для принятия политических и практических

решений по повышению вклада высшего образования как во внутренние, так и во внешние потребности государства.

Статья построена следующим образом. Сначала представляются широкие темы, отражающие совокупные мнения ведущих экспертов относительно современных ролей УВО. Затем следует обсуждение их взаимозависимости с ненаучными субъектами. В завершение приводится ряд проблем и противоречий, возникающих в результате этих изменений, а также возможные меры по их смягчению.

Материалы и методы

Полуструктурированные интервью с экспертами проведены в период с апреля 2018 года по июль 2019 года с использованием вероятностной выборки. 12 экспертов были определены на основе доступности (удобная выборка) и отраслевых и географических знаний (целенаправленная выборка) [29]. Местные эксперты, участвующие в исследовании, проживают в Стране Басков — регионе, который в Европейской матрице инновационной деятельности классифицируется как имеющий умеренный уровень инноваций и демонстрирующий самый большой процент (8,8%) инновационных изменений за исследуемый период времени в Испании⁵. Именно здесь мы ведем свою исследовательскую работу в первую очередь. Между тем, международные эксперты представляют европейские и иные страны (табл. 1). Участникам было предложено подписать информированное согласие до начала участия в исследовании.

Каждое интервью длилось от одного до полутора часов. Общение велось либо на английском, либо на испанском языке, транскрибировалось на языке оригинала и анализировалось с использованием итерационного процесса традиционного контент-анализа [30]. Первый этап анализа проведен нами путем предварительного изучения первых трех транскриптов. Было использовано открытое кодирование [31], помечены выдержки относительно движущей силы изменений, актора и связанной с ним явной или неявной роли.

⁴ Первый принцип ESPR четко определяет взаимосвязь между качественным и инклюзивным образованием, профессиональной подготовкой и обучением на протяжении всей жизни для развития навыков, направленных на всестороннее участие в жизни общества и успешное управление переходными процессами на рынке труда.

⁵ *Regional Innovation Scoreboard*. Directorate General for Internal Market, Industry, Entrepreneurship and SMEs. European Commission, 2019. URL: <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/36064> (дата обращения 01.10.2019).

Таблица 1. Обзор отраслевых и географических профилей участников

ID эксперта*	Пол	Возраст	Роль	Отраслевая аффилиация	Географическая репрезентация
ЭКСП1	Муж.	60+	Независимый эксперт; бывший сотрудник и руководитель подразделения Европейской комиссии	Гос. управление	Европейская (Нидерланды, Бельгия)
ЭКСП2	Муж.	50–60	Глава подразделения и политик в Европейской комиссии	Гос. управление	Европейская (Португалия, Бельгия)
ЭКСП3	Жен.	30–40	Университетский исследователь; эксперт в области интерактивного и инклюзивного обучения (стипендиат Ikerbasque)	Академ.	Международная (Испания)
ЭКСП4	Муж.	40+	Политик в ООН; эксперт с опытом работы в политике непрерывного обучения и профессиональной подготовки	Гос. управление	Международная (Мексика, Франция, Чили)
ЭКСП5	Муж.	40+	Политик и сотрудник местного правительства в Стране Басков; старший эксперт по вопросам экономического развития, торговли и занятости	Гос. управление	Местная; региональная (Страна Басков)
ЭКСП6	Жен.	30–40	Директор по инновациям, неправительственная организация	Общество	Местная; региональная (Португалия)
ЭКСП7	Жен.	40–50	Член профессорско-преподавательского состава университета; эксперт в области инженерии биологических наук	Академ.	Местная; региональная (Бельгия)
ЭКСП8	Муж.	50–60	Профессор университета и эксперт в области исследований рынка труда, производственных отношений и устойчивых обществ; эксперт с опытом работы в области региональной экономики, гражданства, демократии и цифровизации	Академ.; гос. управление	Европейская; региональная (Нидерланды)
ЭКСП9	Жен.	30–40	Преподаватель университета, эксперт в области цифровых технологий и дистанционного обучения	Академ.	Европейская (Испания, Швейцария, Эстония)
ЭКСП10	Жен.	65+	Государственный служащий и старший эксперт по научно-технической и инновационной политике, профессор университета, ОЭСР	Академ.; гос. управление	Международная (Япония)
ЭКСП11	Муж.	50–60	Директор социального предприятия; эксперт с опытом работы в области инновационных решений по трудоустройству для людей, подверженных риску эксклюзии	Промышленность	Местная; региональная; национальная (Страна Басков, Испания)
ЭКСП12	Муж.	50–60	Политик и заместитель министра, баскское правительство	Гос. управление	Местная; региональная (Страна Басков)

* ID экспертов используются при их упоминании в тексте.

Обратное кодирование осуществлено для выявления проблем. В процессе анализа сделаны памятки для записи основных концепций и аналитических заметок. Затем предварительный набор кодов был доработан авторами, после чего последовал второй этап кодирования. Он включал попытку ограничить коды предварительным списком и добавление

новых кодов при необходимости [30]. Затем были извлечены закодированные выдержки, проанализирована уместность кодов и объединены связанные или избыточные коды. Последний этап включал доработку категорий и подкатегорий и выявление взаимосвязей между ролями, агентами и возможными проблемами.

Результаты и обсуждение

В результате проведенного анализа было установлено, что экспертные интерпретации ролей вузов согласуются с задачами, определенными в научной литературе: преподавание, исследования, социальное взаимодействие и социальное развитие. Также подтвердилась необходимость сетевого многостороннего взаимодействия для выполнения этих ролей – с правительствами, предприятиями и гражданским обществом, включая отдельных лиц, которые были определены как ключевые сотрудники. Интересно, что проявилась еще одна важная роль УВО – в качестве агентов их собственного преобразования. В следующих подразделах эти аспекты рассмотрены более подробно, перечислены проблемы и противоречия, возникшие в ходе «перенастройки» традиционных функций вузов.

Пересмотр ролей высших учебных заведений

Экспертные интерпретации ролей УВО включают в себя элементы их традиционных функций. Преподавание в первую очередь избрало как развитие навыков и качеств студентов для личной жизни и профессиональной деятельности. Между тем, исследовательская миссия УВО понимается как использование знаний и сотворчество с другими субъектами. Аспект коммерциализации ТМ не был столь заметен в анализируемых данных, что может быть объяснено преобладанием социальных акторов среди экспертного пула и социальной структурой более широкого исследовательского проекта, ориентированного на последствия принятия EPSR. Зона ответственности УВО за социальное взаимодействие включает в себя преподавание, исследования и управленческие аспекты совместной учебной программы и педагогики, генерацию знаний и социальную трансформацию. Наконец, роль агента собственных преобразований проявилась как релевантная, но отличная от тех, которые были определены в других исследованиях, что дает представление о постоянно меняющемся объеме функций вузов.

УВО как помощники в реализации навыков и умений

Эксперты рассматривали преподавательскую функцию УВО как ключевую в подготовке студентов к ситуации, когда требования цифровых технологий станут еще более серьезными,

в связи с чем важен переход к цифровой экономике как аспекту современной жизни. Эксперты выделяли необходимость развивать одновременно профессиональные навыки студентов (в особенности для сугубо технических ролей) и более универсальные умения из области науки, техники, инженерии, искусства и математики (НТИИМ) (ЭКСП1, ЭКСП9, ЭКСП12), цифровые навыки (ЭКСП1, ЭКСП5, ЭКСП8), ораторские, коммуникативные и переговорные навыки (ЭКСП3, ЭКСП7), критическое и креативное мышление (ЭКСП2, ЭКСП3, ЭКСП4, ЭКСП5, ЭКСП9, ЭКСП12), комплексные рассуждения (ЭКСП3), эмоциональный интеллект (ЭКСП12), устойчивость (ЭКСП5, ЭКСП8), адаптируемость и гибкость (ЭКСП5, ЭКСП12), предпринимательство (ЭКСП8). Универсальные навыки позволят студентам ориентироваться в цифровом мире не только в профессиональном контексте, но и адекватно участвовать в социальной и политической сферах (ЭКСП2). Они совпадают с широкими полномочиями, предоставляемыми УВО для формирования человеческого капитала и социальной сплоченности⁶. Между тем, некоторые эксперты, например ЭКСП5, ЭКСП11 и ЭКСП12, в качестве центрального элемента преподавательской деятельности УВО используют термин «ценности». Социальная ответственность (ЭКСП5, ЭКСП11), критическое и собственное мышление (ЭКСП5) и этическое принятие решений (ЭКСП12) были определены в качестве ключевых атрибутов будущей рабочей силы как среди наемных работников, так и работодателей.

Для достижения этих целей педагоги должны чаще применять активные методы, такие как проблемное обучение (ЭКСП12), а также экспериментальные и рабочие механизмы обучения, к примеру программы двойного обучения (ЭКСП4, ЭКСП11). Ряд исследований подтверждает важность и пользу таких учебных мероприятий, особенно в том, что касается развития у студентов универсальных навыков, необходимых для предпринимательской деятельности [32; 33]. Эксперты

⁶ *European Commission Working Document: Analytical Underpinning for a New Skills Agenda for Europe SWD. 2016. 195 p. Final Part 1/4.*

также призывают создать такие учебные программы, которые бы включали социальные и общественные проекты (ЭКСП3, ЭКСП4), повышали мотивацию, предлагая практический опыт и ценные навыки [33], и отвечали потребностям студентов, касающимся расширения профессиональных контактов [34].

В связи с этим еще одной важной темой становится роль УВО в повышении осведомленности студентов о реальности переходных процессов. Согласно мнению ЭКСП2, ЭКСП6, ЭКСП9 и ЭКСП10, перенастройка трудовых ожиданий студентов в соответствии с будущими изменениями имеет первостепенное значение. ЭКСП6 указывает: «Что касается образования и подготовки, самое главное, что мы можем сделать — дать понять, что вся концепция работы сильно изменилась за последние несколько лет, и это не предел. Люди все еще готовятся к получению стабильной постоянной работы на всю оставшуюся жизнь. Они ожидают какой-то закономерности или рутины. Я думаю, что именно это заблуждение следует развеять в первую очередь, потому что такого не случится».

Этот вывод сходится с утверждением Tomlinson [35] о роли вузов в управлении ожиданиями и повышении осведомленности студентов о нелинейности современных рабочих процессов.

Содействие в генерации знаний и их использовании

В дополнение к эволюционному характеру и направленности преподавательской функции УВО, описанным выше, два эксперта упомянули об усилении роли университетов в организации общественного воздействия посредством создания и применения знаний (ЭКСП3, ЭКСП7). Для ЭКСП3 часть этого процесса связана с отходом от традиционного представления о научных кругах как единственном источнике авторитетного знания. Вместо этого он указывает на возникающую для УВО необходимость сделать науку доступной для всех, нарушив иерархию между исследователем и «исследованным», что рассматривается как важный аспект борьбы с неравенством в области участия в образовании и создания знаний. ЭКСП3 подчеркнул, что сотрудники университетов должны задуматься и признать приви-

легированное положение высшего образования в генерации знаний и переходе к позиции сотворчества и эпистемологического равенства во имя общественного блага: «Речь идет о том, чтобы сделать исследования доступными не только для учителей, но и для семей, вовлекая всех участников в диалог, какие позитивные эффекты мы видим в тех школах и в тех сообществах, которые уже участвуют в обеспечении открытого доступа к науке. Это рычаг перемен — двигатель, который обеспечивает непосредственный доступ людей к результатам исследований, их вовлечение в новые исследовательские процессы и их участие в создании знаний таким образом, чтобы оно было эффективным и полезным для их собственных сообществ».

Функция соавторства все чаще приписывается УВО и воплощается ими в деятельности, которую Trencher и др. [12] рассматривают как синергетическое сочетание экономической и социальной парадигм ТМ университетов. В подходе, называемом Aranguren и др. [17] ко-трансформационной моделью университета, открытые инновации и конкурентоспособность используются для достижения инклюзивности и устойчивого развития.

Посредники между социальными субъектами

Эксперты также были едины в определении функции вузов как посредников между социальными субъектами, действующими на межрегиональном и международном уровнях (ЭКСП1, ЭКСП8), образовательными системами обязательного, пост-обязательного и высшего образования (ЭКСП4, ЭКСП12), научными дисциплинами через междисциплинарный диалог (ЭКСП7) и социальными областями через межсекторальное взаимодействие с правительствами, предприятиями, семьями, общинами и преподавательским составом (ЭКСП3, ЭКСП4, ЭКСП9, ЭКСП10). Взаимодействие УВО с более широким сообществом отражает элементы преподавания и исследований и проявляется несколькими способами: как учебная деятельность, включающая личный и практический опыт работы в сообществе и на рабочем месте (ЭКСП4, ЭКСП10); как площадка для коллективного мышления и установления общих целей (ЭКСП3, ЭКСП11); а также налаживание связей и союзов — особенно с предприятиями (ЭКСП9). Они могут

потребовать наличия регулируемых механизмов — таких как дуальные учебные программы, включенные в образовательную программу, и официальное членство в сетях, или использования специальных и неформальных подходов, таких как диалог и дискуссии с другими участниками. На практике формальная и неформальная деятельность характеризуют вовлеченность университетов [21]. Было показано, что их сочетание максимизирует валоризацию знаний в конкретных областях, таких как робототехника и фармацевтика [36].

Установление связей с частным сектором также воспринимается ЭКСП9 как прямой вклад в индивидуальные результаты деятельности студентов путем расширения их социального капитала и возможностей для выбора работы, повышения осведомленности компаний о ценности и актуальности образовательных и учебных программ, обеспечения возможности совместно определять спрос на профессиональные навыки. Кроме того, поддержание контактов позволяет вузам обнаруживать новые секторы и вносить коррективы в свои образовательные предложения (ЭКСП12). В целом было показано, что академическое и деловое партнерство повышает положительные результаты не только для студентов [37], но и для компаний [38].

Инициаторы социальных изменений

По мнению многих экспертов, исследовательская, преподавательская и просветительская деятельность УВО теперь должна служить социальным целям и способствовать инклюзивности (ЭКСП1, ЭКСП2, ЭКСП3, ЭКСП5, ЭКСП7, ЭКСП8, ЭКСП9, ЭКСП10, ЭКСП11). Это соотносится с более поздними моделями высшего образования, которые включают социальные аспекты в традиционные задачи вузов [12; 16; 17]. ЭКСП3 и ЭКСП10 утверждают, что принятие социальных и совместных подходов к исследовательскому процессу не только повышает осведомленность научных кругов о реальных социальных проблемах, но и стимулирует индивидуальные действия, а также расширяет права и возможности. Что касается преподавания, то менеджерам и сотрудникам сферы образования рекомендуется вкладывать более значительные средства в укрепление ориентированных на обслуживание функций для раз-

вития широкого спектра навыков и ценностей (ЭКСП7), генерировать большую осведомленность и адаптивный потенциал при подготовке к работе, которую студенты будут выполнять после завершения обучения (ЭКСП7), содействовать непрерывному обучению и взаимопроницаемости между профессиональными и университетскими системами посредством признания предшествующего обучения (ППО) (ЭКСП1, ЭКСП4), повышать способность студентов обеспечивать инновационные решения социальных проблем (ЭКСП4) и стремиться воспитывать преобразующих и социально ответственных лидеров (ЭКСП3). Помимо ценностного вклада высшего образования в жизнь общества, ЭКСП3 также определяет взаимную выгоду от участия в таких инициативах, повышения институционального престижа и содействия собственному организационному обучению путем включения знаний сообщества и граждан. Другие эксперты подчеркивают важность использования технологий для выполнения УВО роли инициатора социальных изменений. Необходимо развивать и продвигать трансграничное онлайн-обучение, чтобы охватить тех, кто имеет какие-либо географические, двигательные или временные ограничения (ЭКСП5). Использование передовых технологий, таких как аналитика обучения и искусственный интеллект, также может помочь в создании индивидуальных учебных решений и позволить студентам определять свой уникальный путь обучения и карьеры, который впоследствии может быть адаптирован в зависимости от меняющихся потребностей и обстоятельств (ЭКСП2, ЭКСП9).

Активные субъекты организационных преобразований

Эволюционирующая миссия УВО, описанная в научной литературе, подразумевает все большую внешнюю направленность на улучшение и преобразование среды, в которой они работают. Однако анализ экспертных интервью указывает на растущую необходимость для университетов обратить внимание на себя и развить метапотенциал для гибких организационных изменений. Как отмечают ЭКСП10 и ЭКСП12, быстро меняющиеся условия несовместимы со стабильным и устойчивым характером деятельности УВО. По сути, описанные

ранее функции преподавания, исследований и вовлечения заключены в более глобальной необходимости для университетов подготовиться к изменениям и иметь возможность своевременно вносить коррективы. Конкретные корректировки включают использование технологических платформ для активизации взаимодействия с другими участниками (ЭКСП5), создание гибких и персонализированных образовательных траекторий с помощью аналитики и искусственного интеллекта (ЭКСП2, ЭКСП4, ЭКСП6, ЭКСП9, ЭКСП12) и предоставление альтернативных образовательных предложений, таких как наностепени и модульные учебные планы (ЭКСП5). Это потребует разработки гибких, но сопоставимых структур утверждения и признания квалификаций (ЭКСП2, ЭКСП4), а также инструментов распознавания учетных данных, таких как блокчейны (ЭКСП8). В более широком смысле вузы должны двигаться в сторону открытого (ЭКСП10), системного и социально ориентированного подхода к управлению образованием (ЭКСП5).

Обзор мнений экспертов относительно ролей УВО представлен в *таблице 2*.

Взаимозависимость УВО и других субъектов

Данные из предыдущего раздела иллюстрируют сетевой характер ролей УВО. Эксперты сходятся в том, что целый ряд неакадемических субъектов вносит вклад в выполнение задач высшего образования совместно с заинтересованными субъектами, работающими в сфере образования. На основе интервью были определены три основные группы ненаучных акторов: правительство, бизнес и гражданское общество, включающее отдельные лица.

Правительство

Для ЭКСП4, ЭКСП6 и ЭКСП8 социальное и экономическое содействие УВО соотносится с такой ролью правительства, как работа в качестве уравнивателя возможностей и защитника

прав. Отслеживая конкретные потребности обездоленных групп в отношении образования и профессиональной подготовки, социального обеспечения и работы, правительство повышает роль вуза как инициатора социальных изменений и интеграции. Мобилизация средств на индивидуальные счета обучения для поощрения и стимулирования людей к повышению квалификации или переподготовке (ЭКСП2, ЭКСП8), установление непрерывного обучения в качестве стандартной функции трудовых контрактов (ЭКСП8) и решение проблемы компетентности, приверженности и удовлетворенности работой преподавательского состава (ЭКСП12), являются мерами, которые может принять государственный сектор. Кроме того, ожидается, что правительства будут устранять дисбалансы в спросе путем стимулирования создания рабочих мест (ЭКСП6), поощрения социального предпринимательства (ЭКСП8), разработки интеллектуальных данных для подбора рабочих мест (ЭКСП8) и регулирования рынков в целях обеспечения справедливой конкуренции, качества работы и устойчивости продуктов и услуг (ЭКСП1), особенно в эпоху экспоненциального роста гиг-экономики и экономики совместного потребления (ЭКСП5). В связи с этим ЭКСП8 и ЭКСП12 утверждают, что государственные лидеры должны действовать как проводники устойчивого человеческого развития и стремиться к трансграничному сотрудничеству и политике, поощряющей движение к «зеленой» и социальной экономике.

Согласование и гармонизация вертикальной и горизонтальной политики — еще один аспект, который ряд экспертов определил как важную область деятельности государственного сектора. Для ЭКСП4 согласование политики по вертикали и горизонтали имеет первостепенное значение в целях обеспечения создания инструментов для взаимопроникновения, индивидуа-

Таблица 2. Обзор мнений экспертов о ролях УВО

Роль УВО	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Помощь в реализации умений и навыков	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
Посредничество между социальными субъектами	✓		✓	✓			✓	✓	✓	✓		✓
Инициация общественных изменений	✓	✓	✓		✓		✓	✓	✓	✓	✓	
Содействие генерации знаний и их использование			✓				✓					
Активное участие в организационных преобразованиях		✓		✓	✓	✓			✓	✓		✓

лизированного обучения и ППО. Оно включает повышение открытости и признание квалификаций через общую структуру на европейском уровне (ЭКСП2), гармоничное распределение правительственных компетенций между различными департаментами на национальном уровне (ЭКСП4) и создание связей между ПТП и системами высшего образования (ЭКСП2, ЭКСП4, ЭКСП5, ЭКСП12). Наконец, правительство, подобно образовательным учреждениям, рассматривается как посредник между социальными субъектами. Например, предполагается, что оно адаптируется к формирующимся секторам труда (ЭКСП12), согласует усилия вузов не только с наднациональными, но и региональными отраслевыми приоритетами (ЭКСП4, ЭКСП8), определяет потребности в навыках на рынке труда (ЭКСП1, ЭКСП10) и использует технологии для создания сетей межведомственной коммуникации и обмена информацией между организациями (ЭКСП12).

Частный сектор

Ожидается, что наряду с правительствами бизнес также будет вносить свой вклад в достижение позитивных социальных и экономических результатов. Эксперты определили три направления его деятельности. Во-первых, частный сектор рассматривается как движущая сила роста и социального воздействия (ЭКСП8). Создавая рабочие места и строя бизнес-планы в сфере социальной экономики, предприятия могут решать социальные проблемы, формируя оплачиваемую занятость, что также снижает нагрузку на социальное обеспечение. Во-вторых, работодатели рассматриваются как вкладчики в обеспечение справедливости и устойчивости путем наблюдения за практикой найма, которая открывает доступ к работе для квалифицированных участников из традиционно недопредставленных слоев населения (ЭКСП11), содействия профессиональному развитию работников в рамках их трудового договора (ЭКСП8) и согласования организационных миссий с устойчивыми целями (ЭКСП1). Кроме того, предприятия также рассматриваются как активные участники постоянного диалога с правительствами и высшими учебными заведениями в отношении выявления новых секторов, спроса на навыки

(ЭКСП1, ЭКСП12) и изменения предложений по обучению с учетом потребностей рынка труда (ЭКСП12).

Гражданское общество и отдельные лица

По мнению нескольких экспертов, общество в целом играет ключевую и взаимодополняющую роль в нынешней динамике. ЭКСП5 намекает на важность городов как агентов, что позволяет местным и низовым инициативам процветать. ЭКСП9 также указывает на активное участие семей в качестве искателей знаний, обучающихся себя и своих детей относительно вариантов карьеры. Кроме того, сами индивиды рассматриваются как важные сторонники саморазвития, осознающие свои меняющиеся потребности (ЭКСП9), принимающие на себя ответственность за свое обучение (ЭКСП1) и поддерживающие добавление возможностей непрерывного образования в свой трудовой договор (ЭКСП8).

Снятие напряженности: на пути к созданию сложных и многосторонних экосистем

Опрошенные эксперты выявили ряд проблем и противоречий, которые могут возникнуть в результате выполнения вузом трансформированных функций. Во-первых, существует важное противоречие между ориентацией вузов на глобальные или региональные потребности. Несмотря на то что наблюдается общий рост высококвалифицированных рабочих мест, в частности в секторе ИКТ, рынки труда по-прежнему формируются региональными и национальными (как отраслевыми специализациями), а не глобальными условиями (ЭКСП4, ЭКСП8). Научные предложения вузов могут не соответствовать потребностям работодателей или станут предметом национальных директив или нормативных актов [20]. Таким образом, на университетах лежит бремя «глокального» мировоззрения, поскольку они сознательно стремятся идти в ногу с глобальными тенденциями, реагируя при этом на местные реалии. В частности, речь идет о целевом финансировании, наращивании потенциала, подготовке кадров и исследовательских инициативах, отражающих двойственную перспективу.

Еще одна тема, возникшая в ходе интервью, касается бинарной связи между гибкостью и стандартизацией. В то время как УВО призваны быть более открытыми и гибкими в преподава-

нии и разработке расписания, учитывая индивидуальный подход при составлении учебных программ и планировании карьеры, процесс оценивания требует контрастного подхода. Специфика навыков и компетенций, гармонизация квалификаций и эквивалентности степеней, а также стандартизация оценок обучения – все это представляет собой фундаментальный концептуальный конфликт с принципами разнообразия и гибкости, необходимыми в современных образовательных системах (ЭКСП4). Осознание этой напряженности важно, особенно если принимать во внимание, что она может породить этические и практические дилеммы для педагогов и руководителей образовательных учреждений.

Аналогичным образом создает проблемы достижение цели, связанной с необходимостью формирования превосходства и конкурентоспособности. Элитарность является особенно сильным барьером (ЭКСП1, ЭКСП7), точно так же, как и давление на вузы с целью обеспечить позиционное преимущество. Кроме того, доступ к образованию и участие в нем остаются проблематичными (ЭКСП2) в меритократическом контексте, где академически отстающие студенты находятся в невыгодном положении. Даже среди учреждений, которые демонстрируют готовность стать более инклюзивными, отсутствие финансовых ресурсов для поддержки дополнительных людских ресурсов и потенциала, необходимых для создания всеобъемлющих программ инклюзивности, делает достижение этой цели особенно проблематичным. Именно в этом аспекте правительства могут взять на себя ведущую роль в качестве уравнивателей возможностей (ЭКСП4, ЭКСП6, ЭКСП8) путем предоставления целевого финансирования для удовлетворения кадровых потребностей, наращивания потенциала и разработки технологических инструментов при содействии инклюзивности.

Конкуренция между сферами деятельности субъектов также представляет собой еще один фундаментальный вызов для выполнения УВО своих ролей. Она проявляется в различных способах стимулирования знаний между этими областями практики. Например, критическое и творческое мышление для трудоустройства и гражданства выступает желательным академическим результатом, однако некоторые работо-

датели предпочитают видеть у работника стремление к инновациям (ЭКСП12). Как считает ЭКСП8, эти противоречия могут быть устранены только в том случае, если заинтересованные стороны смогут установить общие цели. Другие эксперты также указали на важность участия в межсекторальном диалоге (ЭКСП12) и создания возможностей для совместного осознания, как эти современные навыки могут быть использованы на рабочем месте (ЭКСП9). Принципы взаимности и сотрудничества воплощены в образовательной экосистеме [39]. Она включает в себя «взаимосвязанную систему образовательного сообщества, его окружения и субъектов... а также взаимозависимость и взаимные требования заинтересованных сторон» [39, с. 107]. В этом смысле перенастроенные роли и соответствующие субъекты, рассмотренные выше, составляют экосистему вузов (*рисунок*).

Powell и Walsh [40] утверждают, что экосистемный подход опирается на более широкое понимание социального воздействия вузов за пределами коммерциализации. Оно описывается динамичным сотрудничеством, характеризующимся «взаимностью и общими целями» [40, с. 574], и рассматривает заинтересованные субъекты как партнеров. Для того чтобы такая договоренность возникла, Weerts и Sandman [41] определили центральную роль «пограничных связей» для поддержки участия университетов. Эти ключевые акторы выступают посредниками и ведут переговоры внутри и между различными сферами, представляя идеи и проблемы со всех сторон, чтобы выявить общие черты.

Наконец, некоторые эксперты ссылаются на разногласия, порождаемые институциональной инерцией в условиях быстрых контекстуальных изменений. Страх и поведенческое сопротивление, особенно в разгар предложений о фундаментальных сдвигах, приводят к более медленному восприятию (ЭКСП5, ЭКСП7). В литературе этот феномен называется институциональным диссонансом, который может проявляться внутренне как уход субъекта или дезинвестирование в результате несоответствия между индивидуальными убеждениями и институциональными действиями или этносом [42]. Легкость, с которой приживаются изменения, также рассматривалась ЭКСП11 как обу-

словенная культурным измерением, указывая, что более эгалитарные системы, скорее всего, встретят меньше сопротивления в динамике сотрудничества, чем иерархические общества. При необходимых изменениях и сопротивлении, с которыми университетам приходится сталкиваться, существует опасность того, что вузы будут страдать от «перегрузки задачами», намного превышающими их возможности [5; 43]. Это заставляет руководителей образования подумать, как мобилизовать внутреннюю экосистему своих учреждений для выработки общего видения и поиска совместных взаимовыгодных решений.

Заключение

В целом эмпирические данные, полученные в результате анализа, сходятся с выводами из существующей научной литературы: ожидается, что вузы будут выполнять больше функций, выходящих за рамки их обычных преподавательских и исследовательских ролей. Кроме того, анализ показывает важность использования трансформационного потенциала университетов. Замена «монолитной конструкции» динамикой сотрудничества, однако, порождает ряд проблем. Мы определили несколько возможных мер для их решения, включая поиск

взаимодополняющих ролей с другими заинтересованными сторонами для компенсации недостатков, определение отдельных субъектов, которые могут выступать посредниками и представлять интересы вовлеченных сторон, а также культивирование взаимовыгодных и совместных отношений, основанных на достижении общих целей через экосистему коллегиальными и коллективными способами. Действительно, высшее образование занимает уникальное положение в обществе и должно быть усилено за счет повышения способности к сотрудничеству и институциональной трансформации [44].

Выводы, сделанные в ходе дискуссии, указывают на ряд тем для будущих исследований. Например, изучение мнения экспертов может быть расширено, для того чтобы охватить большее число участников и более широкий круг субъектов. Было бы целесообразно собрать мнения неевропейских участников сферы образования и проанализировать, как они соотносятся с выводами нашего исследования. Мы надеемся раскрыть особенности нормативных аспектов деятельности вузов и побудить УВО к размышлению о том, как эффективно реализовать различные аспекты компетенции высшего образования.

Литература

1. Papatsiba V. Policy goals of European integration and competitiveness in academic collaborations: An examination of joint master's and Erasmus Mundus programmes. *Higher Education Policy*, 2014, vol. 27, no. 1, pp. 43–64.
2. Altbach P. The complex roles of universities in the period of globalization. In: *Higher Education in the World 3. Higher Education: New Challenges and Emerging Roles for Human and Social Development*. Global University Network for Innovation, 2008. Pp. 5–14.
3. Ben-David J., Zloczower A. Universities and academic systems in modern societies. *European Journal of Sociology*, 1962, vol. 3, no. 1, pp. 45–84.
4. Compagnucci L., Spigarelli F. The Third Mission of the university: A systematic literature review on potentials and constraints. *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 161, pp. 1–30.
5. Jongbloed B., Enders J., Salerno C. Higher education and its communities: Interconnections, interdependencies and a research agenda. *Higher Education*, 2008, vol. 58, pp. 303–324.
6. Sánchez-Barrioluengo M. Articulating the ‘three missions’ in Spanish universities. *Research Policy*, 2014, vol. 43, pp. 1760–1773.
7. Laredo P. Revisiting the third mission of universities: Toward a renewed categorization of university activities? *Higher Education Policy*, 2007, vol. 20, pp. 441–456.
8. Chatterton P., Goddard J. The response of higher education institutions to regional needs. *European Journal of Education*, 2000, vol. 35, no. 4, pp. 475–496.
9. Etzkowitz H., Webster A., Gebhardt C., Terra B.R.C. The future of the university and the university of the future: Evolution of ivory tower to entrepreneurial paradigm. *Research Policy*, 2000, vol. 29, pp. 313–330.
10. Nakwa K., Zawdie G. The ‘third mission’ and ‘triple helix mission’ of universities as evolutionary processes in the development of the network of knowledge production: Reflections on SME experiences in Thailand. *Science and Public Policy*, 2016, vol. 43, no. 5, pp. 622–629.
11. Molas-Gallart J., Salter A., Patel P., Scott A., Duran X. *Measuring Third Stream Activities: Final Report to the Russell Group Universities*. Brighton: SPRU, 2002.
12. Trencher G., Yarime M., McCormick K.B., Doll C., Kraines S. Beyond the third mission: Exploring the emerging university function of co-creation for sustainability. *Science and Public Policy*, 2014, vol. 41, pp. 151–179.
13. Boucher G., Conway C., Van Der Meer E. Tiers of engagement by universities in their region's development. *Regional Studies*, 2003, vol. 37, pp. 887–897.
14. Perkmann M., Tartari V., McKelvey M., Autio E., Brostom A., D'Este P., Fini R., Geuna A., Grimaldi R., Hughes A., Krabel S., Kitson M., Llerena P., Lissoni F., Salter A., Sobrero M. Academic engagement and commercialisation: A review of the literature on university-industry relations. *Research Policy*, 2013, vol. 43, no. 2, pp. 423–442.
15. Peer V., Penker M. Higher education institutions and regional development: A meta-analysis. *International Regional Science Review*, 2016, vol. 39, no. 2, pp. 228–253.
16. Castro-Spila J. Social Innovation Excubator: Developing transformational work-based learning in the Relational University. *Higher Education, Skills and Work-Based Learning*, 2018, vol. 8, no. 1, pp. 158–170.
17. Aranguren M.J., Canto-Farachala P, Caro-González A., Larrea J.L. La universidad co-transformadora. In: Aranguren M.J., Canto-Farachala P. (Eds.) *Competitividad al servicio del bienestar inclusivo y sostenible*. Cuadernos Orkestra, 2020.
18. Carayannis E., Campbell D. “Mode 3” and “Quadruple Helix”: Toward a 21st century fractal innovation system. *International Journal of Technology Management*, 2009, vol. 46, no. 3/4, pp. 201–234.
19. Carayannis E., Barth T., Campbell D. The quintuple helix innovation model: Global warming as a challenge and driver for innovation. *Journal of Innovation and Entrepreneurship*, 2012, vol. 1, no. 2, pp. 1–12.
20. Arbo P., Bennenworth P. Understanding the regional contribution of higher education institutions: A literature review. *OECD Education Working Papers No. 9*. Paris: OECD Publishing, 2007. Available at: <https://doi.org/10.1787/161208155312>

21. Perkmann M., Salandra R., Tartari V., McKelvey M., Hughes A. Academic engagement: A review of the literature 2011–2019. *Research Policy*, vol. 50, is. 1, pp. 1–20.
22. Scholz R.W. Transdisciplinarity: Science for and with society in light of the university's role and functions. *Sustainability Science*, 2020, vol. 15, pp. 1033–1049.
23. Sánchez-Barrioluengo M., Benneworth P. Is the entrepreneurial university also regionally engaged? Analysing the influence of university's structural configuration on third mission performance. *Technological Forecasting and Social Change*, 2019, vol. 141, pp. 206–218.
24. Knudsen M.P., Frederiksen M.H., Goduscheit R.C. New forms of engagement in third mission activities: A multi-level university-centric approach. *Innovation*, 2019, pp. 1–32.
25. Klemeshev A.P., Kudryashova E.V., Sorokin S.E. Stakeholder approach to the implementation of the 'third mission' of universities. *Baltic Region*, 2019, vol. 11, no. 4, p. 114–135.
26. Meuser M., Nagel U. The expert interview and changes in knowledge production. In: Bogner M., Littig B., Menz W. (Eds.) *Interviewing Experts*. Palgrave Macmillan, 2009.
27. Bogner M., Menz W. The theory-generating expert interview: Epistemological interest, forms of knowledge, interaction. In: Bogner M., Littig B., Menz W. (Eds.) *Interviewing Experts*. Palgrave Macmillan, 2009.
28. Bogner M., Littig B., Menz W. Generating qualitative data with experts and elites. In Flick U. (Ed.) *The SAGE Handbook of Qualitative Data Collection*. London: SAGE Publications, Ltd., 2018.
29. Saumure K., Given L. Nonprobability sampling. In: Given L. (ed.) *The SAGE Encyclopedia of Qualitative Research Methods*. Thousand Oaks: SAGE Publications, Inc., 2008, pp. 562–563.
30. Hsieh H.F., Shannon S.E. Three approaches to qualitative content analysis. *Qualitative Health Research*, 2005, vol. 15, no. 9, pp. 1277–1288. Available at: <https://doi.org/10.1177/1049732305276687>
31. Saldaña J. *The Coding Manual for Qualitative Researchers*. SAGE Publishing, 2015.
32. Pardo-García C., Barac M. Promoting employability in higher education: A case study on boosting entrepreneurship skills. *Sustainability*, 2020, vol. 12, pp. 1–23.
33. Rossano S., Meerman A., Kesting T., Baaken T. The relevance of problem-based learning for policy development in university-business cooperation. *European Journal of Education*, 2016, vol. 51, no. 1, pp. 40–55.
34. Parrado-Martínez P., Sánchez-Andujár S. Development of competences in postgraduate studies of finance: A project-based learning (PBL) case study. *International Review of Economics Education*, 2020, vol. 35. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.iree.2020.100192>
35. Tomlinson M. Forms of graduate capital and their relationship to graduate employability. *Education + Training*, 2017, vol. 59, no. 4, pp. 338–352. Available at: <https://doi.org/10.1108/ET-05-2016-0090>
36. Schaeffer V., Ocalan-Ozel S., Penin J. The complementarities between formal and informal channels of university–industry knowledge transfer: A longitudinal approach. *The Journal of Technology Transfer*, 2020, vol. 45, pp. 31–55. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10961-018-9674-4>
37. Ali A., Marwan H. Exploring career management competencies in Work Based Learning (WBL) Implementation. *Journal of Technical Education and Training*, 2019, vol. 11, no. 1, pp. 159–166.
38. Comyn P., Brewer L. *Does Work-Based Learning Facilitate Transitions to Decent Work? Working Paper No. 242*. Geneva: International Labour Office, 2018.
39. Karalash M., Baumol U. Stakeholder relationships within educational ecosystems: A literature review. *32nd BLED Conference Proceedings*, 2019. Available at: <https://aisel.aisnet.org/bled2019/54>
40. Powell P., Walsh A. Mutualising the university: Achieving community impact through an ecosystem. *International Review of Education*, 2018, vol. 64, no. 5, pp. 563–583.
41. Weerts D.J., Sandmann L. Community engagement and boundary-spanning roles at research universities. *Journal of Higher Education*, 2010, vol. 81, no. 6, pp. 702–727.
42. Chandler J., Danatzis I., Wernicke C., Akaka M., Reynolds D. How does innovation emerge in a service ecosystem? *Journal of Service Research*, 2019, vol. 22, no. 1, pp. 75–89.
43. Benneworth P., Young M., Normann R. Between rigour and regional relevance? Conceptualising tensions in university engagement for socio-economic development. *Higher Education Policy*, 2017, vol. 30, pp. 443–462.
44. Vargas C. Lifelong learning principles and higher education policy. *Tuning Journal of Higher Education*, 2014, vol. 2, no. 1, pp. 91–105.

Сведения об авторах

Антония Каро-Гонсалес — Ph.D., научный сотрудник, руководитель отдела международных исследований, Университет Деусто (48007, Испания, провинция Бискайя, г. Бильбао, Avenida de las Universidades, 24; e-mail: tcarogon@gmail.com)

Айси Фресно Анабо — соискатель Ph.D., Университет Деусто (48007, Испания, провинция Бискайя, г. Бильбао, Avenida de las Universidades, 24; e-mail: icy.anabo@gmail.com)

Caro-González A., Anabo I.F.

Beyond Teaching and Research: Stakeholder Perspectives on the Evolving Roles of Higher Education

Abstract. Many scholars have observed that the traditional teaching and research functions ascribed to higher education have now expanded to involve a wider range of objectives and actors in response to changing internal and external demands. However, the available literature on the topic lacks accounts reflecting stakeholder perspectives. This paper aims to respond to this limitation by implementing a content analysis of 12 semi-structured interviews with European and international experts in the field of higher education. More specifically, it sketches their views on higher education institutions' roles considering current and emerging imperatives and the tensions and contradictions arising from the evolution of their conventional functions. The results show that higher education institutions are perceived to serve a combination of multiple roles: as enablers of skills and attributes, co-creators and users of knowledge, intermediaries between social actors, instigators of social change, and active agents of their own transformation. This finding aligns with literature in terms of the diverse and relational nature of modern higher education institutions' operations. While desirable, their fulfilment generates several tensions and contradictions: such as responding to global vs. regional trends, adopting flexibility vs. standardization, pursuing excellence and competitiveness vs. inclusion, competing logics, and managing institutional inertia. The study can benefit educational managers and researchers by offering new insights into generating networked action and building ecosystems as higher education reconfigures its roles to navigate the changing social and economic landscape.

Key words: third mission, higher education institutions, ecosystem, engagement.

Information about the Authors

Antonia Caro-González — PhD, Researcher, Director of the International Research Project Office (IRPO), University of Deusto (24, Avenida de las Universidades, Bilbao, the province of Biscay, 48005, Spain; e-mail: tcarogon@gmail.com)

Icy F. Anabo — Master of Arts, University of Deusto (24, Avenida de las Universidades, Bilbao, the province of Biscay, 48005, Spain; e-mail: icy.anabo@gmail.com)

Статья поступила 08.08.2020.

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (декабрь 2020 г.), а также за период с октября 2019 по декабрь 2020 г. (последние 6 опросов).

Дается сопоставление результатов исследований с данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011 (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2018–2020 гг.

За период с октября по декабрь 2020 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно не изменился. Доля положительных оценок составляет 52%, отрицательных – 33%.

Вместе с тем оценки населения несколько хуже, чем в конце прошлого года: с декабря 2019 по декабрь 2020 г. доля положительных суждений уменьшилась на 2 п. п. (с 54 до 52%), отрицательных – возросла на 2 п. п. (с 31 до 33%)².

В годовой динамике продолжается тенденция снижения уровня одобрения деятельности Президента: в 2018 г. доля положительных оценок составляла 66%, в 2019 г. – 56%, в 2020 г. – 52% (в целом за период с 2018 по 2020 г. – снижение на 14 п. п., с 66 до 52%).

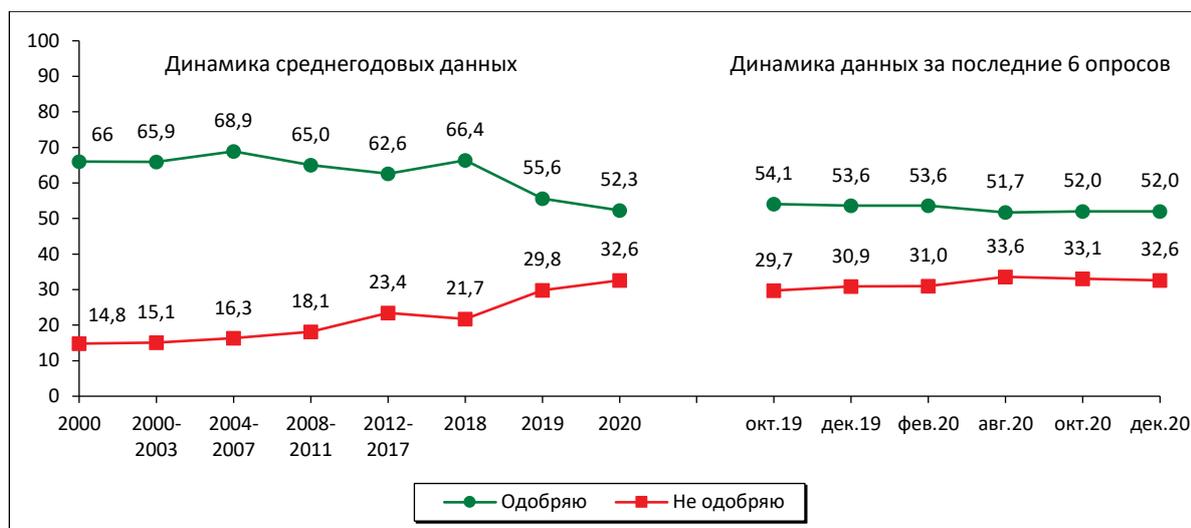
Удельный вес негативных характеристик в 2018 г. составлял 22%, в 2019 г. – 30%, в 2020 г. – 33% (в целом за период с 2018 по 2020 г. – рост на 11 п. п., с 22 до 33%).

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vssc.ac.ru/>.

² Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, проведенного в декабре 2020 г., с результатами «волны» мониторинга годичной давности (декабрь 2019 г.).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?
(в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)*

* Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2000, 2018, 2019, 2020 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)*

Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных							Динамика данных за последние 6 опросов						Изменение (+/-), дек. 2020 к дек. 2019
	2000	2007	2011	2012	2018	2019	2020	Окт. 2019	Дек. 2019	Фев. 2020	Авг. 2020	Окт. 2020	Дек. 2020	
Президента РФ														
Одобрю	66,0	75,3	58,7	51,7	66,4	55,6	52,3	54,1	53,6	53,6	51,7	52,0	52,0	-2
Не одобряю	14,8	11,5	25,5	32,6	21,7	29,8	32,6	29,7	30,9	31,0	33,6	33,1	32,6	+2
Председателя Правительства РФ**														
Одобрю	-**	-**	59,3	49,6	48,0	41,1	38,7	41,1	41,1	37,9	38,9	38,8	39,1	-2
Не одобряю	-	-	24,7	33,3	31,6	38,4	40,4	37,5	38,9	40,9	40,9	40,8	38,8	0
Губернатора области														
Одобрю	56,1	55,8	45,7	41,9	38,4	35,7	35,0	35,6	35,6	36,2	35,2	35,5	32,9	-3
Не одобряю	19,3	22,2	30,5	33,3	37,6	40,2	42,5	40,1	40,8	41,8	41,9	42,1	44,2	+3

* Согласно методике проведения исследования, ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются или считаются незначительными; в таблицах они выделены синим цветом. Позитивные изменения выделены зеленым цветом, негативные – красным.

** Вопрос задается с 2008 г. В 2020 г. первый опрос проходил в период с 24 января по 12 февраля. Действующий Председатель Правительства РФ М.В. Мишустин только вступил в свою новую должность (16 января 2020 г.), поэтому у респондентов спрашивалось мнение относительно деятельности бывшего премьер-министра Д.А. Медведева.

Для справки:

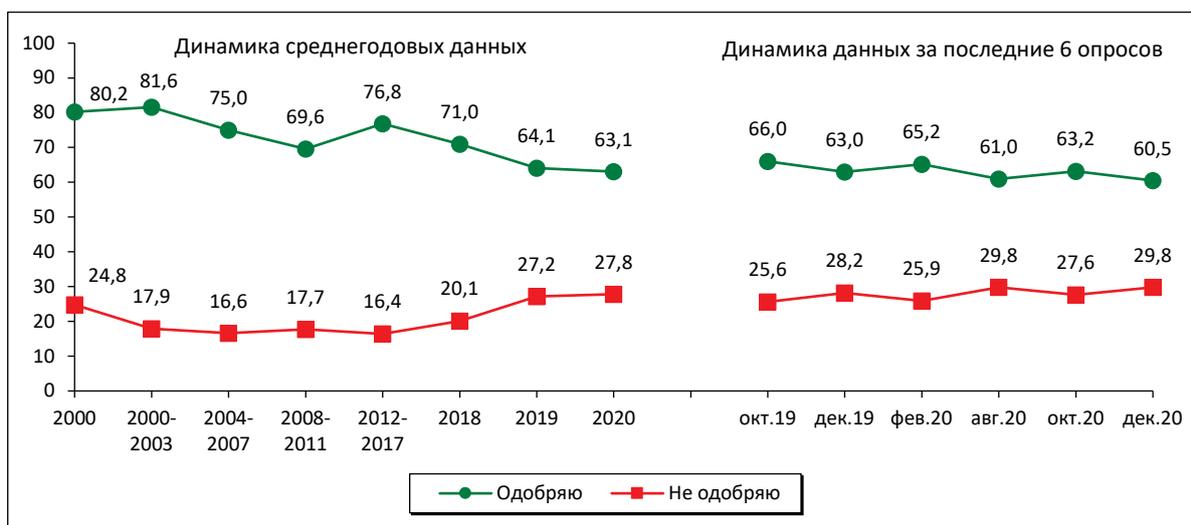
По данным ВЦИОМ уровень одобрения деятельности Президента РФ в октябре – декабре 2020 г. незначительно снизился (на 2 п. п., с 63 до 61%), доля негативных оценок также возросла на 2 п. п. (с 28 до 30%).

Существенных изменений в 2020 г. по сравнению с 2019 г. не отмечается (уровень одобрения составляет 63–64%).

По данным Левада-Центра удельный вес положительных суждений о деятельности главы государства в октябре – ноябре 2020 г. уменьшился на 3 п. п. (с 68 до 65%), отрицательных – возрос на 3 п. п. (с 31 до 34%)³.

В среднегодовых оценках за период с 2019 по 2020 г. отмечается снижение уровня одобрения деятельности Президента на 3 п. п. (с 67 до 64%).

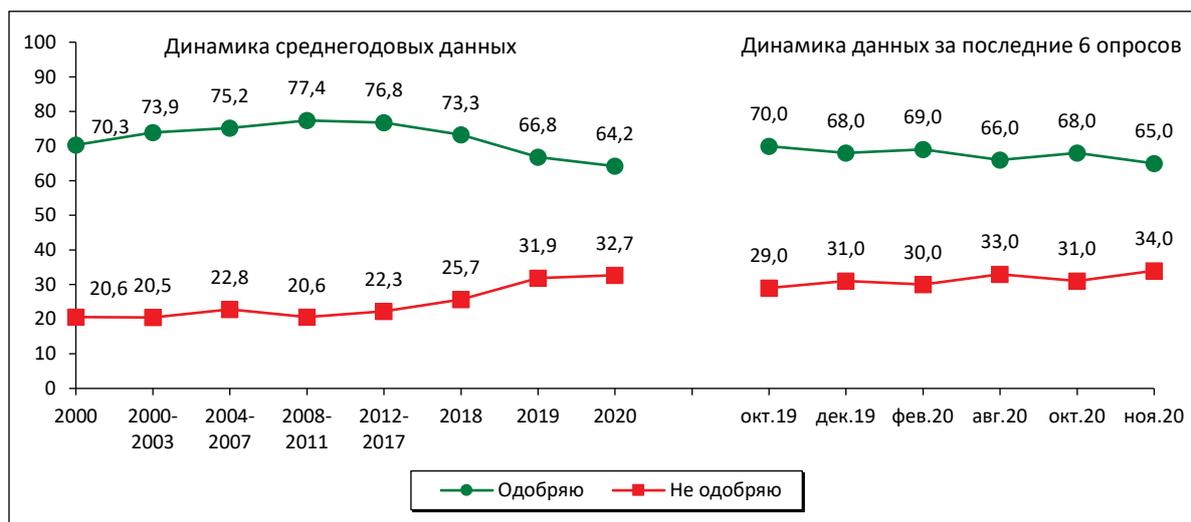
Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)

Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

Данные за декабрь 2020 г. – среднее за два опроса: от 06.12.2020 и 13.12.2020.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту
Президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра)

Источник: данные Левада-Центра. URL: <https://www.levada.ru/>

³ Разные методические подходы, применяемые ВЦИОМ, Левада-Центром и ВолНЦ РАН, не позволяют сравнивать полученные результаты между собой. Тем не менее собранные сведения дают возможность анализировать общую динамику социальных настроений, существующих в российском обществе и фиксируемых тремя разными научными центрами (двумя российскими и одним региональным).

В динамике оценок успешности решения Президентом РФ ключевых проблем страны за период с октября по декабрь 2020 г. существенных изменений не произошло.

Тем не менее постепенно снижение доли положительных оценок в течение 2020 г. наблюдается по большинству указанных проблем. Так, за период с декабря 2019 по декабрь 2020 г.:

- ✓ на 6 п. п. (с 52 до 46%) уменьшилась доля людей, считающих успешными действия главы государства по укреплению международных позиций России;
- ✓ на 3 п. п. (с 44 до 41%) снизился удельный вес тех, кто положительно оценивает работу главы государства по наведению порядка в стране;
- ✓ на 2 п. п. (с 34 до 32%) уменьшилась доля людей, поддерживающих работу главы государства по защите демократии и укреплению свобод граждан;
- ✓ доля тех, кто считает успешными действия Президента по подъему экономики и росту благосостояния населения, в декабре 2019 – декабре 2020 г. фактически не изменилась (25–26%); однако она по-прежнему остается крайне незначительной, при этом удельный вес негативных отзывов за этот же период возрос на 2 п. п. (с 60 до 62%).

В динамике среднегодовых данных с 2018 г. отмечается снижение доли положительных суждений о работе главы государства по:

- ✓ укреплению международных позиций России (на 5 п. п., с 54 до 49%);
- ✓ наведению порядка в стране (на 8 п. п., с 51 до 43%);
- ✓ защите демократии и укреплению свобод граждан (на 7 п. п., с 41 до 34%);
- ✓ подъему экономики и росту благосостояния граждан (на 6 п. п., с 31 до 25%).

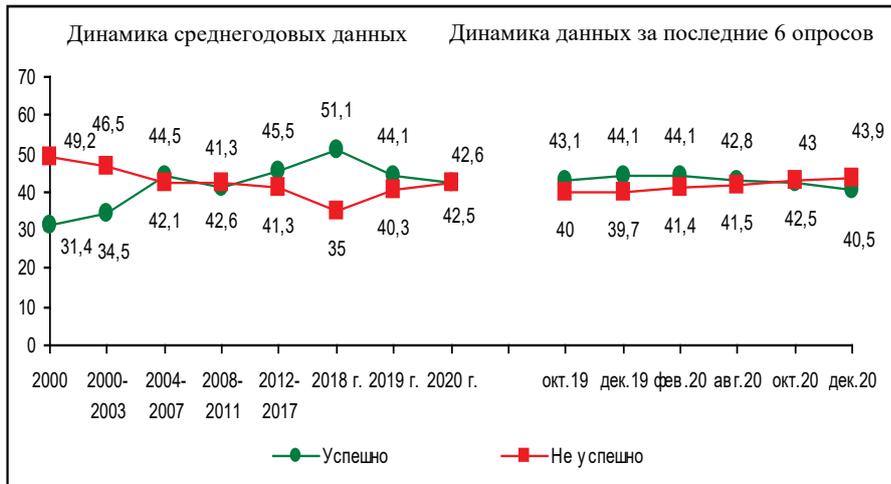
Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Укрепление международных позиций России

Годовая динамика (декабрь 2020 г. к декабрю 2019 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Успешно	-6
Неуспешно	+2

Наведение порядка в стране

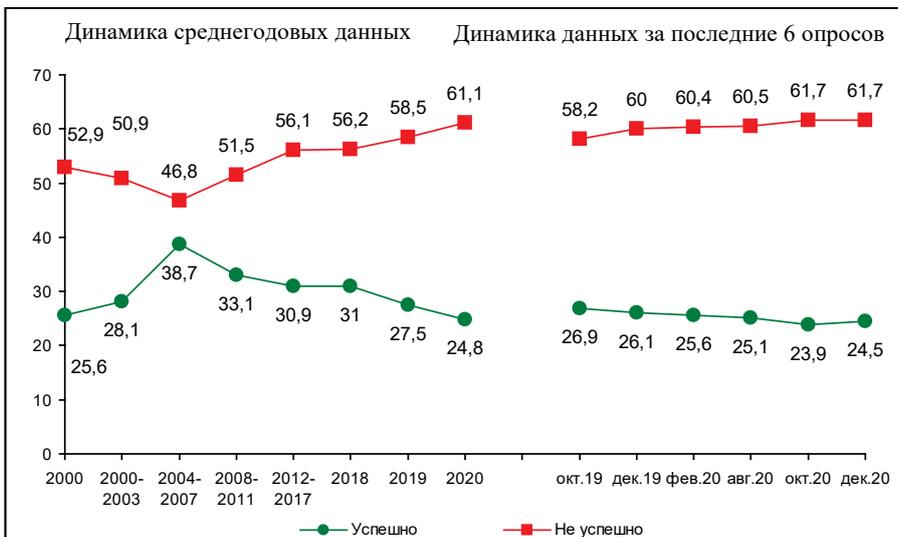
Годовая динамика (декабрь 2020 г. к декабрю 2019 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Успешно	-3
Неуспешно	+4

Защита демократии и укрепление свобод граждан

Годовая динамика (декабрь 2020 г. к декабрю 2019 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Успешно	-2
Неуспешно	0

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Годовая динамика (декабрь 2020 г. к декабрю 2019 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Успешно	-1
Неуспешно	+2

Ощутимых изменений в структуре партийно-политических предпочтений жителей Вологодской области за период с октября по декабрь 2020 г. не произошло: уровень поддержки «Единой России» составляет 31%, КПРФ и ЛДПР – 7–9%, «Справедливой России» – 4–5%. При этом по-прежнему остается стабильно высокой доля жителей области, которые полагают, что на сегодняшний день ни одна из представленных в парламенте политических партий не выражает их интересы (34–35%).

Такая ситуация наблюдалась и год назад (в декабре 2019 г.), однако по сравнению с 2018 г. в 2020 г. заметно снизилась поддержка партии «Единая Россия» (на 6 п. п., с 38 до 32%), а также увеличилась доля людей, которых не устраивает ни одна из основных партий (на 5 п. п., с 29 до 34%).

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партии	Динамика среднегодовых данных										Динамика данных за последние 6 опросов						Изменение (+/-), дек. 2020 к дек. 2019
	2000	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2018	2019	2020	Окт. 2019	Дек. 2019	Фев. 2020	Авг. 2020	Окт. 2020	Дек. 2020	
Единая Россия	18,5	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	33,8	31,5	32,8	33,7	33,2	30,9	31,1	30,9	-3
КПРФ	11,5	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,8	8,4	9,1	9,2	8,9	8,6	8,8	7,3	-2
ЛДПР	4,8	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,1	9,5	8,3	9,4	9,9	9,3	9,4	9,5	0
Справедливая Россия	-	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	3,4	4,7	4,2	4,0	4,7	4,8	4,3	5,0	+1
Другая	0,9	1,8	1,9	-	2,1	0,3	-	0,7	0,3	0,5	0,1	0,1	0,6	0,4	0,3	0,7	+1
Никакая	29,6	17,8	29,4	-	31,3	29,4	-	28,5	33,7	34,2	34,3	34,3	34,0	33,6	33,8	35,3	+1
Затрудняюсь ответить	20,3	21,2	13,2	-	11,7	12,0	-	11,2	11,0	11,1	11,2	9,3	8,7	12,4	12,2	11,2	+2

В динамике оценок социального самочувствия населения за последние два месяца существенных изменений не наблюдается: доля жителей области, положительно характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние, составляет 60–61%, удельный вес тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть» – 70–71%.

Вместе с тем за период с декабря 2019 по декабрь 2020 г. отмечаются очевидные негативные изменения: доля тех, кто положительно характеризует свое настроение, уменьшилась на 10 п.п. (с 70 до 60%); удельный вес людей, которые «уже не могут терпеть свое бедственное положение», возрос на 4 п. п. (с 17 до 21%).

Следует также отметить, что в 2020 г. по сравнению с 2019 г. доля позитивных оценок социального настроения уменьшилась на 9 п. п. (с 70 до 61%), а удельный вес людей, обладающих высоким запасом терпения, снизился на 5 п. п. (с 77 до 72%).

Структура социальной самоидентификации по сравнению с октябрем 2020 г. и декабрем 2019 г. не изменилась: почти половина жителей области (48–49%) субъективно причисляют себя к категории «бедных и нищих»; около 40–41% – считают себя людьми «среднего достатка».

При этом за последние три года наблюдается достаточно устойчивая тенденция постепенного увеличения числа людей, субъективно относящих себя к низкодоходным категориям населения: в 2018 г. – 45%, в 2019 г. – 47%, в 2020 г. – 49% (в целом за 2018–2020 гг. – на 4 п. п., с 45 до 49%).

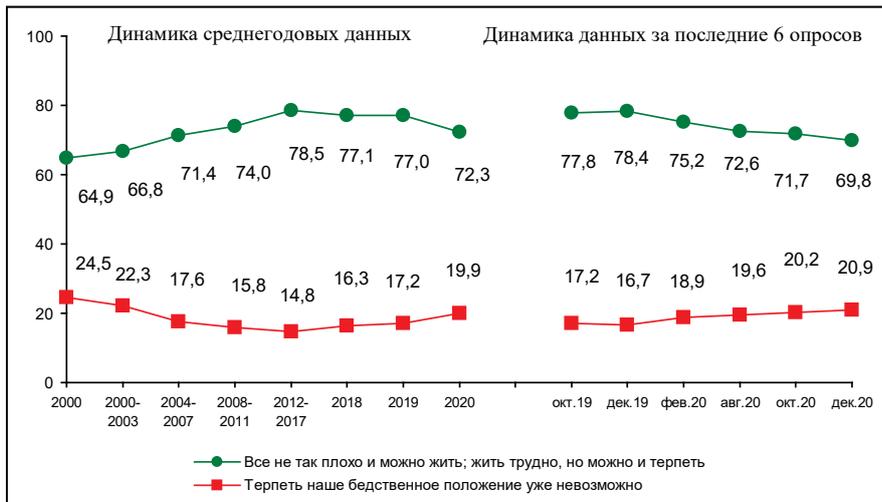
В динамике индекса потребительских настроений (ИПН), отражающего прогнозы населения относительно перспектив развития экономики и своего личного материального положения, отмечаются негативные тенденции как в месячной, так и в годовой ретроспективе: за последние два месяца ИПН снизился на 3 пункта (с 86 до 83%), по сравнению с декабрем 2019 г. – на 7 пунктов (с 90 до 83 п.); в 2020 г. по сравнению с 2019 г. – на 4 пункта (с 91 до 87 п.). При этом уже много лет (с 2007–2008 гг.) индекс потребительских настроений сохраняется на уровне ниже 100 пунктов, что означает преобладание негативных суждений в оценках населения.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Годовая динамика (декабрь 2020 г. к декабрю 2019 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Нормальное состояние, прекрасное настроение	-10
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	+7

Запас терпения

Годовая динамика (декабрь 2020 г. к декабрю 2019 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Все не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	-9
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	+4

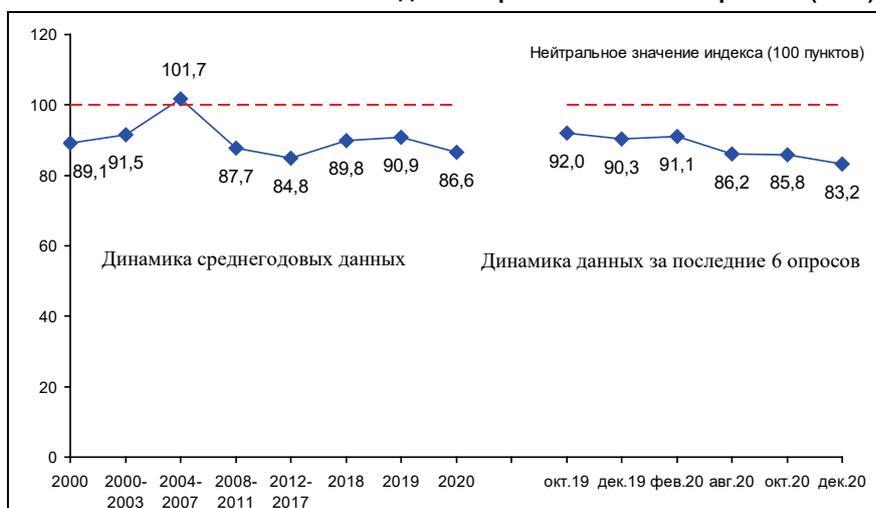
Социальная самоидентификация*

Годовая динамика (декабрь 2020 г. к декабрю 2019 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Доля считающих себя людьми среднего достатка	-2
Доля считающих себя бедными и нищими	+1

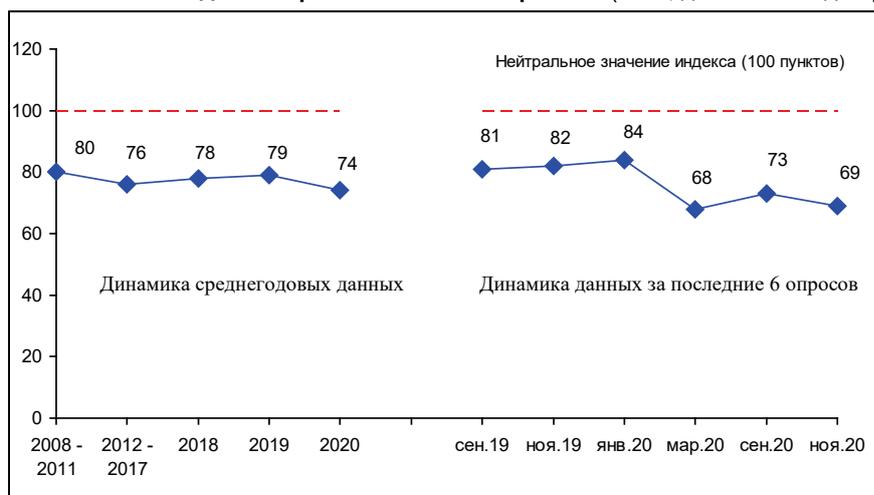
* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»

Индекс потребительских настроений (ИПН)

Годовая динамика (декабрь 2020 г. к декабрю 2019 г.)	
ИПН	Изменение (+ / -)
Значение индекса, в пунктах	-7

Индекс потребительских настроений (ИПН; данные Левада-Центра* по России)

Годовая динамика (ноябрь 2020 г. к ноябрю 2019 г.)	
ИПН	Изменение (+ / -)
Значение индекса, в пунктах	-13

* Индекс рассчитывается с 2008 г.

Источник: данные Левада-Центра. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

В 10 из 14 социально-демографических категорий населения за последние два месяца не произошло существенных изменений.

Доля положительных оценок социального настроения ощутимо уменьшилась в двух категориях населения: лица со средним и неполным средним образованием (на 4 п. п., с 57 до 53%) и люди, по самооценке доходов относящиеся к категории 20% наименее обеспеченных жителей области (на 7 п. п., с 46 до 39%).

Вместе с тем в октябре – декабре 2020 г. заметно улучшились оценки социального настроения людей с высшим и незаконченным высшим образованием (на 4 п. п., с 61 до 65%), а также тех, кто по самооценке доходов относится к группе 20% наиболее обеспеченных граждан (на 5 п. п., с 71 до 76%).

По сравнению с декабрем 2019 г. доля жителей области, позитивно характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние, уменьшилась во всех основных социально-демографических категориях (на 6–16 п. п.), особенно среди лиц в возрасте до 30 лет (на 16 п. п., с 81 до 65%).

Негативная динамика социального настроения отмечается и в годовой ретроспективе. Так, в 2020 г. по сравнению с 2019 г. доля положительных оценок уменьшилась во всех социально-демографических группах (на 6–13 п. п.), особенно среди лиц молодого возраста (на 13 п. п., с 81 до 68%).

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных							Динамика данных за последние 6 опросов						Изменение (+/-), дек. 2020 к дек. 2019
	2000	2007	2011	2012	2018	2019	2020	Окт. 2019	Дек. 2019	Фев. 2020	Авг. 2020	Окт. 2020	Дек. 2020	
Пол														
Мужской	50,1	65,9	64,5	69,1	72,8	70,1	60,8	69,2	69,0	67,0	55,6	60,7	60,0	-9
Женский	43,3	61,7	62,0	65,8	69,8	69,6	61,2	71,2	70,3	66,9	57,3	60,8	59,8	-11
Возраст														
До 30 лет	59,1	71,3	70,0	72,3	80,0	81,1	67,6	79,9	81,3	71,7	69,0	64,6	65,2	-16
30-55 лет	44,2	64,8	62,5	67,9	72,6	71,2	61,8	71,1	71,9	67,5	56,2	62,5	60,9	-11
Старше 55 лет	37,4	54,8	58,3	62,1	65,2	63,3	57,4	65,1	62,6	64,3	51,9	56,9	56,5	-6
Образование														
Среднее и н/среднее	41,7	58,4	57,4	57,2	64,8	63,2	56,1	63,4	64,0	63,1	51,7	56,9	52,6	-11
Среднее специальное	46,4	64,6	63,6	66,7	72,2	72,7	63,5	73,9	70,4	69,0	59,1	63,5	62,5	-8
Высшее и н/высшее	53,3	68,6	68,3	77,0	76,8	73,4	63,3	72,6	74,7	68,6	58,6	61,4	64,6	-10
Доходные группы														
20% наименее обеспеченных	28,4	51,6	45,3	51,5	57,3	53,2	43,4	54,1	50,2	48,4	40,4	46,0	38,9	-11
60% средне-обеспеченных	45,5	62,9	65,3	68,7	71,9	71,4	62,6	72,6	72,6	68,4	56,6	61,9	63,3	-9
20% наиболее обеспеченных	64,6	74,9	75,3	81,1	82,9	81,8	75,6	80,5	80,5	79,1	76,4	70,6	76,3	-4
Территории														
Вологда	49,2	63,1	67,1	73,6	71,0	68,6	60,9	70,8	68,6	66,9	57,0	61,0	58,7	-10
Череповец	50,8	68,1	71,2	76,2	75,8	71,2	60,4	72,0	69,9	67,3	54,4	59,3	60,7	-9
Районы	42,2	61,6	57,1	59,8	68,7	69,8	61,4	69,0	70,3	66,8	57,5	61,4	60,0	-10
Область	46,2	63,6	63,1	67,3	71,2	69,9	61,0	70,3	69,7	66,9	56,5	60,7	59,9	-10

РЕЗЮМЕ

Как показывают результаты очередной «волны» мониторинга общественного мнения, в динамике социальных настроений за период с октября по декабрь 2020 г. не произошло существенных изменений. Наиболее ошутимым итогом последних двух месяцев можно назвать снижение индекса потребительских настроений на 3 пункта (с 86 до 83 п.), что составило минимальное значение индекса за весь период измерений. Причем важно отметить, что тенденция ухудшения прогнозов населения о будущем экономики и своего личного материального положения не является уникальной для Вологодской области; аналогичную негативную динамику ИПН демонстрируют и результаты общероссийских социологических опросов, проводимых Левада-Центром (в сентябре – ноябре 2020 г. ИПН в целом по стране снизился на 4 пункта, с 73 до 69 п.).

Однако в первую очередь вызывает опасения негативная динамика оценок общественного мнения в более длительной (годовой и краткосрочной) ретроспективе. Здесь, прежде всего, следует отметить:

- ✓ уменьшение доли положительных оценок деятельности главы государства (на 14 п. п.; с 66% в 2018 г. до 52% в 2020 г.);
- ✓ снижение поддержки «Единой России» (на 6 п. п., с 38 до 32%);
- ✓ рост удельного веса людей, считающих, что ни одна из представленных сегодня в парламенте партий не отвечает их интересам (на 5 п. п.; с 29 до 35%);

- ✓ уменьшение доли людей, положительно характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние (на 9 п. п.; с 70 до 61%);
- ✓ падение и без того низких значений индекса потребительских настроений (на 4 пункта; с 91 до 87 п.).

Конечно, анализируя столь очевидные негативные изменения в динамике общественного мнения, нельзя обойти вниманием последствия пандемии коронавирусной инфекции и вызванных ею массовых карантинных ограничений, которые существенно повлияли на повседневный образ жизни практически каждого человека. Однако они не являются единственной причиной ухудшающихся оценок общественных настроений, хотя бы потому, что по многим ключевым показателям мониторинга негативная динамика наблюдалась и в 2019 г., когда ни о какой пандемии не было и речи. Это, в частности, касается таких показателей, как:

- ✓ уровень одобрения деятельности Президента (доля положительных суждений в 2019 г. по сравнению с 2018 г. уменьшилась на 10 п. п. (с 66 до 56%), причем аналогичные негативные тренды отмечались и по результатам общероссийских исследований ВЦИОМ и Левада-Центра);
- ✓ оценка успешности решения главой государства ключевых проблем страны (по всем основным проблемам удельный вес позитивных оценок снизился на 3–7 п. п.);
- ✓ социальная самоидентификация (рост доли людей, субъективно причисляющих себя к категории «бедных и нищих», на 2 п. п., с 45 до 47%).

Пандемия, таким образом, лишь форсировала некоторые негативные процессы в динамике общественного мнения; причем в первую очередь это касается оценки деятельности власти как квинт-эссенции или «лакмусовой бумажки» общей ситуации в стране, состояния экономики, перспектив личного будущего.

В такой ситуации, безусловно, важным представляется, как в дальнейшем будет развиваться эпидемиологическая ситуация в стране и мире, какие меры социальной и экономической поддержки будут предприняты органами власти для поддержания уровня и качества жизни широких слоев населения. Однако не следует забывать о том, что сегодняшнее настроение российского социума во многом зависит от реализации уже многолетних ожиданий, вызванных многообещающими целями и задачами национального развития, озвученными Президентом РФ в посланиях Федеральному Собранию, в ходе последней пресс-конференции (17 декабря 2020 г.), а также зафиксированными в национальных проектах и непосредственных указах главы государства⁴.

В долгосрочной перспективе именно от реализации этих ожиданий общества (двукратное снижение уровня бедности, обеспечение темпа устойчивого роста доходов населения и уровня пенсионного обеспечения не ниже инфляции, улучшение жилищных условий и качества городской среды и т. д.) будет зависеть характер социальных настроений и общий уровень социальной напряженности в стране.

Материалы подготовили: М.В. Морев, А.Н. Гордиевская, Е.Э. Леонидова

⁴ См., например:

О мероприятиях по реализации государственной социальной политики: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 597 // Официальный сайт Президента. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35261>;

О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>;

О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726>

Список статей, опубликованных в 2020 году

	№	Стр.
К 30-летию Вологодского научного центра РАН		
Ускова Т.В. Проблемы устойчивого развития и стратегического планирования в исследованиях ВолНЦ РАН	6	9-23
Шабунова А.А., Кожевников С.А. Эффективность государственного управления в исследованиях сотрудников ВолНЦ РАН	5	9-21
Эффективность государственного управления От главного редактора		
Ильин В.А., Морев М.В. В России буксует «решительный прорыв», объявленный В. Путиным в 2018 году	5	22-54
Ильин В.А., Морев М.В. Ещё один шаг к «долгому государству» В. Путина	1	9–33
Ильин В.А., Морев М.В. Кредит доверия Президенту подтвержден. Достижение целей социально-экономического развития до 2024–2030 гг. в тумане	4	9-37
Ильин В.А., Морев М.В. Российская государственность в условиях угрозы «истления элит»	6	24-53
Ильин В.А. С благодарностью вспоминая академика Д.С. Львова	3	9-16
Ильин В.А., Морев М.В. Эффективность «ручного» управления государством. Проверка на прочность – 2020	2	9-24
Стратегия социально-экономического развития		
Лаврикова Ю.Г., Андреева Е.Л., Ратнер А.В. Влияние внешнеэкономической деятельности на региональное развитие: компаративный анализ российского и зарубежного опыта	6	54-67
Сухарев О.С., Ворончихина Е.Н. Структурная динамика экономики: влияние инвестиций в старые и новые технологии	4	74-90
Промышленная политика		
Романова О.А., Пономарева А.О. Промышленная политика: новые реалии, проблемы формирования и реализации	2	25-40
Региональная экономика		
Базуева Е.В., Радионова М.В. Эконометрическая оценка влияния социальных индикаторов на динамику регионального экономического роста (на примере субъектов Приволжского федерального округа)	2	56-70
Борщевский Г.А. Управленческие инструменты социально-экономического развития региона	5	74-89
Груздева М.А. Включенность населения в цифровое пространство: глобальные тренды и неравенство российских регионов	5	90-104
Губанова Е.С., Москвина О.С. Методологические аспекты оценки инвестиционно-инновационного потенциала региона	2	41-55
Емельянова Е.Е., Чапаргина А.Н. Оценка развития регионального рынка жилья в северных и арктических субъектах РФ	5	105-120
Иванова М.В., Якушева У.Е. Формирование механизма взаимодействия социально ответственного бизнеса и региональных органов власти в Арктической зоне РФ	1	56-69
Изотов Д.А. Эффекты торговой интеграции стран АТР в условиях процессов глобализации и регионализации	4	91-107
Леонидова Е.Г. Стимулирование конечного потребления в контексте снижения регионального неравенства	3	59-73
Леонов С.Н. Преференциальные режимы созданных локальных точек роста и их влияние на экономику Дальнего Востока	3	28-45
Мазилев Е.А., Давыдова А.А. Научно-технологическое развитие России: оценка состояния и проблемы финансирования	5	55-73
Наумов И.В. Роль финансовых ресурсов банковского сектора экономики в социально-экономическом развитии регионов России	6	152-168

Растворцева С.Н., Снитко Л.Т. Региональная специализация и агломерационные эффекты в экономике России	3	46-58
Румянцев Н.М., Леонидова Е.Г. Проблемы ассиметрии структурных сдвигов в региональной экономике	6	169-183
Терентьева М.А. Роль малого предпринимательства в обеспечении занятости на Российском Севере	4	108-124
Отраслевая экономика		
Потапов А.П. Моделирование влияния ресурсных факторов на выпуск продукции аграрного производства	4	154-168
Промышленная политика		
Усков В.С. Проблемы формирования государственной промышленной политики в условиях цифровизации экономики	6	134-151
Моделирование и прогнозирование социально-экономических процессов		
Гайнанов Д.А., Закиева Е.Ш. Оценка качества жизни населения на основе применения интеллектуальных алгоритмов и динамического моделирования	5	121-134
Дианов С.В., Антонов М.Б., Ригин В.А. Модели формирования институциональной среды лесопользования на уровне региона Российской Федерации	2	106-124
Кетова К.В., Вавилова Д.Д. Оценка тенденций изменения человеческого капитала социально-экономической системы на основе применения алгоритма нейросетевого прогнозирования	6	117-133
Лукин Е.В., Аносова Т.С., Мельников А.Е., Сидоров М.А. Опыт агент-ориентированного моделирования межрегиональных цепочек создания стоимости	6	101-116
Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д., Агеева А.Ф. Моделирование эпидемии COVID19 – преимущества агент-ориентированного подхода	4	58-73
Новикова Т.С., Цыплаков А.А. Социальная политика в многоотраслевой агент-ориентированной модели	3	129-142
Общественные финансы		
Александрова О.А., Аликперова Н.В., Виноградова К.В., Ненахова Ю.С. Концептуальные подходы к формированию предпосылок для эффективного финансового просвещения населения России	4	169-185
Белехова Г.В. Регулирование финансового поведения населения современной России: формирование нормативной среды и воспитание человека	3	111-128
Исаев А.Г. Анализ эффектов распределения федеральных бюджетных трансфертов для регионов Дальнего Востока	6	84-100
Коломак Е.А., Сумская Т.В. Оценка роли федеральных трансфертов в субнациональной бюджетной системе Российской Федерации	2	89-105
Печенская-Полищук М.А. Инструменты и принципы перераспределения бюджетных ресурсов в регионе	2	71-88
Пугачев А.А. Налоговый разрыв на региональном уровне и оценка факторов, его определяющих	3	93-110
Социальное развитие		
Архангельский В.Н., Калачикова О.Н. Возраст матери при рождении первого ребенка: динамика, региональные различия, детерминация	5	200-217
Беляева Л.А. Поколение Y в России: социальная стратификация, положение на рынке труда и проблемы политической социализации	4	220-237
Гужавина Т.А. Коллективные действия и социальный капитал: импликация концепций	1	191-203
Зубок Ю.А., Чупров В.И. Жизнедеятельность молодежи в изменяющейся реальности: противоречия саморегуляции	6	215-231
Каргалолова Е.В., Каргалолов С.В., Давыдова Ю.А., Дулина Н.В. Информационные компетенции молодежи в условиях цифровизации общества	3	193-210
Козлова О.А., Секички-Павленко О.О. Модели рождаемости и репродуктивного поведения женского населения России: современные тенденции	5	218-231
Кремин А.Е., Россосанский А.И. Малое предпринимательство и уровень жизни населения: взаимовлияние и проблемы управления	2	214-229

Леонидова Г.В., Валиахметов Р.М., Баймурзина Г.Р., Бабиц Л.В. Проблемы и перспективы дистанционного обучения в оценках учителей и родителей обучающихся	4	202-219
Малахов В.А., Васильева И.Н., Белов Ф.Д. Структура международной миграции ученых на примере России	5	232-246
Мироненков А.А. Иерархическая Парето-классификация регионов России по показателям качества жизни населения	2	171-185
Ромашкина Г.Ф., Худякова М.В. Социологический анализ факторов и ресурсов человеческого капитала	6	232-251
Сукнёва С.А., Барашкова А.С., Постникова К.Ю. Рождаемость, детность и доходы семей: тенденции и взаимосвязи	2	201-213
Устинова К.А., Гордиевская А.Н. Влияние состояния здоровья на социальную активность населения старших возрастов	3	175-192
Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Смирнов А.В. Население Мировой Арктики: российский и зарубежный подходы к изучению демографических проблем и заселению территорий	3	158-174
Чистова Е.В., Тырсин А.Н. Выявление взаимосвязи между здоровьем и занятостью женщин пенсионного возраста	1	204-216
Шафранов-Куцев Г.Ф., Ефимова Г.З. Морально-нравственный аспект субъективной конкурентоспособности молодежи	2	186-200
Ярашева А.В., Александрова О.А., Медведева Е.И., Аликперова Н.В., Крошилин С.В. Проблемы и перспективы кадрового обеспечения московского здравоохранения	1	174-190
Вопросы теории		
Барсуков В.Н., Калачикова О.Н. Эволюция демографического и социального конструирования возраста «старости»	1	34-55
Гринберг Р.С., Комолов О.О. Импорт институтов: теоретический аспект и практический опыт	3	17-27
Доброхлеб В.Г., Яковец Т.Ю. Тенденции и перспективы социодемографической динамики России: философско-хозяйственный подход	2	157-170
Шабунува А.А., Ростовская Т.К. О необходимости разработки модели оптимальных условий для формирования и реализации демографических установок	4	38-57
Шаклеина М.В., Волкова М.И., Шаклеин К.И., Якиро С.Р. Теоретические и методологические проблемы измерения социальной комфортности: результаты эмпирического анализа на российских данных	5	135-152
Проблемы развития муниципальных образований		
Баймурзина Г.Р., Кабашова Е.В. Особенности социального и экономического развития современных моногородов Республики Башкортостан	1	106-124
Бухвальд Е.М. Новые основы государственной политики в сфере развития местного самоуправления в России	4	125-135
Дворядкина Е.Б., Белоусова Е.А. Тенденции развития муниципальных районов в национальном экономическом пространстве	1	87-105
Экономика труда		
Баранов С.В., Скуфьина Т.П., Гущина И.А. Влияние повышения пенсионного возраста на экономику и настроения населения Мурманской области	1	160-173
Блинова Т.В., Русановский В.А., Марков В.А. Оценка реакции циклической безработицы на экономический спад и восстановительный рост в России	6	143-156
Бобков В.Н., Одиноцова Е.В. Низкий уровень и качество жизни экономически активного населения: критерии идентификации и оценка распространенности	5	168-181
Попова Л.А., Зорина Е.Н. Проблемы реализации активного долголетия в трудовой сфере (на примере Республики Коми)	2	143-156
Эскиндаров М.А., Грузина Ю.М., Фирсова И.А., Мельничук М.В. Компетенции человеческого капитала в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики	6	199-214
Экономика природопользования		
Дружинин П.В., Шкиперова Г.Т., Поташева О.В., Зимин Д.А. Оценка влияния развития экономики на загрязнение воздушной среды	2	125-142

Лаженцев В.Н., Чужмарова С.И., Чужмаров А.И. Налоговое администрирование в системе лесопользования и его влияние на бюджеты северных территорий	1	125-143
Потравный И.М., Яшалова Н.Н., Бороухин Д.С., Толстоухова М.П. Использование возобновляемых источников энергии в Арктике: роль государственно-частного партнерства	1	144-159
Проблемы управления в территориальных системах		
Шулепов Е.Б., Задумкин К.А., Щербакова А.А. О подходах к построению новой системы государственного управления развитием сельских территорий Российской Федерации	4	136-153
Якушев Н.О. Совершенствование инструментов оценки и управления экспортной деятельностью МСП в регионе	3	143-157
Инновационное развитие		
Мирау Ю.Н., Соловьева Т.С., Попов А.В. Развитие социальных инноваций в России сквозь призму деятельности и взаимодействия органов власти, бизнес-структур и гражданского общества	5	153-167
Усков В.С. Научно-технологическое развитие российской экономики в условиях перехода к новому технологическому укладу	1	70-86
Пространственные аспекты территориального развития		
Кожевников С.А. Интеграция экономического пространства северного региона: особенности и проблемы обеспечения	6	68-83
Экономика и социология общественного здоровья и здравоохранения		
Маркин В.В., Силин А.Н., Вершинин И.С. Здоровье людей в Арктике: социально-пространственный дискурс (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа)	5	182-199
Зарубежный опыт		
Айгюн А., Байджан Т. Оценка рисков, связанных с изменением климата, для городского сектора в Стамбуле	3	211-227
Гундуз М. Связь между безработицей и промышленным производством: подход Фурье со структурными сдвигами	3	228-240
Каро-Гонсалес А., Анабо И.Ф. За пределами преподавания и исследований: взгляд на меняющиеся роли высшего образования изнутри	6	252-266
Каро-Гонсалес А., Феррейра-Лопес Л. Университеты в переходный период: модель «6i» для стратегического управления	1	217-230
Кестхели К. Особенности государственного регулирования (институциональная основа) развития сельского хозяйства и сельских территорий Венгрии	1	231-251
Кроцил О., Поспишил Р., Кошина Д. Осведомленность о социальном предпринимательстве и отношении к нему среди студентов вузов и лиц с ограниченными возможностями на примере Чешской Республики	5	247-263
История экономической и социологической мысли		
Безнин М.А., Димони Т.М. Коллективная капиталистическая собственность в институциональном устройстве России 1930–1980х гг.	4	186-201
Научная жизнь		
Гужавина Т.А. Российский человек в глубинке или социология в регионе	4	238-241
Научные обзоры		
Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Современные формы активизации экономического роста в регионах	3	74-92
Мониторинг общественного мнения		
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	1	252–257
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	2	230-238
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	4	242-250
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	5	264-274
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	6	266-277

ПРАВИЛА
приёма статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).

2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.

3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.

4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (common@vscs.ac.ru).

Требования к оформлению текста статьи

1. Поля.

Правое – 1 см, остальные – по 2 см.

2. Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. Нумерация.

Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. Оформление 1 страницы статьи.

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации.

Объём текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

Примеры хороших аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте:

<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nr1>.

7. Требования к ключевым словам.

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц.

В названии таблицы слово «Таблица» и её номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

1) в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок.

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы.

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится пронумерованный список библиографических источников.

Список литературы составляется в том же порядке, в котором источники упоминались в тексте статьи, а не по алфавиту (используется ванкуверский стиль оформления).

Если статья имеет doi, его указание в выходных данных является обязательным.

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹ (приложение 5).

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10 % от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____, (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ВолНЦ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);

2) на сайте <http://www.akc.ru>;

3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 28.12.2020.
Дата выхода в свет 30.12.2020.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 33,7. Тираж 500 экз. Заказ № 211.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru